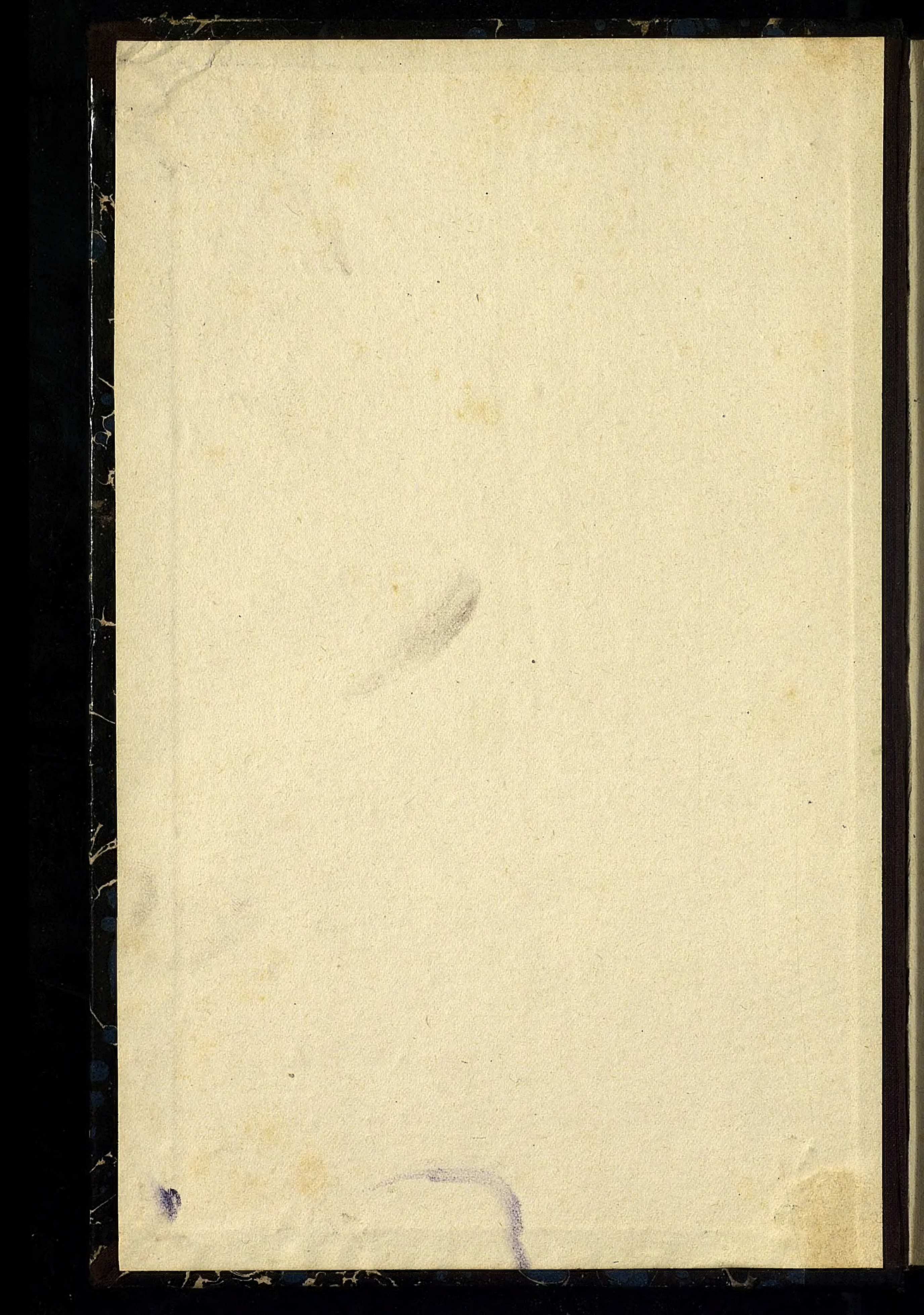
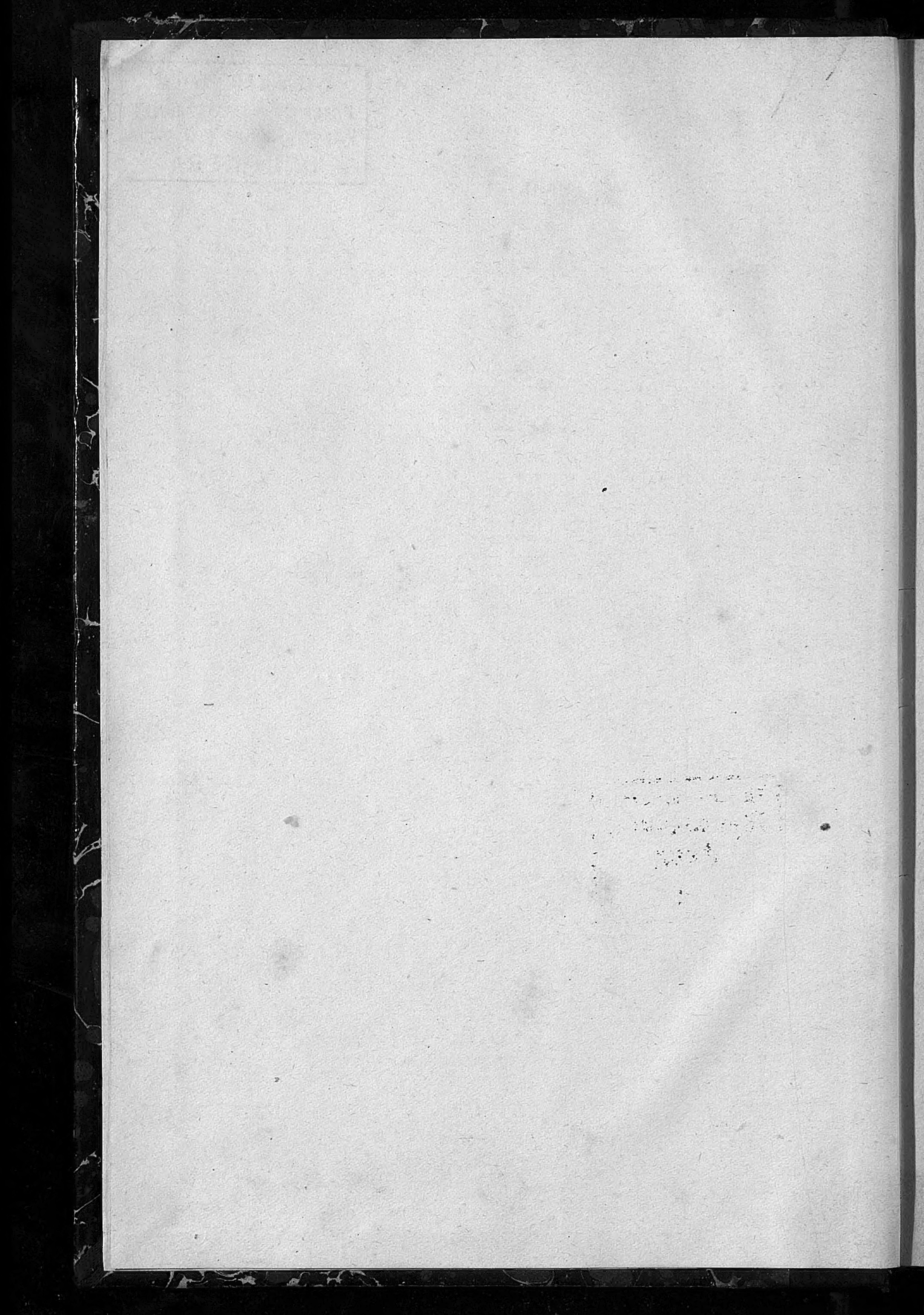

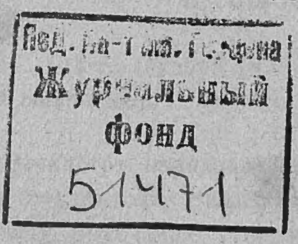
ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCCXXXV.

1901.

ІЮНЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія „В. С. Балашевъ и К°". Наб. Фонтанки, 95.
1901.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ,

данный Правительствующему Сенату.

16-го апрѣля 1901 года. „Предсѣдателю попечительнаго комитета и директору Императорскаго клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны, тайному совѣтнику *Склифосовскому* — Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія“.

II. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

7. (23-го декабря 1899 года). *Объ установленіи форменной одежды для студентовъ Рижскаго Политехническаго института.*

Министръ народнаго просвѣщенія полагалъ необходимымъ ввести для студентовъ Рижскаго политехническаго института форменную одежду Высочайше утвержденнаго 18-го сентября 1897 года образца, съ измѣненіемъ сообразно иниціаламъ сего института наплечниковъ и знака на околышѣ фуражки. Но при этомъ онъ, министръ, находилъ бы возможнымъ временно разрѣшить студентамъ политехникума, принадлежащимъ къ корпораціямъ, носить свои отличія, поставивъ непремѣннымъ условіемъ неношеніе ими въ этомъ случаѣ форменной одежды.

Государь Императоръ, въ 23 день декабря 1899 года, на сіе Высочайше соизволилъ, удостоивъ вмѣстѣ съ тѣмъ утвержденія ри-

сунки знака на околышѣ фуражки и наплечниковъ на форменной одеждѣ для студентовъ названнаго института.

(*Собр. узак. и расп. Правит.*, 11-го мая 1901 г., № 45, къ ст. 863).

8. (28-го января 1901 года). *Объ изданіи новыхъ правилъ о народныхъ чтеніяхъ.*

Комитетъ министровъ, выслушавъ дѣло объ изданіи новыхъ правилъ о народныхъ чтеніяхъ и признавая, что всѣ предположенія по настоящему дѣлу не касаются: а) вѣдомства православнаго исповѣданія, отъ котораго зависѣть будетъ, въ развитіе преподанныхъ Святѣйшимъ Синодомъ указаній, установить подробный къ руководству подвѣдомственныхъ лицъ порядокъ производства чтеній; б) постоянной комиссіи народныхъ чтеній, дѣйствующей на основаніи спеціальныхъ правилъ, и в) чтеній, устраиваемыхъ военнымъ вѣдомствомъ для воинскихъ частей въ помѣщеніяхъ оныхъ,—полагалъ:

I. Установить въ отношеніи народныхъ чтеній, учреждаемыхъ отдѣльными лицами, обществами и общественными учрежденіями, нижеслѣдующій порядокъ:

1) Народныя чтенія, устраиваемыя отдѣльными лицами, обществами и общественными учрежденіями, въ томъ числѣ и чтенія, устраиваемыя фабриками и заводами для своихъ рабочихъ, являясь однимъ изъ средствъ начальнаго народнаго образованія, подлежатъ общему руководству министерства народнаго просвѣщенія.

2) Чтенія для народа производятся по печатнымъ сочиненіямъ, одобреннымъ для того министерствомъ народнаго просвѣщенія, и по изданіямъ постоянной комиссіи народныхъ чтеній, и могутъ состоять въ изустной передачѣ предположеннаго къ прочтенію сочиненія, не выходя изъ предѣловъ содержанія онаго. Въ особыхъ случаяхъ чтенія на таковыхъ же основаніяхъ могутъ производиться по сочиненіямъ печатнымъ, не вошедшимъ въ утвержденные каталоги, а также рукописнымъ, но не иначе, какъ съ одобренія директоромъ народныхъ училищъ каждаго въ отдѣльности изъ таковыхъ, предположенныхъ къ прочтенію, произведеній.

3) Устройство народныхъ чтеній разрѣшается директоромъ народныхъ училищъ. Въ ходатайствахъ объ устройствѣ чтеній должны быть указываемы время и мѣсто предполагаемыхъ чтеній и личный составъ чтецовъ, причемъ народныя чтенія производятся только лицами, къ принятію коими на себя обязанности чтеца не встрѣчается

со стороны губернатора препятствій. Указанія губернатора на несоотвѣтствіе предположенныхъ для производства чтеній времени и мѣста имѣютъ точно также рѣшающее значеніе.

4) Надзоръ за соблюденіемъ порядка на чтеніяхъ устанавливается распоряженіемъ губернатора.

5) Губернатору предоставляется, въ случаяхъ встрѣтившейся необходимости, устранять получившихъ разрѣшеніе лицъ отъ дальнѣйшаго чтенія, а равно и прекращать самыя чтенія.

II. Испросить Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на предоставленіе: министру народнаго просвѣщенія и министру внутреннихъ дѣлъ, по взаимному ихъ соглашенію въ отношеніи подчиненныхъ имъ вѣдомствъ, а также всѣмъ министрамъ и начальникамъ главныхъ управленій, въ вѣдѣніи коихъ находятся учебныя или образовательнаго характера заведенія, по соглашенію съ министрами внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, утвердить и преподать къ руководству подчиненнымъ каждому изъ такихъ вѣдомствъ мѣстамъ и лицамъ правила объ учрежденіи народныхъ чтеній при сихъ заведеніяхъ, въ помѣщеніяхъ оныхъ или внѣ таковыхъ, при посредствѣ состоящаго въ распоряженіи вѣдомствъ педагогическаго и учебно-административнаго персонала или занимающихся спеціальными отраслями знаній лицъ; и

III. Предоставить по принадлежности: а) министру финансовъ, по соглашенію съ министрами внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, утвердить правила о народныхъ чтеніяхъ, устраиваемыхъ попечительствами о народной трезвости на основаніяхъ, указанныхъ въ сужденіяхъ комитета по настоящему дѣлу, и б) министру внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ министромъ народнаго просвѣщенія, утвердить правила о спеціальныхъ народныхъ чтеніяхъ по медицинѣ и гигіенѣ.

Государь Императоръ, въ 28 день января 1901 года, на положеніе комитета Высочайше соизволилъ.

(*Собр. узакон. и расп. Правит.*, 17-го апрѣля 1901 г., № 36, ст. 714).

9. (12-го марта 1901 года). *О преобразованіи женскаго училища графа Д. Н. Блудова въ гор. Острогѣ, Волынской губерніи.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о преобразованіи женскаго

училища графа Д. Н. Блудова въ гор. Острогѣ, Волынской губерніи, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ промышленности, наукъ и торговли и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія о преобразованіи женскаго училища графа Д. Н. Блудова въ гор. Острогѣ, Волынской губерніи, *мнѣніемъ положилъ*:

I. Взамѣнъ ст. 2764—2795 свода уставовъ ученыхъ учрежденій и учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія (изд. 1893 г.) постановить:

1) Женское училище графа Дмитрія Николаевича Блудова въ гор. Острогѣ, Волынской губерніи, учрежденное, по мысли и завѣщанію бывшаго предсѣдателя государственнаго совѣта графа Блудова, дочерью его графинею Антониною Дмитріевною Блудовою, при содѣйствіи Св. Кирилло-Меѳодіевскаго братства, имѣетъ цѣлью распространеніе и поддержаніе истинно русскаго образованія на Волыни среди мѣстнаго православнаго населенія, преимущественно недостаточнаго состоянія.

2) Училище сохраняетъ на вѣчныя времена, какъ соотвѣтствующія его цѣли, условія, изложенныя въ ст. 9, 10, 12, 13, 22 и 23, и наименованіе: „Женское училище графа Дмитрія Николаевича Блудова".

3) По воспитательной части училищное управленіе обязывается слѣдовать особой инструкціи, составленной учредительницею училища, графинею Антониною Дмитріевною Блудовою, и утвержденной министромъ народнаго просвѣщенія. Инструкція эта не можетъ подвергаться измѣненіямъ въ существенныхъ своихъ основахъ.

4) Училище есть закрытое учебно-воспитательное заведеніе, съ допущеніемъ, однако, и приходящихъ ученицъ.

5) Училище состоитъ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія и подчиняется попечителю Кіевскаго учебнаго округа.

6) Средства училища составляютъ: 1) ежегодныя ассигнованія изъ государственнаго казначейства согласно штату училища и изданнымъ въ его дополненіе узаконеніямъ; 2) отчисленія изъ процентовъ отъ особаго капитала на содержаніе стипендіатовъ въ Бозѣ почившаго Цесаревича Николая Александровича; 3) доходы съ оброчныхъ ста-

тей, всемилостивѣйше пожалованныхъ Св. Кирилло-Меѳодіевскому братству; 4) проценты съ капитала, принадлежащаго училищу, и 5) плата за содержаніе и ученіе воспитанницъ.

7) Курсъ ученія въ училищѣ продолжается семь лѣтъ и раздѣляется на семь классовъ.

8) При училищѣ состоитъ приготовительный классъ. При немъ, равнымъ образомъ, можетъ быть открытъ восьмой педагогическій классъ.

9) Въ семи классахъ училища преподаются: 1) законъ Божій; 2) церковно-славянскій языкъ; 3) русскій языкъ; 4) словесность; 5) краткая исторія русской литературы, а также очерки изъ иностранныхъ литературъ; 6) исторія русская и всеобщая; 7) географія, 8) понятія о главнѣйшихъ физическихъ явленіяхъ; 9) педагогика; 10) французскій языкъ; 11) чистописаніе, и 12) рукодѣлія, музыка и пѣніе (преимущественно церковное).

10) Независимо отъ изученія соотвѣтственныхъ предметовъ (ст. 9), ученицы старшаго класса упражняются въ практикѣ преподаванія въ приготовительномъ при училищѣ классѣ.

11) Въ приготовительномъ классѣ, кромѣ подлежащихъ предметовъ, воспитанницы обучаются языкамъ церковно-славянскому и французскому и ознакомляются съ дѣятельностью Св. Кирилла и Меѳодія. Воспитанницы приготовительнаго класса ежедневно читаютъ Святое Евангеліе на церковно-славянскомъ языкѣ, съ объясненіемъ непонятныхъ словъ и толкованіемъ смысла читаемаго.

12) Въ училище принимаются дѣвицы исключительно православнаго исповѣданія, безъ различія происхожденія, сословія и званія ихъ родителей, въ возрастѣ отъ девяти до тринадцати лѣтъ. Со втораго класса принимаются дѣвицы и старшаго возраста. Попечительному совѣту (ст. 17) предоставляется допускать, въ уважительныхъ случаяхъ, отступленія относительно возраста поступающихъ въ училище.

13) Воспитанницы, окончившія полный семилѣтній курсъ училища, получаютъ званіе домашней учительницы. Воспитанницы, окончившія курсъ четырехъ классовъ, получаютъ званіе начальной учительницы, если, по достиженіи шестнадцатилѣтняго возраста, будутъ успѣшно исполнять въ теченіе полугода обязанности помощницы учителя или учительницы при какомъ либо начальномъ училищѣ. Воспитанницы, окончившія курсъ восьмаго педагогическаго класса, получаютъ званіе домашней наставницы.

14) Попечительный совѣтъ (ст. 17), по соглашенію со Св. Кирилло-Меѳодіевскимъ братствомъ, обязывается, по мѣрѣ возможности, слѣ-

дить за положеніемъ бывшихъ воспитанницъ училища, оставшихся сиротами и не имѣющихъ обезпеченныхъ средствъ существованія, въ особенности же тѣхъ изъ нихъ, которыя находятся на мѣстахъ, какъ приходящія. Бывшія воспитанницы могутъ пользоваться временнымъ пріютомъ въ училищѣ, при условіи возмѣщенія послѣднему соединенныхъ съ этимъ расходовъ Св. Кирилло-Меѳодіевскимъ братствомъ.

15) Во главѣ училища стоитъ попечительница. Завѣдываніе учебною и хозяйственною частями въ училищѣ лежитъ на попечительномъ совѣтѣ и хозяйственномъ управленіи, по принадлежности. Непосредственное управленіе училищемъ ввѣряется начальницѣ.

16) Попечительный совѣтъ состоитъ, подъ предсѣдательствомъ директора Острожской гимназіи, изъ начальницы училища, преподавателей, преподавательницъ и двухъ членовъ отъ Св. Кирилло-Меѳодіевскаго братства, по выбору братства.

17) Попечительный совѣтъ вѣдаетъ всѣ важнѣйшіе вопросы по учебной и воспитательной частямъ училища; представляетъ попечительницѣ лицъ, могущихъ занять должности преподавателей, преподавательницъ и надзирательницъ; имѣетъ общій надзоръ за его благоустройствомъ; утверждаетъ ежегодные смѣту и отчетъ и наблюдаетъ за оброчными статьями, доходъ съ которыхъ поступаетъ на содержаніе училища.

18) Дѣла въ попечительномъ совѣтѣ рѣшаются по большинству голосовъ. Въ случаѣ несогласія съ большинствомъ членовъ совѣта, предсѣдатель имѣетъ право представить дѣло, чрезъ попечительницу училища, на разрѣшеніе попечителя учебнаго округа.

19) Хозяйственное управленіе состоитъ, подъ предсѣдательствомъ начальницы училища, изъ распорядительницы по хозяйству (экономки) и трехъ членовъ отъ Св. Кирилло-Меѳодіевскаго братства, по выбору братства. Двое изъ нихъ могутъ въ то же время состоять членами въ попечительномъ совѣтѣ (ст. 16).

20) Законоучитель, учители наукъ, врачъ и письмоводитель пользуются служебными и пенсіонными правами, предоставленными соотвѣтствующимъ должностнымъ лицамъ Острожской мужской гимназіи (п. 24 ст. 384 уст. служб. прав. и ст. 398 уст. пенс., изд. 1896 г.). Служащія въ училищѣ лица женскаго пола пользуются пенсіонными правами, указанными въ ст. 398 устава о пенсіяхъ (изд. 1896 года).

21) Хозяйственное управленіе завѣдуетъ хозяйствомъ училища, ведетъ расходы согласно утвержденной смѣтѣ и представляетъ на утвержденіе попечительнаго совѣта ежегодные смѣту и отчетъ.

22) Попечительницѣ училища принадлежатъ слѣдующія права: 1) имѣть ближайшій контроль за всѣми частями управленія училищемъ, 2) слѣдить за правильнымъ поступленіемъ и употребленіемъ жертвуемыхъ въ пользу училища суммъ, примѣнительно къ правамъ почетныхъ попечителей мужскихъ гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія (ст. 1544 и 1545 уст. уч. завед., изд. 1893 г.); 3) предсѣдательствовать, во время пребыванія своего въ гор. Острогѣ, въ засѣданіяхъ попечительнаго совѣта и хозяйственнаго управленія; 4) избирать и представлять къ утвержденію установленнымъ порядкомъ въ должности начальницу, преподавателей, преподавательницъ и надзирательницъ училища, а также представлять означенныхъ лицъ къ увольненію отъ занимаемыхъ ими должностей; 5) избирать изъ имѣющихся кандидатокъ въ пансіонерки училища; 6) въ случаѣ замѣченныхъ съ чьей либо стороны упущеній либо уклоненій отъ установленныхъ правилъ, пріостановлять такія неправильныя дѣйствія, доводя о нихъ до свѣдѣнія попечителя учебнаго округа, и 7) представлять попечителю учебнаго округа служащихъ въ училищѣ къ наградамъ.

23) За смертью учредительницы графини Антонины Дмитріевны Блудовой, попечительница избирается пожизненно изъ лицъ женскаго пола, принадлежащихъ къ фамиліямъ графовъ Блудовыхъ и родственниковъ ихъ Шевичей, Поликарповыхъ и графовъ Шереметевыхъ. Въ выборѣ участвуютъ всѣ совершеннолѣтніе члены мужскаго и женскаго пола означенныхъ фамилій. Выборъ рѣшается по большинству голосовъ; при равенствѣ ихъ, выбранною считается старшая по лѣтамъ. Актъ о состоявшемся выборѣ представляется министру народнаго просвѣщенія.

24) Если къ концу года отъ расходуемыхъ на содержаніе училища суммъ окажутся остатки, то они распредѣляются между казною и училищемъ пропорціонально средствамъ, получаемымъ училищемъ изъ казны и другихъ источниковъ (ст. 6). Часть, причитающаяся казнѣ, обращается въ рессурсы государственнаго казначейства, а остальная часть расходуется на удовлетвореніе нуждъ училища и преимущественно на потребности, предусмотрѣнныя штатомъ.

25) Въ случаяхъ, не предусмотрѣнныхъ настоящими правилами, училище руководствуется постановленіями о женскихъ гимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

II. Отпустить въ 1901 году изъ государственнаго казначейства на обзаведеніе вновь открываемыхъ классовъ женскаго училища графа

Дмитрія Николаевича Блудова въ гор. Острогѣ, Волынской губерніи, *двѣ тысячи* рублей.

III. Въ дополненіе къ отпускаемымъ изъ казны на содержаніе означеннаго (отд. II) училища средствамъ ассигновать изъ государственнаго казначейства: въ 1901 году — *одну тысячу* рублей, а съ 1902 года—по *двѣ тысячи* руб. ежегодно.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

(Тамъ же, ст. 713).

III. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(30-го марта 1901 года, № 20). *Назначаются*: экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, докторъ астрономіи *Красновъ*—ординарнымъ профессоромъ того же университета, по каѳедрѣ астрономіи и геодезіи; инспекторы народныхъ училищъ Кіевскаго учебнаго округа, статскіе совѣтники: *Лубенецъ* и *Борышкевичъ*—директорами народныхъ училищъ губерній: первый—Кіевской, а второй Волынской; инспекторъ Читинской гимназіи, статскій совѣтникъ *Королевъ*—директоромъ Читинской учительской семинаріи, съ 12-го февраля; дѣлопроизводитель VII класса особаго отдѣленія департамента народнаго просвѣщенія для завѣдыванія промышленными училищами, коллежскій ассессоръ *Дебольскій*—дѣлопроизводителемъ VI класса того же отдѣленія, съ 23-го марта.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, причисленный къ министерству коллежскій совѣтникъ *Косоговскій*, съ 8-го марта, съ производствомъ его въ статскіе совѣтники, на основаніи п. 3 ст. 792 уст. служ. прав. (св. зак., т. III, изд. 1896 г.).

Умершій исключается изъ списковъ, директоръ Варшавской второй гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Троицкій*, съ 16-го марта.

(7-го апрѣля 1901 года, № 24). *Назначаются*: преподаватель Томскаго технологическаго института Императора Николая II, кандидатъ математическихъ наукъ, надворный совѣтникъ *Некрасовъ*—исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора того же института, по математикѣ, съ 1-го января; преподаватель С.-Петербургской гимназіи доктора Видемана, коллежскій ассессоръ *Леперъ*—ученымъ

секретаремъ русскаго археологическаго института въ Константинополѣ.

(16-го апрѣля 1901 года, № 26). *Назначаются:* предсѣдатель попечительнаго комитета и директоръ Императорскаго клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны, докторъ медицины, тайный совѣтникъ *Склифосовскій* — членомъ совѣта министра; экстраординарные профессоры Императорскаго Томскаго университета: докторъ ботаники, статскій совѣтникъ *Сапожниковъ* и докторъ медицины, статскій совѣтникъ *Смирновъ*—ординарными профессорами того же университета по каѳедрамъ: первый—ботаники, а второй—гистологіи и эмбріологіи; коллежскій ассессоръ *Гарфъ*—почетнымъ попечителемъ Пензенской учительской семинаріи, на три года.

Увольняется, согласно прошенію, профессоръ С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института, причисленный къ министерству, докторъ медицины, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Зальскій*—отъ означенной должности.

Увольняются отъ службы, согласно прошеніямъ, по болѣзни: дѣлопроизводитель V класса департамента народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ *Эриксонъ* и экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, докторъ медицины, статскій совѣтникъ *Васильевъ,* съ мундирами, занимаемымъ ими должностямъ присвоенными.

(24-го апрѣля 1901 года, № 29). *Назначаются:* лаборантъ и приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, магистръ химіи, коллежскій совѣтникъ *Тищенко*—профессоромъ С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института по химіи, съ оставленіемъ его на службѣ въ означенномъ университетѣ; инспекторъ Варшавской первой мужской прогимназіи, статскій совѣтникъ *Косминскій*—директоромъ Прагской мужской гимназіи, съ 1-го апрѣля; корнетъ запаса гвардіи графъ *Ламздорфъ-Галаганъ*—почетнымъ попечителемъ коллегіи Павла Галагана въ Кіевѣ; приватъ-доцентъ Императорскаго Московскаго университета, врачъ-консультантъ больницы Императора Павла I въ Москвѣ, докторъ медицины, статскій совѣтникъ *Соловьевъ* и помощникъ прозектора и приватъ-доцентъ того же университета, докторъ медицины, надворный совѣтникъ *Карузинъ* и приватъ-доцентъ Императорскаго Юрьевскаго университета, магистръ богословія *Бергманъ*—экстраординарными профессорами Императорскихъ университетовъ: Соловьевъ—Юрьевскаго, по каѳедрѣ акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней, Карузинъ—Московскаго, по каѳедрѣ описатель-

ной анатоміи и Бергманъ—Юрьевскаго, по каѳедрѣ практическаго богословія; приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, магистръ арабской словесности *Мѣдниковъ*—исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора того же университета, по каѳедрѣ арабской словесности; исправляющій должность младшаго ассистента Императорскаго клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны, лѣкарь, коллежскій совѣтникъ *Ауэ*—исправляющимъ должность старшаго ассистента того же института, съ 1-го января.

(30-го апрѣля 1901 года, № 31). *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: по С.-Петербургскому учебному округу, инспекторъ народныхъ училищъ Вологодской губерніи *Введенскій*—съ 24-го декабря 1899 г.; по Варшавскому учебному округу: учителя: гимназій: Радомской, *Липскій*—съ 19-го октября 1900 г., Сувалкской, *Шепелевъ* — съ 1-го ноября 1900 г., Плоцкой, *Эльмановичъ* — съ 1-го марта 1900 г., Радомской, женской, *Липкинъ*—съ 1-го августа 1900 г., учительскихъ семинарій: Варшавской, *Залѣсскій*—съ 1-го ноября 1900 г. и Вейверской, *Пыжовъ*—съ 1-го сентября 1900 г., Лодзинскаго мануфактурно-промышленнаго училища, *Шмидбергъ* — съ 16-го сентября 1900 г.; по управленію учебными заведеніями Иркутскаго генералъ-губернаторства: учителя гимназій: Красноярской, *Бикай* — съ 7-го сентября 1899 г., Иркутской, *Петровъ* — съ 16-го марта 1900 г., Енисейской шестиклассной прогимназіи, *Кондрашинъ*—съ 1-го іюля 1899 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: профессоръ С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института, докторъ медицины *Волковъ* — съ 13-го мая 1897 г.; по Императорскому С.-Петербургскому историко-филологическому институту, сверхштатный преподаватель гимназіи при институтѣ *Ловягинъ*—со 2-го октября 1900 г.; по Варшавскому учебному округу: инспекторъ народныхъ училищъ Петроковской губерніи *Дорофеевъ* — съ 1-го сентября 1900 г.; доцентъ Варшавскаго ветеринарнаго института *Евтихіевъ* — съ 1-го сентября 1900 г.; инспекторъ-руководитель Солецкой учительской семинаріи *Философовъ*—съ 28-го іюня 1900 г.; учителя гимназій: Варшавской 2-й, *Нарбековъ*—съ 24-го сентября 1900 г., Варшавской 3-й, *Блюмъ*—съ 27-го августа 1900 г., Радомской, *Истринъ* — съ 1-го ноября 1900 г. и Кѣлецкой, *Титовъ*—съ 1-го ноября 1900 г.; по управленію учебными заведеніями Иркутскаго генералъ-губернаторства, учитель Енисейской шестиклассной прогимназіи *Мельниковъ*—съ 18-го ноября 1899 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: по Харьков-

скому учебному округу, учитель Острогожской гимназіи *Макаровъ*—съ 23-го ноября 1896 г.; по Кавказскому учебному округу, учитель-завѣдывающій Сацхенисскимъ начальнымъ двухклассным училищемъ *Черкасовъ* — съ 21-го октября 1893 г.; по Варшавскому учебному округу: дѣлопроизводитель канцеляріи попечителя учебнаго округа *Старосивильскій* — съ 1-го ноября 1900 г.; учителя: гимназій: Варшавской 1-й, *Даниловъ*—съ 1-го мая 1896 г., Варшавской 2-й, *Деггіо*—съ 15-го августа 1898 г., Лодзинской, *Билинскій*—съ 15-го октября 1900 г., Ломжинской, *Таракановъ*—съ 1-го августа 1900 г., Плоцкой, *Смочинскій* — съ 30-го октября 1898 г., Сувалкской, *Извѣковъ* — съ 15-го октября 1900 г., Ловичскаго реальнаго училища, *Срѣтенскій*—съ 26-го сентября 1897 г. и Варшавской 2-й прогимназіи, *Бецъ* — съ 6-го сентября 1900 г., Ленчицкой учительской семинаріи, *Кожушко*—съ 1-го августа 1896 г.; учитель-инспекторъ 2-го Варшавскаго трехкласснаго городского училища *Лагутенокъ* — съ 1-го сентября 1900 г.; по управленію учебными заведеніями Иркутскаго генералъ-губернаторства: инспекторъ народныхъ училищъ 2-го района Иркутской губерніи *Григорьевъ*—съ 14-го сентября 1898 г.; учителя: гимназій: Красноярской, *Лангвальдъ*—съ 1-го августа 1896 г., Иркутской женской Хаминова (бывшій, нынѣ помощникъ дѣлопроизводителя Иркутскаго губернскаго управленія) *Орловъ*—съ 1-го мая 1899 г., городскихъ училищъ: Иркутскаго пятикласснаго, *Рукавицынъ* — съ 1-го ноября 1899 г., Иркутскаго четырехкласснаго Императора Александра III, *Журавлевъ*—съ 27-го августа 1900 г.; наставникъ учительской семинаріи *Тофтъ* — съ 19-го іюня 1900 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры:* по департаменту народнаго просвѣщенія, дѣлопроизводитель VIII класса департамента *Панковъ*—съ 13-го декабря 1900 г.; по Варшавскому учебному округу: прозекторъ при каѳедрѣ патологической анатоміи Императорскаго Варшавскаго университета *Дмоховскій*—съ 1-го іюня 1895 г.; врачъ Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ, лѣкарь *Ловягинъ*—съ 29-го сентября 1897 г.; учителя: Петроковской женской гимназіи (штатный) *Вышеславцевъ*—съ 1-го октября 1900 г. и Холмской учительской семинаріи, *Слюсаревскій* — съ 1-го августа 1899 г.; по управленію учебными заведеніями Иркутскаго генералъ-губернаторства, учитель Киренскаго городского трехкласснаго училища *Кулешъ*—съ 31-го іюля 1895 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники:* по департаменту народнаго просвѣщенія, дѣлопроизводитель VIII класса департамента *Смирновъ*—съ 16-го января

1901 г.; по Варшавскому учебному округу: исправляющій должность прозектора Варшавскаго ветеринарнаго института *Раевскій*—съ 20-го октября 1897 г. и лаборантъ фармаціи того же института *Жултовскій*—съ 1-го сентября 1897 г.; сверхштатный лаборантъ при каѳедрѣ анатоміи и физіологіи растеній Императорскаго Варшавскаго университета *Морковинъ*—съ 30-го октября 1900 г.; штатные учителя городскихъ училищъ: Варшавскаго шестикласснаго, *Романенко* — съ 1-го августа 1896 г., Влоцлавскаго трехкласснаго, *Кириченко* — съ 1-го февраля 1897 г., Лодзинскаго Александровскаго четырехкласснаго, *Данилевскій*—съ 1-го сентября 1900 г.; помощники классныхъ наставниковъ: Маріампольской гимназіи, *Емельяновъ*—съ 1-го ноября 1896 г. и Варшавской 2-й прогимназіи, *Ваксенбургъ* — съ 1-го сентября 1898 г.; исправляющій должность архиваріуса Плоцкой учебной дирекціи *Зглиницкій*—съ 1-го ноября 1900 г. и учитель приготовительнаго класса Варшавской 3-й гимназіи *Черноземовъ*—съ 25-го октября 1900 г.; по управленію учебными заведеніями Иркутскаго генералъ-губернаторства, учитель Якутской женской гимназіи *Жаровъ*—съ 1-го іюля 1898 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: по Московскому учебному округу, учитель приготовительнаго класса Макарьевскаго ремесленнаго училища имени Ѳ. В. Чижова *Лебедевъ*—съ 11-го марта 1896 г.; по Варшавскому учебному округу, сверхштатный учитель Радомской гимназіи *Васильевъ*—съ 20-го января 1897 г.; по управленію учебными заведеніями Иркутскаго генералъ-губернаторства, письмоводитель Иркутскаго промышленнаго училища *Черняковъ*—съ 31-го іюля 1899 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: по Харьковскому учебному округу, учитель Малодѣльскаго приходскаго училища, Донской области, *Вѣтровъ* — съ 25-го февраля 1901 г.; по управленію учебными заведеніями Иркутскаго генералъ-губернаторства: учителя приходскихъ училищъ: Молькинскаго инородческаго, Иркутской губерніи, *Суходольскій*—съ 1-го августа 1896 г., Осинскаго, Иркутской губерніи, *Наумовъ*—съ 10-го іюля 1897 г. и Иркутскаго Успенскаго городского, *Бѣлоусовъ*—съ 3-го августа 1896 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: по Московскому учебному округу, письмоводитель и бухгалтеръ Костромскаго промышленнаго училища имени Ѳ. В. Чижова *Апеллесовъ* — съ 1-го мая 1898 г.; по Варшавскому учебному округу: экономъ Холмскаго Маріинскаго женскаго училища *Надгрызовскій*—съ 28-го мая 1900 г. и смотритель зданій Императорскаго Варшавскаго университета *Котляревскій* —съ 9-го августа 1898 г.; по управленію учебными заве-

деніями Иркутскаго генералъ-губернаторства: учителя: начальной школы при Иркутской учительской семинаріи (бывшій) *Шастинъ* — съ 16-го августа 1898 г., приходскихъ училищъ: Иркутскаго городскаго, имени Кладищевой, *Цыгановъ* — со 2-го іюля 1889 г., Иркутскаго ремесленно-слободского городского, *Городенковъ* — съ 8-го сентября 1897 г.; Тельминскаго Александровскаго двухкласснаго, Иркутской губерніи, *Головщиковъ* — съ 29-го іюня 1890 г., Іудинскаго, Енисейской губерніи, *Козьминъ* (Николай)—съ 1-го сентября 1892 г., Устьянскаго, Енисейской губерніи, *Козьминъ* (Степанъ) — съ 1-го августа 1894 г., Тасѣевскаго, Енисейской губерніи, *Журавскій*—съ 25-го августа 1893 г., Покровскаго, Енисейской губерніи, *Потемкинъ*—съ 5-го сентября 1894 г., Вознесенскаго, Енисейской губерніи, *Крейзбергъ* — съ 1-го сентября 1894 г., Уринскаго, Енисейской губерніи, *Нарциссовъ*—съ 1-го февраля 1897 г., Красноярскаго городского, *Терентьевъ*—съ 8-го сентября 1897 г., Троицкаго, Енисейской губерніи (бывшій, нынѣ въ отставкѣ) *Гастевъ* — съ 8-го января 1895 г., Ачинскаго городского (бывшій) *Рыжевъ* — съ 25-го августа 1893 г. и Егоровскаго однокласснаго сельскаго училища, Иркутской губерніи, *Петровъ*—съ 15-го сентября 1898 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ, *коллежскаго ассессора*: по Императорскому С.-Петербургскому историко-филологическому институту, учитель гимназіи при институтѣ *Дѣевъ* — съ 9-го октября 1896 г.; по Харьковскому учебному округу: учителя гимназій: Острогожской, *Вихманъ* — съ 23-го августа 1895 г. и Харьковской Маріинской женской, *Немолодышевъ*—съ 19-го сентября 1892 г.; по Варшавскому учебному округу: учителя гимназій: Варшавской 3-й, *Михайловъ* — съ 1-го сентября 1896 г., Плоцкой (сверхштатный) *Воротницкій* — съ 1-го сентября 1896 г. и Сувалкской женской, *Комарницкій* — съ 8-го октября 1896 г.; по управленію учебными заведеніями Иркутскаго генералъ-губернаторства: учителя: Иркутской женской И. С. Хаминова гимназіи, *Корейша* — съ 12-го сентября 1895 г., Енисейской шестиклассной прогимназіи, *Погуляй*—съ 13-го октября 1895 г., Якутскаго реальнаго училища: *Аркуша* — съ 1-го іюля 1896 г. и (бывшій, нынѣ учитель Читинской гимназіи) *Терру*— съ 30-го сентября 1895 г.; *титулярнаго совѣтника*, по Московскому публичному и Румянцовскому музеямъ, завѣдующій читальнымъ заломъ музеевъ *Мироновъ*—съ 1-го сентября 1900 г., по степени магистра исторіи и теоріи изящныхъ искусствъ; *коллежскаго секретаря*: по департаменту народнаго просвѣщенія, помощникъ дѣлопроизводи-

теля департамента *Булгаковъ*—съ 16-го ноября 1900 г., по степени кандидата богословія; по Варшавскому учебному округу: учителя: женскихъ гимназій: Варшавской 3-й, *Ястребовъ*—съ 25-го сентября 1897 г., Лодзинской, (сверхштатный) *Горонович* — съ 30-го апрѣля 1898 г., оба по степени кандидата Императорскаго университета, Варшавскаго шестикласснаго городского училища, *Погорѣльскій-Перегудъ*—съ 1-го сентября 1894 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Сосновицкаго реальнаго училища *Примо* — съ 16-го сентября 1895 г.; по управленію учебными заведеніями Иркутскаго генералъ-губернаторства: помощники классныхъ наставниковъ: Якутскаго реальнаго училища, *Охлопковъ* — съ 16-го августа 1895 г. и Енисейской шестиклассной прогимназіи, *Автономовъ* — съ 1-го сентября 1896 г.; учитель Нижнеудинскаго городского двухкласснаго училища *Ганжара*—съ 21-го апрѣля 1897 г.; *губернскаго секретаря*: по Варшавскому учебному округу: учителя: гимназій: Радомской, *Арашкевичъ*—съ 1-го августа 1888 г. и Лодзинской женской, *Огіевичъ* — съ 1-го сентября 1896 г., оба по званію дѣйствительнаго студента Императорскаго университета; учитель приготовительнаго класса Сандомирской прогимназіи *Семеновъ*—съ 1-го октября 1896 г.

(5-го мая 1901 года, № 35). *Назначаются*: прозекторъ и приватъ-доцентъ Императорскаго Новороссійскаго университета, докторъ медицины, коллежскій совѣтникъ *Медвѣдевъ* и приватъ-доцентъ того же университета, окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ университетѣ, съ дипломомъ 1-й степени, *Ардашевъ*, первый — экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Новороссійскаго университета, по каѳедрѣ физіологической химіи, съ 1-го мая, а второй — исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Юрьевскаго университета, по каѳедрѣ всеобщей исторіи; столоначальникъ канцеляріи попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, надворный совѣтникъ *Демантъ*—правителемъ той же канцеляріи.

Утверждаются: дѣйствительный статскій совѣтникъ *Пущинъ* и дворянинъ *Харченко*—вновь, почетными попечителями: первый—Тульской гимназіи, а второй—Преславской учительской семинаріи, оба—согласно избранію, на три года, изъ нихъ Пущинъ — съ 21-го апрѣля.

Увольняется, согласно прошенію, почетный попечитель Тульскаго реальнаго училища, отставной штабсъ-ротмистръ гвардіи *Мосоловъ*—отъ означенной должности.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, сверхштатный ординарный профессоръ Императорскаго Томскаго университета, магистръ фармаціи, статскій совѣтникъ *Леманъ*, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ.

IV. ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(20-го апрѣля 1901 года, № 5). *Оставлены* на службѣ по выслугѣ установленныхъ сроковъ по учебной части: директоръ Рижскаго реальнаго училища Императора Петра I, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Покатиловъ*—на пять лѣтъ, съ 11-го марта 1901 г.; директоръ Харьковской третьей гимназіи, статскій совѣтникъ *Косыхъ*—на пять лѣтъ, съ 19-го марта 1901 г.; вице-директоръ и старшій астрономъ Николаевской главной астрономической обсерваторіи, статскій совѣтникъ *Соколовъ*—на пять лѣтъ, съ 26-го іюля 1899 г.

Перемѣщены: директоры: Каменецъ-Подольской гимназіи, статскій совѣтникъ *Васильевъ* и Новгородсѣверской гимназіи, статскій совѣтникъ *Орда*—одинъ на мѣсто другого, съ 26-го марта 1901 г.; директоръ Прагской мужской гимназіи, статскій совѣтникъ *Хабаровъ*—директоромъ Варшавской 2-ой мужской гимназіи, съ 1-го апрѣля 1901 г.

Командированы, съ Высочайшаго соизволенія, съ ученою цѣлью, за границу: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Праховъ* и приватъ-доцентъ сего университета *Гейне* — на лѣтнее вакаціонное время и по 1-е сентября текущаго года; экстраординарный академикъ Императорской академіи наукъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ернштедтъ*—съ 20-го апрѣля по 1-е іюля 1901 г.; старшій зоологъ зоологическаго музея Императорской академіи наукъ, коллежскій совѣтникъ *Книповичъ*—съ 15-го апрѣля по 1-е сентября 1901 г.; ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Тимирязевъ*—съ 15-го мая и на лѣтнее вакаціонное время 1901 г., для присутствованія на юбилеѣ Глазговскаго университета; ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Брандтъ*—съ 1-го мая по 15-е августа 1901 г.; состоящая въ должности ассистента при каѳедрѣ зоологіи С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института *Зѣлецкая*—на лѣтнее вакаціонное

время 1901 г.; Императорскаго Варшавскаго университета: ординарные профессоры: дѣйствительный статскій совѣтникъ *Сомовъ*, статскій совѣтникъ *Филевичъ*, коллежскіе совѣтники: *Вульфъ*, *Щербакъ*, *Ушинскій* и *Кудревецкій*, экстраординарный профессоръ, коллежскій совѣтникъ *Давыдовъ*, доцентъ *Іезбера*, хранитель минералогическаго кабинета *Вейбергъ* и лаборантъ *Ѳедоровичъ* — на лѣтнее вакаціонное время 1901 г.; того же университета: прозекторъ, надворный совѣтникъ *Оржелъ* — съ 1-го мая по 1-е августа 1901 г.; исправляющій должность доцента *Францевъ*—съ 15-го мая до конца лѣтняго вакаціоннаго времени; приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Ивановъ*—на лѣтнее вакаціонное время и по 1-е сентября 1901 г.; оставленный при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ по каѳедрѣ армяно-грузинской словесности, выдержавшій экзаменъ на степень магистра князь *Джавааховъ*—съ 15-го апрѣля по 15-е августа 1901 г.; заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Цагарелли* и приватъ-доцентъ сего университета *Грибовскій*—на лѣтнее вакаціонное время и по 1-е сентября 1901 г.; ординарные профессоры Императорскаго Варшавскаго университета: статскій совѣтникъ *Любовичъ*—на лѣтнее вакаціонное время и по 1-е сентября 1901 г. и коллежскій совѣтникъ *Амалицкій* — съ 1-го іюня по 30-е августа 1901 г., оба — въ Россіи и за границу; сверхштатный ассистентъ Ботаническаго сада Императорскаго Юрьевскаго университета *Гриневецкій* — въ Россіи, съ 1-го апрѣля, на 4 мѣсяца.

Командированъ въ Москву, для занятій въ Московскомъ публичномъ и Румянцевскомъ музеяхъ, лекторъ русскаго языка Императорскаго Варшавскаго университета, коллежскій ассессоръ *Михайловъ*— съ 20-го мая по 1-е сентября 1901 г.

Уволены, съ Высочайшаго соизволенія, въ отпускъ: членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія тайный совѣтникъ *Хитрово* — за границу, на два мѣсяца; попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ *Сонинъ* — внутри Имперіи и за границу, на два мѣсяца; попечитель Варшавскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Зенгеръ* — за границу, съ 1-го іюня по 15-е августа 1901 года.

V. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

17. (12-го января 1901 года). *Положеніе о стипендіи имени бывшаго Олонецкаго губернатора, тайнаго совѣтника Михаила Денисовича Демидова при Олонецкой гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ *тысячу* руб., пожертвованнаго потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Маркомъ Николаевичемъ Пикинымъ, учреждается при Олонецкой гимназіи одна стипендія имени бывшаго Олонецкаго губернатора тайнаго совѣтника Михаила Денисовича Демидова.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся нынѣ въ наличныхъ деньгахъ, по превращеніи въ государственныя % бумаги, долженъ храниться въ Петрозаводскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназіи и оставаться навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала выдаются одному изъ бѣднѣйшихъ учениковъ Олонецкой гимназіи, безъ различія сословій, хорошаго поведенія и непремѣнно православнаго вѣроисповѣданія.

§ 4. Педагогическій совѣтъ Олонецкой гимназіи избираетъ въ кандидаты на стипендіата одного или нѣсколькихъ лучшихъ по успѣхамъ и поведенію учениковъ гимназіи и испрашиваетъ согласія отъ М. Н. Пикина на назначеніе стипендіи одному изъ избранныхъ кандидатовъ; послѣ же смерти Пикина, выборъ стипендіата предоставляется старшему наслѣднику въ родѣ его.

§ 5. Избранный стипендіатъ пользуется стипендіей во все время обученія въ Олонецкой гимназіи, но, въ случаѣ малоуспѣшности и неодобрительнаго поведенія, можетъ быть лишенъ стипендіи по постановленію педагогическаго совѣта гимназіи.

§ 6. Въ случаѣ временнаго незамѣщенія стипендіи, остатокъ стипендіальной суммы причисляется къ основному капиталу и, по мѣрѣ накопленія, обращается въ государственныя % бумаги для увеличенія на будущее время размѣра стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

18. (26-го марта 1901 года). *Положеніе о стипендіи имени бывшаго Кронштадтскаго военнаго губернатора, вице-адмирала Николая Ивановича Казнакова, при Кронштадтской Александринской женской гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено г. временно-управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года, при Кронштадтской Александринской женской гимназіи учреждается стипендія имени бывшаго Кронштадтскаго военнаго губернатора, вице-адмирала Николая Ивановича Казнакова, на счетъ процентовъ съ капитала въ *двѣ тысячи* рублей, собраннаго съ этой цѣлью по подпискѣ между почитателями Н. И. Казнакова.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, по обращеніи въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназіи, составляя ея неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за ученіе избранной стипендіатки.

§ 4. Стипендіатка избирается изъ числа бѣднѣйшихъ учениць гимназіи, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ, а могущіе образоваться остатки выдаются на руки родителямъ стипендіатки на учебныя пособія.

§ 5. Право избранія стипендіатки пожизненно принадлежитъ вице-адмиралу Н. И. Казнакову, а послѣ его смерти право это переходитъ къ попечительному совѣту гимназіи.

§ 6. За стипендіаткой, оставшейся въ томъ же классѣ на второй годъ, стипендія можетъ быть сохранена только по особо уважительнымъ причинамъ, признаннымъ таковыми педагогическимъ совѣтомъ гимназіи и при томъ съ согласія вице-адмирала Казнакова.

§ 7. Въ случаѣ временнаго незамѣщенія стипендіи, остатокъ отъ процентовъ присоединяется къ основному капиталу и по мѣрѣ накопленія обращается въ государственныя процентныя бумаги, для увеличенія на будущее время размѣра стипендіи.

§ 8. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

§ 9. Въ случаѣ закрытія гимназіи, капиталъ передается на тѣхъ же основаніяхъ въ то учебное заведеніе, какое будетъ открыто взамѣнъ гимназіи.

19. (27-го марта 1901 года). *Положеніе о стипендіи имени умершаго Иваново-Вознесенскаго купца Федора Никитича Витова при Иваново-Вознесенской женской гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено за министра народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

§ 1. На основаніе Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 г., при Иваново-Вознесенской женской гимназіи учреждается стипендія имени умершаго Иваново-Вознесенскаго купца Федора Никитича Витова, на счетъ процентовъ съ капитала въ *одну тысячу четыреста* руб., пожертвованнаго съ этой цѣлью вдовой Екатериной Ефремовной Витовой.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ билетахъ 4% государственной ренты, хранится въ Иваново-Вознесенскомъ отдѣленіи государственнаго банка, въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназіи, составляя ея неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 г., составляютъ 53 р. 20 к. въ годъ и выдаются избранной стипендіаткѣ, въ порядкѣ прохожденія ею курса ученія, слѣдующимъ образомъ: въ приготовительномъ классѣ стипендіатка получаетъ 20 руб., въ I—IV классахъ по 45 руб. въ годъ, въ V—VII классахъ по 55 руб. въ годъ, и наконецъ въ VIII—остальную сумму, накопившуюся изъ процентовъ въ теченіи девяти лѣтъ со стипендіальнаго капитала.

§ 4. Стипендіатка избирается изъ числа бѣднѣйшихъ, начиная съ приготовительнаго класса, ученицъ Иваново-Вознесенской женской гимназіи, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Право избранія стипендіатки принадлежитъ Иваново-Вознесенской купеческой вдовѣ Екатеринѣ Ефремовнѣ Витовой, а по смерти ея Иваново-Вознесенскимъ купцамъ Александру и Никитѣ Федоровичамъ Витовымъ, по смерти же ихъ, право это переходитъ къ попечительному совѣту гимназіи.

§ 6. Въ томъ случаѣ, если стипендіатка по какимъ либо причи-

намъ будетъ уволена изъ гимназіи въ срединѣ учебнаго года, на ея мѣсто назначается, согласно §§ 4—5 сего положенія воспитанница того же класса, если же стипендіатка оставитъ гимназію въ концѣ года, то на ея мѣсто назначается, согласно тѣмъ же параграфамъ воспитанница слѣдующаго класса.

§ 7. Если стипендіатка будетъ оставлена на второй годъ въ томъ же классѣ, то въ особо уважительныхъ случаяхъ, по опредѣленію педагогическаго совѣта, стипендія можетъ быть за ней сохранена на время повторительнаго курса, но стипендія въ этомъ случаѣ выдается стипендіаткѣ въ размѣрѣ, не превышающемъ 50 рублей.

§ 8. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала остатки или присоединяются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи, или же расходуются по усмотрѣнію попечительнаго совѣта гимназіи на пособія воспитанницъ.

§ 9. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

20. (30-го марта 1901 года). *Положеніе о стипендіи имени статскаго совѣтника Петра Назарьевича Кончука при Грубешевской прогимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ *одну тысячу пятьсотъ* руб., пожертвованнаго учителемъ Грубешевской прогимназіи статскимъ совѣтникомъ Петромъ Назарьевичемъ Конончукомъ, учреждается при Грубешевской прогимназіи одна стипендія имени жертвователя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ билетахъ 4% государственной ренты, хранится въ Варшавской конторѣ государственнаго банка, въ числѣ спеціальныхъ средствъ названной прогимназіи и составляетъ собственность ея или того учебнаго заведенія, въ которое прогимназія въ Грубешевѣ можетъ быть преобразована.

§ 3. На означенную стипендію имѣютъ право недостаточные ученики Грубешевской прогимназіи, православнаго вѣроисповѣданія, отличающіеся благонравіемъ и хорошими успѣхами, при чемъ могутъ пользоваться стипендіею во все время ученія въ прогимназіи, если будутъ этого заслуживать поведеніемъ и успѣхами.

§ 4. Право назначенія стипендіатовъ принадлежитъ пожизненно

Копочуку, а послѣ его смерти переходитъ къ педагогическому совѣту Грубешевской прогимназіи.

§ 5. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

21. (30-го марта 1901 года). *Положеніе о стипендіи имени умершей вдовы Евдокіи Ильиной Волковой при Самарскомъ реальномъ Имени Императора Александра Благословеннаго училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ *пятьсотъ* руб., пожертвованнаго по духовному завѣщанію вдовой чиновника Евдокіей Ильиной Волковой, учреждается при Самарскомъ реальномъ Имени Императора Александра Благословеннаго училищѣ одна стипендія имени завѣщательницы.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ пяти свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, составляетъ неприкосновенную собственность названнаго училища и хранится въ мѣстномъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ училища.

§ 3. Проценты съ этого капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну 5% государственнаго сбора, выдаются въ пособіе одному бѣдному ученику училища, оказывающему при отличномъ поведеніи хорошіе успѣхи въ наукахъ.

§ 4. Назначеніе стипендіи предоставляется пожизненно душеприказчику завѣщательницы коллежскому совѣтнику Порфирію Ильичу Третьякову, а послѣ его смерти право это переходитъ къ педагогическому совѣту реальнаго училища.

§ 5. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

22. (5-го апрѣля 1901 года). *Положеніе о стипендіи имени Маріи Ивановны Гладыревской при Полтавской Маріинской женской гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 г., при Полтавской Маріинской женской гимназіи учреждается стипендія имени Маріи Ивановны Гладыревской на счетъ

процентовъ съ оставленнаго ею съ этою цѣлью по духовному завѣщанію капитала въ *одну тысячу пятьсотъ* рублей.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся во вкладномъ билетѣ государственной комиссіи погашенія долговъ въ *одну тысячу пятьсотъ* руб., за № 100.106, хранится въ Полтавскомъ отдѣленіи государственнаго банка по вкладу на вѣчныя времена изъ $3^1/_2$% годовыхъ въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназіи, составляя ея неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за ученіе въ гимназіи избранной стипендіатки, излишекъ же выдается на руки родителямъ, опекунамъ или другимъ лицамъ, на попеченіи или иждивеніи коихъ находится стипендіатка.

§ 4. Стипендіатка избирается изъ числа бѣднѣйшихъ учениць гимназіи купеческаго сословія, христіанскаго исповѣданія, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Выборъ стипендіатки предоставляется усмотрѣнію попечительнаго совѣта Полтавской Маріинской женской гимназіи.

§ 6. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

23. (8-го апрѣля 1901 года). *Положеніе о трехъ стипендіяхъ имени покойнаго Московскаго 1-ой гильдіи купца Ивана Евдокимовича Пономарева при Иваново-Вознесенской женской гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 г., при Иваново-Вознесенской женской гимназіи учреждаются три стипендіи имени умершаго Московскаго 1-ой гильдіи купца Ивана Евдокимовича Пономарева, на счетъ процентовъ съ завѣщаннаго имъ съ этою цѣлью капитала въ *пять тысячъ* рублей.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ $3^1/_2$ % билетахъ государственной комиссіи погашенія долговъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ Иваново-Вознесенской женской гимназіи и, составляя ея неотъемлемую собственность, остается навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ

нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за ученіе избранныхъ стипендіатокъ.

§ 4. Стипендіатки избираются изъ числа бѣднѣйшихъ ученицъ гимназіи, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ, при чемъ преимущественнымъ правомъ на полученіе стипендіи пользуются дѣти родственниковъ завѣщателя.

§ 5. Выборъ стипендіатокъ предоставляется попечительному совѣту Иваново-Вознесенской женской гимназіи, коему принадлежитъ право лишать стипендіатокъ стипендій въ случаѣ неодобрительнаго поведенія ихъ или малоуспѣшности, по соглашенію съ педагогическимъ совѣтомъ гимназіи.

§ 6. Число стипендій можетъ быть уменьшено въ зависимости отъ размѣра платы за ученіе.

§ 7. Могущіе образоваться, отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала, остатки употребляются на доплату за право ученія стипендіатокъ въ VIII-мъ классѣ гимназіи, или выдаются въ видѣ единовременныхъ пособій стипендіаткамъ, на покупку имъ учебныхъ пособій, платья, обуви, и т. п.

§ 8. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатокъ никакихъ обязательствъ.

24. (15-го апрѣля 1901 года). *Положеніе о стипендіи имени Николая Александровича Ваганова при Псковской Маріинской женской гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 года, при Псковской Маріинской женской гимназіи учреждается одна стипендія имени Николая Александровича Ваганова на счетъ процентовъ съ капитала въ *одну тысячу пятьсотъ* рублей, отчисленнаго Псковскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ изъ запаснаго капитала губернскаго земства, въ память тридцатилѣтней дѣятельности Ваганова, въ качествѣ предсѣдателя Псковской уѣздной земской управы и гласнаго губернскаго земскаго собранія.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, по обращеніи въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, находится въ вѣдѣніи Псковской губернской земской управы, которая изъ процентовъ съ сего капитала обязана выдавать ежегодно опредѣленную

сумму одной стипендіаткѣ, причемъ въ израсходованіи процентовъ губернская управа отдаетъ отчетъ губернскому земскому собранію.

§ 3. Стипендія выдается бѣднѣйшей ученицѣ гимназіи, отличающейся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ, изъ дѣтей всѣхъ сословій, преимущественно недостаточныхъ родителей, принадлежащихъ къ кореннымъ жителямъ Псковской губерніи.

§ 4. Выборъ стипендіатки предоставляется усмотрѣнію Николая Александровича Ваганова, а по смерти его, право это переходитъ къ Псковской губернской управѣ.

§ 5. Выдача стипендіи можетъ быть прекращена: а) съ согласія Николая Александровича Ваганова: въ случаѣ малоуспѣшности или неодобрительнаго поведенія стипендіатки, и б) въ случаѣ выхода ея изъ учебнаго заведенія.

§ 6. Въ случаѣ закрытія Псковской Маріинской женской гимназіи, стипендія передается Псковскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ, по соглашенію съ Николаемъ Александровичемъ Вагановымъ, въ другое какое-либо учебное заведеніе.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

25. (15-го апрѣля 1901 года). *Положеніе о стипендіи имени титулярнаго совѣтника Давида Захарьянова при Кишиневской 1-й гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ % съ капитала въ *четыре тысячи* рублей, завѣщаннаго вдовою титулярнаго совѣтника Елизаветою Захарьяновой, учреждается при Кишиневской 1-й гимназіи одна стипендія имени покойнаго мужа завѣщательницы Давида Захарьянова.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ названной гимназіи и, составляя ея собственность, остается навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ сего капитала, за удержаніемъ 5% государственнаго налога, выдаются, по опредѣленію педагогическаго совѣта названной гимназіи, одному изъ лучшихъ учениковъ гимназіи, бѣдныхъ родителей, преимущественно армяно-григоріанскаго исповѣданія.

Примѣчаніе. Ученикъ, получающій настоящую стипендію, именуется стипендіатомъ Давида Захарьянова.

§ 4. Стипендія выдается, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта гимназіи, помѣсячно или пополугодно впередъ на руки стипендіату или его родителямъ или опекунамъ и родственникамъ.

§ 5. Стипендія прекращается въ случаѣ неодобрительнаго поведенія и малоуспѣшности въ наукахъ стипендіата, а равно въ случаѣ улучшенія матеріальныхъ средствъ стипендіата, дающихъ ему возможность воспитываться на собственный счетъ.

§ 6. Могущіе образоваться почему-либо остатки отъ % со стипендіальнаго капитала причисляются къ капиталу для увеличенія размѣровъ стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 8. Въ случаѣ преобразованія или даже закрытія Кишиневской 1-й гимназіи стипендіальный капиталъ передается въ вѣдѣніе имѣющаго замѣнить названную гимназію въ г. Кишиневѣ учебнаго заведенія, для употребленія согласно сему положенію.

26. (17-го апрѣля 1901 года). *Положеніе о стипендіи имени умершаго бывшаго директора народныхъ училищъ Олонецкой губерніи, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Дмитрія Павловича Мартынова, при Повѣнецкомъ городскомъ двухклассномъ училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 г., при Повѣнецкомъ городскомъ двухклассномъ училищѣ учреждается стипендія имени умершаго бывшаго директора народныхъ училищъ Олонецкой губерніи, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Дмитрія Павловича Мартынова, на счетъ процентовъ съ капитала въ *сто пять* рублей, собраннаго съ этою цѣлью почитателями покойнаго.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, по обращеніи его въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ училища, составляя его неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 г., употребляются на взносъ платы за ученіе избраннаго стипендіата.

§ 4. Стипендіатъ избирается изъ числа бѣднѣйшихъ учениковъ

училища, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Выборъ стипендіата предоставляется усмотрѣнію педагогическаго совѣта училища, коему принадлежитъ и право лишенія стипендіи въ случаѣ неодобрительнаго поведенія или малоуспѣшности стипендіата.

§ 6. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала остатки прибавляются къ сему капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

27. (24-го апрѣля 1901 года). *Циркулярное предложеніе министерства народнаго просвѣщенія отъ 24-го апрѣля за № 10517 о распространеніи на постороннихъ лицъ, подвергающихся испытаніямъ по древнимъ языкамъ, правилъ объ освобожденіи отъ письменныхъ экзаменовъ по древнимъ языкамъ.*

На основаніи п. 3 циркулярнаго предложенія министерства народнаго просвѣщенія отъ 11-го минувшаго марта, за № 6713, лица постороннія, подвергающіяся при мужскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ экзаменамъ, пріемнымъ, выпускнымъ, а также испытаніямъ, производимымъ на основаніи циркуляра отъ 29-го января 1897 года за № 2518, должны, между прочимъ, подвергаться и письменнымъ испытаніямъ по древнимъ языкамъ, отъ каковыхъ освобождены нынѣ ученики гимназій и прогимназій.

Признавъ цѣлесообразнымъ распространить на постороннихъ лицъ, подвергающихся испытаніямъ по древнимъ языкамъ, правило объ освобожденіи отъ письменныхъ экзаменовъ, имѣю честь увѣдомить объ этомъ ваше превосходительство, для зависящихъ распоряженій по ввѣренному вамъ учебному округу.

28. (24-го апрѣля 1901 года). *Циркулярное предложеніе министерства народнаго просвѣщенія отъ 24-го апрѣля за № 10516 о необходимости производства въ гимназіяхъ испытаній зрѣлости съ надлежащей тщательностью.*

Имѣющійся въ министерствѣ народнаго просвѣщенія обильный матеріалъ по вопросу о средней школѣ съ полною убѣдительностью свидѣтельствуетъ, между прочимъ, о томъ, что наши гимназіи не-

рѣдко даютъ для высшихъ учебныхъ заведеній слушателей, обладающихъ весьма малыми познаніями въ тѣхъ предметахъ, которые изучаются въ гимназіяхъ. Особенное вниманіе въ этомъ отношеніи обращаетъ на себя русскій языкъ въ виду общеизвѣстнаго факта, что даже среди сочиненій, исполненныхъ на испытаніяхъ зрѣлости, нерѣдко оказываются работы слабыя не только по внутреннему своему содержанію, но и по обилію грамматическихъ и стилистическихъ ошибокъ, обнаруживающихъ незнакомство абитуріентовъ съ первоначальными правилами грамматики и основными началами стилистики. Одной изъ главныхъ причинъ этого печальнаго явленія служитъ тотъ безспорный фактъ, что во многихъ гимназіяхъ испытанія зрѣлости производятся крайне снисходительно, съ весьма большими послабленіями, а это обстоятельство, въ свою очередь, весьма неблагопріятно отзывается на всемъ ходѣ учебнаго дѣла, пріучая воспитанниковъ поверхностно относиться къ усвоенію преподаваемыхъ имъ наукъ въ надеждѣ на ожидаемыя послабленія на испытаніяхъ.

Вслѣдствіе сего считаю долгомъ покорнѣйше просить ваше превосходительство обратить вниманіе директоровъ гимназій ввѣреннаго вамъ учебнаго округа на то, что испытанія зрѣлости должны производиться съ надлежащею серьезностью, безъ излишнихъ послабленій, которыя пагубно отзываются на дальнѣйшей судьбѣ молодыхъ людей, и что, не обременяя на сихъ испытаніяхъ абитуріентовъ требованіемъ мелкихъ и второстепенныхъ подробностей, необходимо удостовѣряться въ знаніи ими существенно-важнаго въ каждомъ предметѣ, какъ это указано и въ нынѣ дѣйствующихъ правилахъ объ испытаніяхъ. Особенное же вниманіе надлежитъ обращать на познанія ихъ въ отечественномъ языкѣ, имѣя въ виду, что указанные выше недостатки не должны имѣть мѣста въ сочиненіяхъ молодыхъ людей, признаваемыхъ зрѣлыми и подготовленными къ усвоенію наукъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

29. (6-го мая 1901 года). *Циркулярное предложеніе министерства народнаго просвѣщенія отъ 6-го мая за № 11903 по вопросу о вознагражденіи преподавателей математики и физики въ мужскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ за исправленіе письменныхъ ученическихъ работъ.*

По дѣйствующимъ штатамъ гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія, преподавателямъ русскаго и древнихъ языковъ полагается особое вознагражденіе изъ штатныхъ суммъ или изъ

спеціальныхъ средствъ учебныхъ заведеній за исправленіе имъ письменныхъ ученическихъ упражненій, при чемъ размѣръ этого вознагражденія опредѣленъ для гимназій не менѣе 100 руб. въ годъ на каждаго учителя, для шестиклассныхъ прогимназій въ 300 руб. на всѣхъ учителей этихъ предметовъ и для четырехклассныхъ прогимназій въ 180 руб. тоже на всѣхъ учителей этихъ предметовъ.

Принимая во вниманіе, что преподаватели математики и физики въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ также несутъ значительный трудъ по исправленію письменныхъ ученическихъ упражненій по этимъ предметамъ, я нахожу справедливымъ, чтобы и имъ выдавалось за этотъ трудъ вознагражденіе изъ спеціальныхъ средствъ учебныхъ заведеній въ размѣрѣ, не превышающемъ вышеозначенныя нормы вознагражденія преподавателей русскаго и древнихъ языковъ.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Послѣдніе дни Западной Римской Имперіи. Сборникъ статей по исторіи среднихъ вѣковъ. Составилъ *Николай Знойко*. Преподаватель Ришельевской гимназіи. Одесса. 1901. Стр. II+147. Цѣна 75 коп.“—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „Систематическій курсъ древней исторіи. Курсъ IV класса мужскихъ и женскихъ гимназій и прогимназій. Составилъ примѣнительно къ послѣднимъ учебнымъ планамъ *Николай Знойко*. Преподаватель Ришельевской гимназіи. Изданіе четвертое. Одесса. 1900. Стр. II+208+IX. Цѣна 1 руб.“ — допустить въ качествѣ учебнаго руководства для IV класса гимназій и прогимназій.

— Книгу: „Приложенія къ циркулярамъ по Московскому учебному округу, издаваемыя подъ редакціей *Вл. Исаенкова*. Dr. *Отто Фрикъ*. Дидактическій катехизисъ. Переводъ съ нѣмецкаго *Дм. Королькова*, инспектора Московской 4-й гимназіи. М. 1900. Стр. 20. Цѣна 15 коп.“—допустить въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства, мужскихъ и женскихъ.

— Книги: 1) „Nibelungenlied und Gudrun. Übertragen und heraus-

gegeben von Dr. *Gustav Legerlotz*, Direktor des Königlichen Gymnasiums zu Salzwedel. Auszug für den Unterricht an höheren Mädchenschulen. Mit Beigaben aus Jordans Nibelungen, Hebbels Nibelungen und Geibels Gedichten, sowie einem Vorwort von Prof. Dr. *J. Wychgram*, Direktor der städtischen Höheren Schule für Mädchen zu Leipzig. Bielefeld und Leipzig. Verlag von Velhagen & Klasing. 1899. IV+164 S. Preis gebunden 90 Pfennig." — 2) „Stoffe zu Diktierübungen. Ein Hilfsbuch für den Unterricht in der deutschen Rechtschreibung von *B. P. Möller*. Dritte, durchgesehene Auflage. Hamburg. Otto Meissner. 1899. 134 S. Preis 1 Mark 20 Pf."—3) „Abriss der deutschen Verslehre und der Lehre von den Dichtungsarten. Zum Gebrauch beim Unterricht von Dr. *O. Schmeckebier*. Vierte Auflage. Berlin. Weidmannsche Buchhandlung. 1899. 32 S. Цѣна не обозначена."—4) „Grundzüge der deutschen Litteraturgeschichte. Für höhere Schulen und zum Selbstunterricht. Von Dr. *Gotthold Klee*, Professor am Gymnasium zu Bautzen. Dritte verbesserte Auflage. Berlin. Verlag von Georg Bondi. 1898. VIII+176 S. Preis M. 1.50 brosch., M. 2.—geb." — 5) „Gedichte des achtzehnten Jahrhunderts, ausgewählt und erläutert von Prof. Dr. *Karl Kinzel*. Halle a. S., Verlag der Buchhandlung des Waisenhauses. 1896. X+166 S. Цѣна не обозначена".—6) „Gedichte des neunzehnten Jahrhunderts, gesammelt, litterargeschichtlich geordnet und mit Einleitungen versehen von Prof. Dr. *Karl Kinzel*. Halle a. S. Verlag der Buchhandlung des Waisenhauses. 1894. XIV+264 S. Preis gebunden 2 M." — 7) „Deutsche Fibel. Gemeinsame Unterlagen für den vereinigten Anschauungs-, Sprech-, Schreib- und Lese-Unterricht nach der kombinierten Schreiblese- und Normalwörter-Methode. Von *Rudolf Dietlein*, Rektor. Ausgabe B. — Heft I. (Schreiblesefibel). 115. Auflage. Gera. Verlag von Theodor Hofmann. 1899. 64 S. Preis ungebunden 30 Pf.—8) „То же. Heft II. 83. Auflage. 1899. 104 S. Preis ungebunden 40 Pf."—9) „Deutsches Lesebuch für mehrklassige Bürger- und Volks-Schulen. Herausgegeben von *Rudolf* und *Woldemar Dietlein*. Ausgabe A in drei Bänden. I. Unterstufe. Dreissigste Auflage. Gera. Verlag von Theodor Hofmann. 1899. 160 S. Preis 75 Pf., geb. 1 Mk.—II. Mittelstufe. Siebenundzwanzigste Auflage. 1900. 351 S. Preis 1,20 Mk., geb. 1,50 Mk.—III. Oberstufe. Einundzwanzigste Auflage. 1899. 495 S. Preis 1,50 Mk., geb. 1,85 M." — 10) „Lebensbilder II. Lesebuch für Mittelklassen deutscher Volksschulen. Nach dem Anschauungsunterrichte von Denzel geordnet. Von *Berthelt*, *Jäkel*, *Petermann*, *Thomas*. Dreiundsiebzigste Auflage. Leipzig. Verlag

von Julius Klinkhardt. 1898. X+246 S. Preis roh 60 Pf., geb. 90 Pf." — 11) „Lebensbilder III. Lesebuch für Oberklassen deutscher Volksschulen. Herausgegeben von *August Berthelt*, *Julius Jäkel. Karl Petermann*, *Louis Thomas*. Preisgekrönt auf den Weltausstellungen zu Paris 1867 und Wien 1873. Vierundvierzigste Auflage. Leipzig. Verlag von Julius Klinkhardt. 1898. X+446 S. Preis roh 1 M. 20 Pf., geb. 1 M. 60 Pf." — признать пригодными для употребленія въ качествѣ учебныхъ пособій при преподаваніи нѣмецкаго языка въ училищахъ съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ.

— Книги: 1) Lehrbuch der Geschichte für die oberen Klassen höherer Lehranstalten von Dr. *Friedrich Hofmann*. Erstes Heft. Griechische Geschichte. Sechste Auflage. Durchgesehen und herausgegeben von Professor Dr. *Hans Meyer*. Berlin. Verlag von Julius Springer. 1897. IV + 43 S. Preis kart. M.—, 50".—2) „То же. Zweites Heft. Römische Geschichte. Fünfte Auflage. 1897. X+88 S. Preis kart. M. 1,20" — 3) „Geschichts-Tabellen zum Gebrauch beim Elementar-Unterricht in der Geschichte. Von D. *Carl Peter*. Besonderer Abdruck aus des Verfassers Werke: „Der Geschichts-Unterricht für Gymnasien". Dreizehnte Auflage, besorgt von Dr. *Heinrich Peter*, Professor am Sophiengymnasium in Berlin. Halle a. S. Verlag der Buchhandlung des Waisenhauses. 1899. 83 S. Цѣна не обозначена"—одобрить для учебнаго употребленія въ училищахъ съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ.

— Книгу: „*Камиллъ Фламмаріонъ*. Атмосфера. Популярная метеорологія въ 6-ти книгахъ въ переводѣ *К. К. Толстого*. Со множествомъ иллюстрацій. Изданіе редакціи „Новаго Журнала Иностранной Литературы". С.-Пб. 1901. Стр. 508. Цѣна 2 руб. 50 коп." — одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ мужскихъ и женскихъ гимназій, реальныхъ училищъ, и для выдачи ученикамъ въ видѣ награды, а также для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и для безплатныхъ народныхъ читаленъ.

— Книгу: „Изданіе О. Н. Поповой. Земля и люди. Всемірная географія, сочиненіе *Элизе Реклю*. Выпускъ IV. Соединенные Штаты. Часть вторая. Переводъ съ французскаго подъ редакціей *Н. Березина*. Съ 41 рисункомъ и 25 чертежами въ текстѣ. Приложенія: Очеркъ государственнаго устройства, составленный *Д. Протопоповымъ*; библіографическій указатель книгъ и статей на русскомъ языкѣ о Соединенныхъ Штатахъ и географическая карта. С.-Пб. 1899. Стр. 313+VI. Цѣна 2 руб."—одобрить для фундаментальныхъ и уче-

ническихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „*Р. Лауэнштейнъ*, Инженеръ и Профессоръ Велико-Герц. Строительно-Ремесленной школы въ Карлсруэ. Курсъ механики. Элементарное руководство для среднихъ техническихъ школъ и для самообученія. Перевелъ съ нѣмецкаго *А. И. Яронъ*, военный инженеръ, подъ редакціей *Г. Г. Кривошеина*, военнаго инженера, преподавателя Николаевской Инженерной Академіи и Училища. Переводъ съ 4-го изданія. Съ 210 чертежами въ текстѣ. С.-Пб. Изданіе книгопродавца И. И. Базлова. 1901. Стр. 234+VI. Цѣна 1 руб. 50 коп.“—одобрить для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книги: 1) „Высшее образованіе въ Римѣ во времена императоровъ. Рѣчь, произнесенная на торжественномъ актѣ Коллегіи Павла Галагана 1-го октября 1893 года воспитателемъ и преподавателемъ греческаго языка *О. Гордіевичемъ.* Кіевъ. 1894. Стр. 21. Цѣна не обозначена“—2) „Краткій обзоръ важнѣйшихъ моментовъ движенія греческой культуры въ государствахъ древняго міра. *О. Гордіевича.* Кіевъ. 1894. Стр. 14. Цѣна не обозначена“—3) „Главнѣйшія черты практической этики Цицерона. Рѣчь, произнесенная на торжественномъ актѣ Коллегіи Павла Галагана 1-го октября 1899 года. Преподавателемъ древнихъ языковъ *О. Гордіевичемъ.* Кіевъ. 1899. Стр. 23. Цѣна не обозначена“—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ мужскихъ гимназій и шестиклассныхъ прогимназій.

— Книгу: „Происхожденіе животнаго міра д-ра *Вильгельма Гааке.* Переводъ съ нѣмецкаго, съ разрѣшенія издателей оригинала, д-ра *М. Е. Ліона* подъ редакціей проф. *Ю. Н. Вагнера.* Съ 1 картой въ краскахъ, 469 художественными иллюстраціями въ текстѣ, 9 рѣзанными на деревѣ черными картинами и 11 хромолитографіями Р. Коха, В. Кунерта и Г. Мютцеля. С.-Пб. Книгоиздательское товарищество «Просвѣщеніе». 1900. Стр. XI+634. Цѣна за 15 выпусковъ по подпискѣ 6 руб. Въ роскошн. полукожан. переплетѣ 7 руб.“ — одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ средне-учебныхъ заведеній министерства, и въ особенности тѣхъ изъ нихъ, гдѣ преподается естествовѣдѣніе.

— Книгу: „Рѣчи и статьи *Джемса Клерка Максуэлля.* Содержаніе: 1) О дѣйствіи на разстояніи. 2) Молекулы. 3) Атомъ. 4) Притяженіе. 5) Эѳиръ. Переводъ и изданіе *Н. Н. Маракуева.* М. 1901.

Стр. III+138. Цѣна 80 коп."—одобрить для ученическихъ, старшаго возраста, и для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Практическое руководство по нѣмецкому языку. Составилъ *Ѳ. Ѳ. Ясковскій*. Praktischer Lehrgang für den deutschen Sprachunterricht von *Th. Jaskowskÿ*. Reval. 1900. Verlag von Franz Kluge. Стр. 157. Цѣна въ переплетѣ 50 коп."—допустить какъ руководство по нѣмецкому языку для низшихъ и среднихъ классовъ всѣхъ тѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, въ которыхъ преподаваніе нѣмецкаго языка ведется на томъ же языкѣ.

— Книгу: „Курсъ педагогики. Часть I. Педагогика и общая дидактика. *К. Смирнова*, преподавателя Ярославской духовной семинаріи. Изданіе *К. И. Тихомирова*. М. 1900. Стр. VI+110+IV. Цѣна 60 коп."—допустить въ качествѣ руководства для тѣхъ учебныхъ заведеній, въ коихъ преподается педагогика.

— Книгу: „Историческая грамматика французскаго языка. Сочиненіе *Браше*. Переводъ съ французскаго языка *Ивана Соснецкаго*, преподавателя Рязанской губернской гимназіи. М. 1876. Стр. 185. Цѣна 1 руб."—одобрить для пріобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книги: 1) „*E. Debes*' Schul-Atlas für die Oberklassen höherer Lehranstalten. In Verbindung mit Dr. *A. Kirchhoff*, Professor der Erdkunde zu Halle und Prof. Dr. *H. Kropatscheck*, Oberlehrer a. D. zu Berlin bearbeitet in der geographischen Anstalt der Verlagshandlung. Achtundachtzig Haupt- und zweiundsechzig Nebenkarten. Prämiiert auf dem internationalen Geographen-Kongress zu Bern 1891. Dreissigste unveränderte Auflage. Leipzig. Verlag von H. Wagner & E. Debes. 1900. Цѣна не обозначена".—2) „Lehrbuch der Geographie. Nach methodischen Grundsätzen für gehobene und höhere Lehranstalten bearbeitet von Dr. *C. Baenitz* und Oberlehrer *Kopka*. Vierte Auflage. I. Kursus. Untere Stufe. Mit 32 farbigen Karten und 15 Holzschnitten. Bielefeld und Leipzig. Verlag von Velhagen & Klasing. 1896. III+80 S. Цѣна не означена"—первую одобрить, а вторую допустить для употребленія въ училищахъ съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ.

— Книгу: „Abécédaire français. Exercices de lecture et de prononciation par *Alphonse Rancy*. 5-e édition. St.-Pétersbourg. 1901. Стр. 48. Цѣна 30 коп."—одобрить для употребленія въ качествѣ учебнаго

руководства въ приготовительномъ классѣ женскихъ гимназій и прогимназій министерства.

— Книгу: „Abrégé de grammaire française à l'usage de la jeunesse russe par *Alphonse Rancy.* 3-me édition. S.-Pétersbourg. 1901. Стр. 159. Цѣна 60 коп."—одобрить для употребленія, въ качествѣ учебнаго руководства, во всѣхъ вообще среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства, какъ женскихъ, такъ и мужскихъ.

— Книгу: „Manuel élémentaire et pratique de langue française. Cours systématique et gradué de lecture, de conversation, d'orthographe, de grammaire et de traduction à l'usage des classes préparatoires, inférieures et moyennes par *Alphonse Rancy.* 13-me édition. Изданіе Д. Д. Полубояринова. St.-Pétersbourg. 1900. Стр. 287. Цѣна 1 руб. 25 коп."— допустить, какъ учебное руководство, для низшихъ и среднихъ классовъ женскихъ гимназій и прогимназій министерства.

— Книги: 1) „Naturlehre von Dr. *Johannes Crüger.* Einundzwanzigste, vermehrte und verbesserte Auflage. Mit 138 Holzschnitten. Leipzig. C. F. Amelangs Verlag. 1897. Стр. 94. Цѣна не обозначена".—2) „*E. Machs* Grundriss der Naturlehre für die unteren Classen der Mittelschulen. Ausgabe für Gymnasien. Bearbeitet von Dr. *Karl Habart,* Professor am k.k. Staatsgymnasium in Linz. Mit 326 Abbildungen. Dritte, verbesserte Auflage. Wien und Prag. Verlag von F. Tempsky. 1898. IV+180 S. Preis geh. 95 kr., geb. 1 fl. 20 kr."— 3) „Elementarphysik unter Zugrundelegung des Grundrisses der Experimentalphysik von E. Jochmann und O. Hermes für den Anfangsunterricht in höheren Lehranstalten herausgegeben von *O. Hermes* und *P. Spies.* Mit 218 Holzschnitten. Zweite verbesserte und vermehrte Auflage. Berlin. 1900. Winckelmann & Söhne. XII+218 S. Цѣна не обозначена".—4) „Elemente der Physik, Meteorologie und mathematischen Geographie. Hilfsbuch für den Unterricht an höheren Lehranstalten. Mit zahlreichen Übungsfragen und -Aufgaben. Von Professor Dr. *Paul Reis.* Sechste verbesserte Auflage, bearbeitet von Dr. *Eduard Penzold,* Lehrer an den technischen Staatslehranstalten in Chemnitz. Mit 277 Figuren im Text. Leipzig. Verlagsbuchhandlung von Quandt & Händel. 1897. VIII+437 S. Цѣна не обозначена"—одобрить для употребленія въ училищахъ съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ.

— Сочиненіе: „Изданіе Министерства Финансовъ. Охотско-Камчатскій край (съ картой). Естественно-историческое описаніе составилъ Д-ръ *Н. В. Слюнинъ.* Съ 32 фототипіями и 54 цинкографіями. Спб. 1900. Т. I. Стр. X+689+V.—Т. II. Приложенія. Стр. 165+1.

Цѣна за 2 тома 5 руб."—рекомендовать для учительскихъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, а также учительскихъ институтовъ и семинарій.

— Брошюру: „Распредѣленіе латинскаго и греческаго синтаксисовъ по классамъ гимназій и прогимназій Московскаго учебнаго округа съ приложеніемъ списка греческихъ глаголовъ для IV и V классовъ и списка важнѣйшихъ латинскихъ глаголовъ для II и III классовъ. По порученію Попечителя Московскаго учебнаго округа составилъ *Владиміръ Исаенковъ*, окружный инспекторъ того же округа. Изданіе шестое, безъ перемѣнъ. М. 1896. Стр. 32. Цѣна 10 коп."—рекомендовать для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки мужскихъ гимназій.

— Книгу: „Одиссея *Гомера*. Пѣснь III. Объяснилъ *С. Радецкій*, инспектирующій преподаватель Московской 7-й гимназіи. М. Изданіе книжнаго магазина В. Думнова подъ фирмой «Наслѣдники бр. Салаевыхъ». 1901. Стр. III+42. Цѣна 35 коп."—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для мужскихъ гимназій.

— Книги: 1) „Начальная греческая хрестоматія. Связныя статьи, греческія и русскія, для упражненія въ греческой этимологіи. Для III и IV классовъ гимназій составилъ *Э. Черный*, б. преподаватель древнихъ языковъ въ Московской 3-й гимназіи. Часть I. Склоненіе именъ и спряженіе правильныхъ глаголовъ на -ω. Изданіе шестое. М. Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ В. В. Думнова, подъ фирмою «Наслѣдники бр. Салаевыхъ». 1901. Стр. XII+194. Цѣна 80 коп."—2) „Греческо-русскій и русско-греческій словарь къ „Начальной греческой хрестоматіи". Составилъ *Э. Черный*, преподаватель древнихъ языковъ въ Московской 3-й гимназіи. Изданіе 3-е, исправленное и дополненное. М. Изданіе книжнаго магазина В. Думнова, подъ фирмою «Наслѣдники бр. Салаевыхъ». 1898. Стр. 130. Цѣна 70 коп."—одобрить въ качествѣ учебныхъ пособій для мужскихъ гимназій и прогимназій.

— Изданіе: „Историческія карты школьнаго курса. Средніе вѣка. Изданіе Школьной Картопечатни. Спб. Годъ не означенъ. 7 картъ. Цѣна 14 коп."—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „*Н. А. Шапошниковъ*. Курсъ прямолинейной тригонометріи и собраніе тригонометрическихъ задачъ. Восьмое изданіе. Перепечатано при небольшихъ редакціонныхъ исправленіяхъ со второго изданія. Изданіе книжнаго магазина В. В. Думнова, подъ фирмою

«Наслѣдники бр. Салаевыхъ». М. 1900. Стр. IV+120. Цѣна 70 к."— одобрить въ качествѣ руководства для среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Жизнь и труды М. П. Погодина. *Николая Барсукова.* Книга пятнадцатая. Спб. 1901. Стр. XIV+522. Цѣна 2 р. 50 коп."— рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства и допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Брошюру: „*А. Н. Смирновъ.* Собраніе готическихъ буквъ для вышиванія гладью. Пособіе для учащихся въ женскихъ профессіональныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а также для граверовъ, литографовъ, живописцевъ и т. п. Выпускъ I.—8 таблицъ. Цѣна 30 коп."—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для женскихъ гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: B. G. Teubner's Schülerausgaben griechischer und lateinischer Schriftsteller. Des *Titus Livius* Römische Geschichte seit Gründung der Stadt im Auszuge herausgegeben von Dr. *Franz Fügner*, Oberlehrer am Königl. Kaiser Wilhelms-Gymnasium zu Hannover. I. Teil. Der zweite punische Krieg. Text. Leipzig. 1897. IV+294+1. S. — Kommentar. 1. Heft: Buch XXI und XXII. Leipzig. 1899. XXII+110 S. Цѣна не обозначена"— рекомендовать въ качествѣ учебнаго пособія для училищъ съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ.

— Книгу: „Теорія сочиненія съ хрестоматіей. *П. Житецкаго.* Изданіе третье. Перепечатано съ перваго изданія. Кіевъ. 1900. Стр. VII+132. Цѣна 1 руб."—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „Теорія поэзіи. *П. Житецкаго.* Изданіе второе. Кіевъ. 1900. Стр. II+292. Цѣна 1 руб."—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній министерства, а также и для ученическихъ библіотекъ означенныхъ заведеній.

— Книгу: „Очерки изъ исторіи поэзіи. (Пособіе для изученія теоріи поэтическихъ произведеній). *П. Житецкаго.* Изданіе второе исправленное. Кіевъ. 1900. Стр. V+273. Цѣна 1 руб."—рекомендовать вниманію педагогическихъ совѣтовъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства для пріобрѣтенія въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки означенныхъ заведеній.

— Книгу: „Начальныя свѣдѣнія изъ русской грамматики съ приложеніемъ церковно-славянской азбуки и коренныхъ словъ съ бук-

вой ѣ. Учебникъ для приготовительнаго класса гимназій и прогимназій М. Н. Пр., составленный примѣнительно къ требованіямъ учебныхъ плановъ. Составилъ *И. Д. Четыркинъ*. Третье, исправленное изданіе Редакціи „Филологическихъ Записокъ". Воронежъ. 1900. Стр. III + 28 + 1. Цѣна съ пер. 30 коп." — одобрить въ качествѣ руководства по русской грамматикѣ для приготовительныхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книги: 1) „De viris illustribus. Lateinisches Lesebuch nach Nepos, Livius, Curtius für die Quarta höherer Lehranstalten herausgegeben von Dr. *Hans Müller*. Dritte unveränderte Doppelauflage. Hannover. Verlag von Carl Meyer. 1894. XI+152 S. Цѣна не обозначена".—2) „Aufgaben zu lateinischen Stilübungen. Mit besonderer Berücksichtigung von Ellendt-Seyfferts lateinischer Grammatik, sowie K. F. Süpfles Praktischer Anleitung zum Lateinschreiben und mit Anmerkungen versehen von *Karl Friedrich Süpfle*, Grossherzoglich Badischem Hofrat. Erster Teil. Aufgaben für untere und mittlere Klassen. Neunzehnte verbesserte Auflage. Karlsruhe. Verlag von Ch. Th. Groos. 1887. XII+340 S.—Zweiter Teil. Aufgaben für Sekunda. Zweiundzwanzigste verbesserte Auflage. Heidelberg. 1900. XIV+421 S. Цѣны не означены."—3) Übungsbuch für den Unterricht im Lateinischen. Von Dr. *Friedrich Holzweissig*, Direktor des Königl. Dom-Gymnasiums zu Magdeburg. Kursus der Sexta. Fünfzehnte Auflage. Hannover. 1900. Norddeutsche Verlagsanstalt. VIII+183 S. Preis geb. 1 M. 80 Pf".—4) „То же. Kursus der Quinta. Zehnte Auflage. Hannover. 1898. VIII+201 S. Preis geb. 2 M."—5) „То же. Kursus der Quarta. Ausgabe A. (Zusammenhängende Übungsstücke im Anschluss an die vitae des Cornelius Nepos). Siebente Auflage. Hannover. 1899. 208 S. Preis geb. 2 M."—6) „*Christian Ostermanns* Lateinisches Übungsbuch. Neue Ausgabe, besorgt von Professor Dr. *H. J. Müller*, Direktor des Luisenstädtischen Gymnasiums zu Berlin. Vierter Teil: Tertia und Unter-Secunda. Fünfte Auflage. Leipzig. Druck und Verlag von B. G. Teubner. 1898. VIII+280 S. Preis 2 M." — одобрить въ качествѣ учебныхъ пособій для училищъ съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ.

— Книгу: „Lateinische Schulgrammatik in kurzer, übersichtlicher Fassung und mit besonderer Bezeichnung der Pensen für die einzelnen Klassen der Gymnasien und Realgymnasien. Von Dr. *Friedrich Holzweissig*, Direktor des Königl. Dom-Gymnasiums zu Magdeburg. Fünfzehnte, verbesserte Auflage. Hannover. 1899. Norddeutsche Ver-

lagsanstalt. VIII + 224 S. Preis geb. 2. M. 50. Pf." — одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для училищъ съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ.

— Книгу: „Русская исторія въ планахъ (35 плановъ). Отъ начала Руси до начала Москвы. *Ст. Кузнецовъ.* Пособіе для веденія сочиненій, для повторенія курса и для подготовки къ экзамену на домашн. учит. по исторіи. Рига. 1900. Стр. VII+62. Цѣна 30 коп."— допустить въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „Краткій учебникъ всеобщей географіи. Европа. Составилъ *А. Линбергъ.* Седьмое исправленное изданіе. М. Книжный магазинъ И. Дейбнера. 1900. Стр. 108. Цѣна 30 коп." — допустить въ видѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи былъ улучшенъ шрифтъ.

— Книгу: „Начала тригонометріи *А. Давидова,* ординарнаго профессора Императорскаго Московскаго университета. Изданіе третье. Изданіе книжнаго магазина наслѣдниковъ братьевъ Салаевыхъ. М. 1885. Стр. 166+II. Цѣна 1 руб." — одобрить для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Поэзія флоры. Цвѣточный календарь въ письмахъ. Съ изображеніемъ и описаніемъ цвѣтовъ для любителей природы. Изданіе редакціи «Новаго Журнала Иностранной Литературы». С.-Пб. 1900. Стр. 212. Цѣна 2 руб." — допустить въ ученическія библіотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „Сказки для дѣтей. *А. Г. Сахаровой.* Изданіе М. М. Ледерле. 1895. Стр. 85+I. Цѣна не означена" — допустить въ ученическія, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „Дешевая библіотека. № 319. *Е. П. Гребенка.* Чайковскій. Романъ. Съ портретомъ автора и біографіей. С.-Пб. Изданіе А. С. Суворина. 1900. Стр. X + 209. Цѣна 20 коп., въ папкѣ 28 коп., въ переплетѣ 35 коп."—одобрить для ученическихъ библіотекъ всѣхъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній министерства и для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.

— Книгу: „Дешевая библіотека. № 320. *Е. П. Гребенка.* Докторъ. Романъ. С.-Пб. Изданіе А. С. Суворина. 1900. Стр. 245. Цѣна 20 коп., въ папкѣ 28 коп., въ переплетѣ 35 коп."—допустить

въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книгу: „Новая библіотека Суворина. Коринна или Италія. Романъ *де-Сталь*. Изданіе А. С. Суворина. С.-Пб. 1900. Томъ первый. Стр. VII+281+I.—Томъ второй. Стр. 282+I. Цѣна каждаго тома 60 коп." — допустить въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки средне-учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія и въ безплатныя народныя читальни.

VII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Изданіе: „Энциклопедическій словарь, издаваемый Акціонернымъ обществомъ «Издательское Дѣло», бывш. «Брокгаузъ и Ефронъ», начатый подъ редакціей проф. *И. Е. Андреевскаго* и продолжаемый подъ редакціей *К. К. Арсеньева* и заслуженнаго проф. *Ѳ. Ѳ. Петрушевскаго*. Полутомы 51—60. Цѣна каждаго полутома 3 руб. въ переплетѣ и 2 р. 70 к. безъ переплета".—допустить въ учительскія библіотеки учительскихъ семинарій, городскихъ, уѣздныхъ и двухклассныхъ приходскихъ училищъ.

— Книгу: „Докладъ учителя Кіевскаго Свято-Владимірскаго городского училища *Ивана Николаевича Жука* о Научномъ Отдѣлѣ Всемірной Парижской Выставки 1900 года по народному образованію, читанный въ залѣ Кіевской Городской Думы 9 декабря 1900 г. Стр. 47+XX табл. Цѣна 75 коп."—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Разсказы про старое время на Руси отъ начала Русской земли до Петра Великаго. *А. Петрушевскаго*. Изданіе 11-е, съ 24 рисунками. М. 1898. Стр. 304. Цѣна 75 коп."—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „Замѣтки о преподаваніи русской исторіи въ городскихъ и двухклассныхъ сельскихъ училищахъ. Методическое пособіе для воспитанниковъ учительскихъ семинарій и для гг. начальныхъ учителей. Составилъ *В. Сумскій*. М. 1896. Стр. 36. Цѣна 25 коп."—

допустить въ учительскія библіотеки городскихъ и двухклассныхъ сельскихъ училищъ съ условіемъ пониженія цѣны ея при слѣдующемъ ея изданіи.

— Брошюру: „О дурной болѣзни. Ординатора Мясницкой городской больницы *Н. С. Сперанскаго*. 2-е изданіе, съ 8 рис. Изданіе Комиссіи по распространенію гигіеническихъ знаній въ народѣ. № 2. М. 1900. Стр. 47. Цѣна 3 коп.“—одобрить для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Книжку: „У семейнаго очага. Сборникъ разсказовъ русскихъ и иностранныхъ писателей. Для дѣтей школьнаго возраста. Составилъ *Н. Покровскій*. Съ рисунками П. Н. Ольшанскаго. № 10. М. 1900. Издатель В. С. Спиридоновъ. Стр. 84. Цѣна 40 коп.“—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ (младшаго возраста) и низшихъ учебныхъ заведеній, а также въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „Наше школьное дѣло. Сборникъ статей по училищевѣдѣнію Барона *Н. А. Корфа*. Изданіе братьевъ Салаевыхъ. М. 1873. Стр. 430. Цѣна 2 руб.“—допустить въ учительскія библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій.

— Книгу: „Дочь Солнца. Тысячу лѣтъ назадъ. Историческая повѣсть въ двухъ частяхъ *А. К. Сизовой*. Изданіе редакціи журнала «Дѣтское Чтеніе». М. 1900. Стр. 97. Цѣна 25 коп.“—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній, младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни.

— Книгу: „Княжеская мѣстность и храмъ князей въ Смоленскѣ. Историко-археологическое изслѣдованіе въ связи съ исторіей Смоленска. Составилъ *С. П. Писаревъ*. Смоленскъ. 1894. Стр. 295+IV. Цѣна 2 руб.“—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни.

— Книжки изданія Д. П. Ефимова: 1) „Огоньки. 1. Маленькій грѣшникъ. 2. Харита. 3. Пятизлотникъ. Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ. Переводъ *Н. И. Перелыгина*. М. Стр. 54. Цѣна 30 коп.“—2) „Въ своемъ гнѣздышкѣ. 1. Ерши. 2. Два паука. 3. Зайцы. 4. Жаворонки. 5. Легкомысленная бѣлочка. Собралъ и перевелъ съ польскаго *Н. И. Перелыгинъ*. М. Стр. 57. Цѣна 30 коп.“—3) „Былое. 1. Дѣдъ Евменъ. 2. Не молотъ лѣнь учитъ, а голодъ. Переводъ съ малороссійскаго *Н. И. Перелыгина*. М. Стр. 38. Ц. 30 коп.“—допустить въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ, въ таковыя

же, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Изданіе: „Настольная книга по народному образованію. Законы, распоряженія, правила, инструкціи, уставы, справочныя свѣдѣнія и пр. по школьному и внѣшкольному образованію народа. Пособіе для земскихъ и городскихъ общественныхъ учрежденій, директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ, и т. д. Составлена *Г. Фальборкомъ* и *В. Чарнолускимъ*. Въ 3-хъ томахъ. Томъ I. С.-Пб. 1899. Стр. IV+714.—Томъ II. С.-Пб. 1901. Стр. IV+(715—1538). Цѣна за три тома по подпискѣ 5 р., съ перес. 6 р. Изданіе Товарищества «Знаніе». № 14".—допустить т. I—II въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій, въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній и безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книжки: 1) „*Н. Лебедевъ*. Русскія Прописи. Рига. 1901. Изданіе Г. Я. Юревича. Стр. 16. Ц. 5 коп."—2) „Тоже. Изданіе 2-е"—допустить къ употребленію въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

— Книжки *Сергѣя Лебеды*: 1) „За друга. Повѣстушка. 3-е изданіе. С.-Пб. 1890. Стр. 14. Цѣна 5 коп. (Вып. I)—2) „Молодецъ-конь. Разсказъ-быль. Съ 5-ю рисунками Академика Н. С. Самокиша. С.-Пб. 1890. Стр. 14. Цѣна 10 к. (Вып. II)"—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ безплатныя народныя читальни и библіотеки и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ.

— Книгу: „Два дѣятеля. Разсказъ *Бьёрнстьерне-Бьёрнсона*. Переводъ съ норвежскаго *В. Э. Фирсова*. Изд. С.-Пб. Ком. Грамотности. С.-Пб. 1895. Стр. 47."—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Изданіе: „*А. Ильинъ*. Учебный Географическій Атласъ. 12 таблицъ. Изданіе Картографическаго заведенія А. Ильина. С.-Пб. Цѣна 25 коп."—одобрить для употребленія въ низшихъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Колъ Агодотъ Израелъ т. е. Всѣ еврейскія легенды. Обработаны по первоисточникамъ. Сочиненіе *И. М. Левнера*. Часть 1-я. Петроковъ. 1898. Стр. 284. Цѣна 75 коп.—Часть II. Петроковъ. 1900. Стр. XVI + 532. Цѣна 1 р. 50 коп."—допустить въ библіотеки еврейскихъ начальныхъ училищъ и талмудъ-торъ.

— Книги: 1) „*Владимiръ Короленко*. Слѣпой музыкантъ. (Этюдъ). Седьмое изданіе редакціи журнала «Русское Богатство». С.-Пб. 1899. Стр. 201. Цѣна 75 к., съ перес. 1 р."—2) „*П. Засодимскій*. Отъ сохи къ ружью. № 11. Изданіе С.-Пб. Акц. Общества печатнаго дѣла

«Издатель». 1899. Стр. 31."—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки, а первую также и въ ученическія, средняго и старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ.

— Книгу: „Пожаръ на русскомъ кораблѣ. Разсказъ кузнеца.— Въ морѣ на саняхъ. Истинное происшествіе. М. 1886. Стр. 36."— допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

VIII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССІОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіемъ отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессіональному образованію, утвержденнымъ г. товарищемъ министра, постановлено:

— Изданіе *А. Ѳ. Девріена*, подъ заглавіемъ: „Полная энциклопедія русскаго сельскаго хозяйства и соприкасающихся съ нимъ наукъ", т. I, С.-Пб. 1900 г. — одобрить для библіотекъ тѣхъ промышленныхъ училищъ, въ коихъ преподается сельское хозяйство.

Опредѣленіями отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессіональному образованію, утвержденными г. временно-управлявшимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, постановлено:

— Составленный *М. Д. Косткевичъ* „Полный курсъ кройки и шитья" (изд. 2-ое *А. Ф. Маркса*) — допустить въ фундаментальныя библіотеки тѣхъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, гдѣ введено изученіе кройки и шитья.

— Книгу священника *Николая Смирнова* „Краткое руководство къ садоводству", изданіе 2-ое, дополненное, М. 1900 г., допустить въ библіотеки одноклассныхъ и двухклассныхъ сельскихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

— Въ первую половину текущаго академическаго года открыты были въ Виленской губерніи 15 начальныхъ народныхъ училищъ, въ

Ковенской—7, въ Гродненской—14, въ Минской—1, въ Витебской—11 и въ Могилевской—24.

— 24-го августа 1900 года состоялось преобразованіе Барнаульской 5-ти-классной женской прогимназіи въ 7-ми-классную гимназію.

— Начальствомъ Харьковскаго учебнаго округа разрѣшено, съ начала 1901—1902 учебнаго года, преобразовать Моршанскую женскую прогимназію въ семиклассную женскую гимназію.

— Начальствомъ Московскаго учебнаго округа разрѣшено, съ 1-го іюля 1901 года, открыть женскую прогимназію въ городѣ Осташковѣ.

— Начальствомъ Московскаго учебнаго округа разрѣшено открыть съ 1902 учебнаго года VIII-ой классъ при Зарайской женской гимназіи.

ОТЪ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ ПРЕМІЙ

ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО,

учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія.

I.

I. Для соисканія въ 1901 году премій Императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія, *по разряду гимназій* были назначены, съ разрѣшенія г. министра: 1) группа „языки французскій и нѣмецкій“ и 2) физика, при чемъ срокъ конкурса по послѣднему предмету, входившему уже въ минувшемъ 1900 году въ составъ предметовъ конкурсныхъ сочиненій, былъ продолженъ на одинъ годъ на основаніи § 3-го Положенія о преміяхъ, въ виду того, что одна большая (въ 2000 р.) премія осталась въ минувшемъ году не выданною.

Къ сроку, опредѣленному Положеніемъ о преміяхъ Императора Петра Великаго, представлено было въ ученый комитетъ министерства 39 сочиненій, въ томъ числѣ 34 печатныхъ, 1 печатное съ рукописными добавленіями и 4 рукописныя, а именно: по французскому языку 12 сочиненій (9 печатныхъ, 1 печатное съ рукописными добавленіями и 2 рукописныхъ), по нѣмецкому языку 24 печатныхъ книги и по физикѣ 3 сочиненія, изъ коихъ 1 печатное и 2 рукописныхъ.

Въ виду того, что по *нѣмецкому языку* всѣ конкурсныя сочиненія принадлежатъ лишь одному автору, опредѣленіемъ ученаго комитета, утвержденнымъ г. министромъ, было постановлено *признать конкурсъ сочиненій по нѣмецкому языку не состоявшимся и посему отложить этотъ конкурсъ на одинъ годъ*, присоединивъ нѣмецкій языкъ къ назначенной для соисканія премій въ 1902 году группѣ „русскій языкъ со словесностью и логика“.

Для разсмотрѣнія же конкурсныхъ сочиненій по *французскому*

языку и по *физикѣ* были образованы при ученомъ комитетѣ двѣ особыхъ коммиссіи: первая, подъ предсѣдательствомъ члена комитета В. С. Игнатовича, состояла изъ лектора французскаго языка при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ А. А. Ляронда, бывшаго лектора того же предмета при названномъ университетѣ Ѳ. Д. Батюшкова и преподавателя французскаго языка при С.-Петербургской VII гимназіи М. М. Мозера; вторая коммиссія, подъ предсѣдательствомъ члена комитета О. Д. Хвольсона, состояла изъ члена комитета Д. К. Бобылева и профессора И. И. Боргмана.

Коммиссіи, обсудивъ, на основаніи подробныхъ рецензій своихъ членовъ, достоинства переданныхъ имъ для разсмотрѣнія конкурсныхъ сочиненій, представили свои заключенія о нихъ въ ученый комитетъ, который, по всестороннемъ обсужденіи какъ этихъ заключеній, такъ и подробныхъ отзывовъ о разсмотрѣнныхъ коммиссіями сочиненіяхъ, опредѣлилъ:

1) За рукописное сочиненіе по грамматикѣ и методикѣ французскаго языка въ 6 тетрадяхъ, подъ девизомъ:

Наука.

Этотъ въ ней видитъ богиню, небесную радость; другому
Просто корова она: было бы масло ему.

Шиллеръ.

присудить автору сего сочиненія *малую* (въ 500 р.) *премію* Императора Петра Великаго. Основанія для такого заключенія изложены въ помѣщенномъ ниже разборѣ названнаго сочиненія. По вскрытіи конверта съ означеннымъ девизомъ авторомъ сочиненія оказался Василій Васильевичъ Фабриціевъ въ г. Сарапулѣ, Вятской губ.

2) Остальныя сочиненія, представленныя для соисканія въ текущемъ году премій Императора Петра Великаго, отъ присужденія премій устранить.

3) Въ вознагражденіе трудовъ предсѣдателей и членовъ особыхъ коммиссій по разсмотрѣнію конкурсныхъ сочиненій, выдать означеннымъ лицамъ учрежденныя на этотъ предметъ золотыя медали.

4) Продолжить, на основаніи § 3-го Положенія о преміяхъ Императора Петра Великаго, на одинъ годъ срокъ соисканія премій за сочиненія по французскому языку, для каковой цѣли сохранить одну большую (въ 2000 р.) премію, оставшуюся въ нынѣшнемъ году не выданною по разряду гимназій.

Опредѣленія ученаго комитета утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія.

II. *По разряду начальныхъ народныхъ училищъ* былъ назначенъ учебникъ по геометріи для двухклассныхъ и другихъ начальныхъ училищъ, гдѣ преподается этотъ предметъ. Къ опредѣленному положеніемъ о преміяхъ сроку было представлено въ ученый комитетъ три сочиненія (одно въ рукописномъ и два въ печатномъ видѣ). Для разсмотрѣнія сихъ сочиненій была образована при особомъ отдѣлѣ ученаго комитета особая коммиссія изъ членовъ этого отдѣла В. И. Соллертинскаго и В. А. Семеки и директора народныхъ училищъ С.-Петербургской губерніи В. А. Латышева. Предсѣдателемъ коммиссіи его превосходительство г. управлявшій министерствомъ товарищъ министра назначилъ члена особаго отдѣла В. И. Соллертинскаго.

Ознакомившись съ представленными на конкурсъ сочиненіями, коммиссія не признала ни одного изъ нихъ заслуживающимъ преміи, какъ не подходящихъ ни по объему свѣдѣній, ни по характеру изложенія къ курсу вышеозначенныхъ училищъ.

Особый отдѣлъ ученаго комитета, обсудивъ представленные коммиссіей подробные отзывы и заключеніе о разсмотрѣнныхъ ею сочиненіяхъ, опредѣлилъ:

1) признать всѣ три конкурсныя сочиненія по геометріи не заслуживающими премій Императора Петра Великаго,

и 2) въ вознагражденіе трудовъ вышепоименованныхъ предсѣдателя и членовъ особой коммиссіи по разсмотрѣнію конкурсныхъ сочиненій, выдать симъ лицамъ учрежденныя на этотъ предметъ золотыя медали.

Опредѣленіе особаго отдѣла ученаго комитета утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія.

III. *Разборъ сочиненія, удостоеннаго въ 1901 г. малой (въ 500 р.) преміи Императора Петра Великаго.*

Рукопись подъ заглавіемъ: Сочиненіе по грамматикѣ и методикѣ французскаго языка, подъ девизомъ:

Наука.

Этотъ въ ней видитъ богиню, небесную радость; другому
Просто корова она: было бы масло ему.

Шиллеръ.

Это анонимное рукописное сочиненіе состоитъ изъ слѣдующихъ шести частей:

1. Методика и дидактика французскаго языка.
2. Произношеніе и liaison во французскомъ языкѣ.
3. Учебникъ французскаго языка для первоначальнаго курса.

4. Словари къ учебнику: постатейный и алфавитный.

5. Четыре стѣнныя таблицы для упражненія въ произношеніи.

6. Объяснительная записка для гг. рецензентовъ.

Главная часть этого анонимнаго сочиненія есть Методика и дидактика, а остальныя части имѣютъ значеніе лишь аксессуаровъ, служащихъ для примѣненія на практикѣ дидактическихъ положеній и методическихъ указаній въ сложномъ и трудномъ вопросѣ школьнаго преподаванія французскаго языка. Методика эта посвящается анонимнымъ авторомъ „Августѣйшему Покровителю Наукъ, Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Константиновичу, высокому знатоку языковъ".

Для того, чтобы составить себѣ довольно опредѣленное представленіе о содержаніи анонимной дидактики и методики, достаточно перечислить заголовки предметовъ, о которыхъ въ нихъ трактуется. Послѣ краткаго предисловія, въ которомъ заявляется, что методика и дидактика должны быть въ сущности ничѣмъ инымъ, какъ подробнымъ комментаріемъ къ офиціальнымъ учебнымъ планамъ, примѣрнымъ программамъ и объяснительнымъ къ нимъ запискамъ по предмету французскаго языка, разсматриваются затѣмъ съ полной обстоятельностью слѣдующіе вопросы школьнаго преподаванія названнаго языка: 1) Произношеніе: какого произношенія должно придерживаться—академическаго или обиходнаго разговорнаго? Возможно ли въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ достигнуть нормальнаго произношенія? Способы усвоенія правильнаго произношенія? 2) Курсъ теоріи звукообразованія. 3) Курсъ фонетики. 4) Связныя статьи и фразы. 5) Нормальныя слова. 6) Предварительный курсъ звуковыхъ упражненій. 7) Таблицы для упражненій въ произношеніи. Хоровое упражненіе. 8) Фонетика и транскрипція. 9) Заучиваніе словъ. Спрашиваніе словъ. 10) Грамматика. Составленіе грамматики самими учениками. 11) Распредѣленіе грамматическаго матеріала въ курсахъ реальныхъ училищъ, мужскихъ и женскихъ гимназій. 12) О преподаваніи грамматики въ первоначальномъ курсѣ, въ среднихъ и старшихъ классахъ. 13) Переводъ (устный) съ французскаго языка на русскій. 14) Переводъ съ русскаго языка на французскій въ первоначальномъ курсѣ, въ среднихъ и высшихъ классахъ. Какъ производить эти упражненія, устно или письменно, въ классѣ или дома? 15) Questionnaire. 16) Стихотворенія. Какія стихотворенія должны быть выбраны для заучиванія наизусть? Какъ поступать при заучиваніи стихотвореній. 17) Чтеніе *à livre ouvert* и пользованіе словаремъ. 18) Исторія ли-

тературы. Книги для чтенія. 19) На какомъ языкѣ должно вести преподаваніе, на французскомъ или на русскомъ. 20) Письменныя упражненія въ первоначальномъ курсѣ, въ среднихъ и въ старшихъ классахъ. 21) Диктантъ. 22) Переводъ съ французскаго на русскій (письменно). Нѣкоторыя общія замѣчанія, касающіяся исполненія письменныхъ работъ. 23) Методъ преподаванія. 24) Преподаваніе французскаго языка въ приготовительномъ классѣ. 25) Преподаваніе французскаго языка въ V-мъ и VI-мъ классахъ коммерческаго отдѣленія реальныхъ училищъ. 26) Учебникъ. Учебникъ для первоначальнаго курса. Учебникъ для среднихъ классовъ. 27) Характеръ статей для чтенія въ среднихъ и въ старшихъ классахъ. 28) Phrases à compléter и какографія. 29) О дальнѣйшемъ самообразованіи преподавателя. 30) Литература. Полный перечень книгъ по предмету французскаго языка, напечатанныхъ въ Россіи, и главнѣйшія заграничныя сочиненія, касающіяся методики и дидактики этого предмета.

Къ методикѣ и дидактикѣ приложены въ качествѣ пособій: 1) Весьма подробный трактатъ о произношеніи и *liaison*, какъ справочная книга для учащихъ и учащихся. 2) Учебникъ французскаго языка для первоначальнаго курса, приспособленный къ методикѣ и дидактикѣ того же автора, съ присоединеніемъ двухъ раскрашенныхъ картинъ Hölzel'а въ Вѣнѣ — *Le printemps* и *L'hiver*, собранія фразъ и выраженій, необходимыхъ при веденіи преподаванія въ первоначальномъ курсѣ на французскомъ языкѣ, перечня вопросительныхъ оборотовъ, встрѣчающихся въ учебникѣ, изложенія курса грамматики и приложенія къ ней, заключающаго нѣсколько главнѣйшихъ правилъ, изложенныхъ на французскомъ языкѣ. 3) Постатейный словарь, въ которомъ для каждаго упражненія указаны всѣ вновь встрѣчающіяся слова (на правой страницѣ) и, гдѣ возможно, однокоренныя латинскія и нѣмецкія (на лѣвой страницѣ). 4) Алфавитный словарь, содержащій въ себѣ всѣ слова, встрѣчающіяся въ учебникѣ, съ указаніемъ условными знаками, въ какой части его каждое данное слово употреблено въ первый разъ, въ упражненіяхъ ли, въ таблицахъ ли для произношенія, или же въ предварительномъ курсѣ звуковыхъ упражненій и проч. 5) Четыре стѣнныя таблицы, назначенныя для повторенія изложенныхъ во 2-мъ отдѣлѣ учебника правилъ произношенія и для справокъ и поправокъ при каждой ошибкѣ ученика въ выговорѣ французскихъ звуковъ и словъ. 6) Объяснительная записка для гг. рецензентовъ, содержащая точныя ссылки на

источники и личныя разсужденія автора относительно офиціальныхъ программъ, учебниковъ и проч.; записка эта авторомъ къ напечатанію не предназначается.

Серіозное вникновеніе въ содержаніе и обработку всѣхъ частей этой анонимной рукописи убѣждаетъ, что авторъ ея не только хорошо знакомъ со всею русскою и иностранной литературой, касающеюся преподаванія французскаго языка, но и глубоко продумалъ затрогиваемые имъ вопросы и обладаетъ большою опытностью въ классномъ преподаваніи.

Между появившимися въ Россіи методиками нѣтъ ни одной, которая отличалась бы такою многосторонностью, самостоятельностью и такими здравыми взглядами на преподаваніе французскаго языка въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Хотя, по словамъ автора, его методика является лишь подробнымъ комментаріемъ къ тѣмъ объяснительнымъ запискамъ, которыя приложены къ нынѣ дѣйствующимъ учебнымъ планамъ и программамъ по новымъ языкамъ, тѣмъ не менѣе въ ней заключается множество указаній и намековъ, цѣнныхъ и для опытнаго уже преподавателя.

Видно, что авторъ близко знакомъ со всѣми недочетами образованія и спеціальной подготовленности къ учебному дѣлу большинства преподавателей французскаго языка, и что онъ горячо желаетъ прійти на помощь и имъ и начинающимъ преподавателямъ и преподавательницамъ, какъ иностранцамъ, такъ и русскимъ. Нѣтъ, кажется, ни одного вопроса, на который не было бы обращено имъ должнаго вниманія: возникаетъ ли сомнѣніе въ правильномъ пониманіи требованій офиціальныхъ учебныхъ плановъ или въ цѣлесообразности того или другого практическаго пріема; требуется ли совѣтъ, какъ наиболѣе полезно вести тотъ или другой отдѣлъ обученія; нужны ли библіографическія указанія по учебной литературѣ французскаго языка въ Россіи и за границею; требуются ли справки относительно произношенія того или другого слова и проч., на все преподаватель получаетъ или прямой отвѣтъ или указаніе, гдѣ можетъ найти разрѣшеніе интересующаго его вопроса.

Въ этомъ отношеніи особенно цѣннымъ является „Перечень книгъ по предмету французскаго языка, напечатанныхъ въ Россіи, и главнѣйшихъ заграничныхъ сочиненій, касающихся методики и дидактики этого предмета“.

То же самое слѣдуетъ сказать и объ указателѣ источниковъ, по-

служившихъ основаніемъ при составленіи отдѣла „Произношеніе и *liaison* во французскомъ языкѣ“, представляющаго единственное до сихъ поръ на русскомъ языкѣ сочиненіе по этому предмету, и притомъ болѣе полное, чѣмъ всѣ извѣстныя заграничныя подобныя справочныя книги.

Можно, конечно, не согласиться съ авторомъ относительно того или другого рекомендованнаго имъ пріема преподаванія, но нельзя не признать, что всѣ предложенные имъ способы могутъ довести до хорошихъ результатовъ, и что во всякомъ случаѣ они каждаго добросовѣстнаго преподавателя наводятъ на серіозныя размышленія и даютъ ему внушительный толчекъ къ стремленію совершенствоваться въ своемъ трудномъ и мудреномъ дѣлѣ.

Что касается учебника и приложенной къ нему грамматики, то можно сказать, что авторъ весьма удачно справился съ трудно преодолимыми задачами, которыя онъ самъ предъявляетъ къ хорошему учебнику.

Способъ ознакомленія учениковъ съ произношеніемъ авторъ предоставляетъ выбору преподавателя (или посредствомъ таблицъ нормальныхъ словъ, или проходя предварительный курсъ звуковыхъ упражненій, или прямо начиная съ перваго *exercice*). Развитіе *exercices*, методъ ихъ прохожденія и способъ закрѣпленія матеріала въ памяти учащихся указаны въ методикѣ и дидактикѣ—это такъ называемый натуральный (или интуитивный, или американскій) методъ въ его разумномъ примѣненіи къ дѣлу.

Весь учебный матеріалъ руководства расположенъ съ соблюденіемъ постепенности въ переходѣ отъ легкаго къ болѣе трудному. Выборъ словъ для упражненій сдѣланъ примѣнительно къ приложеннымъ къ учебнику картинамъ Hölzel'а, при чемъ описаніе картинъ не доводится до мелочей, а берется лишь то, что понятно всѣмъ дѣтямъ.

Отвлеченныя понятія почти отсутствуютъ. Статейки легко поддаются парафразированію и пересказу съ помощью вопросовъ и безъ нихъ. Принимая въ соображеніе постоянно наблюдаемый фактъ, что умѣніе давать отвѣты на предложенные вопросы интересуетъ дѣтей только въ началѣ, и что ученики очень скоро сами пытаются перейти къ самостоятельному пересказу, авторъ постепенно уменьшаетъ число поставленныхъ послѣ статеекъ вопросовъ, предоставляя конечно самому преподавателю разрабатывать данный въ статейкѣ матеріалъ всевозможными вопросами устно, въ классѣ.

Грамматическій матеріалъ значительно выходитъ изъ рамокъ опре-

дѣленнаго въ официальныхъ программахъ для гимназій и реальныхъ училищъ объема, захватывая части курсовъ 3-го и 4-го классовъ, но распредѣленіе правилъ по статейкамъ и ихъ формулировка столь удачны, что весь этотъ матеріалъ несомнѣнно легко можетъ быть усвоенъ и учениками 2-го класса, т. е. въ первомъ году обученія французскому языку.

Слова и обороты, имѣющіе отношеніе къ неизвѣстнымъ еще изъ предыдущихъ *exercices* правиламъ, подчеркнуты, такъ что при напечатаніи ихъ другимъ шрифтомъ должна получиться полная наглядность, выдѣляющая въ текстѣ новые факты, съ которыми учащимся надлежитъ познакомиться.

Громадную пользу окажутъ не только ученикамъ, особенно отсутствовавшимъ нѣкоторое время на урокахъ, но и преподавателямъ главы: „Фразы и выраженія, необходимыя при веденіи преподаванія въ первоначальномъ курсѣ на французскомъ языкѣ", „Перечень вопросительныхъ оборотовъ, встрѣчающихся въ учебникѣ" и „Приложеніе къ грамматикѣ" (правила, которыя автору, по его заявленію, удавалось проходить на французскомъ языкѣ даже при самомъ плохомъ составѣ класса).

Наконецъ, что касается до объяснительной записки для гг. рецензентовъ, не назначенной для печати, то можно высказать желаніе, чтобы авторъ, сдавая свой трудъ въ типографію, прибавилъ къ названіямъ учебниковъ и хрестоматій (въ отдѣлѣ „Литература") указанныя въ самой запискѣ точныя ссылки на годъ и мѣсяцъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, гдѣ можно найти соотвѣтствующій отзывъ ученаго комитета.

Изъ всего сказаннаго въ объяснительной запискѣ наиболѣе обращаетъ на себя вниманіе по своей важности слѣдующее мѣсто: „Прошу г.г. рецензентовъ", говоритъ авторъ, „не смотрѣть на мой учебникъ какъ на отдѣльную книгу, т. е. годенъ ли онъ для мужскихъ гимназій или нѣтъ; онъ главнымъ образомъ долженъ служить примѣрнымъ руководствомъ для учениць послѣдняго класса женскихъ учебныхъ заведеній при прохожденіи моей „Методики и Дидактики" и быть надежнымъ руководствомъ для начинающихъ молодыхъ преподавателей, чтобы они могли наглядно познакомиться съ однимъ изъ лучшихъ методовъ, приспособленныхъ для первоначальнаго курса." Такимъ образомъ самъ составитель опредѣляетъ ту точку зрѣнія, съ которой нужно смотрѣть на его учебникъ, какъ на матеріалъ, фактически иллюстрирующій положенія его дидактики и указанія методики, и

какъ на пособіе для усвоенія преподающимъ персоналомъ предлагаемыхъ пріемовъ преподаванія иностраннаго языка."

Въ силу всего вышесказаннаго и принимая во вниманіе: 1) самостоятельную разработку и органическую цѣльность всего труда; 2) громадную пользу, которую это сочиненіе можетъ принести, какъ вообще дѣлу преподаванія французскаго языка, такъ и въ особенности самимъ преподающимъ, не только начинающимъ, но и болѣе опытнымъ; 3) образцовую обработку первоначальнаго учебника по натуральному методу, весьма полезному и при теперешней системѣ обученія французскому языку, коммиссія, несмотря на то, что, послѣ предполагаемаго введенія новыхъ учебныхъ плановъ и программъ, многое въ анонимной методикѣ и дидактикѣ окажется излишнимъ или подлежащимъ измѣненію, считаетъ это сочиненіе важнымъ пріобрѣтеніемъ для нашей учебной литературы по французскому языку, какъ пособія необходимаго начинающимъ преподавателямъ для подготовленія къ искусству преподаванія и усовершенствованія въ немъ,—и въ этихъ видахъ нашла рукопись подъ девизомъ „Наука" заслуживающей малой преміи Императора Петра Великаго.

II.

О порядкѣ представленія сочиненій на соисканіе премій Императора Петра Великаго.

Для представленія сочиненій на соисканіе премій Императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія, назначенъ, съ разрѣшенія г. министра, слѣдующій порядокъ:

I. *По разряду гимназій*: на преміи 1902 года—1) группы „русскій языкъ со словесностью и логика" и „нѣмецкій языкъ", съ предпочтительнымъ правомъ на премію за сочиненіе по логикѣ, и 2) „французскій языкъ"; на преміи 1903 года — группа „языки греческій и латинскій", съ преимущественнымъ правомъ на премію за русско-греческій словарь; на преміи 1904 года—группа „исторія и географія, всеобщая и русская".

II. *По разряду реальныхъ училищъ:* на преміи 1902 года—„естественная исторія".

Выборъ метода изложенія учебника по естественной исторіи для реальныхъ училищъ, а также выборъ матеріала и вообще опредѣленіе всего характера учебника, предоставляются составителямъ его; но при этомъ тре-

буется, чтобы учебникъ былъ кратокъ, наученъ и соотвѣтствовалъ программѣ реальныхъ училищъ. Желательно, чтобы объемъ учебника не превышалъ 15 печатныхъ листовъ. Эта краткость легко можетъ быть достигнута, если составитель откинетъ все второстепенное и детальное, имѣющее значеніе лишь фактическаго балласта, въ родѣ, напримѣръ, подробнаго описанія окраски птицъ и т. п., и остановится лишь на фактахъ первостепенныхъ, необходимыхъ для пониманія общей связи излагаемыхъ данныхъ. Точно также составитель можетъ избѣжать повтореній при описаніи внѣшней и внутренней организаціи, если дѣло идетъ объ особенностяхъ, описанныхъ раньше у представителей другого отряда. Научность учебника должна выражаться въ отсутствіи ошибочныхъ или неточныхъ данныхъ, а также и въ томъ, чтобы всѣ данныя стояли на уровнѣ современныхъ научныхъ свѣдѣній. Въ этомъ отношеніи могутъ быть допущены отступленія отъ программы, но лишь по формѣ изложенія, а не по существу. Такъ, напримѣръ, ластоногія могутъ быть помѣщены рядомъ съ хищниками, а не съ китообразными, какъ это дѣлалось ранѣе и какъ это удержано въ программѣ; можетъ быть введенъ въ изложеніе отрядъ сиреновыхъ (sirenia), который включенъ программой въ отрядъ китообразныхъ, чего нельзя сдѣлать при теперешнемъ состояніи науки. Во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія не считаетъ удобнымъ стѣснять составителей какими либо указаніями.

На преміи 1904 года—группа „математика, математическая географія и физика".

III. *По разряду начальныхъ народныхъ училищъ и книгъ для народнаго чтенія.* Въ виду того, что отъ конкурса нынѣшняго года остались невыданными обѣ преміи: одна большая (въ 2000 руб.) и одна малая (въ 500 руб.) за учебникъ геометріи для двухклассныхъ и другихъ начальныхъ училищъ, гдѣ преподается этотъ предметъ, конкурсъ для соисканія этихъ премій за вышеозначенный учебникъ продолжается, съ разрѣшенія его высокопревосходительства г. министра народнаго просвѣщенія, на 1 годъ, съ назначеніемъ срока для представленія сихъ сочиненій въ ученый комитетъ 1-го ноября сего года.

Общія условія, коимъ долженъ удовлетворять этотъ учебникъ, слѣдующія:

1. Учебникъ долженъ быть написанъ точнымъ и правильнымъ языкомъ, безъ излишнихъ подробностей, и заключать въ себѣ лишь тотъ учебный матеріалъ, который долженъ быть сообщенъ учащимся.

2. Учебникъ долженъ быть практическимъ, т. е. каждая геометрическая истина должна сопровождаться упражненіями и примѣрами, показывающими примѣненіе этой истины, а иногда и основываться на нихъ. Однако курсъ не долженъ ограничиваться одною наглядною провѣркою сообщаемыхъ истинъ: каждое новое свѣдѣніе должно, по возможности, опираться на предыдущее.

3. Учебникъ долженъ заключать въ себѣ только тѣ геометрическія положенія, безъ которыхъ нельзя обойтись для пониманія измѣренія простѣйшихъ линій, поверхностей и объемовъ, а равно и для пониманія чертежей и плановъ.

На преміи 1903 года назначается „Исторія Россіи для народа". Требованія и примѣрная программа, коимъ должно удовлетворять это сочиненіе, объявлены во всеобщее свѣдѣніе въ *„Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія"* за 1896 годъ, книжка VII-я.

Сочиненія для соисканія премій должны быть представлены въ ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія въ теченіе года, предшествующаго назначенію премій, не позже 1-го ноября. Учебныя руководства и пособія принимаются, для соисканія премій, какъ печатныя, такъ и рукописныя, но послѣднія будутъ подвергаемы разсмотрѣнію лишь въ томъ случаѣ, если окажутся написанными опрятно и разборчиво. Сочиненія могутъ быть представляемы и безъ обозначенія имени автора, подъ какимъ-либо девизомъ, съ приложеніемъ пакета подъ тѣмъ же девизомъ, гдѣ должны быть обозначены имя и фамилія автора, его званіе и мѣстожительство.

РУССКО-АВСТРІЙСКІЙ СОЮЗЪ ВО ВРЕМЯ СЕМИЛѢТНЕЙ ВОЙНЫ [1]).

По изслѣдованіямъ А. Нодэ ни одинъ прусскій полкъ и ни одинъ батальонъ не былъ ни мобилизованъ, ни готовъ къ походу въ концѣ іюня. Признаками мобилизаціи марбургскій профессоръ считалъ призывъ въ строй уволенныхъ въ отпускъ, двойныхъ сверхкомплектныхъ, обозныхъ, снабженіе офицеровъ и обоза лошадьми, полковъ пушками по двѣ на батальонъ, солдатъ хлѣбомъ на шесть дней и боевыми патронами. Между тѣмъ М. Леманнъ вслѣдствіе неясности своихъ опредѣленій зачислилъ въ „готовые къ войнѣ" (kriegsbereit) не менѣе 49 полковъ, которые только призвали отпускныхъ ради воинскихъ упражненій. Далѣе, по Нодэ, къ концу іюня относятся только „приказы" короля о вооруженіяхъ, но требовалось время на то, чтобы они были исполнены и чтобы слухи о нихъ достигли Вѣны; итакъ, распоряженіе Маріи-Терезіи отъ 6-го іюля о созывѣ „комиссіи по вооруженіямъ" нельзя ставить въ связь съ этими іюньскими мѣропріятіями, а надо объяснять какими-нибудь случайными слухами. Дѣйствительно мобилизованы были пять полковъ (4 полка и одинъ батальонъ гренадеровъ) на помощь фельдмаршалу Левальдту противъ русскихъ, но для исполненія этого приказа отъ 25-го іюня объ образованіи резервнаго корпуса въ Помераніи былъ назначенъ срокъ въ пять сутокъ съ минуты его полученія, и мобилизація закончилась въ сущности въ началѣ іюля [2]); разрѣшено было мобилизовать и полки въ Восточной Пруссіи противъ русскихъ. Три полка въ Вестфаліи получили при-

---

[1]) *Продолженіе.* См. апрѣльскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1901 годъ.

[2]) Publicationen etc., B. 74, S. 57.

казъ мобилизоваться отъ 17-го іюля, но на дѣлѣ ихъ военныя приготовленія завершились лишь къ 25-му августа. Пяти кавалерійскимъ полкамъ Курмарки и Помераніи приказы о мобилизаціи посланы съ 6-го по 20-е августа, силезскимъ войскамъ 12-го августа, всѣмъ остальнымъ въ теченіе того же мѣсяца съ 2-го по 20-е число; при этомъ надо имѣть въ виду, что дѣйствительная мобилизація совершалась дней на 6, на 12 послѣ подписанія указа въ Потсдамѣ. Итакъ, по изслѣдованіямъ А. Нодэ, противъ Австріи не было въ іюнѣ мобилизовано ни одного полка, вооруженія же противъ Россіи надо считать оборонительными. Первый указъ о вооруженіяхъ въ Восточной Пруссіи падаетъ на 21-е іюня [1]): фельдмаршалъ Левальдтъ долженъ былъ прекратить выдачу отпусковъ, расположить роты и эскадроны такъ, чтобы они могли быть стянуты въ одинъ день; пѣхотный полкъ Kalnein, стоявшій обыкновенно дальше отъ русской границы, предписывалось задержать подъ какимъ-либо предлогомъ въ Кенигсбергѣ, такъ что въ концѣ іюня въ этомъ городѣ стояло три полка, а еще два находились даже ближе къ русской границѣ. Въ инструкціи фельдмаршалу Левальдту отъ 23-го іюня предписывается снарядить двойныхъ сверхкомплектныхъ какъ въ пѣхотѣ, такъ и въ кавалеріи [2]); впрочемъ, двойные сверхкомплектные должны быть призваны только тогда, когда уже послѣдуетъ вторженіе непріятеля. Офиціальный приказъ о мобилизаціи, предоставленный на усмотрѣніе и волю фельдмаршала Левальдта, не былъ теперь изданъ, такъ какъ 29-го іюня стало извѣстно, что русскіе пріостановили свое движеніе. Фридрихъ II предполагалъ, что армія Елисаветы раздѣлится на-двое и что часть будетъ двинута изъ Смоленска въ Силезію [3]). Итакъ, прусскія военныя приготовленія въ Силезіи, т. е. увеличеніе числа гарнизонныхъ батальоновъ, постановка палисадовъ въ крѣпостяхъ, созывъ отпускныхъ, были столько же направлены противъ русскихъ, какъ и противъ австрійцевъ. Только ради защиты Восточной Пруссіи созданъ былъ резервный корпусъ подъ командой наслѣднаго принца дармштадтскаго [4]); корпусъ остался въ Помераніи, такъ какъ движеніе русскихъ было

---

[1]) Его приходится возстановлять по отвѣту Левальдта отъ 28-го іюня (Publicationen, B. 74, S. 65).

[2]) Кавалерійскимъ полкамъ, двинутымъ противъ Саксоніи, приказъ посадить двойныхъ сверхкомплектныхъ на лошадей отданъ только 21-го августа. (Ibidem, S. 106).

[3]) А. Нодэ ссылается на Pol. Corr., B. XII, № 7586.

[4]) Publicationen, B. 74, S. 56.

пріостановлено. Назначенные въ Восточную Пруссію полки должны были двинуться на квартиры полковъ Задней Помераніи, а тѣ въ свою очередь были переведены на мѣста, покинутыя полками дармштадтскаго корпуса. Выборъ полковъ для обороны Восточной Пруссіи былъ сдѣланъ по совѣту генерала Винтерфельдта, но А. Нодэ готовъ допустить, что подобное передвиженіе гарнизоновъ давало возможность скрыть истинныя цѣли мобилизаціи, дабы не встревожить Австрію на случай, если бы дѣло не дошло до войны съ Россіей [1]). Четыремъ полкамъ и батальону гренадеровъ, мобилизованнымъ противъ Россіи, былъ отданъ приказъ быть готовыми къ походу на шестой день, но они не успѣли закончить всѣ приготовленія въ этотъ срокъ, и части отпускныхъ пришлось догонять ихъ въ Помераніи; при окончательной мобилизаціи этихъ полковъ со 2-го августа имъ данъ срокъ въ 10—11 дней. Пять померанскихъ полковъ, которые переводились на квартиры, покинутыя резервнымъ корпусомъ, не были вполнѣ мобилизованы, а должны были только захватить отпускныхъ и двойныхъ сверхкомплектныхъ (безъ орудій, боевыхъ патроновъ, обозныхъ фургоновъ, раздачи шестидневнаго запаса хлѣба солдатамъ на руки); только со 2 — 21-ое августа посланы приказы о мобилизаціи и этимъ полкамъ. Тремъ полкамъ Вестфаліи въ концѣ іюня отданы приказы призвать въ строй только часть отпускныхъ, а именно людей ненадежныхъ или далеко живущихъ; точно также полкамъ Магдебурга, Гальберштадта, Старой Марки (по Эльбѣ) предписано призвать далеко живущихъ. Но ни въ Силезіи, ни въ Средней (Берлинъ), ни въ Новой Маркѣ (по Одеру) нѣтъ слѣдовъ мобилизаціи, а только созывъ учебныхъ сборовъ. Для мѣропріятій Фридриха II въ іюлѣ мѣсяцѣ можно принять объясненіе профессора Козера, что король хотѣлъ разъяснить положеніе дѣлъ, но въ концѣ іюня надвигались русскіе, и обстоятельства были и безъ того ясны [2]). Оставалось только при-

---

[1]) Однако А. Нодэ подчеркиваетъ, что гренадеры Кальдена очистили квартиры въ Treuenbrietzen'ѣ близъ саксонско-австрійской границы и никѣмъ не были замѣнены.

Изъ померанско-бранденбургскихъ полковъ ближе всего къ цѣли были расположены полки Jeetze, Prinz Moritz, Prinz von Braunschweig, Amstel, Bevern и Darmstadt; изъ нихъ выбраны три, можетъ быть потому, что они скорѣе всего могли быть мобилизованы. Командиръ полка Jeetze былъ больной человѣкъ, вышедшій черезъ нѣсколько недѣль въ отставку; герцога бевернскаго и принца Морица, по мнѣнію А. Нодэ, вѣроятно, уже тогда предполагалось поставить во главѣ отрядовъ при вступленіи въ Саксонію.

[2]) А. Нодэ ссылается, какъ и Р. Козеръ, на Pol. Corr. B. XIII, № 7649 отъ

нять мѣры предосторожности. И вотъ приказомъ отъ 21-го іюня полкамъ Восточной Пруссіи запрещено выдавать отпуски офицерамъ. 23-го іюня это распоряженіе повторено для полковъ Помераніи, Марокъ, Магдебурга, Вестфаліи; въ тотъ же день отозваны и офицеры изъ Карлсбада. Для Силезіи такихъ приказовъ не могло быть, такъ какъ тамъ не кончились учебные сборы. Вестфальскимъ полкамъ Фридрихъ II прямо писалъ (отъ 21-го іюня), что, судя по обстоятельствамъ, они недѣль черезъ 6 — 8 могутъ получить приказъ о выступленіи [1]). Немедленныя военныя приготовленія намѣчены только для Восточной Пруссіи [2]); первый приказъ о постановкѣ палисадовъ на мѣста посланъ въ Мемель (отъ 23-го іюня); въ тотъ же день идетъ предписаніе созвать подъ какимъ-либо предлогомъ полкъ ландмилиціи полковника фонъ-Гюльзена въ Восточной Пруссіи, чтобы расположить его въ этой крѣпости. Напротивъ, общія мѣры безопасности принимаются только въ расчетѣ на будущее время [3]). Напри-

4-го іюля 1756 г. Такъ какъ передвиженіе полковъ, предпринятое въ іюнѣ противъ русскихъ, могло осуществиться только къ началу іюля, то король и въ этомъ письмѣ долженъ былъ имѣть въ виду все его же.

[1]) Publicationen, B. 74, S. 51. При военныхъ демонстраціяхъ въ 1749 году мобилизація шла быстрѣе: 6-го и 7-го марта 1749 года отданы были приказы всѣмъ полкамъ Силезіи, Помераніи, Бранденбурга, Старой Марки, Магдебурга, Гальберштадта, Вестфаліи, прирейнскихъ земель быть наготовѣ къ 1—15-му апрѣля или 1-му мая, а 10-го и 11-го марта слѣдуютъ приказы полкамъ Вестфаліи и Рейна идти на Востокъ.

[2]) Гарнизонные полки Sydow и Manteuffel должны быть преобразованы въ полевые полки, на случай войны сформированъ батальонъ Гейдерштэдтъ. (Приказы Левальдту отъ 21-го, 23-го и 25-го іюня. См. Pol. Corr., B. XII, № 7601 и Publicationen, B. 74, S.S. 65, 93).

[3]) Publicationen, B. 74, S.S. 61, 82. Передъ началомъ войны формировались новые батальоны гренадеровъ, а именно по двѣ роты отъ двухъ пѣхотныхъ полковъ соединялись въ одинъ гренадерскій батальонъ. Приказы для ихъ сформированія отданы 13—26-го августа, но М. Леманнъ переноситъ ихъ уже на іюнь 1756 года; между тѣмъ приказы отъ 25-го и 27-го іюня только предувѣдомляютъ, что въ случаѣ похода роты гренадеровъ будутъ сформированы въ батальоны; опять таки не военныя приготовленія, а мѣры предосторожности на будущее время (Publicationen, B. 74, S.S. 58, 105, 109; Pol. Corr., XIII, №№ 7839 и 7857). По Леманну 7 полковъ въ Силезіи получили приказы сдѣлать приготовленія, чтобы по полученіи приказа о походѣ они могли вытребовать изъ кантоновъ по 50—70 лучшихъ молодыхъ рекрутъ. Но и эти приказы даны на случай, если бы пришлось двинуть полки въ походъ. (Напримѣръ, Publicationen, B. 74, S. 49 — приказъ „an Generallеutnant von Kyau in Ratibor“ отъ 19-го іюня: сверхъ двойныхъ сверхкомплектныхъ „noch 60 bis 70 der besten jungen Leute“ въ случаѣ

мѣръ, 26-го іюня генералъ Винтерфельдтъ получаетъ порученіе закупить внѣ Пруссіи 5.740 лошадей и доноситъ отъ 18-го іюля, что бо́льшая часть заказа можетъ быть доставлена въ Потсдамъ и Берлинъ въ первыхъ числахъ августа [1]); для трехъ вестфальскихъ полковъ лошади заказываются въ іюлѣ, а главная масса лошадей (10.347) — внутри государства — только въ августѣ [2]). Между тѣмъ Австрія закупаетъ лошадей внѣ своихъ предѣловъ — въ Ганноверѣ, Голштиніи, Мекленбургѣ—уже въ іюнѣ, а въ своихъ предѣлахъ—въ іюлѣ (съ 26-го іюля). Наконецъ, и самъ Фридрихъ II начинаетъ свои вооруженія 19-го іюня заявленіемъ, что онъ принужденъ ради *обороны* своихъ земель принять мѣры безопасности [3]).

Вся политическая и военная дѣятельность короля съ 29 іюня и и до 15 или даже 21 іюля находилась подъ вліяніемъ извѣстія, что русскія войска, шедшія было къ границамъ Пруссіи, отступили. 15 іюля надежда на миръ опять исчезаетъ, но съ этихъ поръ Фридрихъ II ждетъ нападенія уже со стороны Австріи. Донесеніе Сварта о томъ, что русскіе идутъ назадъ, стало извѣстно въ Потсдамѣ 29 іюня, но передвиженіе гарнизоновъ не было отмѣнено, такъ какъ въ началѣ іюля оно могло по крайней мѣрѣ разъяснить королю намѣренія Австріи [4]); резервный корпусъ принца дармштадтскаго былъ только задержанъ въ Помераніи. Зато 4-го іюля король отсрочиваетъ до поры до времени исполненіе своего приказа запасти въ Силезіи фуражъ на $2^1/_2$ мѣсяца, посланнаго было министру Шлабрендорфу 26-го іюня. Наконецъ, 12-го іюля Фридрихъ II получилъ донесеніе отъ фм. Левальдта о томъ, что движеніе русскихъ пріостановилось, и приказалъ фельдмаршалу подождать еще до конца мѣсяца, а тамъ распустить войска по квартирамъ. Между тѣмъ съ различныхъ сторонъ 15-го, 16-го и 17-го іюля приходятъ вѣсти, что венгерскія войска двинуты въ Богемію и Моравію. Напримѣръ, 15-го іюля получено извѣстіе черезъ подполковника Пфлуга о томъ, что будто-бы

распоряженія „in Campagne zu marschiren“. М. Леманнъ напрасно этотъ приказъ отъ 19-го іюня соединяетъ въ одно мѣропріятіе съ приказомъ отъ 25-го іюня—призвать силезскихъ отпускныхъ, отданнымъ въ виду учебныхъ сборовъ: далеко не всѣ 7 упомянутыхъ полковъ стояли въ Силезіи).

[1]) Publicationen, B. 74, S. 82.

[2]) Pol. Corr., XIII, №№ 7721, 7797, 7835.

[3]) Pol. Corr., B. XII, № 7587. „Bei denen jetzigen höchst critiquen Umständen von Europa... sehe Ich Mich genöthiget, Mich in eine sichere Positur zu Deckung Meiner Lande gegen alle feindliche Anfälle zu setzen“ etc.

[4]) Pol. Corr., XIII, № 7649.

не только венгерскіе, но даже и итальянскіе полки получили приказъ идти въ походъ. 17-го іюля слухи о движеніи кавалеріи изъ Венгріи подтвердились; и вотъ, король въ тотъ же день шлетъ тремъ вестфальскимъ полкамъ приказы отчасти мобилизоваться, а 18-го іюля предписываетъ своему посланнику сдѣлать въ Вѣнѣ первый запросъ о цѣли австрійскихъ вооруженій. Его вліятельный совѣтникъ генералъ Винтерфельдтъ былъ противъ этого шага, отсрочивавшаго нападеніе, и желалъ предупредить враговъ лучше сегодня же, нежели завтра [1]).

---

[1]) „So wünschte ich lieber heute als morgen zu präveniren". 13 Juli 1756. (Hist. Zeitschr. B. 64, S. 487). Еще раньше Нодэ на вызовъ М. Леманна отвѣчалъ Рейнгольдъ Козеръ (Historische Zeitschrift, B. 74., 1895, Reinhold Koser, „Zum Ursprung des siebenjährigen Krieges". Ему же принадлежитъ статья „Neue Veröffentlichungen zur Vorgeschichte des siebenjährigen Krieges", Historische Zeitschrift, B. 77, 1896). Геттингенскій профессоръ примѣнялъ къ истолкованію мотивовъ, которыми могъ руководиться Фридрихъ II въ 1756 году, его же собственный отзывъ, что разумный человѣкъ не станетъ затѣвать такой войны, гдѣ ему придется только обороняться, и что начинать враждебныя дѣйствія стоитъ только, имѣя хорошіе виды на завоеванія. (Oeuvres, 28, 124). Историкъ прусскаго короля отвѣчаетъ, что въ 1756 году рѣчь шла не о войнѣ съ планомъ стратегической обороны, а о предупрежденіи наступленія. Итакъ, тутъ былъ на лицо случай, указанный Фридрихомъ II въ „Опроверженіи Маккіавелли": лучше самому начать наступательную войну, нежели ждать времени, когда положеніе станетъ безнадежно и враги своими мѣропріятіями успѣютъ связать тебя по рукамъ и по ногамъ. (Oeuvres, 8, 296). Положеніе дѣлъ передъ началомъ войны не только не внушало надеждъ на завоеванія, но даже внушало королю и его окружающимъ тревогу. (Эйхель Подевильсу отъ 14-го іюля 1756 года: „Es ist aber nicht ohne, dass die jetzigen Aspecten überall die fürchterlichsten und epineusesten seind, worüber Ew. Excellenz Sich des Königs Majestät Beunruhigung gar leichte vorstellen werden". Pol. Corr., XIII, № 7702. Митчелль о разговорѣ съ королемъ 27-го августа: „that even with success he cannot be a gainer by war—that, therefore, both, interest and inclination, lead him to wish for peace, so that he should be glad to hear propositions for peace, even after he had taken the field." Pol. Corr., XIII, № 7930. Эйхель Подевильсу отъ 18-го сентября: „Ueberhaupt haben des Königs Majestät gegen mich declariret, dass da die Kaiserin-Königin Sie schlechterdinges zu dem Kriege forciret hätten—welchen Sie, wenn es auch sonsten Dero Intention jemalen gewesen, Krieg zu haben, gewiss in gegenwärtigen Conjoncturen nicht angefangen haben würden" etc. Pol. Corr., XIII, № 8068). Будучи вынужденъ къ наступленію, Фридрихъ II на случай успѣшнаго исхода войны дѣйствительно намѣчалъ желательныя территоріальныя пріобрѣтенія въ видѣ вознагражденія для себя, но это не противорѣчитъ положенію, что до извѣстія о движеніи русскихъ въ Восточную Пруссію онъ не думалъ еще о завоеваніяхъ. „Послѣ побѣды подъ Прагой король даже подумывалъ о примиреніи съ Австріей и дружномъ натискѣ на французовъ („which however he hardly expected" Митчелль отъ 24-го мая. Pol. Corr., B. XV, № 8967). Предчувствіе грядущей войны, прогля-

Изъ нѣмецкихъ историковъ съ именемъ на сторону М. Леманна

дывающее въ перепискѣ короля за 1749—1750 гг., нельзя понимать, какъ рѣшимость самому начать ее въ 1754—1755 году; это только сознаніе, что Марія Терезія рано или поздно сдѣлаетъ попытку вернуть утраченную Силезію. (Въ февралѣ 1753 года Фридрихъ II писалъ принцу прусскому Августу Вильгельму: „Vous croyez donc, mon cher frère, qu'il n'est pas impossible que l'envie de nos ennemis nous suscite une guerre? J'en suis bien aise, cela a toujours été mon opinion. Je ne dis pas que cet évènement est proche, mais je peux assurer positivement qu'il arrivera"). Произвольное толкованіе, которое М. Леманнъ даетъ словамъ короля „le plaisir d'humilier ou, pour mieux dire, d'anéantir la Saxe" (письмо отъ 19-го февраля 1756 г.), Козеръ конечно отвергаетъ; рѣчь идетъ не о завоеваніи Саксоніи въ наступательной войнѣ, а объ уничтоженіи политическаго вліянія курфюршества и графа Брюля мирнымъ путемъ, посредствомъ „росчерка пера", т. е. ратификаціей Вестминстерской конвенціи. Въ наказѣ Мальцану отъ 7-го февраля 1756 года прусскій король съ торжествомъ заявляетъ, что дрезденскому двору не дождаться теперь субсидій ни отъ Англіи, ни отъ Франціи. (Pol. Corr., XI, № 7163 отъ 30-го декабря 1755 года: „quand tous les subsides manqueront à la cour de Dresde, il faudra bien que le manque d'argent devienne plus grand encore et qu'en conséquence on sera obligé... d'adopter le plan de réduction parmi les troupes". Ibidem, XII, № 7251 отъ 7-го февраля 1756 года: „si la cour de Dresde continue de compter sur des subsides, elle se méprendra furieusement, vu qu'après ma convention faite avec les Anglais, ceux-ci ne lui donneront rien en subsides"). Признавая, что вооруженія Фридриха II противъ Россіи начались въ іюнѣ, Р. Козеръ напоминаетъ, что самое наступленіе русскихъ было въ концѣ концовъ вызвано воздѣйствіемъ вѣнскаго двора на императрицу Елисавету. Формулѣ М. Леманна—„два столкнувшіяся наступленія" не достаетъ искренности; въ сущности русско-австрійское наступленіе въ его изложеніи рисуется гипотетичнымъ, сказавшимся въ дипломатическихъ сношеніяхъ, но не подкрѣпленнымъ военными мѣропріятіями; итакъ, налицо остаются только завоевательные замыслы и вооруженія Фридриха II. (B. 77). Военныя силы Австріи король признавалъ внушительными и въ 1748 году считалъ для себя невозможнымъ продержаться противъ нихъ въ Богеміи въ теченіе зимы (Oeuvres, 28, 11), если къ нему на помощь не явится, какъ въ 1742 году, еще армія союзника. Вообще на завоеванія онъ расчитывалъ только въ войнѣ рука объ руку съ Франціей, а не въ союзѣ съ Англіей. Россія въ силу своего географическаго положенія представлялась Фридриху II въ 1746 году неуязвимой, а, благодаря множеству нерегулярнаго войска,—грозящей Пруссіи чисто варварскимъ опустошеніемъ (ссылка на Publicationen aus den preussischen Staats Archiven, B. IV, 302); въ 1749 году онъ собирался даже просто очистить Восточную Пруссію передъ наступленіемъ русскихъ и осуществилъ это рѣшеніе въ концѣ 1757 года въ виду трудности обороны на два фронта—противъ Маріи-Терезіи и Елисаветы. По мнѣнію герцога Ниверна, именно эта боязнь русскихъ и побудила короля заключить Вестминстерскую конвенцію (ссылка на Perey, Un petit neveu de Mazarin). Прусскіе запросы въ Вѣнѣ и самое вторженіе въ Саксонію для профессора Козера, какъ и для Л. Ранке, имѣютъ только смыслъ, какъ угрозы, которыя

сталъ берлинскій профессоръ и издатель „Preussische Jahrbücher“—

должны были остановить дипломатическое и военное наступленіе Маріи-Терезіи и ея союзниковъ (14-го декабря 1756 года король писалъ о своихъ врагахъ, главнымъ образомъ о французахъ: „Die Leute seind mir so böse, sie möchten mir zerreissen, allein ich glaube, wann erstlich die Oesterreicher tüchtig auf die Ohren werden gekriegt haben, so werden sich die stolze Wellen legen.“ Pol. Corr., XIV, № 8438. Въ томъ же духѣ онъ писалъ въ февралѣ 1757 года о шведахъ: „avant qu'ils assemblent des troupes, j'aurai battu mes ennemis, et les autres n'auront pas le coeur de remuer“. Ibidem, № 8630). Подобные шаги не разъ удавались Фридриху II: въ августѣ 1745 года онъ воинственнымъ манифестомъ противъ Саксоніи вызвалъ заключеніе Ганноверской конвенціи и посредничество Англіи; военныя демонстраціи весной 1749 года, рѣзкая нота с.-петербургскому двору въ 1750 году, шпандаускій лагерь 1753 года въ свое время разсѣивали или отсрочивали надвигавшуюся на Пруссію грозу.

М. Ленаннъ продолжалъ обороняться и противъ Р. Козера, и противъ А. Нодэ (Göttingische gelehrte Anzeigen, 1895 г. В. I. Selbstanzeige и 1896 г. В. I.—рецензія на книгу Нодэ). Геттингенскій профессоръ по прежнему считалъ франко-и русско-австрійское наступательное соглашеніе еще дѣломъ далеко не рѣшеннымъ до вторженія Фридриха II въ Саксонію. (Ссылка на донесеніе графа Штаремберга отъ 20-го августа 1756 г.). Условія, намѣченныя для завоеванія Саксоніи въ Политическомъ Завѣщаніи, расчитаны были, по Леманну, на преемниковъ, а отъ себя самого король могъ ждать большаго („Sich selber traute er schon etwas mehr zu“). Вообще онъ отказывается считать Политическое Завѣщаніе только мечтой и напираетъ на вошедшую въ него диспозицію для вторженія въ Саксонію; напротивъ, мимолетную мысль короля послѣ побѣды при Прагѣ помириться съ австрійцами, толкуетъ, какъ дипломатическую уловку для успокоенія Англіи. На свидѣтельства Митчелля и даже Эйхеля будто бы нельзя ссылаться; одинъ—посланникъ иностранной державы, отъ которой надо было скрыть завоевательные замыслы; другой—сдержанный секретарь, который знаетъ, о чемъ должно умолчать въ письмѣ къ малодушному министру Подевильсу. Въ виду этого Леманнъ остается при своемъ мнѣніи, что осенью 1756 года Фридрихъ II надѣялся выйти побѣдителемъ изъ затѣянной имъ войны. „Dissimulez vos projets“—таково возраженіе геттингенскаго профессора на всѣ документальныя доказательства. („Es liegt im Wesen des Geheimnisses, dass es weniger Spuren in der Ueberlieferung zurücklässt, als die auf Täuschung berechnete Publicität“). Ссылку профессора Козера на прежніе взгляды самого автора новой гипотезы М. Леманнъ устраняетъ заявленіемъ, что съ тѣхъ поръ онъ сдѣлалъ „открытіе“ („Es hat eine Zeit gegeben, da Columbus noch nicht Amerika, Newton noch nicht das Gravitationsgesetz, Helmholtz noch nicht das Gesetz von der Erhaltung der Kraft entdeckt hatte. Das ist so die Art der Entdeckungen“). Сопоставленія между старыми обвиненіями противъ Фридриха II и новой гипотезой авторъ ея объявляетъ попыткой провозгласить его еретикомъ и предать суду прусской инквизиціи. („Die Aeusserung Kosers wäre dann am Platze, wenn er der Gross — Inquisitor wäre, der über die Heilighaltung der preussischen Geschichte zu wachen hätte. Zum Glück fehlt es an einem Tribunal, vor dem er plädieren könnte“).

Въ новой работѣ Альберта Нодэ М. Леманнъ видитъ только софизмы, замалчиваніе или искаженіе фактовъ. („Diese Schrift... wimmelt von Verschweigungen, Entstellungen und Sophismen... Auch die vorliegende Schrift trägt das Gepräge der Ungerechtigkeit und der Verblendung. Nicht nur für die Staaten, sondern auch für die Einzelnen gilt der Satz, dass sie sich mit den Mitteln, durch die sie emporgekommen sind, auch behaupten").

Становясь на точку зрѣнія, что тайные планы Фридриха II не оставили слѣда въ его перепискѣ, М. Леманнъ и его послѣдователи упускаютъ изъ виду, что сознаніе своей неподготовленности къ войнѣ и желаніе отсрочить ее года на два, ясно выраженныя въ письмахъ и бесѣдахъ короля за 1755—1756 годы, нашло себѣ подтвержденіе въ обстоятельномъ изслѣдованіи прусскихъ финансовъ, числа и расположенія войска, а также и въ секретныхъ источникахъ въ родѣ Политическаго Завѣщанія 1752 года, гдѣ нападеніе Турціи на Россію, а Франціи и Сардиніи на Австрію намѣчены, какъ условія для завоеванія Саксоніи; ни М. Леманнъ, ни Г. Дельбрюкъ не могли конечно доказать, чтобы политическое положеніе въ 1756 году было для Пруссіи благопріятнѣе, нежели исключительныя условія, предположенныя въ Политическомъ Завѣщаніи. Страстный тонъ полемики М. Леманна, его желаніе объяснять взгляды своихъ противниковъ своекорыстными расчетами, бездоказательные приговоры и произвольные отзывы о чужихъ работахъ, граничащіе по рѣзкости съ бранью, были осуждены въ статьяхъ профессора Эриха Маркса. (Beilage zur Allgemeinen Zeitung, 1896 г. №№ 92, 93, 94. April 21—23, „Friedrich der Grosse und der Ausbruch des siebenjährigen Krieges", v. Erich Marcks). По поводу желанія Г. Дельбрюка рѣшить вопросъ дедуктивно изъ своеобразнаго построенія личности Фридриха II, лейпцигскій историкъ замѣчаетъ, что пониманіе общаго дается только правильнымъ истолкованіемъ частностей („Die Gesammtauffassung Friedrichs — wird richtigerweise doch wohl nur vom Einzelnen ausgehen können, wenn sie nicht ganz willkürlich werden will"). Уже первый выпускъ изслѣдованій А. Нодэ разрушилъ въ глазахъ Э. Маркса весь фактическій фундаментъ подъ построеніями М. Леманна („Nach dem ersten Hefte seiner „Beiträge" kann man bereits sagen: der wesentliche Thatsachenunterbau Lehmanns ist falsch"). Пріемы изслѣдованія и полемики, къ которымъ прибѣгъ авторъ новой гипотезы въ своей самозащитѣ въ Gött. G. A., лейпцигскій профессоръ называетъ прямо-таки непозволительными, почти неслыханными. („Diese Vertheidigung und seine ganze Antwort ist noch schlimmer als sein Buch selbst; man muss ihm gegenüber als Fachgenosse und öffentlich aussprechen, was weit über die fachgenössischen Kreise hinaus über Lehmanns Führung dieses Streites von Anfang an oft genug geurtheilt worden ist: sie ist durch und durch unsachlich und tief zu bedauern ...Auch ich betone meinen Glauben an Lehmanns Gutgläubigkeit. Aber ich glaube die Schärfe des Urtheils über seine Quellenbenutzung nicht abstumpfen zu dürfen; sein Verfahren ist unzulässig, es ist beinah unerhört... Dass er in seine These verrannt war und die Dinge nur noch in deren Lichte zu sehen und zu würdigen vermochte" etc.). Густавъ Шмоллеръ въ некрологѣ Альберта Нодэ освѣтилъ личныя отношенія между марбургскимъ профессоромъ и Максомъ Леманномъ. (Forschungen zur Brandenburgischen und Preuszischen Geschichte, B. IX, 1897). Гёттингенскій

профессоръ былъ членомъ редакціи „Historische Zeitschrift", когда въ ней печатались статьи Нодэ „Friedrich der Grosse vor dem Ausbruch des siebenjährigen Krieges". Весной 1893 года освободилась каѳедра по новой исторіи въ марбургскомъ университетѣ, вслѣдствіе перехода М. Леманна въ Лейпцигъ. Къ этому времени уходившій профессоръ уже выработалъ себѣ новый взглядъ на происхожденіе Семилѣтней войны и успѣлъ вооружить факультетъ противъ кандидатуры Альберта Нодэ, изображая его статьи прямо-таки тенденціозными. Министерство по почину фонъ-Зибеля намѣревалось основать тогда въ Марбургѣ архивную школу, признало А. Нодэ наиболѣе подходящимъ руководителемъ и назначило его туда ординарнымъ профессоромъ вопреки желанію факультета (въ апрѣлѣ 1893 г.). И лекціи, и семинарій А. Нодэ имѣли успѣхъ среди слушателей, но ему такъ таки и не удалось установить товарищескихъ отношеній съ членами факультета. При такихъ обстоятельствахъ М. Леманнъ направилъ противъ него свои нападки въ 1894 году въ книжкѣ „Friedrich der Grosse und der Ursprung des siebenjährigen Krieges", а затѣмъ и въ „Göttingische gelehrte Anzeigen" за 1896 годъ. Прежнія дружественныя отношенія между обоими профессорами были окончательно порваны этой полемикой. Лѣтомъ 1896 года А. Нодэ получилъ приглашеніе отъ фрейбургскаго университета въ Брейсгау перейти на каѳедру исторіи и въ виду враждебности товарищей рѣшилъ принять его съ Пасхи 1897 года. Онъ сознавалъ необходимость очистить себя отъ обвиненій М. Леманна—въ поверхностности и беззастѣнчивомъ служеніи политическимъ тенденціямъ прусскаго правительства. Онъ съ крайнимъ напряженіемъ силъ изучалъ въ Вѣнѣ и Берлинѣ архивный матеріалъ за 1755—56 гг. Плодомъ этихъ усилій явились его „Beiträge zur Entstehungsgeschichte des siebenjährigen Krieges", но здоровье изслѣдователя не выдержало, и 17-го декабря 1896 года А. Нодэ скончался отъ переутомленія 38 лѣтъ отъ рожденія. Признавая за блестящими гипотезами въ наукѣ право на существованіе, Г. Шмоллеръ въ данномъ случаѣ дѣлаетъ упрекъ М. Леманну и его послѣдователямъ въ томъ, что они высказали и отстаивали свою догадку безъ достаточнаго фактическаго основанія; только поэтому Альберту Нодэ и удалось новыми архивными изысканіями опровергнуть ихъ и доказать свои прежнія положенія.

Мы не ставили себѣ цѣлью дать библіографическій перечень всѣхъ статей и замѣтокъ, посвященныхъ контроверсу о происхожденіи Семилѣтней войны за пять лѣтъ 1894—1899 гг.; они перечислены въ Jahresberichte der Geschichtswissenschaft за 1894 и слѣд. годы, въ Historisches Jahrbuch, B. XVIII, 1897, въ Mittheilungen aus der historischen Literatur, B. 23, 1895, въ Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, Neue Folge, 1 Jahrg. 1896—1897. (Prof. Heigel въ статьѣ „Friedrich der Grosse und der Ursprung des Siebenjährigen Krieges" становится на сторону А. Нодэ и Р. Козера) и т. п. изданіяхъ, спеціально посвященныхъ библіографіи. Все явно ненаучное, въ родѣ замѣтки Онно Клоппа (Onno Klopp), мы сознательно оставляли за предѣлами нашего изслѣдованія. Нашей задачей было прослѣдить то широкое русло изслѣдованій, которое привело ко взгляду на вопросъ, ставшему нынѣ господствующимъ и послѣ тщательной повѣрки принятому и нами, правда, въ своеобразной формулировкѣ. Во всѣхъ отрасляхъ человѣческаго знанія есть свои искренніе „сектанты", какъ

Гансъ Дельбрюкъ [1]). Онъ считаетъ немыслимымъ, что Фридрихъ II удовлетворился завоеваніемъ Силезіи и затѣмъ съ 34-го года своей жизни рѣшилъ вести мирную жизнь трудолюбиваго чиновника, посвящая досугъ философіи, поэзіи, музыкѣ. Къ тому же присоединеніе по крайней мѣрѣ сѣверной полосы Саксоніи и всей Западной Пруссіи было вопросомъ жизни и смерти для его государства: польская область отрывала Восточную Пруссію отъ туловища королевства, а граница саксонскаго курфюршества проходила въ шести миляхъ отъ Берлина; Силезія была связана съ Маркой только узкимъ перешейкомъ въ 6—7 миль ширины. Если Фридрихъ II дѣйствительно былъ великимъ государственнымъ человѣкомъ, то онъ не могъ не стремиться къ объединенію Пруссіи, Бранденбурга, Силезіи въ предѣлы новой великой монархіи. Если же ему не хватало рѣшимости завоевателя направлять прусскую политику къ этой единой цѣли черезъ всѣ перемѣны въ международныхъ комбинаціяхъ, въ такомъ случаѣ это какой-то герой — недоносокъ, который въ теченіе семи лѣтъ ослѣплялъ міръ воинской доблестью безъ сознательной политической задачи. Даже если онъ завершеніе своей государственной программы предоставлялъ потомству, то и тогда это не умѣренность, а слабость. Только гипотеза М. Леманна спасаетъ въ глазахъ Г. Дельбрюка славу великаго короля. Фридрихъ II могъ мечтать о завоеваніи Силезіи, такъ какъ онъ не предполагалъ, что Франція приметъ участіе въ войнѣ. Правда, условій для наступленія на Саксонію, намѣченныхъ въ „Политическомъ Завѣщаніи“, не было въ 1756 году налицо, но зато образовалось стеченіе обстоятельствъ не менѣе благопріятное въ глазахъ короля, быть можетъ даже болѣе выгодное: Англія была на его сторонѣ, а Франція во всякомъ случаѣ шла еще не противъ него [2]). Наоборотъ,

---

М. Леманнъ и Г. Дельбрюкъ. Ихъ положительные выводы отвергнуты подавляющимъ большинствомъ историковъ, но ихъ отрицательная критика углубила и расширила современную постановку вопроса и принята, по крайней мѣрѣ нами, во вниманіе въ нашей самостоятельной формулировкѣ итоговъ полемики.

[1]) Hans Delbrück, „Der Ursprung des Siebenjährigen Krieges“, Preussische Jahrbücher, B. 79., 1895 и „Friedrich der Grosse und der Ursprung des Siebenjährigen Krieges“, ibidem, B. 84, 1896.

[2]) Ibid., B. 84, S. 39.: „Unter den Verhältnissen des Jahres 1752, als das Testament niedergeschrieben wurde, waren es wirklich Träumereien. 1756 aber waren die Verhältnisse in einer Weise gewandelt, die selbst Friedrichs Phantasie nicht vorauszuahnen sich vermessen hatte; jetzt konnte das Traumhafte abfallen und das Höchstreale—nämlich das Postulat einer Vergrösserung des preussischen Staatskörpers hervortreten“.

какъ мѣра оборонительная, вторженіе въ Саксонію осенью 1756 года не выдерживаетъ критики: королю удалось захватить курфюршество и обезоружить саксонскую армію, но онъ этимъ еще отнюдь не уничтожилъ австрійскихъ силъ и даже скорѣе только помогъ сложиться окончательно наступательному союзу противъ Пруссіи. Слухи объ австрійскихъ вооруженіяхъ дали Фридриху II поводъ для войны, но эти слухи, по Дельбрюку, отчасти нарочно пущены въ ходъ графомъ Кауницемъ, отчасти подтасованы самимъ королемъ, какъ напримѣръ извѣстіе изъ Дрездена отъ 14-го іюля о движеніи всѣхъ войскъ изъ Венгріи въ Богемію и Моравію [1]. Итакъ, по мнѣнію берлинскаго профессора, прусскій король, какъ онъ изображается предшественниками М. Леманна, просто слабонервный сангвиникъ. Напротивъ, Фридрихъ II выростаетъ въ демоническую натуру, если онъ безъ крайней необходимости только ради новыхъ завоеваній самъ началъ наступательную войну. Тогда это—чуждая законности отвага генія: онъ разбиваетъ въ дребезги сопротивляющійся ему міръ, хочетъ создать собственный новый міръ и сокровенными путями идетъ прямо къ своей цѣли [2]. Исходя въ пониманіи политики Фридриха II отъ искусственнаго построенія личности короля, Дельбрюкъ и при истолкованіи его писемъ не дорожитъ буквальнымъ смысломъ; вѣдь демоническій политикъ долженъ былъ тщательно скрывать свои истинные замыслы и даже въ перепискѣ съ братьями и сестрами не подымалъ забрала. Впрочемъ, въ отличіе отъ М. Леманна берлинскій профессоръ призналъ, что даже и безъ вторженія Фридриха II въ Саксонію весной 1757 года послѣдовало бы нападеніе обѣихъ императрицъ на Пруссію. Но при этомъ онъ защищаетъ взглядъ на Вестминстерскую конвенцію, какъ на первый шагъ къ наступленію, подробно развитый его ученикомъ Луквальдтомъ. Если бы прусскій король дорожилъ

---

[1] А. Нодэ (Beiträge, I, S. 96) указываетъ Г. Дельбрюку, что о сознательной подтасовкѣ извѣстій (Fälschung) не можетъ быть рѣчи уже потому, что нѣсколько дней спустя Фридрихъ II самъ взялъ свои слова назадъ. Король 16-го іюля сообщаетъ англійскому посланнику, что по свѣдѣніямъ изъ Дрездена всѣ австрійскія войска изъ Венгріи двинуты въ Моравію и Богемію, а недѣлю спустя пересылаетъ ему свой приказъ по поводу того, что изъ Венгріи нѣтъ вѣстей о какихъ либо другихъ передвиженіяхъ войскъ, кромѣ какъ о походѣ 10 кавалерійскихъ полковъ въ лагерь въ Киттзэ. (Pol. Corr., B. XIII, №№ 7711 и 7743).

[2] „Der Staatsmann, der mit der gesetzlosen Verwogenheit des Genius die Welt, die sich ihm widersetzen will, in Trümmer schlagend, selber willens eine neue Welt zu schaffen, auf Wegen tiefster Verborgenheit doch gerade auf sein Ziel zuschreitet“. Ibidem., B. 79, S. 276.

сохраненіемъ мира, то ему достаточно было бы поддержать въ Людовикѣ XV желаніе ограничиться одной только морской войной съ Англіей.

Принявъ основныя положенія М. Леманна и Г. Дельбрюка, Фридрихъ Луквальдтъ утверждаетъ, что прусскій король уже въ 1755 году старался возжечь общеевропейскую войну [1]). Такъ, напримѣръ, на предложеніе Франціи—принять участіе въ нападеніи на Ганноверъ—король 6-го мая отвѣчаетъ не рѣшительнымъ отказомъ, а уклончивыми оговорками и совѣтомъ Людовику XV завоевать австрійскіе Нидерланды. По мнѣнію Луквальдта Фридрихъ II желалъ тогда черезъ посредство версальскаго двора заручиться содѣйствіемъ Порты и Даніи. а Францію втянуть въ войну съ Австріей. Въ разгаръ общеевропейской войны онъ могъ бы осуществить политическія мечты своего завѣщанія, т. е. захватить Саксонію; отсюда враждебное отношеніе короля къ попыткамъ французскаго министерства заключить субсидный договоръ съ курфюрстомъ Августомъ [2]). Съ другой стороны въ осторожности версальскаго двора, въ его желаніи ограничиться войной противъ Англіи на морѣ Луквальдтъ безъ достаточнаго основанія видитъ признакъ того, что будто-бы уже лѣтомъ 1755 года Франція считалась съ возможностью измѣнить систему и перейти отъ прусскаго союза къ австрійскому. Въ началѣ ноября въ руки короля попала инструкція герцога Ниверпэ, которая не оправдала его ожиданій: гарантія на обладаніе Остфризландіей, уступка ненужныхъ ему островoвъ Табаго, св. Викентія, св. Луціи — вотъ все, что сулило возобновленіе союза съ Людовикомъ XV. Между тѣмъ 26-го ноября лордъ Гольдернессъ сообщилъ Митчеллю русско-англійскій субсидный договоръ съ его тайною статьей и указывалъ, что война или миръ зависятъ теперь вполнѣ отъ прусскаго короля. Подъ впечатлѣніемъ этого извѣстія Фридрихъ II послалъ 7-го декабря своему повѣренному въ дѣлахъ наказъ начать переговоры съ Англіей о нейтралитетѣ. Луквальдтъ настаиваетъ на томъ, что Вестминстерская конвенція должна быть истолкована изъ международнаго положенія въ началѣ декабря, а отнюдь не въ половинѣ января 1756 года, когда она была окончательно подписана. Между тѣмъ въ началѣ декабря Пруссіи

---

[1]) Friedrich Luckwaldt, „Die Westminsterkonvention", Preussische Jahrbücher, B. 80, 1895.

[2]) Ibidem, S. 239. „Nicht Erhaltung des Weltfriedens also, sondern Herauffühtung eines aussichtsvollen Krieges gegen Oesterreich und Sachsen, war um diese Zeit der leitende Gesichtspunkt der preuszischen Politik".

еще не грозила опасность: вѣсти о новыхъ воинственныхъ постановленіяхъ русской придворной конференціи пришли только въ половинѣ декабря, а субсидная конвенція между Англіей и Россіей, по мнѣнію автора, будто бы не внушала опасеній Фридриху II [1]). Ученикъ Дельбрюка придаетъ здѣсь слишкомъ много значенія оппозиціи въ англійскомъ парламентѣ и забываетъ, съ какимъ вниманіемъ слѣдилъ прусскій король за переговорами о субсидной конвенціи въ С.-Петербургѣ, начатыми лондонскимъ дворомъ исключительно изъ страха передъ нимъ. Итакъ, по словамъ Луквальдта нападенія со стороны Англіи и Россіи король не ждалъ. Австрія, отдѣлившись отъ Георга II, тоже не могла перейти въ наступленіе безъ англійскихъ субсидій. Франція рѣшилась избѣгать войны на материкѣ. Фридрихъ II дѣйствительно стоялъ, какъ выражался Гольдернессъ, съ мечомъ въ одной рукѣ и оливковой вѣтвью въ другой. Какъ жалко было уединенное положеніе Саксоніи, главной жертвы, давно намѣченной прусскимъ королемъ! Неужели при такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ онъ отказался отъ осуществленія своей завѣтной цѣли? Однако самъ Луквальдтъ допускаетъ, что Фридрихъ II расчитывалъ перейти въ наступленіе можетъ быть только въ 1757 году, и этимъ обезсиливаетъ всю цѣпь своихъ доводовъ [2]). Своего же положенія, что въ 1756 году прусскій король поспѣшилъ начать войну не для того, чтобы предупредить неотвратимое наступленіе союзниковъ, а только потому, что Австрія и Россія подали ему желанный поводъ, ученикъ Дельбрюка не доказалъ. Подобно своему учителю, Луквальдтъ исходитъ отъ предвзятой мысли, что „Политическая переписка Фридриха II“ не можетъ служить источникомъ и что дѣйствительныя цѣли короля надо вычитывать между строкъ [3]).

---

[1]) „Beginnen wir mit Russland und England. Der Subsidienvertrag zwischen beiden war perfekt geworden... aber er hatte in Friedrichs Augen entfernt den bedrohlichen Charakter nicht, den Koser und Naudé ihm beilegen. Die Berichte Michells liessen erkennen, dass die Wogen der Opposition gegen ihn sehr hoch gingen“.

[2]) Ibidem, S. 267. „Sehr möglich, dass er ursprünglich noch 1756 ruhig bleiben wollte, um 1757 mit umso gesammelterer Kraft loszuschlagen; losschlagen aber wollte er, und wenn er es schlieszlich doch schon in 1756 that, so lag der Grund darin, dass die Nachrichten vom Marsch der Russen und von österreichischen Zettelungen und angeblichen Rüstungen ihm einen Vorwand boten, wie er vielleicht nicht wieder so gut und scheinbar zu finden war“.

[3]) Ibidem, S. 234. „So führt uns schon die genaue Prüfung der Lage auf die

Противъ толкованій Луквальдта направлена статья Георга Кюнцеля о Вестминстерской конвенціи [1]). Авторъ предлагаетъ такую повѣрку для оцѣнки конвенціи: если Фридрихъ II заключилъ ее ради сохраненія мира, то его дальнѣйшая политика въ 1756 году должна тоже носить миролюбивый характеръ; напротивъ, если онъ желалъ только уединить Австрію, чтобы начать противъ нея наступательную войну, тогда и нападеніе на Саксонію значитъ было добровольнымъ, а не вынужденной самообороной. Разсказъ аббата Берни въ его мемуарахъ, будто бы Книпгаузенъ отъ имени короля предлагалъ, что Пруссія двинетъ 140.000 армію въ Богемію, если французы согласны вторгнуться въ Бельгію, надо отвергнуть, такъ какъ въ перепискѣ между Фридрихомъ II и его посланникомъ въ Парижѣ объ этомъ нѣтъ ни слова. Въ противоположность Луквальдту, Кюнцель, Вагнеръ, герцогъ Брольи считаютъ мемуары Берни вообще источникомъ ненадежнымъ. Желаніе Фридриха II склонить Людовика XV къ нападенію на Бельгію или Ганноверъ не противорѣчитъ мнѣнію Козера, Нодэ, Кюнцеля, что король стремился Вестминстерской конвенціей сохранить миръ для Пруссіи и притомъ только для нея, а не для Германіи вообще, того менѣе для всего материка. Эта цѣль — миръ для Пруссіи—оставалась неизмѣнной, но средства для ея достиженія могли быть различны, такъ, напримѣръ: 1) сначала Фридрихъ II пытался увлечь Францію къ нападенію на Ганноверъ, 2) потомъ думалъ выступить посредникомъ между Англіей и Франціей и 3) наконецъ согласился гарантировать нейтралитетъ Ганноверу. Предлагая французамъ вторгнуться въ Ганноверъ, прусскій король расчитывалъ внушить Георгу II боязнь за свои нѣмецкія владѣнія и расположить его къ полюбовной сдѣлкѣ съ версальскимъ дворомъ; кромѣ того, для Фридриха II важно было предупредить нападеніе англичанъ на материковыя владѣнія Людовика XV, чтобы не посылать ему помощи въ силу оборонительнаго договора. Когда версальскій дворъ согласился на вторженіе въ Ганноверъ и требовалъ участія въ немъ Пруссіи, тогда король (въ отвѣтѣ отъ 6-го мая) не отказался, правда, наотрѣзъ, но указалъ на затруднительность своего положенія: ему угрожаютъ Австрія, Россія, Саксонія; если ему обезпечатъ помощь Турціи и Даніи, только тогда онъ приметъ участіе въ предпріятіи противъ

Vermuthung, dass Kosers Auffassung, wenn sie auch den Wortlaut der Politischen Korrespondenz für sich hat, doch thatsächlich nicht zutrifft".

[1]) Georg Küntzel, „Die Westminsterkonvention", Forschungen zur Brandenburgischen und Preussischen Geschichte, B. IX, 1897.

Ганновера; пусть, однако, французы направятъ свои усилія на завоеваніе Фландріи. Итакъ, отвѣтъ 6-го мая не былъ замаскированнымъ согласіемъ, какъ думаетъ Луквальдтъ, а отказомъ и попыткой толкнуть французовъ въ австрійскіе Нидерланды, чтобы самому остаться внѣ военныхъ дѣйствій. И позднѣе [1]) Фридрихъ II совѣтуетъ версальскому двору заручиться для нападенія на Ганноверъ содѣйствіемъ Даніи, признавая себя неспособнымъ подать помощь Людовику XV, пока ему угрожаютъ Россія и Австрія. Не найдя въ Версалѣ почвы для своихъ совѣтовъ, король обращается къ другому средству сохранить нейтралитетъ для Пруссіи, а именно—выступить посредникомъ между Англіей и Франціей, завязать переговоры съ Георгомъ II, не обрывая своихъ сношеній съ Людовикомъ XV. 1-го сентября король выразилъ готовность сблизиться съ лондонскимъ дворомъ, а 13-го сентября поспѣшилъ намекнуть въ Версалѣ, что англичане сдѣлали ему своеобразное сообщеніе. Въ отвѣтѣ лондонскому правительству [2]) Фридрихъ II какъ бы предлагалъ свое посредничество; въ то же время онъ заявлялъ, что вступленіе русскаго войска въ Германію толкнетъ его на войну [3]). Наконецъ, когда Гольдернессъ сообщилъ Мишеллю копію съ субсиднаго договора съ Россіей [4]), король рѣшился вырвать жало у этой сдѣлки, направленной противъ Пруссіи, и 7-го декабря далъ согласіе на англійскія предложенія. Луквальдтъ утверждаетъ, что въ этотъ день королю не было еще основанія бояться русскихъ и что поэтому толчкомъ для сближенія съ Англіей было желаніе уединить Австрію и разгромить ее. Кюнцель опровергаетъ этотъ взглядъ указаніемъ на то, что, судя по Политическому Завѣщанію 1752 года, Фридрихъ II признавалъ завоеванія возможными только въ союзѣ съ Франціей, а отнюдь не съ Англіей. Къ тому же нападеніе на Марію-Терезію, вѣроятно, положило бы тогда конецъ сближенію между Берлиномъ и Лондономъ. Вестминстерская конвенція, по Кюнцелю, отнюдь не означала перемѣны системы, такъ какъ еще 30-го декабря прусскій король повторилъ свой совѣтъ версальскому двору—овладѣть Фландріей [5]). Если бы онъ уклонился отъ предложенія Георга II гарантировать Ганноверу нейтралитетъ, то этимъ возбудилъ бы недовѣріе къ своимъ намѣре-

---

[1]) 29-го іюля, 9-го августа.
[2]) Отъ 13-го октября, Pol. Corr., B. XI, № 7025.
[3]) Pol. Corr., B. XI, № 7027.
[4]) Дон. отъ 28-го ноября, ibidem, № 7119.
[5]) Ibidem, № 7165. Совѣтъ дается здѣсь косвенно.

ніямъ; послѣдствіемъ было бы болѣе тѣсное сближеніе между Англіей и Россіей. Напротивъ, если бы Фридрихъ II еще до заключенія Вестминстерской конвенціи изложилъ версальскому двору свои побужденія, то, можетъ быть, Франція даже одобрила бы этотъ шагъ и всю политическую систему прусскаго короля.

Ученикъ М. Леманна Фердинандъ Вагнеръ тоже сдѣлалъ попытку подтвердить гипотезу своею учителя, а именно разборомъ отношеній между Фридрихомъ II и версальскимъ дворомъ [1]. Авторъ слѣдуетъ пріему М. Леманна—не вѣрить показаніямъ „Политической переписки". Напримѣръ, по его словамъ король самъ не вѣрилъ тѣмъ цифрамъ, которыя онъ приводилъ при исчисленіи армій своихъ союзниковъ и враговъ. Итакъ, Вагнеръ не можетъ объяснить Вестминстерскую конвенцію страхомъ передъ русскими и ищетъ другого истолкованія. Еще во второй половинѣ 1752 года Фридрихъ II черезъ посредство Франціи думалъ побудить Турцію къ войнѣ противъ Маріи Терезіи или Елисаветы; но французское правительство боялось тогда, что въ случаѣ неудачи войны въ Константинополѣ усилится вліяніе Англіи [2]. Осенью 1753 года король опять пытается убѣдить версальскій дворъ—наступленіемъ предупредить воинственные замыслы враговъ, но французское министерство считало настроеніе въ Англіи миролюбивымъ и не поддалось внушеніямъ прусскаго посланника [3]. Всѣ эти попытки возжечь войну въ Европѣ Вагнеръ объясняетъ желаніемъ Фридриха II подъ шумокъ захватить Саксонію; этотъ расчетъ не могъ осуществиться вслѣдствіе миролюбія Людовика XV. Столкновеніе между французами и англичанами въ Америкѣ снова оживило надежды короля. И вотъ въ апрѣлѣ 1755 года онъ даетъ посланнику La Touche въ Берлинѣ и министру Рульэ въ Парижѣ совѣтъ тотчасъ послѣ объявленія войны вторгнуться въ Ганноверъ [4]. Но версальскій дворъ расчитывалъ втянуть въ это предпріятіе самого прусскаго короля, а потому Фридрихъ II мѣняетъ свой взглядъ и старается въ маѣ направить вни-

---

[1] F. Wagner, Friedrichs des Grossen Beziehungen zu Frankreich und der Beginn des siebenjährigen Krieges, Hamburg, 1896.

[2] Вагнеръ имѣетъ въ виду Pol. Corr., B. IX, №№ 5624 и 5702, 5703 и 5757.

[3] Pol. Corr., B. X, №№ 6093 и 6137.

[4] Вестминстерскій договоръ отъ 18-го—29-го ноября 1742 года не обязывалъ Фридриха II посылать Георгу II помощь на защиту Ганновера. (Pol. Corr. B. II, №№ 994, 1010, 1023, 1118). Въ началѣ 1746 года прусскій король отказался помогать англійскому правительству противъ претендента изъ династіи Стюартовъ и оправдывалъ себя тѣмъ, что Англія не вполнѣ исполняла условія Ганноверской конвенціи. (Pol. Corr., B. V, № 2136 отъ 19-го января 1746 года).

маніе французовъ на австрійскіе Нидерланды, а противъ Ганновера совѣтуетъ имъ искать помощи у Даніи; для него важно было связать нѣсколько европейскихъ державъ войной, а самому сохранить свободу дѣйствія. По мнѣнію Вагнера желаніе версальскаго двора заключить субсидную конвенцію съ Саксоніей отдалило Фридриха II отъ Франціи; 30-го августа Книпгаузену данъ наказъ, во что бы то ни стало помѣшать договору. Еще 23-го іюля Рульэ сообщилъ прусскому посланнику о томъ, что Ла Тушъ будетъ отозванъ, а его мѣсто со временемъ займетъ Валори, пока же съ чрезвычайными полномочіями будетъ присланъ герцогъ Нивернэ; однако инструкція для герцога была подписана только лишь 12-го ноября [1]. На свой запросъ (отъ 11-го декабря 1755 г.), высказался ли совѣтъ короля за морскую или сухопутную войну, Ниверпэ получилъ отъ французскаго министра не вполнѣ опредѣленный отвѣтъ (15-го декабря), что Людовикъ XV знаетъ одного только врага — Англію и желалъ бы по возможности избѣжать войны въ Европѣ, но, смотря по обстоятельствамъ, готовъ мстить Георгу II на морѣ, въ Ганноверѣ, даже высадкой въ самой Великобританіи [2]. Убѣдившись изъ инструкціи герцогу Ниверпэ, что Пруссіи нечего ни ждать, ни опасаться отъ версальскаго двора, Фридрихъ II далъ 7-го декабря свое согласіе на договоръ съ Англіей о нейтралитетѣ. Цѣлью Вестминстерской конвенціи было — отдалить отъ Австріи единственную державу, способную дать деньги на веденіе войны и Маріи-Терезіи, и Елисаветѣ. Но прусскій король не желалъ открытаго разрыва съ Франціей и подчеркивалъ, что рѣчь идетъ не о союзѣ съ Георгомъ II, а только о конвенціи и что онъ даже готовъ возобновить оборонительный трактатъ съ версальскимъ дворомъ отъ 1741 года. Книпгаузенъ, узнавъ о намѣреніи короля войти въ сдѣлку съ Георгомъ II, совѣтовалъ сообщить все дѣло предварительно французскому министерству и ручался, что Людовикъ XV, рѣшившійся не трогать Германіи и сосредоточить всѣ силы на высадкѣ въ Англіи, дастъ свое согласіе на конвенцію о нейтралитетѣ; напротивъ, всякія

---

[1] Вагнеръ въ прусскомъ государственномъ архивѣ воспользовался донесеніемъ Книпгаузена отъ 24-го іюля 1755 года, только отчасти напечатаннымъ въ Pol. Corr., XI, № 6918. Въ инструкціи для герцога Ниверпэ въ парижскомъ архивѣ авторъ отмѣчаетъ пунктъ, не упомянутый прусскимъ посланникомъ въ донесеніи отъ 24-го октября 1755 г. (Pol. Corr., XI, № 7073), а именно, что французскія войска должны были вступить въ Нидерланды, какъ только русскіе черезъ Польшу двинутся въ Германію или англичане овладѣютъ Остендэ.

[2] Вагнеръ слѣдуетъ здѣсь Perey, Un petit neveu de Mazarin.

тайныя сношенія съ Лондономъ подорвутъ въ Парижѣ довѣріе къ Фридриху II [1]). Вагнеръ подчеркиваетъ, что прусскій король тѣмъ не менѣе поспѣшилъ заключить Вестминстерскій договоръ, не предувѣдомляя своего союзника по ту сторону Рейна, и въ отличіе отъ англійскаго проекта выключилъ австрійскіе Нидерланды изъ подъ дѣйствія нейтралитета. Для автора остается внѣ сомнѣній тайная цѣль короля—втянуть Людовика XV вопреки желанію въ войну съ Маріей-Терезіей. Между тѣмъ герцогъ Ниверн э22-го декабря покинулъ Парижъ и 12-го января достигъ Берлина. По Вагнеру, на первыхъ аудіенціяхъ (14-го, 17-го и 20-го января) Фридрихъ II старался внушить герцогу мысль, что только страхъ передъ появленіемъ русскихъ въ Германіи побудилъ его согласиться на вестминстерскую сдѣлку. Король сожалѣлъ, что Франція въ минувшемъ году упустила случай овладѣть Ганноверомъ, и указывалъ на австрійскіе Нидерланды, какъ на возможный эквивалентъ за Канаду. И Нивернэ, какъ раньше Книпгаузенъ, а позднѣе Рульэ, завѣрялъ, что государь охотно отказался бы отъ вторженія въ Ганноверъ и далъ бы согласіе на конвенцію, если бы Фридрихъ II разъяснилъ ему предварительно необходимость этого шага; онъ доказывалъ ему преимущества для Пруссіи союза съ Франціей и надѣялся, что убѣдилъ его отказаться отъ сближенія съ Англіей. Но 25-го января прибылъ изъ Лондона курьеръ съ договоромъ, подписаннымъ 16-го числа Митчеллемъ; 27-го января Фридрихъ II сообщилъ о немъ герцогу Нивернэ. Французскій уполномоченный съ огорченіемъ узналъ теперь, что прусскій король далъ ходъ всему дѣлу еще въ декабрѣ, когда уже зналъ о предстоявшемъ отъѣздѣ герцога изъ Парижа. Впрочемъ, 5-го февраля, послѣ обсужденія извѣстія о Вестминстерской конвенціи [2]), французское министерство послало еще наказъ Нивернэ возобновить оборонительный союзъ 1741 года, если прусскій король откровенно сообщитъ всѣ статьи вновь заключенной сдѣлки о нейтралитетѣ.

---

[1]) Pol. Corr., B. XII, №№ 7171 и 7236 (отъ 21-го января Книпгаузенъ пишетъ королю: je crois qu'il est de l'intérêt de V. M. de ne point sacrifier un allié aussi puissant à des avantages momentanés, et par la même raison je prends la liberté de Lui conseiller de ne point conclure Sa négociation avec l'Angleterre à l'insu de la France, mais de travailler à disposer cette dernière à donner son consentement à la neutralité de l'Allemagne. Je suis persuadé qu'il ne serait rien moins qu'impossible de l'obtenir).

[2]) Книпгаузенъ 20-го и 27-го января предупредилъ Рульэ о переговорахъ Фридриха II съ лондонскимъ дворомъ. Pol. Corr., B. XII, №№ 7236 и 7258.

Однако, когда копія съ вестминстерскаго трактата, врученная герцогу 29-го января, получена была въ Парижѣ, то недовольство версальскаго двора стало рости. 12-го февраля Рульэ затребовалъ отъ герцога болѣе подробныхъ разъясненій относительно новаго договора, разрѣшалъ ему остаться въ Берлинѣ до пріѣзда Валори, но предупредилъ, что отзывныя грамоты на всякій случай все-таки будутъ высланы ему. Желая разсѣять подозрительность французскаго министерства, Фридрихъ II 22-го февраля показалъ герцогу Ниверне и самый оригиналъ конвенціи, ратификованный въ Лондонѣ 13-го числа. Ниверне получилъ копіи и съ прежнихъ договоровъ между прусскимъ и англійскимъ королями, за исключеніемъ тайной статьи 1742 года, изъявшей Гибралтаръ и Минорку изъ подъ гарантіи Фридриха II [1]). Однако все-таки 13-го марта Рульэ послалъ герцогу наказъ (въ отвѣтъ на донесеніе отъ 27-го февраля) не возобновлять оборонительнаго договора и вернуться въ Парижъ. И вотъ 9-го апрѣля, послѣ пріѣзда Валори, герцогъ Ниверне простился съ королемъ въ Потсдамѣ. Но Фридрихъ II не вѣрилъ, чтобы въ случаѣ войны Людовикъ XV подалъ помощь Австріи [2]); съ другой стороны онъ не ждалъ нападенія Маріи-Терезіи, пока она не увѣрена въ поддержкѣ Россіи [3]). О замыслахъ прусскаго короля послѣ заключенія Версальскаго договора отъ 1-го мая Вагнеръ думаетъ, что въ виду его скрытности ихъ никогда не удастся узнать [4]). Авторъ настаиваетъ на томъ, что и до, и даже послѣ занятія Саксоніи Фридрихъ II не считался съ возможностью дѣятельнаго участія Франціи въ войнѣ противъ него; основываясь на такомъ неправильномъ расчетѣ, король будто бы рѣшился овладѣть курфюршествомъ, какъ только русскія вооруженія дали ему желанное основаніе для принятія въ свою очередь мѣръ безопасности. Если бы Фридрихъ II могъ предвидѣть направленіе, которое приметъ версальская политика послѣ вторженія пруссаковъ въ Саксонію, то, по мнѣнію Вагнера, онъ не началъ бы войны осенью 1756 года и отложилъ бы до болѣе благопріятнаго времени завоеваніе, необходимое для укрѣпленія его государства [5]).

---

1) Pol. Corr., B. XII, №№ 7290, 7293.

2) Pol. Corr., B. XII, № 7532.

3) Ibidem, № 7349.

4) „Bei der Kunst Friedrichs, seine wirkliche Meinung in sich selbst zu verschliessen, wird man nie erfahren, was in seinem Innern in dieser Zeit vorgegangen ist".

5) „Friedrichs Politik vor und nach der Besetzung Sachsens beruhte auf der

Мы думаемъ, что автору слѣдовало сдѣлать еще шагъ дальше въ его уступкахъ изъ гипотезы М. Леманна и признать, что и нейтралитета Франціи было бы въ глазахъ прусскаго короля недостаточно для завоеванія Саксоніи. Политическое Завѣщаніе предполагало еще одно необходимое условіе, а именно, чтобы Австрія была занята войной съ Франціей и Сардиніей, а Россія подверглась нападенію Турціи. Вагнеръ выражается уже осторожнѣе своего учителя и признаетъ, что вооруженія Елисаветы подали Фридриху II не поводъ (Vorwand), а основаніе (Grund) для наступленія. Однако, собственное сознаніе прусскаго короля и данныя вѣнскаго архива о русско-австрійскомъ соглашеніи—напасть на Пруссію въ 1757 году даютъ намъ право формулировать замыслы Фридриха II нѣсколько иначе; даже будучи вполнѣ увѣренъ въ томъ, что Франція не вмѣшается въ войну на материкѣ, прусскій король осенью 1756 года не рѣшился бы добровольно начать наступленія, пока руки у Маріи-Терезіи и Елисаветы были развязаны; онъ отложилъ бы завоеваніе Саксоніи до тѣхъ поръ, пока финансы и военныя силы его государства не возрастутъ по крайней мѣрѣ до размѣровъ, намѣченныхъ въ „Политическомъ Завѣщаніи" 1752 года, или пока въ Турціи не воцарится воинственный султанъ. Итакъ, онъ самъ началъ войну уже въ 1756 году только подъ давленіемъ необходимости. Наступательное соглашеніе между Вѣной и С.-Петербургомъ не только дало ему поводъ, основаніе и право, но прямо-таки принудило его предупредить своихъ противниковъ. Фридрихъ II долженъ былъ начать неожиданнымъ захватомъ Саксоніи не потому, чтобы рѣшился окончательно присоединить ее къ Пруссіи, а чтобы обезпечить себѣ тылъ во время кампаніи противъ австрійцевъ и заручиться компенсаціей на случай, если бы ему пришлось временно очистить Восточную Пруссію и Верхнюю Силезію.

Тѣ же взгляды, но въ болѣе оригинальной формулировкѣ и съ болѣе тонкими пріемами доказательства Фердинандъ Вагнеръ повторилъ въ статьѣ „Европейскія державы въ оцѣнкѣ Фридриха Великаго 1746—57" [1]). Авторъ исходитъ отъ словъ самого короля въ „Apologie de ma conduite politique", написанныхъ въ августѣ 1757

festen Voraussetzung, dass Frankreich entweder gar nicht, oder nur mit halber Kraft an einem deutschen Kriege sich beteiligen könne".

[1]) F. Wagner, „Die europäischen Mächte in der Beurtheilung Friedrichs des Grossen 1746—57", Mittheilungen des Instituts für Oesterreichische Geschichtsforschung, B. XX, 1899.

года послѣ пораженія при Колинѣ, а именно, будто бы онъ не ждалъ, что Франція пришлетъ Маріи-Терезіи помощь свыше размѣра, установленнаго Версальскимъ договоромъ, какъ не ждалъ и того, что Россія приметъ дѣятельное участіе въ войнѣ. По отношенію къ Россіи король послѣ Ахенскаго мира держался правила не трогать медвѣдя въ берлогѣ и не показывать ему вида, что въ немъ нуждаются или что его боятся [1]). Такъ въ 1746 году онъ отвергъ предложеніе своего посла Мардефельда—предупредить завоевательные планы Россіи нападеніемъ на Ригу, а три года спустя уклонился отъ плана, навязаннаго было ему Франціей,—ради поддержки для Швеціи занять Курляндію или Лифляндію [2]). Къ тому же въ 1746 году Фридрихъ II считалъ себя еще недостаточно сильнымъ для того, чтобы спокойно ждать русскаго нападенія [3]). Даже въ 1749 г., ожидая вторженія русскихъ, король думалъ добровольно очистить Восточную Пруссію, но передъ Семилѣтней войной, когда его боевыя силы возросли, онъ поручилъ оборону этой области фм. Левальдту съ отрядомъ въ 36 тысячъ человѣкъ. Въ памятной запискѣ отъ 12-го апрѣля 1750 года король исчислялъ русское войско на финляндской границѣ въ 22—24 тысячи человѣкъ, а главную армію, готовую вторгнуться въ Восточную Пруссію,—въ 40 тысячъ. Недостаточно высоко цѣнилъ Фридрихъ II и финансовыя силы Англіи. Онъ высчитывалъ, что будто бы она не въ состояніи выдержать болѣе четырехъ кампаній, каждую стоимостью отъ 20—24 милліоновъ талеровъ, такъ какъ государственный долгъ ей можно увеличить еще только на 20 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Мишель въ августѣ 1755 г. опровергъ эти выкладки и указалъ, что государственный долгъ съ Ахенскаго мира понизился, а народное богатство въ короткое время возросло настолько, что Англія можетъ опять вынести даже бóльшія тягости, нежели въ предыдущую войну [4]). Вагнеръ думаетъ, что подобныя донесенія Мишеля измѣнили взгляды короля и побудили его сблизиться съ Георгомъ II. Напротивъ, все Завѣщаніе 1752 года написано еще подъ впечатлѣніемъ, какъ будто бы послѣ Ахенскаго мира политическое значеніе Англіи надолго ослабѣло. Основная мысль завѣщанія не нова; уже въ 1744 году Фридрихъ II началъ войну съ цѣлью завоевать Богемію для Карла Альберта и вознаградить себя округами Кёниггрэца, Бунцлау, Лейт-

[1]) Pol. Corr., B. V, № 2139.
[2]) Pol. Corr., B. VI, № 3633.
[3]) Pol. Corr., B. V, №№ 2247 и 2250.
[4]) Pol. Corr., B. XI, №№ 6905 и 6953.

мерица. Около времени происхожденія Политическаго Завѣщанія въ Потсдамѣ получены были вѣсти о предстоящей перемѣнѣ на константинопольскомъ престолѣ, и это оживило въ прусскомъ королѣ надежды на вмѣшательство Порты въ европейскія дѣла. Такъ возникло первое условіе для наступательной политики Пруссіи противъ курфюршества саксонскаго — Солиманъ на тронѣ въ Константинополѣ [1]). Второе условіе—правленіе малолѣтка въ Англіи тоже связано съ событіями, современными Завѣщанію: 31-го марта 1751 года умеръ принцъ Уэльскій; его сыну, будущему наслѣднику, шелъ тринадцатый годъ, а здоровье короля Георга II не отличалось крѣпостью. Въ 1753 году Фридрихъ II прямо говорилъ, что война нежелательна для англійскаго короля, такъ какъ въ случаѣ его смерти въ малолѣтство преемника она подвергнетъ опасности положеніе ганноверскаго дома на престолѣ [2]); быть можетъ, король предполагалъ новое возстаніе якобитовъ. Итакъ, по Вагнеру, распоряженія „Политическаго Завѣщанія" расчитаны на ближайшее будущее; Вестминстерская конвенція сразу уничтожала всѣ эти условія: отнынѣ ни малолѣтній король въ Лондонѣ, ни всемогущій, честолюбивый министръ въ Версалѣ Фридриху II болѣе не нужны; не нужно и низложеніе Бестужева, такъ какъ король думалъ купить канцлера черезъ посредство англичанъ. Онъ надѣялся, что изъ двухъ великихъ державъ, столкнувшихся въ Америкѣ, одна будетъ за него, другая — отнюдь не противъ него. Прусскій король былъ убѣжденъ, что морскія вооруженія и колоніальная война поглотятъ всѣ силы Франціи и что Людовикъ XV не будетъ въ состояніи помогать Маріи-Терезіи войскомъ въ Европѣ [3]). Что касается до Австріи, то, по мнѣнію Вагнера, кавалерійскіе маневры, назначенные Маріей-Терезіей на осень 1756 года въ Киттзэ и Раабѣ, нельзя принимать за новыя наступательныя вооруженія; такое же сосредоточеніе венгерской кавалеріи предпринималось уже

---

[1]) Вагнеръ беретъ цитату Политическаго Завѣщанія у Козера: „que la Russie et la Reine de Hongrie eussent à soutenir une guerre contre le Turc, la France et le roi de Sardaigne". Авторъ соединяетъ въ одно—условія для завоеванія Саксоніи съ обстоятельствами, необходимыми для всякой попытки наступленія съ прусской стороны.

[2]) Pol. Corr. IX, № 5925.

[3]) Вагнеръ ссылается на слова, которыя Фридрихъ II писалъ въ Apologie de ma conduite politique послѣ битвы при Колинѣ: „Comment pouvais-je deviner que la France enverrait cent cinquante mille hommes dans l'Empire?.. Par les traités, la France n'était obligée d'assister la reine de Hongrie que par un secours de vingt-quatre mille hommes". Oeuvres, XXVII, 3 p. 283.

въ 1752 году [1]). Въ 1749 году обстоятельства для осуществленія замысловъ Фридриха II были довольно благопріятны, но въ виду неподготовленности Пруссіи онъ долженъ былъ упустить этотъ случай. Въ мемуарѣ, врученномъ 20-го августа 1756 Митчеллю, король говоритъ о 90 тысячахъ австрійцевъ въ Богеміи и Моравіи. По Вагнеру, онъ здѣсь нарочно преувеличилъ силы враговъ, чтобы Англія не расчитывала на него для обороны Ганновера. Напримѣръ, фм. Шверину онъ же писалъ отъ 26-го августа 1756 года, что австрійцы не могутъ выставить въ поле болѣе 65 тысячъ человѣкъ; въ дѣйствительности по австрійскимъ источникамъ въ августѣ въ лагерѣ при Колинѣ стояло 25 тысячъ пѣхоты и свыше 7 тысячъ кавалеріи, а моравскій корпусъ насчитывалъ 22 тысячи человѣкъ. Точно также въ октябрѣ Фридрихъ II говорилъ Митчеллю, что австрійская армія будетъ доведена до 124 тысячъ, а въ декабрѣ писалъ Шверину только о 110 тысячахъ [2]). Въ дѣйствительности въ декабрѣ 1756 года австрійскаго войска въ Богеміи, Моравіи, Силезіи стояло 86 тысячъ; сюда слѣдуетъ прибавить еще 16 тысячъ человѣкъ, двинутыхъ въ октябрѣ изъ Нидерландовъ въ Богемію. Къ веснѣ 1757 года по австрійскимъ извѣстіямъ армія Маріи-Терезіи достигала 133 тысячъ человѣкъ. Зато съ другой стороны прусскій король ставилъ своихъ солдатъ выше русскихъ и австрійскихъ [3]). Напримѣръ, осенью 1756 года оба корпуса Фридриха II—саксонскій и силезскій насчитывали 94 тысячи; король очевидно считалъ ихъ достаточными для достиженія своихъ цѣлей: иначе онъ уже на полгода раньше провелъ бы пополненіе полковъ кантонистами, предписанное имъ только въ январѣ 1757 года. Итакъ, по мнѣнію Вагнера, Фридрихъ II лѣтомъ 1756 года считалъ и Австрію, и Россію неспособными на веденіе продолжительной войны по недостатку денегъ и былъ увѣренъ, что послѣ Вестминстерской конвенціи Англія не дастъ имъ никакой субсидіи. Король въ сентябрѣ 1756 года не зналъ еще 4-й тайной сепаратной статьи оборонительнаго договора 1746 года, по которой Елисавета въ случаѣ прусскаго нападенія обязалась выставить 60 тысячъ че-

---

[1]) Pol. Corr., B. IX, № 5345.

[2]) Вагнеръ ошибается здѣсь: Шверину Фридрихъ II писалъ 14-го декабря только объ австро-венгерской арміи, а Митчеллю сообщалъ 29-го октября еще и объ отрядахъ изъ Италіи и Фландріи.

[3]) Левальдтъ съ 30-ю тысячами долженъ былъ сражаться противъ 40 тысячъ русскихъ, Шверинъ съ 31-ю тысячью противъ 44-хъ тысячъ австрійцевъ. Pol. Corr., B. XIV, №№ 8291 и 8479.

ловѣкъ. Поэтому онъ ждалъ, что Россія выставитъ только 45 тысячъ человѣкъ, а можетъ быть ограничится даже 30 тысячами, выговоренными по трактату [1]); всѣ силы Маріи-Терезіи въ Богеміи и Моравіи онъ исчислялъ въ 110.000 человѣкъ. Сто пятидесяти пяти тысячамъ враговъ Фридрихъ II надѣялся противопоставить 130 тысячъ собственнаго войска, которое онъ ставилъ неизмѣримо выше австрійскаго и русскаго. Главная ошибка короля была въ томъ, что онъ недостаточно цѣнилъ финансовыя силы Франціи и раздраженіе, вызванное въ Людовикѣ XV Вестминстерской конвенціей. Наконецъ, 7-го декабря онъ могъ сообщить генералу Винтерфельдту, что его расчеты не оправдались: Франція готовилась двинуть 30 тысячъ въ Богемію и 50 тысячъ на Рейнъ. Король понималъ, что рѣчь идетъ теперь уже о существованіи его династіи [2]). И вотъ, въ виду грозы со стороны Франціи Фридрихъ II думалъ даже временно пожертвовать окраинами, т. е. Восточной Пруссіей и Верхней Силезіей [3]), и сосредоточиться на защитѣ центра [4]). Наконецъ, на первый день Рождества король зналъ уже роковую для него новость, что Россія готова присоединиться къ Версальскому договору и вышлетъ войско не въ 30 тысячъ, а въ восемьдесятъ. По мнѣнію Вагнера, только въ началѣ новаго года Фридриху II стали ясны всѣ окружавшія его опасности, которыя будто бы еще въ августѣ 1756 года побудили его предупредить враговъ; 10-го января 1757 года онъ набрасываетъ къ руководству графа Финкенштейна распоряженія на случай своего пораженія и освобожденія престола послѣ своей смерти. Впрочемъ, и Вагнеръ признаетъ вторженіе короля въ Саксонію все-таки шагомъ чисто оборонительнымъ. Король сталъ сознавать, что военныя и финансовыя реформы Маріи-Терезіи дѣлали ея государство независимымъ отъ англійскихъ субсидій; въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ она, казалось, стала приближаться къ своей цѣли — довести наличную армію до 165.000 человѣкъ. Всѣ австрійскія вооруженія весной и

---

[1]) Pol. Corr., B. XIV, № 8452.

[2]) Pol. Corr., B. XIV, № 8414. Узнавъ, что русская армія будто бы идетъ въ Литву, Фридрихъ II говорилъ 9-го декабря 1756 г. Митчеллю: „outre la crise générale de l'Europe, il s'agit de l'existence de ma maison".

[3]) Pol. Corr., B. XIV, № 8482.

[4]) Ibidem, № 8452 отъ 19-го декабря: „Ich die sicherste Partie nehme, wenn Ich Mich vorerst hier zusammenconcentrire, mithin vorerst die Extremitäten abandonnire, um das Corps zu defendiren und zu souteniren, denn alsdenn die Extremitäten wieder zu bekommen seind".

лѣтомъ 1756 года составляютъ продолженіе переустройства арміи, предпринятаго тотчасъ послѣ войны за австрійское наслѣдство. Каждый годъ мира усиливалъ Марію-Терезію. Фридрихъ II не хотѣлъ оставлять наслѣдникамъ тяжелой задачи — защищать то, что было пріобрѣтено имъ [1]). Исходя изъ двухъ невѣрныхъ положеній, что Франція вполнѣ поглощена морской войной и что прусская армія (130.000 человѣкъ), будучи усилена саксонцами, сравняется по численности съ войскомъ австрійцевъ (120.000) и русскихъ (45 тысячъ), король рѣшилъ предупредить возрожденіе Австріи. Но съ оборонительной задачей—сохранить за собой Силезію—это вторженіе въ Саксонію совмѣщало въ себѣ и цѣли чисто завоевательныя [2]). Вагнеръ признаетъ, что ради обезпеченія существованія Пруссіи ей требовались новыя завоеванія. Присоединеніе Западной Пруссіи сплотило бы территорію государства, но Силезія могла быть закрѣплена за Фридрихомъ II только путемъ дальнѣйшаго ослабленія Австріи и отторженія отъ нея новыхъ земель и подданныхъ. Въ этой новой статьѣ автору удалось выяснить зависимость идей „Политическаго завѣщанія" отъ положенія дѣлъ въ Европѣ около 1752 года и доказать, что Фридрихъ II не достаточно высоко оцѣнивалъ силы противниковъ, подготовлявшихъ противъ него наступательную коалицію. Но Вагнеръ обходитъ молчаніемъ тотъ очевидный фактъ, что благопріятное стеченіе обстоятельствъ, на которое король расчитывалъ въ 1752 году, никогда не наступило: Турція не нарушила мира и не вмѣшалась въ европейскія дѣла. Невѣрная оцѣнка силъ Австріи и Россіи, конечно, отразилась на образѣ дѣйствія Фридриха II въ 1756 году, однако авторъ не могъ доказать, что она дала поводъ королю надѣяться на завоеваніе Саксоніи. Вагнеръ слѣдитъ за сношеніями между Пруссіей и Франціей, но упускаетъ изъ виду переговоры о наступательномъ соглашеніи между Вѣной и С.-Петербургомъ, которые въ іюлѣ стали извѣстны и Фридриху II. Король могъ надѣяться быстрымъ обезоруженіемъ Саксоніи запугать другихъ союзниковъ Австріи, и въ этомъ сказалось его недостаточное знакомство съ настроеніемъ и военными силами русскаго двора. Въ случаѣ двойной побѣды надъ русскими и австрійцами король надѣялся даже на скорый

---

[1]) Ссылка на слова „mon temps est passé" въ Политическомъ Завѣщаніи 1752 года.

[2]) „Mit einem Kriege, der wie der Feldzug von 1756 aus Gründen der Selbsterhaltung unternommen wird, sind nach dem Ausspruche Friedrichs sehr gut Eroberungsgedanken zu verbinden".

и почетный для себя миръ съ вознагражденіемъ изъ Западной Пруссіи. Но, если бы онъ поднялъ рѣчь о Богеміи и Саксоніи, то конечно вмѣсто разгрома коалиціи, еще до ея завершенія, онъ только сплотилъ бы ее и воодушевилъ бы противниковъ на отчаянное сопротивленіе: и Людовикъ XV, и даже Георгъ II косо взглянули бы на такое усиленіе Пруссіи; недаромъ, по мнѣнію школы М. Леманна, Фридрихъ II скрывалъ свои завоевательные планы и отъ французскаго, и отъ англійскаго двора. Это громадное различіе между видами на Западную Пруссію и надеждой удержать за собой Саксонію Вагнеръ совершенно просмотрѣлъ въ своихъ изслѣдованіяхъ [1]).

---

[1]) Противъ взглядовъ М. Леманна направлена книжечка одного ученика В. Онкена, тоже посвященная разбору отношеній между Пруссіей и Франціей передъ Семилѣтней войной. (Dr. Heuszel, Friedrichs des Grossen Annäherung an England im Jahre 1755 und die Sendung des Herzogs von Nivernais nach Berlin. Gieszener Studien, Heft IX, 1897). Гейссель думаетъ, что съ апрѣля 1755 года прусскій король старался запугать Англію возможностью французскаго нападенія на Ганноверъ, а потому и старался склонить версальскій дворъ къ вооруженіямъ противъ курфюршества Георга II. Въ дѣйствительности вторженіе французовъ въ Ганноверъ не могло быть пріятнымъ для Фридриха II, такъ какъ оно повлекло бы за собой появленіе русскаго войска въ Германіи. Узнавъ о томъ, что между Вѣной и Лондономъ господствуетъ разногласіе по вопросу о защитѣ Нидерландовъ, прусскій король начинаетъ убѣждать французское правительство овладѣть Фландріей. (Pol. Corr., XI, № 6774). Отказъ Фридриха II принять участіе въ предпріятіи противъ Ганновера, которое онъ самъ же раньше совѣтовалъ, сдѣлало всю его политику подозрительной для версальскаго двора. Разсказъ въ мемуарахъ аббата Берни, будто-бы Книпгаузенъ предлагалъ, что прусскій король съ 140 тысячной арміей вторгнется въ Богемію, если французы согласятся напасть на Нидерланды, Гейссель считаетъ ненадежнымъ; впрочемъ, онъ готовъ допустить, что прусскій посланникъ сдѣлалъ это предложеніе лично отъ себя, дабы только вывести версальскій дворъ изъ его бездѣйствія. Зато, слѣдуя разсказу того же Берни, авторъ утверждаетъ, что главной цѣлью поѣздки герцога Ниверно было выпытать истинныя намѣренія Фридриха II, который потерялъ довѣріе французскаго короля. (Ср. письмо Маріи-Терезіи къ гр. Штарембергу отъ 22 ноября 1755 года, Publicationen, B. 74, S. 197). Затяжку въ отъѣздѣ герцога въ Берлинъ Гейссель ставитъ въ связь съ австрійскими предложеніями, сдѣланными въ Парижѣ осенью 1755 года. Онъ считаетъ, что Людовикъ XV первый нарушилъ искренность своихъ союзныхъ отношеній къ прусскому королю, скрывъ отъ него предложенія Маріи-Терезіи. Все дѣло съ миссіей герцога Ниверно было съ начала до конца ведено съ неискренностью; отъ самого герцога скрыли даже осенніе переговоры между Вѣной и Версалемъ. Вестминстерская конвенція будто-бы только облегчила французскому королю давно задуманный переходъ на сторону Австріи. Впрочемъ, Гейссель впадаетъ въ явную тенденціозность, утверждая, что Людовикъ XV нарочно затянулъ отъѣздъ герцога Ни-

Максъ Леманъ не призналъ себя побѣжденнымъ изслѣдованіями противника. Съ другой стороны А. Нодэ былъ лично задѣтъ всей полемикой, а это невольно заставляло быть на сторожѣ даже безпристрастныхъ читателей; притомъ же ранняя кончина помѣшала марбургскому профессору обнародовать цѣликомъ всю массу набраннаго имъ архивнаго матеріала. Ради установленія въ наукѣ прочнаго взгляда на происхожденіе Семилѣтней войны было крайне важно, чтобы новые

вернэ, чтобы облегчить сближеніе между Пруссіей и Англіей. Для оцѣнки политики версальскаго двора важнѣе труды французскихъ историковъ. По мнѣнію герцога де-Брольи, Вестминстерская конвенція наносила чувствительный ударъ версальскому двору, такъ какъ она освобождала Георга II отъ заботы о защитѣ его владѣній на материкѣ; косвенно это была какъ-бы помощь одной изъ воюющихъ державъ въ разгаръ войны. Итакъ, говоря словами Вольтера, въ союзѣ между Франціей и Австріей не было ничего противоестественнаго, такъ какъ онъ былъ необходимъ (l'union de la France et de l'Autriche ... était nécessaire, sans doute elle était naturelle). И въ засѣданіи королевскаго совѣта 19-го апрѣля, и въ тщательности, съ которой былъ разобранъ въ версальскомъ договорѣ случай союзной помощи герцогу Брольи, чуется уже сознаніе, что разрывъ съ Пруссіей близокъ. По внѣшности трактатъ былъ чисто оборонительный, но въ дѣйствительности одна изъ договаривающихся сторонъ — Австрія — громко заявляла о своемъ намѣреніи напасть на Фридриха II. Вѣнскій дворъ въ силу своей рѣшимости и энергіи долженъ былъ взять верхъ надъ слабой, колеблющейся политикой Людовика XV и увлечь его въ открытую войну. Между тѣмъ французскому правительству было бы легко занять главенствующее положеніе въ союзѣ, такъ какъ по рвенію, съ которымъ Марія-Терезія добивалась дружбы короля, можно судить о жертвахъ и уступкахъ, на какія она тогда была способна. Но Людовикъ XV упустилъ благопріятную минуту. Послѣ Вестминстерской конвенціи положеніе Франціи было уже уединеннымъ, и союзъ съ Австріей сталъ теперь необходимостью. Самое направленіе французской политики передъ Семилѣтнею войной герцогъ Брольи беретъ подъ свою защиту, но онъ готовъ сурово осудить неспособность и слабохарактерность, съ которыми оно проводилось. (Duc de Broglie, L'alliance autrichienne, 1895. См. также Revue des Deux Mondes, t. 126, 1894). Напротивъ Ришаръ Ваддингтонъ вынесъ изъ изученія англійскаго архивнаго матеріала впечатлѣніе, что для Франціи не было необходимости сближаться съ Австріей, такъ какъ и послѣ Вестминстерской конвенціи Фридрихъ II отнюдь не сталъ другомъ Георга II. Если бы Людовикъ XV отложилъ въ сторону личное самолюбіе, то ничто не помѣшало бы ему возобновить съ Пруссіей договоръ отъ 1741 года. Со времени разрыва между Франціей и Англіей въ іюлѣ 1755 года передъ версальскимъ дворомъ лежало два пути на выборъ. Людовикъ XV могъ ограничиться только морской и колоніальной войной съ Великобританіей и блюсти миръ на материкѣ Европы. Если же король боялся пораженій и потерь въ Америкѣ, то онъ могъ бы въ обезпеченіе почетнаго мира заранѣе овладѣть Нидерландами и Ганноверомъ; вслѣдствіе своихъ колебаній во вторую половину 1755 года Франція упустила удобную минуту, а послѣ Вестминстерской конвенціи этотъ

изслѣдователи пополнили собраніе актовъ, оставшееся послѣ смерти А. Нодэ, провѣрили всѣ его выводы и подвели итогъ распрѣ между двумя теченіями въ нѣмецкой исторіографіи—между школой архивистовъ, сильныхъ чисто микроскопическимъ изученіемъ памятниковъ, и историками-импровизаторами, подкупающими непосредственностью и смѣлостью творчества. Этотъ трудъ взяли на себя Густавъ Фольцъ и Георгъ Кюнцель по порученію директора прусскихъ государствен-

выходъ изъ затруднительнаго положенія былъ для нея уже закрытъ; съ другой стороны желаніе не отвергать осеннихъ предложеній графа Кауница заставляло версальскій дворъ отказаться отъ враждебныхъ намѣреній противъ Фландріи. Итакъ, въ 1756 году для политики Людовика XV оставался открытымъ только первый путь. Но Франція могла вполнѣ удовольствоваться однимъ только договоромъ съ Маріей-Терезіей о нейтралитетѣ. Вмѣсто этого она изъ жажды мщенія за воображаемое коварство Фридриха II втянулась въ войну противъ него и въ сущности на поляхъ битвъ при Росбахѣ, Крефельдѣ, Минденѣ потеряла свою колонію Канаду. Даже при счастливомъ исходѣ Семилѣтней войны на материкѣ выгоды, которыя пріобрѣла бы Франція, были ничтожны сравнительно съ ея жертвами: она пріобрѣла бы часть Фландріи и сосѣдство съ небольшимъ государствомъ, которое играло бы въ XVIII вѣкѣ роль современной Бельгіи. Въ лучшемъ случаѣ занятіемъ Ганновера французы могли уравновѣсить колоніальныя утраты въ Америкѣ. Напротивъ, Австрія, избавившись отъ своего главнаго соперника, усилившись возвращеніемъ Силезіи и славой побѣдительницы, добилась бы неоспоримаго главенства въ центрѣ Европы. Ваддингтонъ признаетъ, что версальскому двору пора было перестать стремиться къ приниженію дома Габсбурговъ и возвышать этимъ честолюбивыхъ Гогенцоллерновъ, но онъ считаетъ ошибкой Франціи, если въ 1756—57 годахъ она впала въ другую крайность, стала уничтожать все, что было сдѣлано ею самою за послѣднее десятилѣтіе, и рѣшила принести Пруссію въ жертву Австріи. Уже Версальскій договоръ былъ въ этомъ отношеніи рискованнымъ шагомъ, такъ какъ легко могъ изъ оборонительнаго превратиться въ наступательный при первомъ же нападеніи Фридриха II на австрійскія владѣнія. Всю дальнѣйшую политику Людовика XV Ваддингтонъ безусловно осуждаетъ, какъ вредную для государственныхъ интересовъ и вызванную только соображеніями тщеславія и самолюбія. (Richard Waddington, Louis XV et le Renversement des Alliances. Préliminaires de la Guerre de Sept Ans. Paris, 1896). Занятіе Саксоніи французскій историкъ считаетъ возможнымъ объяснить соображеніями чисто стратегическими, такъ какъ оно открывало легкій доступъ въ Богемію по долинѣ Эльбы. Фридрихъ II зналъ, что нападеніе на Австрію принудитъ Россію и Францію подать помощь Маріи-Терезіи, но въ сущности онъ предупреждалъ наступленіе враговъ, только отложенное до весны 1757 года, а потому Ваддингтонъ съ нравственной точки зрѣнія готовъ осудить захватъ Саксоніи, но отнюдь не походъ въ Богемію. Впрочемъ, съ точки зрѣнія политической, это нападеніе на курфюршество было ошибкой, такъ какъ, давая временно стратегическія преимущества, оно въ лицѣ Франціи и Россіи создавало новыхъ непримиримыхъ враговъ. Таковы взгляды Р. Ваддингтона на отношенія между Франціей

ныхъ архивовъ профессора Козера [1]). Издатели „Прусскихъ и Австрійскихъ актовъ по происхожденію Семилѣтней войны“ въ общемъ примкнули къ выводамъ А. Нодэ, но внесли много поправокъ въ частностяхъ и разошлись съ марбургскимъ профессоромъ во взглядахъ на цѣлый рядъ политическихъ событій, напримѣръ, на характеръ прусскихъ вооруженій въ іюнѣ, на ходъ дипломатическихъ переговоровъ между Вѣной и Версалемъ въ 1755—1756 гг., на причину отсрочки русско-австрійскаго нападенія до весны 1757 года. Въ виду всего этого ихъ статьи во введеніи къ изданію получили значеніе вполнѣ самостоятельныхъ изслѣдованій.

Евгеній Щепкинъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Австріей, Пруссіей и Саксоніей въ 1757 году; насъ лично его доводы убѣдили, и мы вполнѣ раздѣляемъ эти взгляды.

[1]) Publicationen aus den K. Preussischen Staatsarchiven, B. 74, Preussische und Oesterreichische Acten zur Vorgeschich. des Siebenjährigen Krieges, Leipzig, 1899. Здѣсь „Введеніе“ состоитъ изъ двухъ изслѣдованій: 1) Die preussische Rüstung, von G. B. Volz и 2) Die Entstehung der Coalition gegen Preussen in den Jahren 1755 und 1756, von G. Küntzel, Privat-Docent an der Univ. Bonn. Мы лично въ подлинникахъ изучили въ Вѣнскомъ придворномъ и королевскомъ архивѣ акты, относящіеся къ сношеніямъ между Австріей и Россіей, а отчасти и наказы Маріи-Терезіи графу Штаренбергу. Всюду, гдѣ мы не имѣли въ рукахъ самыхъ подлинниковъ, мы ссылаемся только на Publicationen, B. 74, въ противномъ случаѣ—на самые наказы и донесенія.

КЪ ВОПРОСУ О ДРАМѢ А. ЛУЦИЧА „ROBINJA".

Произведенія одного изъ главныхъ представителей хорватской литературы XVI вѣка, хваранина Аннибала Луцича, за послѣднее время нерѣдко привлекали къ себѣ вниманіе изслѣдователей; такъ, его „Pisni ljuvene" [1]) послужили предметомъ обстоятельной, но, къ сожалѣнію, неоконченной статьи П. Касандрича [2]); переводъ извѣстной героиды Овидія „Paris Helenae" [3]) вызвалъ два этюда, П. Касандрича [4]) и Фр. Майкснера [5]); наконецъ, главнаго произве-

[1]) Въ собраніи сочиненій Луцича (вмѣстѣ съ произведеніями П. Гекторовича, въ VI-мъ томѣ изданія Югославянской Академіи „Stari pisci hrvatski", Zagreb, 1874) стр. 201—222. Всѣ наши ссылки сдѣланы на это изданіе.

[2]) Lucićeve „Pisni ljuvene"—въ задрскомъ журналѣ „Iskra. List za knjizevnost i umjetnost" 1891г., №№ 1—3, и 1892 г., №№ 1—3 и 6.

[3]) „Pariž Eleni"—собраніе сочиненій, стр. 185—199.

[4]) „O jednom prijevodu Anibala Lucića iz Ovidijevih Heroida"—въ журналѣ „Iskra" за 1884 г., № 11.

[5]) „O hrvatskom prievodu XV (XVI) Ovidijeve heroide „Paris Helenae" od Hanibala Lucića"—въ изданіи „Rad Jugoslavenske Akademije Znanosti i Umjetnosti" knjiga XCI, U Zagrebu 1888, стр. 81—124. Г. Майкснеръ указываетъ, между прочимъ (стр. 83), что переводъ этой героиды на хорватскій языкъ является *вторымъ* въ хронологическомъ ряду передачъ Овидіевыхъ героидъ на ново-европейскіе языки; первымъ онъ считаетъ книгу „Le epistole di Ovidio volgarizzate da Domenico da Monticello Toscano. Brescia 1489", извѣстную ему, повидимому, только по заглавію. Въ виду рѣдкости этого перевода считаемъ полезнымъ замѣтить, что вліянія на передачу Луцичемъ героиды „Paris Helenae" въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ итальянскаго текста не видно; пропустивъ, подобно Луцичу, считающіеся подложными (см. въ статьѣ г. Майкснера стр. 87 и слѣдд.) стихи 39 („Nec tamen est mirum"...) — 142 (.... „altera nomen habet"), Монтичелло однако не передаетъ содержанія ихъ въ особой вставкѣ нѣсколько ниже, какъ то сдѣлалъ Луцичъ въ 79—106 строкахъ своей переработки (объ этомъ см. у

денія Луцича, драмы „Robinja" [1]), коснулись также двое ученыхъ, А. Гавриловичъ [2]) и А. Радичъ [3]), если не считать болѣе раннихъ замѣчаній А. Павича [4]).

Названная пьеса Луцича является главнымъ его сочиненіемъ не только по объему, но и по содержанію; въ то время, какъ большинство произведеній хорватскихъ писателей XVI вѣка представляютъ собою болѣе или менѣе удачныя подражанія итальянскимъ образцамъ и даже перенесеніе дѣйствія на родную почву оказывается иногда результатомъ вліянія тѣхъ же итальянцевъ [5])—„Robinja", насколько извѣстно до сихъ поръ, можетъ считаться произведеніемъ вполнѣ самобытнымъ; повидимому, самый сюжетъ этой драмы взятъ изъ жизни, и, если она и не основана на дѣйствительномъ происшествіи, то затрогиваетъ, тѣмъ не менѣе, весьма жизненную тему — отношенія турокъ къ юговостоку Европы. Въ этомъ смыслѣ Луцичъ является предшественникомъ Гундулича. Поэтому указаніе источниковъ разбираемой драмы было бы весьма любопытно.

Г. Гавриловичъ въ вышеназванной своей статьѣ проводитъ ту мысль, что сюжетъ драмы „Robinja" заимствованъ изъ народной

г. Майкснера стр. 95 и слѣдд.). Въ доказательство приводимъ современнымъ правописаніемъ отрывки перевода Монтичелло (по изданію 1491 г., въ Брешіи, хранящемуся въ венеціанской Biblioteca Marciana), соотвѣтствующіе указаннымъ мѣстамъ героиды Овидія:

Prima, che fusti per mi conosciuta,
Fusti da me desiderata molto,
E nellanima mia fusti voi veduta
Primo, che con gli occhi el desiato volto
Alla nunzia fama sia venuta
Per lo veder gli fu del valor tolto
Credeti a me ch'io vi favello intero
La gloria della fama e men che 'l vero.
(Ср. у Овидія стихи 36—38 и 143).

. . . .
Jo ho per voi ricchezza rifutata,
Regno, scienze e ogni magna cosa
Laquale mi promise Juno e Pallade
Per abbraciarne alla mia voluntade
E non increscе nella mente mia
Aver seguita tale opinione...
(Ср. у Овидія стихи 163—167).

[1]) Собраніе сочиненій, стр. 223—259.

[2]) „Луцићева „Робиња" и народна поезија. Прилог историји дубровачко-далматинске драме"—въ журналѣ „Наставник" 1898 г., стр. 430—432 и 500—503.

[3]) „Narodni izvor Lucićevoj „Robinji"—„Zbornik za narodni život i običaje južnih slavena," svezak IV, Zagreb, 1899, стр. 34—45.

[4]) „Historija dubrovačke drame", Zagreb, 1871, стр. 22—24.

[5]) Ср. замѣчанія акад. М. Шрепля о локализаціи въ комедіи М. Држича „Skup", находящіяся въ статьѣ „Skup Marina Držića prema Plautovo „Aulularij i".—Rad Jugoslavenske Akademije, Knjiga XCIX, U Zagrebu, 1890, стр. 232 и слѣдд.

поэзіи, причемъ замѣчаетъ [1]), что судить въ данномъ случаѣ слѣдуетъ не по современнымъ народнымъ пѣснямъ, а по тѣмъ, которыя были извѣстны Луцичу; далѣе г. Гавриловичъ, забывъ, что мы не знаемъ никакихъ народныхъ пѣсенъ, возникновеніе которыхъ можно было бы съ достовѣрностью относить ко времени ранѣе написанія пьесы „Robinja“, доказываетъ, что Луцичъ заимствовалъ сюжетъ своей драмы изъ трехъ пѣсенъ, находящихся въ извѣстномъ сборникѣ г. Богишича [2]). Такимъ образомъ авторъ принимаетъ, не имѣя на то никакого права, что три указанныя имъ пѣсни существовали уже въ первой половинѣ XVI столѣтія; сверхъ того, сходство между содержаніемъ этихъ пѣсенъ и сюжетомъ драмы Луцича настолько незначительно, что заключать о какомъ-либо взаимодѣйствіи положительно невозможно. Поэтому статья г. Гавриловича не только ничего не уясняетъ въ данномъ вопросѣ, но еще запутываетъ его привлеченіемъ совершенно ненужнаго матеріала.

Годомъ позднѣе появился въ печати этюдъ г. Радича, не упоминающаго о своемъ предшественникѣ. Г. Радичъ сообщаетъ въ своей статьѣ сводный (по четыремъ редакціямъ) текстъ поющагося въ Далмаціи романса „U prinčipa kralja Mande ćer jedina“, состоящій изъ 89 стиховъ, указываетъ очевидныя точки соприкосновенія романса съ драмой не только въ содержаніи, но и въ выраженіяхъ, и наконецъ задается вопросомъ: составленъ ли романсъ на основаніи драмы, или Луцичъ заимствовалъ содержаніе своей пьесы изъ романса? Вѣрною, по мнѣнію автора, оказывается вторая альтернатива. Приведенныя имъ въ пользу этого предположенія доказательства насъ не убѣждаютъ. Буквальное сходство многихъ мѣстъ романса и драмы является орудіемъ обоюдоострымъ и при пользованіи имъ необходимо обращать вниманіе на то, въ которомъ изъ сравниваемыхъ произведеній одинаковыя фразы болѣе умѣстны; такъ, г. Радичъ приводитъ [3]), между прочимъ, слѣдующія параллельныя мѣста изъ драмы и романса:

---

[1]) Стр. 431.

[2]) „Народне пјесме из старијих, највише приморских записа, књига прва, Биоград 1878“ (въ X-мъ томѣ изданія „Гласник српског ученог друштва. Друго одељење“); г. Гавриловичъ ссылается на помѣщенныя здѣсь пѣсни: № 38 — „Како сестра Иваниша бана хрватскога утече из рука Турчина“, № 45—„Како Стјепан Јакшић изроби Маргариту сестру своју из рука бана Моринскога“ и № 117—„Како Иван Крушић сењски капетан хитро уграби Јелицу своју сестру заробљену из рукух Мује Јелешковића Турчина“.

[3]) Op. cit., pag. 41.

„Robinja", стихи 127—128:

Čto tako tuj diklu mičete, junaci,
Kako cvit izniklu, *ali ste divjaci*?

Романсъ, стихи 32 — 33 по двумъ варіантамъ:

A što ste šetali, trgovci bogati?
Ovo je rumen *cvitak. Ali ste divjaci*?

Въ драмѣ слова „*ali ste divjaci*"? являются совершенно умѣстными послѣ упрека въ жестокомъ обращеніи, между тѣмъ какъ въ романсѣ находимъ непонятный скачекъ: „А зачѣмъ вы ходили, богатые купцы? Это румяный цвѣтокъ. *Или вы дикари*"? Такимъ образомъ, это сходство можетъ считаться однимъ изъ доводовъ въ пользу хронологическаго первенства драмы. Далѣе, герой романса — Narančin, между тѣмъ какъ главное дѣйствующее лицо драмы—Derenčin; самъ г. Радичъ указываетъ [1]), что въ 1492 — 1493 гг. былъ баномъ *Мирко Деренчинъ*; слѣдовательно, Луцичъ взялъ имя своего героя изъ дѣйствительности, между тѣмъ какъ *Наранчинъ*—имя несуществующее и возникшее въ романсѣ вѣроятно изъ *Деренчинъ* путемъ порчи [2]); это второй доводъ противъ мнѣнія г. Радича. Сверхъ того, если думать о возникновеніи драмы на основѣ романса, то придется допустить сомнительную возможность существованія послѣдняго въ началѣ XVI вѣка, между тѣмъ какъ при противоположной альтернативѣ — изъ драмы XVI вѣка возникъ романсъ, поющійся въ концѣ XIX — такихъ трудностей не встрѣчается. Не была ли пьеса Луцича настолько популярна, чтобы изъ нея могъ возникнуть довольно распространенный романсъ? Для отвѣта на этотъ вопросъ припомнимъ свидѣтельства академиковъ Павича [3]) и Кукульевича [4]) о представленіяхъ драмы „Robinja" даже въ сравнительно недавнія времена.

Кромѣ того, можно указать весьма любопытную статью по данному вопросу, прошедшую безслѣдно и для г. Павича, и для гг. Гавриловича и Радича. Статья эта подъ названіемъ „Poklade", т. е. „Карнавалы", была напечатана еще въ 1846 г. [5]) Анонимный авторъ

---

[1]) Ibid., pag. 45, nota 1.

[2]) Ср. слово naranča—апельсинъ.

[3]) „Historija dubrovačke drame", стр. 22: „(Robinja) ..... se ... do najnovijega vremena javno na piaci prikazivaše".

[4]) Въ статьѣ его „Marko Marulić i njegova doba" (при собраніи сочиненій Марулича, въ I-мъ томѣ серіи „Stari pisci hrvatski", 1869 г.) читаемъ (стр. XLV): „Lučićevu Robinju obljubi naš narod na toliko, da su ju još prošastoga vieka po dalmatinskih gradovih i otocih javno predstavljali".

[5]) Въ № 20 журнала „Zora Dalmatinska", стр. 156—159. S. Ljubić приписывалъ („Ogledalo književne poviesti jugoslavjanske", II, 373) статью G. Valentiću.

ея сообщаетъ, что въ дѣтствѣ видѣлъ въ Пагѣ исполненіе масленичнаго обычая, существующаго тамъ испоконъ вѣка: ...„Соберется нѣсколько ловкихъ молодцовъ..., умѣющихъ читать и писать, и приготовятся представить народу какое-нибудь народное событіе, говоря наизусть, чтó выучили“. Изъ дальнѣйшихъ указаній той же статьи видно, что такія представленія во времена автора были только остаткомъ прежняго обычая, хотя изъ всѣхъ карнавальныхъ развлеченій они наиболѣе нравились народу. Какъ образецъ пьесъ, исполнявшихся при такихъ условіяхъ, въ статьѣ приведена одна изъ нихъ, подъ названіемъ „Robinja“; „говорятъ“, замѣчено при этомъ, „что авторъ—знаменитый и славный Касичъ (Kasić) изъ Пага, и что она (пьеса) была нѣкогда напечатана въ Венеціи“, но всѣ старанія анонимнаго сотрудника „Далматинской Зари“ получить объ этомъ болѣе точныя свѣдѣнія остались тщетными. Передавая содержаніе пьесы, авторъ статьи сообщаетъ весьма любопытныя данныя объ обстановкѣ, при которой исполнялась „Robinja“ на улицахъ Пага: „...(актеры) одѣнутся, какъ могутъ, лучше, корсары (gusari) нѣсколько по турецки, купецъ со свитой по купечески..., въ пунцовомъ платьѣ, съ разноцвѣтными шелковыми лентами, съ пряжками и т. д. Всѣ вооружены; рабыня, печальная и стыдливая плѣнница, одѣта по нашему, такъ что пріятно смотрѣть (только это мужчина, а не женщина); на нее накинутъ красный плащъ; на головѣ какой-нибудь знакъ рабства Такъ они идутъ по городу, останавливаются на нѣкоторыхъ мѣстахъ и тутъ декламируютъ (povjedaju), когда имъ удобно—послѣ полудня, до заката солнца“. Какъ видно по нѣкоторымъ выраженіямъ [1]), у автора статьи была подъ руками какая-то рукопись сообщенной имъ пьесы. Въ напечатанномъ имъ діалогѣ насчитывается 160 стиховъ, при чемъ передъ четырьмя заключительными сдѣланъ пропускъ, объясненный тѣмъ, что въ рукописи—непонятная безсмыслица.

Сообщенный въ „Далматинской Зарѣ“ діалогъ открывается рѣчью купца (tergovac) къ своей свитѣ (družbi), гдѣ онъ обѣщаетъ награду всѣмъ, вмѣстѣ съ нимъ исходившимъ весь міръ (sve strane) въ поискахъ какой-то дамы (išćući gospoju). Затѣмъ выступаетъ печальная, плачущая Рабыня (Robinja), разсказывающая о томъ, какъ ее похитили турки-разбойники и водятъ съ собою „по снѣгу и дождю“. На ея монологъ отвѣчаетъ Suliman обѣщаніемъ продать ее, послѣ

[1]) „Ovdě za několiko verstah rukopis je posve pokvaren“ (стр. 159); „Pokvareno u rukopisu“ (ibid., примѣчанія).

чего Tergovac заявляетъ, что его слуга—Деренчинъ—сохнетъ отъ любви (къ кому, не сказано); между нимъ и Сулиманомъ завязывается разговоръ объ условіяхъ продажи Рабыни; Сулиманъ проситъ три тысячи серебряныхъ дукатовъ; Tergovac желаетъ предварительно переговорить съ самой Рабыней, на что и получаетъ дозволеніе. Въ бесѣдѣ съ ней Tergovac заставляетъ ее разсказать о своей судьбѣ (имени Деренчина при этомъ не упоминается, но Tergovac намекаетъ на свое высокое происхожденіе); въ послѣднихъ словахъ его есть указаніе, что торгъ уже состоялся, хотя изъ самаго дѣйствія этого не видно. Послѣ вышеуказаннаго пропуска слѣдуетъ монологъ какого-то слуги (sluga), заключающаго пьесу.

Уже изъ этого перечня содержанія можно видѣть, что напечатанный въ „Далматинской Зарѣ" діалогъ является сокращеніемъ пьесы Луцича, заключающей въ себѣ 1038 стиховъ; болѣе подробное сличеніе показываетъ, что въ сокращенный діалогъ перенесены нѣкоторые стихи Луцича цѣликомъ, другіе съ искаженіями; такъ, тѣ шесть стиховъ, которыми начинается карнавальная пьеса:

Tergovac (druzbi)
Mili druzi moji, veće nego mili,
Sve strane, mogu reć, s manom ste hodili;
Išćuci gospoju po svitu, dan i noc,
Vas svĕt smo obašli, da bi nanj (sic!) mogli doć.
Istom da pribliźa, po višnjemu sudu
Platja i namĕra jur vašemu trudu —

представляютъ собою слегка искаженное и сокращенное на двѣ строки заимствованіе изъ подлинной драмы Луцича, гдѣ (стихи 35—42) Деренчинъ говоритъ своимъ спутникамъ:

Mili druzi, i već nego druzi mili,
    sve strane, mogu reć, sa mnom ste shodili,
išćući gospoju po svitu dan i noć,
    vas svit bih za koju pridubal, da bi moć.
Evo srića nika i pomnja još vaša
    sada privelika na nju nas nanaša
tako, da pribliźa višnjemu po sudu
    plaća i naliža vašemu jur trudu.

Точно также начало (стихи 15—16) перваго монолога Рабыни въ сокращенной пьесѣ:

Za jedinim bratom Banova kći mala
U stanu bogatom sirota ostala —

взяты изъ „Isklada" (пролога) пьесы Луцича (стихи 1—2):

Sa jedinim bratom banova kći mala
u stanu bogatom za ocem ostala.

Не приводя дальнѣйшихъ примѣровъ, отмѣтимъ болѣе или менѣе близкое сходство обѣихъ пьесъ цифрами:

Сокращенный діалогъ, стихи:	Подлинная драма Луцича, стихи:
1—4	35—38
5—6	41—42
7	49
9—14	43—48
15—16	1—2
17—18	369—370
19—20	367—368
21	4
23—34	107—118
35—42 („Suliman")	119—126 („Gusar")
43—44	13—14
50—51 („Družina perva)	127—128 („Derenčin")
54—57 („Suliman)	129—132 (Gusar)
60—61	133—134
62—65 („Suliman")	141—144 („Gusar")
68—69 („Tergovac")	145—146 („Derenčin").
70—71 („Suliman")	137—138 („Gusar")
72	138
80—81	293—294
82—83 („Tergovac")	135—136 („Derenčin")
84—85 („Tergovac")	149—150 („Derenčin")
86—87	157—158
88—91 („Tergovac")	151—154 („Derenčin")
92—93	155—156
94—95	159—160
96	167
98—99	5—6
100—101	255—256
105	254
106	245 (по смыслу, но не по формѣ)
107—108	249—250
109—114	161—166
115—117	263—265
118	266 (по смыслу, но не по формѣ).

121—122		301—302	
129—134	(„Tergovac“).	191—196	(„Derenčin“).
135—136		199—200	
137—138		197—198	
139		201	
140		205	
141—148		207—214	
149—150		751—752	
157—160	(„Sluga“).	97—100	(„[Matijaš] sluga“).

Какъ можно видѣть изъ приведенной таблицы, представлявшаяся во время карнавала въ Пагѣ пьеса почти вся состоитъ изъ болѣе или менѣе неискусно подобранныхъ цитатъ изъ драмы Луцича, переполненныхъ искаженіями [1]), такъ что анонимный сотрудникъ „Далматинской Зари“ даже не рѣшился напечатать бывшую у него подъ руками рукопись съ дипломатическою точностью; онъ нерѣдко пропускаетъ слова и цѣлыя полустишія, ссылаясь на непонятную порчу въ рукописи, безсмыслицу. Изъ всего діалога самостоятельными могутъ быть названы только немногія строки, да и тѣ иногда повторяются; такъ, стихъ 66-й повторенъ въ 74-мъ, а стихъ 67-й—въ 73-мъ и 75-мъ; измѣнены имена нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ (см. въ таблицѣ), и т. п.

Можно думать, что сообщенный г. Радичемъ романсъ возникъ подъ вліяніемъ драмы Луцича или какой-либо ея передѣлки, но не той, которая только что разсмотрѣна нами; совпадающіе въ романсѣ и карнавальной пьесѣ стихи показываютъ, что романсъ ближе къ подлинной драмѣ Луцича, и только въ одномъ мѣстѣ находимъ нѣкоторое сходство между карнавальной передѣлкой и романсомъ, а именно: въ „Robinj'ѣ“ стихи 263—264 читаются:

Od tad je gojila majka me Ielena
kako no bosila kiticu zelena;

въ сокращенномъ діалогѣ этому соотвѣтствуютъ строки 115—116:

Mene je gojila mat moja Ielina,
Kano i kiticu drobnoga basila,

---

[1]) Въ исторіи хорватской литературы можно указать еще одинъ примѣръ подобнаго составленія краткой пьесы изъ болѣе длинной, а именно — діалогъ М. Држича „Posvetilište“ (напечатанъ въ собраніи сочиненій этого автора, въ VII томѣ изданія „Stari pisci hrvatski“, 1875 г., стр. 459 — 480), оказавшійся по сличеніи (тамъ же, въ предисловіи Фр. Петрачича, стр. VIII, прим. 6) съ пьесою М. Ветранича „Posvetilište Abramovo“ (помѣщена въ томъ же изданіи томъ IV, стр. 235—338) сокращенною передѣлкою послѣдней.

а въ романсѣ находимъ (стихи 62—63 своднаго текста):

Mene ja gojila moja baba Iele
Kano u kiticu drobna bosiela,

при чемъ, однако, въ варіантахъ имѣется и другое чтеніе, нѣсколько болѣе близкое къ основной драмѣ.

Выставленное выше апріорное предположеніе, что романсъ о Наранчинѣ возникъ изъ пьесы Луцича, можетъ быть поддержано указаніемъ на одно народное произведеніе, также имѣющее связь съ драмою „Robinja“; мы разумѣемъ записанную I. Волчичемъ въ Истріи пѣсню „Robinjica“ [1]). Самое начало этой пѣсни обнаруживаетъ близкое родство ея и съ пьесою Луцича, и съ карнавальной передѣлкою послѣдней:

„Robinjica“, стихи 1—4:	„Robinja“, стихи 1—2:	Карнавальный діалогъ, стихи 15—16:
Va bogatin grade *Hći* tergovca *mala* Po smerti otčinoj *Sirota j' ostala*	Sa jedinim bratom banova *kći mala* u stanu bogatom za ocem *ostala*	Za jedinim bratom Banova *kći mala* U stanu bogatom *sirota ostala*

Если сходство этихъ стиховъ можетъ показаться случайнымъ, то нельзя того же сказать о слѣдующемъ четверостишіи:

„Robinjica“, стихи 5—8:	„Robinja“, стихи 367—368:	Карнавальный діалогъ, стихи 19—20:
Ide mi na pazar, *Kdi se voda toči*; I njoj malasnoj *Pride sanj na oči*	Pod sincom oriha, *voda gdi se toči*, *sanka* mi *moć* tiha *napade na oči*	U ladu pod borom *gdě se voda toči*, Ondě mi sladki *san na oči priskoči*.

Самое содержаніе разбираемой пѣсни соотвѣтствуетъ въ общемъ сюжету драмы Луцича: тому, кто отыщетъ похищенную турками дѣвушку, мать послѣдней обѣщаетъ „Mnogo puno blaga“, но находится tergovac bogati (ср. „Robinja“, стихъ 143; карнавальная пьеса, строка 64), который отправляется искать плѣнницу „Brez srebra i zlata“, находитъ ее, откупаетъ у турокъ за три тысячи червонцевъ (ср. „Robinja“, стихъ 144; карнавальная пьеса, строка 65) и приводитъ „Nutra va svoj grad“. Сличеніе текстовъ даетъ поводъ думать,

---

[1]) Помѣщена въ IV томѣ (1859 г.) целовецкаго журнала Ант. Янежича „Glasnik slovenski“, стр. 74.

что эта пѣсня возникла именно изъ карнавальной передѣлки драмы Луцича; такъ, въ пѣснѣ и въ карнавальной пьесѣ находятся сходныя мѣста, соотвѣтствія которымъ въ подлинномъ произведеніи Луцича нѣтъ:

Карнавальная пьеса, стихи 47—48:
Obajdoh sva polja, *obajdoh sve rike,*
Obajdoh sve gore, male i velike.
Тамъ же, стихи 125—128:
Tergovac.
Tugljivo je meni pinezi brojiti,
U tebi nijedne čistoće imiti.
Robinja.
Evo smert nazivljem na moja staništa,
Neka me pokosi, dokli jesam čista.

„Robinjica", строки 21—22:
Obajde 'se gore,
Obajde 'se rike.
Тамъ же, строки 57—66:
„Lahko mi je, robinjo!
Pineze brojiti;
Ma ću ja od tebe
Ku vernost iméti?"
Tad počne robinja
Sebi smert želeti:
„„O smert, o nemila!
Ča me ne pokosiš?
Dokle još vernosti
U manè nahodiš"".

Можно также припомнить вышеприведенное выраженіе *sirota ostala,* общее карнавальной пьесѣ съ пѣсней и отсутствующее въ драмѣ Луцича. При значительныхъ различіяхъ въ формѣ (но не содержаніи) текста Луцича отъ карнавальной пьесы пѣсня держится ближе къ послѣдней:

„Robinja", стихъ 294:
Mislite, ko zdravje može
bit u meni?

Карнавальная пьеса, стихъ 81:
Kako ćeš, Tergovče, da je
u meni zdravlje!

„Robinjica". строки 42—43:
Kako ćeš, tergovče,
Da imam ja zdravlje?

Происхожденіе пѣсни „Robinjica" можетъ, по нашему мнѣнію, служить аналогіей къ предполагаемому нами возникновенію романса о Наранчинѣ изъ пьесы Луцича или какой-либо переработки ея сюжета. Если послѣднее мнѣніе справедливо, то вопросъ о литературныхъ источникахъ драмы „Robinja" долженъ быть признанъ и послѣ появленія статьи г. Радича — по прежнему открытымъ. Впрочемъ, упоминаніе въ пьесѣ Луцича нѣкоторыхъ историческихъ лицъ, самая жизненность сюжета драмы и полная первобытность его обработки позволяютъ a priori думать, что названная драма гораздо оригинальнѣе другихъ, современныхъ ей, хорватскихъ пьесъ, а потому и самая возможность указанія ея литературныхъ источниковъ, если не считать какихъ-либо заимствованій въ отдѣльныхъ фразахъ, крайне сомнительна.

духомъ и съ нѣкоторыми выводами его сочиненія, а также нѣсколько подрывающій довѣріе къ его ссылкамъ на эти самые наказы. Онъ выражаетъ полное свое согласіе съ приводимымъ имъ отзывомъ мѣстнаго историка Dugast Matifeux. По мнѣнію послѣдняго, выраженному въ частномъ письмѣ, первичные наказы можно подраздѣлить на три категоріи, смотря по тому, составлены ли они подъ вліяніемъ дворянъ и ихъ агентовъ, духовенства или буржуазіи: первые „всѣ или почти всѣ реакціонны", вторые, или дышатъ эгоизмомъ (если тутъ вліяло высшее духовенство), либо примыкаютъ къ преобразовательному теченію (если составлены низшимъ духовенствомъ), наконецъ наказы, „внушенные (inspirés) третьимъ сословіемъ", проникнуты духомъ времени „и представляютъ въ этомъ смыслѣ выраженіе скрытаго народнаго чувства". Но выразилось ли тутъ народное чувство непосредственно? „Если это имѣло мѣсто въ деревняхъ, то во всякомъ случаѣ совсѣмъ исключительно". Далѣе, ссылаясь на отрицательное мнѣніе Артура Юнга о самодѣятельности французскаго народа, Dugast Matifeux прибавляетъ: „Это и мое мнѣніе... Деревенскій народъ въ 1789 году жаловался и просилъ въ своихъ наказахъ куда еще машинальнѣе, чѣмъ подавалъ свой голосъ въ наше время, при всеобщей подачѣ голосовъ. Таково мое рѣшительное заключеніе, по крайней мѣрѣ относительно западной Франціи". Съ своей стороны Шассенъ утверждаетъ, что его изысканія по разнымъ провинціямъ „подтверждаютъ всецѣло и безусловно" это заключеніе; только наказы сервовъ Юры и крестьянъ Прованса являются „великолѣпными исключеніями" [1]). Все это касается однако лишь „политической стороны", такъ какъ деревенскіе наказы представляютъ значительный интересъ, по его мнѣнію, въ соціальномъ отношеніи, почему Шассенъ и основываетъ на нихъ широкіе выводы.

Н. И. Карѣевъ также не придаетъ никакого значенія политическимъ требованіямъ первичныхъ наказовъ, зависящихъ, по его словамъ, отъ того, „подъ чью диктовку" записывалось то или другое требованіе [2]). Но разъ признается наличность или хотя бы возможность диктовки, то она можетъ коснуться и соціальныхъ требованій и ежедневныхъ хозяйственныхъ нуждъ, передаваемыхъ наказами. Къ тому же невозможно провести опредѣленную грань между политическими и соціальными вопросами.

---

[1]) *Chassin.* Génie de la Révolution I, 417—420, 426.
[2]) *Н. И. Карѣевъ.* 394.

Далѣе Тэнъ бросилъ мимоходомъ замѣчаніе, изъ котораго можно вывести, что содержаніе наказовъ опредѣлялось самимъ народомъ, а редакторы обусловили только форму выраженія народныхъ нуждъ [1]). Но это заявленіе представляетъ только удачный выходъ изъ противорѣчія посредствомъ уклоненія отъ прямаго отвѣта: не изучивъ приходскихъ наказовъ, нельзя заявлять, что основное ихъ содержаніе намѣчено самимъ народомъ, когда это именно и требовалось доказать. Многіе изслѣдователи идутъ по стопамъ этого великаго мастера исторической живописи, но не исторической критики. Рей, въ поискахъ за „доводами мѣстнаго опыта, описаніемъ видѣннаго и выстраданнаго, истинными челобитными" нашелъ въ нѣкоторыхъ наказахъ, что „крестьянинъ далъ матеріалъ, а образованный человѣкъ—форму" [2]).

По мнѣнію Autorde особенности различныхъ наказовъ зависѣли отъ личныхъ свойствъ редакторовъ, избирателямъ же принадлежало „общее направленіе мыслей"; въ этомъ отношеніи всѣ наказы носятъ одинъ общій отпечатокъ „осужденія прошлаго" въ болѣе или менѣе рѣзкой формѣ [3]).

По словамъ Bussière, хотя судейскій обыкновенно держалъ перо за избирателя, тѣмъ не менѣе приходскіе наказы вѣрны истинному духу народа, такъ какъ проникнуты одной общей мыслію; „это голосъ народа", замѣчаетъ онъ по поводу одного наказа, „это языкъ крестьянина, переданный деревенскимъ риторомъ" [4]).

---

[1]) *Taine.* Ancien Régime. 488. Ici et déjà depuis quelque temps, ce n'est plus le villageois qui parle; c'est le procureur, l'avocat qui lui prête ses métaphores et ses théories. Mais l'avocat ne fait que traduire en langage littéraire les sentiments du villageois.

[2]) *Rey.* Notes sur mon village. Les cahiers de Saint-Prix. (Paris 1892). 27. Où sont enfin les arguments de l'expérience locale, la peinture de choses vues et souffertes, les vraies doléances? 28. Un paysan donna la matière, un lettré la forme.

[3]) *Autorde.* Archives révolutionnaires de la Creuse. Nouveaux cahiers de doléances. (Guéret 1890). Introduction 3, 4. En réalité ce qui appartient en propre à chaque groupe d'électeurs, c'est la tendance générale des idées; or, envisagés à ce point de vue, les cahiers offrent tous un trait commun, qui les rapproche et leur donne une même physionomie. Plus ou moins fortement motivée, la condamnation du passé s'y rencontre toujours...

[4]) *Bussière.* La révolution en Périgord (Bordeaux 1885) II, 68, 70. Ce fut le notaire, le procureur d'office ou le juge local qui, dans la plupart des paroisses, prit la plume pour l'électeur. L'expression du voeu des commettants n'en est pas moins fidèle dans l'ensemble. On en a la preuve dans la pensée suffisemment concordante qui se dégage des cahiers malgré leur nombre et la diversité de leurs formules. Ces clercs de village, enfants du pays, avaient le tour d'esprit de leurs

Такимъ образомъ историки видимо не рѣшаются высказаться до конца въ томъ или другомъ смыслѣ и благоразумно останавливаются на полъ-дорогѣ, сознавая невозможность разрѣшить указанный вопросъ при современномъ состояніи изученія предмета. Впрочемъ это не мѣшаетъ изслѣдователямъ усиленно ссылаться на приходскіе наказы, выдавая ихъ требованія, безо всякихъ оговорокъ, за желанія французскаго крестьянства. Литература предмета переполнена болѣе или менѣе совершенными попытками статистическаго изученія этихъ пожеланій: такія то деревни желаютъ введенія единаго поземельнаго налога, или раздѣла общинныхъ угодій или запрещенія вывоза хлѣба. Въ умахъ историковъ уже не разъ мелькала даже мысль о составленіи на основаніи наказовъ, съ помощью статистическаго метода, полнаго изображенія того, что думала и чувствовала французская деревня наканунѣ 1789 года. Тутъ уже нѣтъ и помина той скептической нотки, которая звучитъ довольно громко (заронивъ сомнѣніе въ умѣ болѣе чуткаго читателя), когда рѣчь идетъ о моделяхъ, т. е. образцахъ наказовъ, распространявшихся въ сотняхъ и тысячахъ экземпляровъ по городамъ и селамъ; эти модели (modèles) опредѣляли иногда содержаніе наказовъ цѣлыхъ округовъ, при чемъ переписывались, съ сокращеніями, дополненіями, подчасъ неумѣлыми искаженіями, а то и безъ всякихъ измѣненій, совершенно рабски. Если тутъ возможно еще предположить, что приходское собраніе сознательно выбрало модель, отвѣчающую его запросамъ, то бываютъ случаи, когда и это возраженіе падаетъ передъ очевидностью.

Въ послѣднемъ отношеніи особенно сильное впечатлѣніе производитъ замѣчательный трудъ Legrand et Marquis о наказахъ этампскаго бальяжа[1]). Въ названномъ округѣ между теоріей первичныхъ избирательныхъ дѣйствій и осуществленіемъ ея на практикѣ была цѣлая пропасть. Въ теоріи, приходской наказъ долженъ былъ редактироваться на приходскомъ собраніи. На дѣлѣ же это было исключеніемъ, а можетъ быть даже ни разу не было приведено въ исполненіе по этампскому округу. „Почти во всѣхъ деревенскихъ приходахъ наказы были готовы до собраній, чтобы получить подписи созванныхъ жителей; или если

---

clients... et leur littérature porte bien la marque du crû... C'est bien la voix du peuple, sans attacher à ces mots un sens métaphysique. C'est le langage du paysan traduit par un rhéteur de village.

[1]) *Legrand et Marquis.* Le bailliage d'Etampes aux états généraux. (Etampes 1895) tome II. Изложеніе взглядовъ издателей взято нами изъ обстоятельнаго введенія, частью въ переводѣ, частью въ близкомъ къ тексту пересказѣ.

фактически нѣкоторые и были составлены во время собраній, то даже эти наказы почти никогда не были дѣломъ печалующихся избирателей". Самое содержаніе этихъ наказовъ говоритъ противъ тѣхъ, кто отрицаетъ широкое распространеніе моделей, этихъ образцовъ наказовъ, которые распространялись передъ выборами по всей поверхности Франціи. Приходскіе наказы, по мнѣнію авторовъ, не были „оригинальнымъ выраженіемъ жалобъ" народа и „слишкомъ далеко заходятъ" историки, приписывающіе добрымъ мужикамъ политическія разсужденія, полныя претензій и торжественнаго паѳоса. Во всякомъ случаѣ въ Этампѣ судейскіе „поглотили въ большей части движеніе" (вызванное созывомъ штатовъ), направили его и присвоили себѣ обязанность „выразить жалобы подвѣдомственныхъ лицъ". Наказы были въ дѣйствительности дѣломъ судейскихъ; ихъ дѣйствіе было „капитальнымъ, чтобы не сказать исключительнымъ, въ редакціи наказовъ". Изъ 92 тщательно разобранныхъ наказовъ, только 12 носятъ печать нѣкоторой независимости, да и то многіе изъ нихъ были составлены судейскими. Остальные же (т. е. почти всѣ наказы округа), были составлены, какъ выяснили Legrand et Marquis, опредѣленными и поименно перечисленными пятью лицами, занимавшими высшія судебныя (и отчасти административныя) должности въ округѣ [1]).

Такъ какъ все разнообразіе особенностей этихъ 80 наказовъ сводится къ различію въ редакціи и взглядахъ упомянутыхъ 5 лицъ, то всѣ наказы округа распредѣлены изслѣдователями по пяти серіямъ, носящимъ не географическій, а *личный* характеръ, въ зависимости отъ лица, ихъ внушившаго: série Champigny, série Geoffroy и т. д. По нѣкоторымъ даннымъ можно даже думать, что эти пять лицъ предварительно столковались между собою (это было не трудно сдѣлать). Такимъ образомъ большинство этампскихъ наказовъ, какъ неопровержимо доказали Legrand et Marquis, вышли „въ готовомъ видѣ" (toute préparée) изъ канцеляріи судей, а жителямъ оставалось только заполнить на собраніяхъ имя прихода и проставить подписи. Не удивительно, если изслѣдователи предвидятъ, что, перелистывая

---

[1]) M. Jean Champigny, conseiller du roi et son procureur, tant au grenier à sel que de la ville d'Etampes, M. Jean-Gérard Geoffroy, avocat en Parlement, M. Claude-Louis Gillot, Conseiller du Roi, receveur des consignations au bailliage d'Etampes, lieutenant général du comté de Chamarande, M. P. Ph. Pineau de Villeneuve, doyen des procureurs du bailliage royal d'E., lieutenant des bailliage etc. de Méreville, M. Crosnier, substitut de M. le procureur du roy au bailliage d'E

эти наказы, „предполагавшіеся оригинальными, не одинъ читатель потеряетъ можетъ быть иллюзію".

Итакъ на разстояніи 32 лѣтъ, въ 1895 г. консервативные [1]) по своимъ симпатіямъ ученые дали строго научное обоснованіе впечатлѣнію, откровенно и добросовѣстно высказанному еще въ 1863 году радикальнымъ Шассеномъ, вопреки восторженному преклоненію послѣдняго передъ всѣмъ, что связано съ переворотомъ 1789 г.

Занимающій насъ вопросъ вышелъ такимъ образомъ изъ области партійной борьбы и сталъ на строго объективную почву научнаго изслѣдованія. Это—цѣлое событіе, никѣмъ пока не оцѣненное по достоинству, и намъ первымъ суждено высказаться по этому предмету на чистоту. Поэтому да не посѣтуютъ на насъ республиканскіе историки буржуазіи и не заподозрятъ насъ въ стремленіи во что бы то ни стало подкопаться подъ наказы 1789 г.—эту гордость французскаго народа и знамя, передъ которымъ преклоняются даже непримиримые враги великаго переворота. Amicus Plato, sed magis amica veritas. Почва подъ этимъ знаменемъ несомнѣнно колеблется. Не только окружные, но и приходскіе наказы отражаютъ въ значительной степени, если не главнымъ образомъ, настроеніе буржуазіи, народность же ихъ, въ собственномъ смыслѣ, крестьянскій ихъ характеръ вызываетъ во всякомъ случаѣ сомнѣнія, доселѣ не устраненныя, быть можетъ и неустранимыя. Уже изученное нами давленіе на избирателей должно наводить въ этомъ отношеніи на размышленія скептическаго свойства. Конечно возможно (основываясь же на своемъ личномъ впечатлѣніи [2]) я не считаю этого невѣроятнымъ), что по изученіи всѣхъ сохранившихся наказовъ, нѣкоторыя (но далеко не всѣ) ихъ требованія дѣйствительно окажутся приблизительнымъ выраженіемъ мысли и желаній народа. Очень вѣроятно, что стереотипные наказы Этампа представляютъ не правило, а исключеніе. Вѣдь уже Шассенъ отмѣтилъ наказы Прованса, какъ выдающіеся въ смыслѣ самобытности. Къ нимъ можно присоединить также отчасти наказы Парижскаго округа, Мэна, Окзерра, Дуэ и другихъ мѣстъ, хотя оригинальность не доказываетъ еще ихъ народнаго источника.

---

[1]) Въ авторахъ просвѣчиваетъ нѣкоторая страстность (съ консервативной точки зрѣнія), но это не должно служить къ заподазриванію объективныхъ ихъ выводовъ, произведенныхъ съ строгимъ методомъ на основаніи непреложныхъ данныхъ.

[2]) Историки такъ часто выдаютъ свои впечатлѣнія за научные выводы, что подчеркиваніе гипотетичности этой оговорки представляется не лишнимъ.

Но пока не будетъ произведенъ систематическій разборъ наказовъ, приходится остаться при сомнѣніи, памятуя, что сомнѣніе — уже первый шагъ къ знанію. Эта работа ждетъ еще своего историка, или вѣрнѣе болѣе десятка неутомимыхъ изслѣдователей, такъ какъ вопросъ очевидно не подъ силу одному человѣку и можетъ быть рѣшенъ только рядомъ монографій, составленныхъ по опредѣленному плану, съ соблюденіемъ строгаго и единообразнаго метода. Если вспомнить, что разборъ однихъ только этампскихъ наказовъ (всего 92) потребовалъ кропотливой работы на 500 слишкомъ страницъ, если вспомнить, что оба тома этого сочиненія составляютъ около 1000 страницъ, то можно составить себѣ понятіе о тѣхъ огромныхъ усиліяхъ, которыя необходимы для разбора десятка тысячъ наказовъ въ нѣсколькихъ сотняхъ округовъ. Когда эта работа будетъ произведена для всей Франціи, тогда и только тогда можно будетъ судить о томъ, насколько первичные наказы 1789 г. выражаютъ настроеніе большинства французскаго народа. Отдѣльныя монографіи, въ родѣ труда Legrand et Marquis, явятся первымъ шагомъ въ этомъ направленіи.

Во всякомъ случаѣ, если даже всѣ уцѣлѣвшіе наказы будутъ приведены въ извѣстность или предварительно изданы, это не избавитъ историковъ отъ тяжелой необходимости объѣхать всю Францію и пересмотрѣть на мѣстахъ (т. е. въ департаментскихъ, городскихъ и даже сельскихъ архивахъ) подлинныя связки наказовъ. Въ этихъ, часто неразборчивыхъ матеріалахъ все важно: и правописаніе, и рука, позволяющая иногда опредѣлить личность редактора или по крайней мѣрѣ секретаря. Издатели приходскихъ наказовъ нашли болѣе удобнымъ печатать тексты безъ украшавшихъ ихъ орѳографическихъ ошибокъ [1]), а между тѣмъ сама грамотность наказа можетъ имѣть значеніе для сужденія. Если, напримѣръ, крестьянскій наказъ написанъ книжнымъ языкомъ и носитъ явные слѣды мысли образованнаго человѣка, а между тѣмъ рукопись крайне безграмотна, то уже это одно можетъ иногда дать матеріалъ для заключенія въ томъ смыслѣ, что въ данной деревнѣ не было на лицо образованнаго человѣка, способнаго составить наказъ, но образецъ, занесенный со стороны, былъ продиктованъ или переписанъ малограмотнымъ лицомъ. Работа по этампскому округу, а также сдѣланный Тенаромъ разборъ наказовъ Версаля и Медона показываютъ нагляднымъ образомъ, какъ

---

[1]) Etienne Charavay въ замѣткѣ по поводу изданія наказовъ департамента Соммы призналъ это цѣлесообразнымъ. („Révolution Française“ XVI, 1889 г.).

важно для изслѣдователя изученіе именно сыраго матеріала, помимо всякихъ изданій [1]). Такъ Тенаръ опредѣлялъ на основаніи почерка степень образованія подписавшихся: множество подписей показываютъ, что избиратель 1789 г. едва умѣлъ держать перо въ рукахъ. Это заключеніе совсѣмъ не безразлично, когда рѣчь идетъ о наказахъ мѣстностей, находящихся у воротъ столицы. Еще важнѣе выводы относительно личности редактора или лица, переписавшаго текстъ наказа. Даже цвѣтъ чернилъ имѣетъ при случаѣ немаловажное значеніе: разница чернилъ заставляетъ предполагать неодинаковость времени написанія нѣкоторыхъ словъ, показываетъ иногда, что текстъ наказа былъ написанъ ранѣе дня засѣданія, гдѣ онъ былъ подписанъ, т. е. заготовленъ заблаговременно, а не составленъ на приходскомъ собраніи.

Съ своей стороны по собственному опыту приведу нѣсколько доказательствъ того, какъ необходима бываетъ обработка именно сырого матеріала, во избѣжаніе разнаго рода недоразумѣній. Въ новой исторіи, при неистощимомъ богатствѣ матеріала, изданіе текстовъ не можетъ производиться съ такой тщательностью, какъ, напримѣръ, по древней исторіи, гдѣ каждое слово, каждая буква нѣкоторыхъ источниковъ имѣетъ свою исторію, гдѣ множество работниковъ науки тратили массу учености на возстановленіе каждой буквы текста. Если бы издать наказы 1789 г. съ тщательностью изданія въ родѣ Corpus inscriptionum, то завершенія этой работы пришлось бы ждать нѣсколько сотъ лѣтъ. А между тѣмъ иногда одно только слово, правильно разобранное въ безграмотномъ и не четко писанномъ крестьянскомъ печалованіи (doléances), можетъ измѣнить смыслъ цѣлой фразы, если не весь тонъ цѣлаго разсужденія. Передъ нами [2]) было прошеніе, посланное Неккеру ткачемъ Maison отъ имени крестьянъ деревушки Allaines въ Пикардіи. Тутъ представлена потрясающая, въ своей простотѣ, картина нужды этой деревни, гдѣ крыши домовъ были раскрыты за недостаткомъ соломы для корма скота. Между

[1]) *Thénard.* Bailliages de Versailles et de Meudon. (Versailles 1889). 100. Въ наказѣ Louveciennes почеркъ показалъ, чьей рукой написанъ наказъ, а цвѣтъ чернилъ позволилъ выяснить, что написаніе предшествовало дню засѣданія. 142. Въ наказѣ Voisins le Bretonneux сличеніе почерковъ позволило опредѣлить личность редактора.

[2]) *А. М. Ону.* Изданіе текстовъ по новой исторіи. См. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за іюль 1895. Къ этому эпизоду, котораго мы уже касались въ указанной статьѣ, необходимо вернуться, такъ какъ онъ имѣетъ существенное значеніе въ данномъ случаѣ.

прочимъ въ прошеніи обращаетъ на себя вниманіе не совсѣмъ ясная, но зловѣщая фраза, звучащая угрозой: если не будетъ введена такса на хлѣбъ, то бѣдняки будутъ вынуждены пожертвовать кровью; это угроза не то кровавымъ бунтомъ, не то повальнымъ самоубійствомъ, не то убійствомъ своихъ дѣтей... Само собою разумѣется, что подобныя заявленія не могутъ считаться доказательствомъ нищеты и во всякомъ случаѣ скептики вправѣ отнестись къ нимъ съ недовѣріемъ [1]). Но правильно ли перепечатанъ этотъ документъ Шассеномъ, огласившимъ его во всеобщее свѣдѣніе? Прошеніе было ему извѣстно, повидимому, не въ подлинникѣ, а по списку, сдѣланному еще въ XVIII вѣкѣ въ фоліантахъ „Collection Camus". (Извѣстно, что по распоряженію Національнаго Собранія были переписаны всѣ поступившіе въ Парижскія канцеляріи матеріалы по выборамъ, вошедшіе затѣмъ въ такомъ видѣ въ составъ Національнаго архива, гдѣ составили серію B III, получившую названіе по имени Camus — секретаря палаты, завѣдывавшаго этимъ дѣломъ). Обратившись къ отъисканію подлиннаго прошенія, я нашелъ его въ картонахъ серіи B[a], при чемъ одно слово подлинника оказалось невѣрно переписаннымъ: вмѣсто слова „sang" — кровь нужно читать „sort" — судьба [2]). А между тѣмъ эти 3 буквы измѣняютъ весь смыслъ фразы и даже до нѣкоторой степени тонъ всего прошенія. Въ

---

[1]) Правда, голодные бунты были явленіемъ обычнымъ въ то время, правда и то, что въ зиму 1788—1789 годовъ слышно было о случаяхъ самоубійства отъ нужды (см. *Hippeau*. Les élections de 1789 en Normandie. 236). Однако скептики могутъ не придавать значенія подобнымъ угрозамъ, въ особенности угрозѣ дѣтоубійствомъ съ отчаянія.

[2]) Archiv Nat. B. III, 164, 754—761. (*Chassin*. Génie de la Révolution I, 421—423). „Que le blé soit taxé à 24 livres, craignant que les pauvres se trouveront forcés par la nature de faire victime de leur sang". Въ дословномъ переводѣ это значитъ, что бѣдняки будутъ вынуждены природой сдѣлать жертвой свою кровь. Какъ же понять это? Крестьяне грозятъ пролить свою кровь, т.-е. не остановиться передъ кровавымъ бунтомъ, или предвидятъ кровавую развязку въ видѣ массоваго самоубійства? А то можетъ быть грозятъ принесеніемъ въ жертву своей плоти и крови, т.-е. убійствомъ своихъ дѣтей? Между тѣмъ въ подлинникѣ, хранящемся въ картонѣ B[a] 67. 1. 157. 2°, того же архива, безграмотный и неразборчивый текстъ гласитъ: „faire vilimme (victime) de leur sant (sort)". Буквы „a", „n", не четки и вполнѣ походятъ на „o", „r", но въ концѣ вполнѣ ясно стоитъ буква „t", а не „g". О степени безграмотности прошенія можно судить хотя бы по адресу: „à Monsieur Monsieur ne querre (Necker) minisse (Ministre) de tât (d'Etat) à son no telle (à son hôtel) à paris, a parisen diligans (diligence).

подлинникѣ крестьяне высказываютъ опасеніе, что если не будетъ введена такса на хлѣбъ, то бѣдняки станутъ жертвами своей судьбы, своей горькой доли. Это уже не угроза кровавымъ исходомъ, а безхитростное опасеніе за свое существованіе.

Разница въ этихъ оттѣнкахъ далеко не безразличная. Дѣло въ томъ, что нѣкоторые историки видятъ въ наказахъ стремленіе къ сгущенію красокъ нужды. Извѣстный знатокъ стараго порядка, Бабо предостерегаетъ противъ довѣрія жалобамъ наказовъ. „Крестьяне, „которыхъ просили составить свои челобитныя, жалобы и требованія, „не заставили себя просить; они отъискали всѣ свои неудовольствія, „выложили (étalé) всѣ свои неустройства, выставили (mis en relief) „всѣ свои нужды. Впечатлѣніе отъ этого получается грустное; но „надо замѣтить, что иначе и быть не могло, разъ ихъ просили жа„ловаться“ [1]). Кромѣ того Бабо напоминаетъ отмѣченное еще Руссо стремленіе мужиковъ скрывать свой достатокъ изъ страха передъ сборщикомъ податей; мужикъ лукавъ (sournois), намѣренно наряжался въ рубище, а когда дошло дѣло до составленія наказовъ, то „преувеличивалъ стѣсненное положеніе, можетъ быть дѣйствительное, въ которомъ находился“. Такъ преувеличеніе видитъ Бабо въ реторикѣ одного приходскаго наказа, сравнивающаго положеніе рабочаго люда съ жизнью американскихъ дикарей. „Бываютъ эпохи, замѣчаетъ онъ, когда любятъ жаловаться, какъ въ другія эпохи кажется естественнымъ хвастаться. Наканунѣ революціи, кажется, (люди) охотно преувеличивали свои страданія, чтобы лучше ихъ изцѣлить“ [2]).

Комбье, не отрицая искренности наказовъ, считаетъ ихъ жалобы на нужду преувеличенными: человѣкъ забываетъ хорошіе дни подъ вліяніемъ минуты [3]).

По мнѣнію Шармасса, картина сельскаго состоянія, изображенная въ наказахъ, сгущаетъ черныя краски, такъ какъ главное желаніе каждой деревни—облегченіе налоговъ [4]).

Аббатъ Allain подобнымъ же образомъ говоритъ о нѣкоторой

---

[1]) *Babeau.* Le village sous l'ancien régime. (Paris 1879) 348. Впрочемъ онъ оговаривается (351), что слезныя жалобы на бѣдность раздаются главнымъ образомъ въ 1576 и 1614 годахъ, а въ 1789 г. горечь наказовъ направлена скорѣе противъ податной тягости, феодальныхъ правъ и другихъ опредѣленныхъ бичей деревни.

[2]) *Babeau.* La vie rurale dans l'ancienne France (Paris 1885) 101—137.

[3]) *Combier.* Cahiers du Tier-Etat du bailliage de Laon. 142.

[4]) *Charmasse.* Cahiers du bailliage d'Autun 16[1].

долѣ преувеличенія (exagération) въ приходскихъ наказахъ [1]). Другой аббатъ, Puiseux, находитъ, что жалобы приходскихъ наказовъ переходятъ въ преувеличеніе и превращаются въ угрозы, почему нельзя на нихъ смотрѣть, какъ на историческій документъ для изученія соціальнаго положенія народа, ибо редакторы не обладаютъ ни достаточнымъ образованіемъ, ни необходимымъ спокойствіемъ; „ихъ приглашаютъ жаловаться и они жалуются съ единственной мыслію разжалобить такого добраго короля. Они не только благоразумно скрываютъ благопріятныя стороны своего положенія, но намѣренно преувеличиваютъ темныя стороны“. Нашъ аббатъ приводитъ, вслѣдъ за Бабо, саркастическое замѣчаніе Вольтера о великомъ удовольствіи жаловаться, прибавляя, что никогда люди не доставляли себѣ этого удовольствія такъ охотно, какъ наканунѣ революціи. По его мнѣнію, можно осязательно отмѣтить (faire toucher du doigt) преувеличеніе въ жалобахъ наказовъ; авторъ предостерегаетъ противъ буквальнаго (à la lettre) пониманія или по крайней мѣрѣ обобщенія сѣтованій на ужасающую нужду (misère affreuse), о которой часто идетъ рѣчь въ наказахъ [2]). И. В. Лучицкій называетъ наказы источникомъ „ненадежнымъ“, въ особенности по вопросу о размѣрахъ поземельной собственности крестьянъ: наказы нерѣдко отрицаютъ наличность поземельнаго обезпеченія населенія вопреки дѣйствительности [3]). Къ этой же точкѣ зрѣнія приближается и П. Н. Ардашевъ, судя по слѣдующему его отзыву: онъ называетъ „стилистической гиперболой“ жалобу одного наказа на то, что деревня не можетъ израсходовать ни одного су на общественныя надобности безъ разрѣшенія начальства; по словамъ русскаго ученаго, „было бы ошибкой понимать буквально такую жалобу (какъ и вообще многія изъ другихъ жалобъ въ наказахъ 1789 г.)“ [4]).

А что сказали бы упомянутые ученые по поводу перепечатанной Шассеномъ злосчастной фразы, въ прошеніи деревушки Allaines?

---

[1]) *Allain* (abbé). La question de l'enseignement en 1789 d'après les cahiers (Paris 1886). Introduction 3—4.

[2]) *Puiseux* (abbé). Les cahiers du tiers état rural du bailliage de Châlons-sur-Marne. (Châlons 1884) 5—6.

[3]) *И. В. Лучицкій.* Вопросъ о крестьянской поземельной собственности во Франціи до революціи (Кіевъ, 1894) 10. *Его же.* Крестьянское землевладѣніе наканунѣ революціи преимущественно въ Лимузенѣ (Кіевъ, 1900) 17. См. также полемику съ М. М. Ковалевскимъ.

[4]) *П. Н. Ардашевъ.* Провинціальная администрація во Франціи. (С.-Пб. 1900). I, 533 (примѣчаніе 3).

Совершенно послѣдовательно видѣли бы они въ угрозахъ бунтомъ, самоубійствомъ или даже дѣтоубійствомъ (?) реторическую фразу, разсчитанную на то, чтобы разжалобить, или напугать сильныхъ міра сего. Между тѣмъ, дѣло совершенно мѣняется отъ трехъ буквъ, отъ чтенія и толкованія текста, совершенно также, какъ если бы передъ нами были обломки надписи римской эпохи или полуистлѣвшіе обрывки средневѣковой хартіи.

Конечно приведенный случай совершенно исключителенъ по своей яркости и по связи его съ однимъ изъ наиболѣе щекотливыхъ и спорныхъ вопросовъ въ области изученія наказовъ. Но кто можетъ поручиться за всѣ неожиданности, съ которыми придется столкнуться изслѣдователю запыленныхъ и до послѣдняго времени заброшенныхъ [1]) связокъ наказовъ?

Правда, прошеніе жителей упомянутой деревни — не наказъ въ собственномъ смыслѣ, хотя близко къ наказамъ подходитъ по своему содержанію, способу составленія, по формѣ изложенія и по времени написанія (12-го апрѣля 1789 г.). Возьмемъ поэтому наказъ, уже настоящій наказъ деревни Jouhet (Пуату), съ которымъ также произошло недоразумѣніе, случайно мною обнаруженное. Наказъ этотъ содержится въ фоліантахъ серіи В Ш, но если его сличить съ подлинникомъ серіи В[a], то окажется, что ровно одна страница текста была выпущена при оборачиваніи листа переписчикомъ. Между тѣмъ пропускъ этотъ далеко не безразличенъ: въ данномъ отрывкѣ говорится, что сеньеръ деревни, графъ de-Moussy Lacontour былъ для крестьянъ „судьей, врачемъ и отцомъ", далъ работу нуждающемуся населенію въ голодную, только что пережитую зиму, а также далъ пищу и топливо бѣднымъ старикамъ. Несмотря на приторно-панегирическій тонъ всего наказа, приведенный отрывокъ представляетъ извѣстную цѣнность, какъ изображеніе пережитковъ феодальныхъ отношеній, сохранившейся связи помѣщиковъ съ крестьянами въ Вандеѣ, которой суждено было играть такую выдающуюсь роль въ по-

---

[1]) Большинство архиваріусовъ Франціи, въ качествѣ учениковъ „Ecole des Chartes", отличались до послѣдняго времени явнымъ пристрастіемъ къ матеріаламъ по средневѣковой исторіи, считая все, относящееся до новой исторіи, удѣломъ публицистовъ и легковѣсныхъ историковъ. Конечно, многіе историки революціи заслужили (увы) пренебрежительнаго къ себѣ отношенія, но все же непонятно, почему крушеніе стараго порядка менѣе заслуживаетъ просвѣщеннаго вниманія ученыхъ, чѣмъ дѣятельность Карла Лысаго.

слѣдующемъ. Мало того, пропущенный отрывокъ является наиболѣе цѣнной, если не единственно цѣнной частью всего наказа [1]).

Изъ сказаннаго видно, что даже *архивные* документы, на которые принято ссылаться, какъ на источникъ, могутъ оказаться далеко не точными.

Ясно, что изслѣдователи должны по возможности работать надъ сырымъ матеріаломъ, во избѣжаніе непріятныхъ сюрпризовъ въ родѣ приведенныхъ. Приходскіе наказы многихъ провинцій уже изданы и всѣ изслѣдователи (въ томъ числѣ и мы) пользуются ими, какъ источникомъ [2]). Но не слѣдуетъ скрывать отъ себя, что люди науки не обезпечены противъ многочисленныхъ и вопіющихъ подчасъ неточностей, въ родѣ усмотрѣнныхъ въ извѣстномъ сборникѣ Лорана и Мавидаля: „Archives Parlementaires" [3]). Кромѣ того при изданіи текстовъ ускользаетъ много цѣнныхъ чертъ и особенностей, опредѣляющихъ смыслъ и тонъ наказовъ: правописаніе, цвѣтъ буквъ, расположеніе словъ, подписи, приписки, поправки и т. д.

Составленныя на основаніи первоисточниковъ, будущія монографіи, посвященныя разбору приходскихъ наказовъ по округамъ, могутъ достигнуть своей цѣли только подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы работа велась по строгому и единообразному методу. Блестящій примѣръ подали въ этомъ отношеніи изслѣдователи наказовъ этампскаго бальяжа, но они шли такъ сказать ощупью и не выработали общаго метода для подобнаго рода работъ. Къ тому же этампскіе наказы не были, повидимому, типическими, такъ какъ составлены по одному общему шаблону, между тѣмъ какъ въ другихъ округахъ царило во всякомъ случаѣ большее разнообразіе въ редакціи наказовъ.

---

[1]) Archiv. Nat. B^a 69 1. 162. 6°. B III 168, 829 — 854. Пропущенное мѣсто относится къ серединѣ страницы 842 фоліанта B III 168.

[2]) Черезъ мѣру строгій критикъ можетъ спросить, почему же авторъ настоящей работы ссылается самъ на изданные приходскіе наказы? Безъ этого обойтись пока невозможно, а если ждать безупречныхъ изданій или идеальной обработки всѣхъ наказовъ (что для единичныхъ усилій представляется совершенно невозможнымъ), то придется ждать вѣка и вѣроятно никогда не дождаться. Впрочемъ главный источникъ настоящей работы—административная переписка, а содержаніе наказовъ разбирается нами только постолько, посколько это нужно для выработки метода будущихъ изслѣдованій. Вѣдь настоящая работа имѣетъ характеръ главнымъ образомъ подготовительный и методологическій, безо всякихъ претензій на окончательность и безповоротность выводовъ.

[3]) Объ этомъ подробнѣе см. *Ону*. Изданіе текстовъ по новой исторіи.

Такимъ образомъ, хотя время для окончательной разработки приходскихъ наказовъ еще не наступило, но первымъ шагомъ къ достиженію этой цѣли должна служить выработка метода для будущихъ изслѣдованій, что и составляетъ задачу настоящей главы.

Предлагаемый подготовительный разборъ приходскихъ наказовъ долженъ намѣтить пути для будущихъ монографій. Для этого надлежитъ раскрыть не только обстановку и условія ихъ составленія, но выработать критерій для ихъ разбора, нужно обсудить тѣ средства и способы, посредствомъ которыхъ можно будетъ *со временемъ* опредѣлить въ каждомъ данномъ случаѣ искренность и достовѣрность наказовъ, какъ дѣйствительнаго, а не фиктивнаго выразителя народной воли. Это дастъ будущему изслѣдователю ключъ къ всестороннему освѣщенію историческаго источника первѣйшей важности.

Впрочемъ, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, спѣшимъ оговориться, что предлагаемый разборъ не имѣетъ никакого отношенія къ вопросу о *фактической* достовѣрности первичныхъ наказовъ—существенному вопросу, вызвавшему разногласіе и полемику между двумя русскими учеными, И. В. Лучицкимъ и М. М. Ковалевскимъ. Въ наказахъ попадаются подробныя данныя о состояніи и положеніи деревень, отъ имени которыхъ наказъ представленъ. И. В. Лучицкій относится скептически къ свѣдѣніямъ, почерпнутымъ изъ нихъ М. М. Ковалевскимъ. Далѣе, какъ мы видѣли, многіе историки приписываютъ наказамъ склонность къ сгущенію красокъ нужды, что опять таки ставитъ подъ сомнѣніемъ многія заявленія приходовъ о своемъ положеніи. Наконецъ случаются и прямые промахи—erreur de fait [1]).

Но не этотъ вопросъ занимаетъ насъ. Мы не прибавимъ ни единой черты къ разрѣшенію полемики названныхъ русскихъ ученыхъ, такъ какъ задались цѣлью разобрать достовѣрность наказовъ не въ отношеніи дѣйствительности бытовыхъ данныхъ, ими представленныхъ, а въ смыслѣ искренности ихъ, какъ истиннаго выраженія мыслей и чувствъ, одушевлявшихъ большинство французскаго народа наканунѣ крушенія стараго порядка. Свѣдѣнія, почерпаемыя въ наказахъ, могутъ быть достовѣрны даже въ томъ случаѣ, если послѣдніе не выражаютъ настроенія большинства и въ этомъ смыслѣ являются недостовѣрнымъ его отраженіемъ. Вѣдь редакторъ наказа могъ, не

---

[1]) См. главу первую, стр. 2. Мы уже видѣли также, что нѣкоторые современники (субделегатъ абвильскій) обвиняли редакторовъ въ преувеличеніи нужды изъ моды и подражательности.

спрашиваясь избирателей, изложить вполнѣ правильно фактическое положеніе вещей. Наоборотъ, наказъ можетъ быть истинно-народнымъ произведеніемъ, а между тѣмъ вся фактическая сторона можетъ быть извращена по незнанію, невниманію или даже изъ стремленія сгустить краски, для производства надлежащаго впечатлѣнія. Такимъ образомъ предлагаемый разборъ достовѣрности наказовъ будетъ вращаться не въ категоріи дѣйствительнаго (т. е. достовѣрности положенія вещей, изображеннаго въ наказахъ), а въ области должнаго, т. е. выясненія вопроса, выражаютъ ли приходскіе наказы истинныя желанія людей XVIII вѣка и притомъ того большинства, отъ имени котораго они составлены.

I.

Приступая къ разбору сомнѣній, возникающихъ относительно достовѣрности наказовъ, какъ непосредственнаго выраженія мыслей и чувствъ большинства населенія, необходимо остановиться на нѣкоторыхъ существенныхъ обстоятельствахъ, ч стью ускользавшихъ отъ вниманія историковъ, частью же подмѣченныхъ, но слишкомъ бѣгло ими разработанныхъ.

На первое мѣсто по справедливости нужно поставить вопросъ объ языкѣ. Въ 1789 г. около половины всего населенія Франціи не только не говорила на томъ языкѣ, который принято называть французскимъ, но и не понимала этой рѣчи. А между тѣмъ наказы, начиная отъ литературно составленныхъ разсужденій и кончая полуграмотными и непосредственными писаніями, составлены по французски. На этомъ обстоятельствѣ необходимо остановиться.

По окраинамъ страны господствовали самостоятельные языки: на сѣверѣ бретонскій и фламандскій, на востокѣ — нѣмецкій, на югѣ провансальскій, испанскій и баскскій. Далѣе по всей поверхности Франціи, заключенной между этими окраинами, распространены были многочисленные говоры, такъ называемые „patois“ (ихъ насчитывали въ 1794 году до 30), иногда приближавшіеся къ ломанному французскому языку, но еще чаще совсѣмъ на него не похожіе, несмотря на тѣсную родственную связь въ филологическомъ отношеніи.

Н. И. Карѣевъ [1]) былъ, насколько намъ извѣстно, единственнымъ историкомъ, сознавшимъ первостепенное значеніе этого обстоятель-

[1]) *Н. И. Карѣевъ.* Крестьяне и крестьянскій вопросъ. 367, (примѣч. 44).

ства, нѣсколько подрывающаго довѣріе къ приходскимъ наказамъ, какъ выраженію настроенія низшихъ слоевъ общества.

Къ сожалѣнію мысль эта не получила дальнѣйшаго развитія. Между тѣмъ одни уже матеріалы, собранные по вопросу о мѣстныхъ говорахъ въ концѣ XVIII вѣка аббатомъ Грегуаромъ [1]), сами по себѣ могутъ заставить призадуматься.

Годъ спустя послѣ разбираемыхъ событій, 13-го августа 1790 г. извѣстный дѣятель революціи аббатъ Grégoire разослалъ во всѣ концы Франціи циркуляръ съ вопросными пунктами относительно говоровъ, распространенныхъ среди народа, объ употребленіи французскаго языка и о состояніи народнаго образованія. Обстоятельные отзывы, полученные имъ въ отвѣтъ, рисуютъ слѣдующую картину: хотя государственный и литературный языкъ (французскій языкъ) постепенно распространялся въ эту эпоху все болѣе и болѣе, какъ въ ширь, такъ и въ глубь [2]), тѣмъ не менѣе въ деревенской глуши и отчасти въ городахъ нѣкоторыхъ провинцій французскій языкъ былъ совершенно неизвѣстенъ или мало понятенъ большинству населенія, говорившему или на особомъ языкѣ, или на ломанномъ французскомъ.

Больше всего отвѣтовъ получено съ юга. Въ Монпелье народъ и высшіе классы общества говорятъ языкомъ, близкимъ къ итальянскому; „крестьяне не говорятъ по французски“. Общество „друзей конституціи“ въ Каркассонѣ полагаетъ, что гасконское нарѣчіе начинаетъ вымирать: въ городѣ и его окрестностяхъ народъ „понимаетъ“ (entend) по французски, но говоритъ на своемъ нарѣчіи, въ болѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ говорятъ только „patois“ и французскій языкъ мало понятенъ; священники проповѣдуютъ на французскомъ языкѣ только въ городѣ и его окрестностяхъ, въ остальныхъ же мѣстностяхъ „почти вездѣ“ проповѣди произносятся на мѣстномъ нарѣчіи. Каркассонскіе патріоты желаютъ „ускорить разрушеніе“ (accélerer la ruine) мѣстнаго говора, объясняя, что 20 лѣтъ назадъ никто не говорилъ здѣсь по французски, а те-

---

[1]) *Gazier.* Lettres à Grégoire sur les patois de France. Revue des langues romanes. 1874—1879. Tomes V—VIII (première série 1—4), IX—XIV (2-ème série 1 — 6), XV (3-e série). Авторъ приводитъ подлинные отвѣты, полученные Грегуаромъ, а также его рѣчь Конвенту 1794 г. (съ предисловіемъ Газье).

[2]) Ibidem. Revue des langues romanes t. V, 432, VIII, 90. 99, IX, 174. 276. XI, 192. 213. XIII, 9. 252. XV. 57. 191.

перь его знаютъ „граждане съ достаткомъ“ и отчасти простой народъ, кромѣ глухихъ деревень [1]).

Въ Верхнемъ Лангдокѣ, „за исключеніемъ нѣсколькихъ отставныхъ солдатъ, съ трудомъ коверкающихъ національный языкъ, нѣсколькихъ законниковъ, говорящихъ и пишущихъ на немъ почти также скверно, ...нѣсколькихъ духовныхъ, произносящихъ по складамъ“, немногихъ дворянъ и купцовъ, — остальное населеніе говоритъ на мѣстномъ нарѣчіи; „на приблизительно 40.000 душъ, составляющихъ наше населеніе, нѣтъ можетъ быть и 10.000 человѣкъ, понимающихъ по французски, ...едва 3.000 способны его читать“. Латинскій и итальянскій языкъ гораздо легче для мѣстныхъ жителей, чѣмъ французскій, проповѣди произносятся на мѣстномъ нарѣчіи (на немъ же ведется преподаваніе катехизиса), за исключеніемъ городовъ Rodèz, Villefranche, Millau. Корреспондентъ, бывшій капуцинъ, пытался объяснять народу декреты Конституанты на мѣстномъ нарѣчіи, но „аристократы“ ему помѣшали; онъ дрожитъ при мысли, что тѣ должностныя лица, которые „одни“ знаютъ французскій языкъ, собьютъ съ толку своихъ согражданъ, а представители администраціи и члены муниципалитетовъ „соблазнятъ своихъ коллегъ, не знающихъ французскаго языка“ [2]).

Въ Провансѣ за послѣдніе 40 лѣтъ мѣстный языкъ начиналъ нѣсколько приближаться къ французскому, но деревенскій людъ не зналъ его и бывшій прежде всеобщимъ обычай произносить проповѣди на мѣстномъ языкѣ сохранился еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ [3]). Въ Арманьякѣ (Auch) французскій языкъ сдѣлалъ также замѣтные успѣхи за 30 лѣтъ; „notre langue se francise“, замѣчаютъ корреспонденты Грегуара, оговариваясь, что если даже въ городахъ, даже въ избранномъ обществѣ (dans les cercles les mieux choisis) люди предпочитаютъ свое нарѣчіе и стѣсняются говорить по французски, то можно себѣ представить, что дѣлается въ деревняхъ; правда нѣкоторые крестьяне изъ тщеславія (par vanité) охотно заговариваютъ по французски, „хотя не знаютъ ни слова“, съ господами (un etranger, un monsieur), но при этомъ страшно ломаютъ языкъ, а понимаютъ

---

[1]) *Gazier*. Revue des langues romanes. t. V (1874), 423—426. Nos paysans ne parlent guère le français (Rigaud — поэтъ и купецъ). 426. 428. 430. 432. (Société des amis de la Constitution à Carcassonne).

[2]) Ibidem. t. VII (1875). 122—125. 128. 130. t. VIII. 80 (F. Chabot, de Saint Geniès, будущій членъ легислативы и конвента).

[3]) Ibidem, t. VIII (1875) 88—90. §§ 1, 16—20. 28.

его только тогда, когда съ ними говорятъ очень медленно. Естественно, что проповѣди произносятся почти вездѣ на мѣстномъ нарѣчіи: „этотъ обычай является пока необходимостью для простого народа“ [1]). Ту же картину рисуютъ друзья конституціи въ Аженѣ: „французскій языкъ сталъ съ нѣкотораго времени болѣе часто раздаваться въ нашихъ краяхъ, но его употребленіе далеко не всеобщее“; на мѣстномъ нарѣчіи, сходномъ съ итальянскимъ и испанскимъ, говорятъ не только въ деревнѣ, но и въ городахъ, „и можно утверждать безъ боязни ошибиться, что по французски говорятъ только въ обществахъ, гдѣ щеголяютъ образованіемъ“. Съ окружающими и прислугой объясняются только на „patois“; въ деревняхъ „очень немногіе“ понимаютъ по французски, такъ что проповѣдь и преподаваніе катехизиса ведется на мѣстномъ нарѣчіи, на которомъ и молятся крестьяне [2]).

Изъ Бордо пишутъ, что гасконское нарѣчіе, являющееся смѣсью (!) латинскаго, испанскаго и англійскаго языковъ, „незамѣтно приближается“ къ французскому; въ самомъ городѣ это нарѣчіе остается въ устахъ торговокъ селедками, носильщиковъ, прислуги и вообще низшихъ слоевъ, въ деревняхъ же оно господствуетъ“ [3]).

Въ Перигорѣ 20 лѣтъ назадъ смѣялись надъ людьми, говорившими по французски,—это называлось французить (francimander), а въ описываемую эпоху государственный языкъ сталъ общеупотребителенъ среди состоятельныхъ людей, особенно въ городахъ. Что же касается „petit peuple“, то онъ говоритъ на мѣстномъ нарѣчіи, а въ деревняхъ и не понимаетъ по французски, такъ что священники, „когда хотятъ быть понятыми, говорятъ по перигорски“ [4]).

Далѣе, по мѣрѣ приближенія къ сѣверу и центру Франціи, простой народъ говорилъ на нарѣчіяхъ, подходившихъ къ французскому, но сохранившихъ слѣды кельтскаго языка и отличавшихся отъ государственнаго иногда до неузнаваемости. Въ Оверни друзья консти-

---

[1]) Ibidem, t. VIII. 92—94. 99. t. IX. (1876) 174. 175 (отвѣты, переданные черезъ друзей конституціи въ Auch).

[2]) Ibidem, t. IX, 276. 280. 282. 284. 287.

[3]) Ibidem, t. XI (1877) 187—192.

[4]) Ibidem, t. XII (1877). 213. „les gens aisés la parlent habituellement, surtout dans les villes; mais le petit peuple ne parle que le perigourdin (215)... quand ils (curés) veulent être entendus, ils parlent perigourdin... c'était un ridicule de parler français, on appellait cela francimander“ (La Charmie, бывшій лейтенантъ Перигорскій, затѣмъ депутатъ національнаго собранія).

туціи изъ г. Маренга заявляютъ, что французскій языкъ далеко не общеупотребителенъ, даже въ большихъ городахъ, почему народъ не чувствуетъ привязанности къ законамъ, ему неизвѣстнымъ и „написаннымъ на непонятномъ языкѣ" [1]). Патріоты изъ г. Лиможа (Лимузенъ) свидѣтельствуютъ о побѣдоносномъ движеніи французскаго языка, хотя въ деревняхъ миссіонерамъ приходится говорить только на „patois"; въ общемъ же, въ виду борьбы двухъ родственныхъ нарѣчій, „царствуетъ такое смѣшеніе идей, словъ и звуковъ въ молитвахъ, произносимыхъ по вечерамъ отцами семействъ сообща, что оно понятно лишь Высшему Существу, источнику всѣхъ языковъ" [2]).

На востокѣ, около Юры, въ Tournon населеніе города поголовно понимало французскій языкъ, но бѣднота не могла говорить по французски; что же касается окрестнаго населенія, то уже „на разстояніи менѣе одной льё отъ города не понимаютъ ни слова на національномъ языкѣ" [3]).

Извѣстно, что въ Эльзасѣ и Лотарингіи царилъ нѣмецкій языкъ, въ части Артуа — фламанскій [4]), а на сѣверо-западѣ Бретонскій языкъ [5]), — совершенно независимый отъ французскаго и болѣе понятный для англичанина, чѣмъ для француза.

На основаніи всѣхъ этихъ отвѣтовъ аббатъ Грегуаръ могъ безъ преувеличенія заявить конвенту въ рѣчи 16-го мая 1794 года: по крайней мѣрѣ 6 милліоновъ французовъ не понимаютъ національнаго языка, столько же милліоновъ неспособны вести на этомъ языкѣ сколько-нибудь связный разговоръ, а число умѣющихъ говорить чисто по французски не превышаетъ 3 милліоновъ [6]). Еще Національное Собраніе постановило издать законы и распоряженія правительства на мѣстныхъ языкахъ (langue vulgaire) [7]), а 7-го ноября 1792 г. даже организовано было бюро для перевода ихъ „en langues allemande, italienne, catalane, basque et bas bretonne".

---

[1]) Ibidem, XII (1877) 220—224. (Amis de la Constitution de Maringues).

[2]) Ibidem, t. XII (1877), 225, 231, 233.

[3]) Ibidem, t. XIII (1877), 260, 261.

[4]) Ibidem, t. XV (1879), 54.

[5]) Ibidem, 184—187, 189 — 191. Бретонцы до настоящаго времени не понимаютъ французскаго языка въ глухихъ мѣстахъ. Поэтому нѣтъ надобности приводить подробности изъ сообщеній Riou (laboureur à Plougonoil) и Lequinio.

[6]) Ibidem, t. XV, 192—217. Rapport de Grégoire à la Convention, 16 prairial, an II.

[7]) Ibidem, t. VIII. 81. Chabot жаловался Грегуару на неисполненіе этого декрета.

Но эти добрыя намѣренія не получили осуществленія, а затѣмъ якобинцы посмотрѣли на дѣло прямолинейно: они сдѣлали слабую, но геройскую попытку запретить говорить на „patois", объявивъ употребленіе мѣстныхъ говоровъ знакомъ политической неблагонадежности. Въ своемъ докладѣ конвенту аббатъ Грегуаръ предложилъ упразднить всѣ эти нарѣчія счетомъ 30, которыя „изъ одного народа сдѣлали 30 народовъ". Наивный законодатель, возстававшій противъ обычая снимать шляпу при встрѣчѣ съ знакомыми и желавшій замѣнить это „способомъ менѣе стѣснительнымъ и болѣе выразительнымъ" [1]), намекалъ на возможность постановить со временемъ, что лица, желающія вступить въ бракъ, должны доказать свое умѣніе читать, писать и говорить на національномъ языкѣ [2]). Конечно самъ Грегуаръ понималъ, что это должно было „пока" остаться въ области мечтаній, но зато Комитетъ Общественнаго Спасенія нашелъ нужнымъ объявить въ циркулярѣ 28-го преріала, что въ республикѣ единой и нераздѣльной языкъ долженъ быть одинъ, что разнообразіе діалектовъ есть федерализмъ, что оно служило орудіемъ тиранніи и должно быть совершенно сломлено [3]). Эти слова пріобрѣтали тѣмъ болѣе зловѣщее значеніе, что федерализмъ былъ преступленіемъ, за которое жирондисты сложили свои головы на плахѣ. Впрочемъ угрозы поставить мѣстныя нарѣчія внѣ закона такъ и остались угрозами. Попытка насильственно офранцузить населеніе Франціи была скоро оставлена. Правда, въ Эльзасѣ закономъ 20-го іюля 1794 г. запрещено было употребленіе нѣмецкаго языка въ церквахъ, школахъ и судахъ подъ страхомъ тюремнаго заключенія, правда Сенъ-Жюстъ засадилъ въ тюрьму 2.000 гражданъ Страсбурга за неисполненіе этого приказанія [4]). Тѣмъ не менѣе жители Эльзаса скоро забыли этотъ печальный инцидентъ и стали добрыми французами, сохранивши нѣмецкую рѣчь; въ 1870 году германскія войска встрѣтили въ этой области французскихъ патріотовъ, умиравшихъ и шедшихъ въ изгнаніе за фран-

---

[1]) Ibidem, t. XV. 206. Le temps amènera sans doute d'autres réformes nécessaires dans le costume, les manières et les usages. Je ne citerai que celui d'ôter le chapeau pour saluer, qui devrait être remplacé par une forme moins gênante et plus expressive.

[2]) Ibidem, 212.

[3]) Ibidem, 197. Dans une république une et indivisible, la langue doit être une. C'est un fédéralisme que la variété des dialectes: elle fut un des ressorts de la tyrannie; il faut le briser entièrement.

[4]) *М. М. Ковалевскій.* Происхожденіе современной демократіи (Москва 1895) II, 95.

цузское отечество, но говорившихъ мѣстами исключительно по нѣмецки.

Въ общемъ же, хотя съ развитіемъ образованія въ теченіе XIX вѣка, государственный и литературный языкъ самъ собою получилъ повсемѣстное распространеніе, но до настоящаго времени онъ не вытѣснилъ мѣстныхъ говоровъ и независимыхъ языковъ, а только водворился рядомъ съ ними. Мало того, Провансальская литература возродилась съ новою силою именно въ наши дни.

Такимъ образомъ, послѣдующая исторія непреложно показываетъ, что выводъ, сдѣланный Грегуаромъ по вопросу о языкахъ и говорахъ, не страдаетъ преувеличеніемъ. Около трети населенія Франціи въ 1789 г. даже не понимало французскаго языка. Не только самостоятельные языки, но даже говоры французскаго языка, происходившіе отъ одного корня, отличались отъ языка наказовъ гораздо больше, чѣмъ великорусскій языкъ отъ малорусскаго. При такихъ условіяхъ безграмотный, малограмотный и даже грамотный народъ поневолѣ устранялся отъ редакціи наказовъ. Мало того, онъ не могъ даже понять содержаніе приготовленныхъ ему образованными господами проектовъ наказовъ безъ помощи руководителей, толкователей, переводчиковъ.

Объ этомъ можно судить не только a priori, по ходу дѣла; при изученіи выборовъ не трудно прослѣдить на основаніи многочисленныхъ свидѣтельствъ, какъ затрудненія, связанныя съ незнаніемъ государственнаго языка, выступали на каждомъ шагу не только въ приходскихъ собраніяхъ по медвѣжьимъ угламъ отдаленныхъ провинцій, но даже въ окружныхъ собраніяхъ, куда стекались избранные, сравнительно бывалые люди.

Любопытно было бы знать, напримѣръ, какъ составлялись, а главное, какъ были поняты избирателями составленные отъ ихъ имени наказы приходскихъ собраній въ Бретани, гдѣ до нашихъ дней почти все простонародье коверкаетъ французскій языкъ (когда его понимаетъ), а мѣстами трудно найти человѣка, съ которымъ можно объясниться по французски. Что же касается окружныхъ собраній этой провинціи въ 1789 г., то въ нихъ бретонскій языкъ господствовалъ, при чемъ все время приходилось прибѣгать къ услугамъ переводчиковъ (interprète). Такъ въ Chateaulin протоколъ на каждомъ шагу отмѣчаетъ это обстоятельство: депутаты приносили присягу, частью по французски, частью по бретонски (séparément, partie en français et partie en langage Breton, rendu en français par le dit interprète), проектъ своднаго наказа былъ прочтенъ собранію на обоихъ языкахъ

(tant en langage français qu'en langage vulgaire breton), одобреніе этого проекта было высказано также на обоихъ языкахъ, голоса подавались при выборѣ депутатовъ частью по французски, частью по бретонски, наконецъ безграмотные депутаты заявили о своемъ неумѣніи подписаться частью черезъ переводчика [1]. Въ Chateauneuf du Faou проектъ наказа прочтенъ и растолкованъ „en vulgaire Breton" [2]; въ Concarneaux протоколъ постоянно упоминаетъ о параллельномъ употребленіи обоихъ языковъ на окружномъ собраніи [3]. Въ Quimperlé протоколъ утверждаетъ, правда, что всѣ депутаты понимали по французски, но тутъ же упоминаетъ, что пришлось растолковать всѣ статьи наказа по бретонски [4]. Въ Auray строптивый меръ перетянулъ на свою сторону большинство собранія, обратившись къ нимъ съ рѣчью по бретонски, а сенешалъ съ своей стороны предложилъ одному члену собранія изъ мужиковъ прочесть вслухъ бретонскій переводъ текста ст. 8 регламента, относительно толкованія которой возникло разногласіе [5].

Въ матеріалахъ по выборамъ на югѣ Франціи то и дѣло мелькаютъ извѣстія о необходимости прибѣгать къ мѣстнымъ языкамъ и нарѣчіямъ или о затрудненіяхъ, связанныхъ съ незнаніемъ французскаго языка.

Такъ въ Провансѣ протоколъ приходскаго собранія мѣстечекъ Pennès, Septèmes et Pierrefeu свидѣтельствуетъ, что проектъ составленнаго наказа былъ одобренъ кликами народа послѣ того, какъ каждая статья была прочтена вслухъ по французски и по провансальски [6]. Въ Лангдокѣ, на окружномъ собраніи сенешоссеи Limoux „семь восьмыхъ его членовъ, не понимая французскаго языка, просили про-

---

[1]) Archiv. Nat. B III 38, 371, 376, 377, „qui ont déclaré partie en Français et partie en Breton, par le dit interprète, ne savoir signer".

[2]) B III 38, 428, „après en avoir eu lecture et explication en vulgaire Breton".

[3]) B III 38, 474, 481.

[4]) B III 38, 770. „et même, quoique tous les députés entendent et parlent la langue Française, à l'explication en Breton de tous ces articles".

[5]) См. выше, главу первую (65). Archiv. Nat. B III 37, 1106—1108. „Cependant M. Frogerays parvint à se faire écouter, en se servant de l'idiome Breton et leur disant—me amiet—qui signifie: mes amis, on veut vous tromper"... Послѣ „interprétation en Breton de l'article 8 du règlement", королевскій прокуроръ „prit le parti de donner l'article précité à un paysan, pour qu'il le lût en entier en Breton; dès que la lecture en fut ainsi donnée, on entendit de tous côtés de la salle des murmures..."

[6]) *Archives Parlementaires* VI, 330—332 (Aix).

чтенія (наказа) на простонародномъ языкѣ, въ чемъ имъ было отказано" [1]). Еще хуже понимали французскій языкъ на самомъ югѣ, въ странѣ, примыкающей къ Пиринеямъ, гдѣ сплошь царили языки каталанскій (испанскій) и баскскій, а французскій былъ кое какъ понятенъ только въ городахъ [2]). Лейтенантъ Сульскій (pays de Soule) жаловался министру на трудность организовать выборы въ краѣ, гдѣ большинство населенія „знаетъ только свое нарѣчіе" [3]). Въ Ustaritz членамъ окружнаго собранія пришлось прочесть въ переводѣ проектъ окружнаго наказа [4]). Въ Руссильонѣ почти повальное незнаніе французскаго языка явилось побудительной причиной или предлогомъ для чрезмѣрно энергичной, по нравамъ того времени, избирательной пропаганды, а также для прямаго произвола со стороны судейскихъ, въ особенности же предсѣдателей окружныхъ собраній, въ Перпиньянѣ и Прадѣ [5]). Слѣдственный матеріалъ относительно злоупотребленій на выборахъ въ этихъ округахъ показываетъ подавляющую силу вліянія, оказаннаго на ходъ выборовъ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ этой горной области Пиринеевъ почти никто не понималъ по французски. Многіе члены прадскаго собранія показали подъ присягой, что не могутъ составить себѣ яснаго сужденія о содержаніи своднаго наказа, одобреннаго собраніемъ, ибо они слишкомъ плохо понимаютъ французскій языкъ, переводъ же и толкованіе текста каждой статьи на каталанскій языкъ производились въ собраніи слишкомъ бѣгло и безпорядочно [6]). При этомъ одинъ изъ нихъ вы-

---

[1]) Archiv. Nat. B III 74, 259. Déliberation des communautés de Saint Quintin et Cayra (diocèse de Mirepoix). Протоколъ приходскаго собранія этихъ мѣстечекъ (2-го апрѣля), на которомъ депутаты давали отчетъ избирателямъ въ своемъ поведеніи на окружномъ собраніи.

[2]) *Vidal*. Histoire de la révolution dans les Pyrénées Orientales (Perpignan 1885—1889) I, 50[1].

[3]) Archiv. Nat. B III 145, 7—15 (19-го марта) 12. „ne connait que son idiome".

[4]) B III 69, 88. Протоколъ 21-го апрѣля: „lecture et traduction publique".

[5]) См. выше, главу первую, 48—50.

[6]) B III 120, 282, 283. Показаніе депутата прихода Sahorre: „lorsqu'il fut procédé à la lecture du cahier général, lui témoin était d'abord trop éloigné pour bien entendre et que d'ailleurs il n'entend pas assez la langue française pour avoir compris, si on avait exprimé dans le dit cahier le voeu des doléances de sa communauté, dont il avait été porteur, qu'il a cela de commun avec la plus grande partie des députés des villes et communautés, qui n'entendent pas mieux que lui la langue française, qu'à la vérité ceux qui faisaient la lecture dudit cahier, rendaient quelques articles d'icelui en Catalan, mais succédant à cette traduction

ражаетъ удивленіе, что „едва понимая французскій языкъ“, попалъ въ число комиссаровъ по редакціи своднаго наказа [1]). Далѣе оказывается, что въ деревнѣ Taurinya былъ только одинъ человѣкъ, говорившій по французски, нѣкто Бернаръ, полномочія котораго были признаны недѣйствительными на окружномъ собраніи [2]), послѣ чего другой депутатъ этой деревни оказался совершенно безпомощнымъ, такъ какъ не понималъ по французски.

Въ другомъ концѣ Франціи, также на окраинѣ съ инородческимъ нѣмецкимъ населеніемъ, выборы представляли сходную картину. Лейтенантъ саргеминскій, чтобы справиться со своей задачей въ округѣ, гдѣ „большая часть жителей—нѣмцы“, созвалъ къ себѣ 4-го марта мэровъ всѣхъ приходовъ, растолковалъ ихъ обязанности и вручилъ каждому письменную инструкцію, „переведенную на нѣмецкій языкъ“. Кромѣ того онъ, вопреки желанію бальи, нѣсколько затянулъ избирательныя операціи, ссылаясь на незнакомство жителей этой части нѣмецкой Лотарингіи съ французскимъ языкомъ. Если такимъ образомъ самимъ мэрамъ пришлось вручать инструкціи на нѣмецкомъ языкѣ, то не удивительно, что на окружномъ собраніи 22-го марта проектъ наказа пришлось прочесть въ нѣмецкомъ переводѣ [3]). Не удивительно также, что въ третьемъ сословіи не былъ избранъ

---

faite par intervalles la lecture d'autres articles en langue française, il lui fut impossible de retenir ni savoir le contenu au dit cahier.

[1]) В III 120, 285, 286. Показаніе депутата изъ Castets: „lui, témoin, qui ne connait pas trop la langue française, ne put pas saisir le contenu au dit cahier, quoique ceux qui en faisaient la lecture, expliquassent de temps en temps certains articles en langue vulgaire du pays“. 305—307. Депутатъ Rin изъ Cerdinya и Margall, консулъ изъ Crot, показали, что послѣ прочтенія наказа они потребовали, чтобы имъ растолковали нѣкоторыя статьи по каталански.

[2]) В III 120, 310, 311. Показаніе Cougeat, brassier et consul de Taurinya: la dite Communauté avait mis toute sa confiance en la personne de M-r Bernard, avec d'autant plus de raison, qu'elle n'avait aucun de ses membres, qui entendit la langue française, et qu'elle fut obligée de donner pour adjoint au dit M-r Bernard, le nommé Louis Colom, qui n'entendant pas la dite langue, ne pouvait s'acquitter seul de la commission de représenter la dite communauté, ainsi que l'aurait fait le dit M-r Bernard; que cependant le dit Colom fut obligé de rester aux assemblées, M-r Bernard ayant eté renvoyé injustement, sur le motif qu'il n'était pas bien tenant de la dite Communauté. 343. Maisé—бальи того же мѣстечка, подтвердилъ это показаніе.

[3]) В III 133, 4—11, 32—37, 79 (письма лейтенанта министру отъ 28-го февраля, 3-го и 7-го марта), 223 (протоколъ 22-го марта: „avons fait donner lecture et interprétation en idiome allemand“).

ни одинъ „настоящій земледѣлецъ": по объясненію бальи, это „несчастіе" было неизбѣжно, въ виду „недостатка въ знаніи французскаго языка и необходимости пользоваться переводчиками" [1]). Вспомнимъ по этому поводу упомянутое выше графство Bitche, депутаты котораго должны были явиться въ Саргеминѣ. Мы знаемъ, что среди нихъ были мэръ Я. Юнгъ и булочникъ Ф. Витте, не знавшіе французскаго языка, за что лейтенантъ хотѣлъ признать эти выборы недѣйствительными. Впрочемъ, за исключеніемъ судейскихъ, никто не понималъ въ графствѣ французскаго языка, почему нѣкоторые приходы составили наказы первоначально на нѣмецкомъ языкѣ [2]).

По сосѣдству, въ Бузонвилѣ сельскіе священники жалуются на чрезмѣрную спѣшность приготовленій къ выборамъ: „пастыри бальяжа, почти цѣликомъ нѣмецкаго (не успѣли) достаточно объяснить прихожанамъ" ихъ гражданскія обязанности [3]). Большинство сельскихъ депутатовъ этого округа не понимали французскаго языка, чѣмъ и воспользовались представители главнаго города, чтобы увлечь за собою деревенщину на окружномъ собраніи; наряду съ этимъ окружной наказъ пришлось перевести на нѣмецкій языкъ, чтобы собраніе могло его одобрить [4]).

Въ много разъ упомянутомъ Ликсгеймѣ нѣмецкій языкъ царилъ неограниченно во время бурной избирательной борьбы. Нечего и говорить, что въ окружномъ собраніи проектъ своднаго наказа пришлось

---

[1]) Archiv. Nat. B III 133, 306—307, письмо Grand bailly, Marquis de Chamborand, Неккеру 31-го марта: „s'il ne se trouve pas dans le tiers état de véritables agriculteurs d'appellés, c'est que le défaut de connaissance de la langue française et la nécessité de se servir d'interprètes les en ont malheureusement exclus; c'est un malheur que j'avais prévu, mais qui était inévitable".

[2]) См. главу первую, 30. Archiv. Nat. B III 133, 435—441 (436—438). По словамъ прошенія деревень къ Неккеру, каждый приходъ „a dressé son cahier à sa manière, les uns en allemand, les autres en français"...

[3]) Archiv. Nat. B III 133, 839—850. Protestation de M. M. les curés 26-го марта. Они называютъ себя: „pasteurs d'un bailliage prèsque entièrement Allemand".

[4]) B III 134, 10—48. Relations détaillées (25). Когда лейтенантъ представилъ un modèle de procès verbal d'election, contenant en même temps les pouvoirs à donner aux deputés qui seraient élus, ces pouvoirs prescrivant les strictes obligations des députés, ceux de Bouzonville, qui se croyaient déja élus d'avance, s'élevèrent à l'encontre au point que ceux de la campagne, dont la plupart ne comprenaient pas même le français, crurent aux acclamations de ceux de B. que le lieutenant général voulait faire adopter une pièce contraire à leurs interêts... *Archives Parlementaires*. V, 703—707. Cahier de Bouzonville. „Fait et arrêté après lecture et interprétation"...

переводить по-нѣмецки, „статья за статьей", при чемъ избирателямъ было предложено черезъ присяжнаго переводчика (interprète) сдѣлать, если пожелаютъ, измѣненія въ текстѣ [1]). Что же касается приходскихъ наказовъ, то ихъ составляли кое-гдѣ на нѣмецкомъ языкѣ, а затѣмъ уже переводили на французскій языкъ для представленія въ бальяжъ. По окончаніи избирательныхъ дѣйствій, когда недовольные лейтенантомъ депутаты сошлись для совмѣстнаго протеста, а тотъ возбудилъ за это противъ нихъ судебное преслѣдованіе, то во время слѣдствія почти всѣ показанія были даны на нѣмецкомъ языкѣ черезъ переводчика (interprète) [2]). Съ своей стороны лейтенантъ жаловался министру, что оппозиція опирается на подонки общества, на людей, не умѣющихъ ни читать, ни писать по-французски, и даже не понимающихъ этого языка [3]).

Въ Кольмарѣ на окружномъ собраніи безъ нѣмецкаго языка нельзя было и шагу ступить: созывныя грамоты и регламентъ были прочтены „на обоихъ языкахъ", слова присяги повторены „послѣ перевода на нѣмецкій", окружной наказъ утвержденъ также послѣ перевода; добавленіе къ городскому наказу Кольмара было написано по-нѣмецки, а затѣмъ уже переведено на французскій языкъ присяжнымъ переводчикомъ [4]).

---

[1]) См. главу первую, стр. 51—55. B III 134, 708. Показаніе M. Vincent, cavalier de maréchaussée: „M. Lacombe... leur avait interprété le tout en allemand, article par article". B. III 134, 927, лейтенантъ писалъ министру 30-го іюня: „ont témoigné en être satisfaits après l'interprétation allemande... et différentes interpellations que je leur ai fait faire, par l'organe de l'interprète, de déclarer s'ils avaient à y ajouter ou diminuer".

[2]) B III 134, 616, 617, каретникъ Шмитъ показалъ, что 26-го марта „Vestermann dressait un ecrit, qu'il croit être un résultat qui a été copié sur une minute en lettre allemande, de laquelle ledit Vestermann se plaignait, en disant qu'il y avait trop de lettres françaises, parce que c'etait Muller, le notaire de Lixheim qui l'avoit écrit". 645. Paul Haan laboureur et cabaretier показалъ, что Миллеръ у него говорилъ народу „tantôt en français, tantôt en allemand".

[3]) Ibidem, 562, письмо лейтенанта отъ 24-го марта, что оппозиція собираетъ „des gens de la lie du peuple qui ne savent pour la plupart, ni lire, ni ecrire en français, qui ne comprennent même pas cette langue". 908—937, письмо 30-го іюня, что люди, не зная французскаго языка, подписываютъ „placets" противъ него.

[4]) Archiv. Nat. B III 49, 94, 95, 209. Протоколъ 26-го марта: „dans les deux langues", „après interprétation en allemand". Протоколъ 31-го марта: наказъ утвержденъ послѣ „lecture et interprétation". B III 49, 295—302. (Archives Parlementaires. III, 15). Supplément au cahier de Colmar: „Traduit en français sur l'original allemand par moi, soussigné, avocat, secrétaire interprète au conseil souverain d'Alsace"...

Въ Districts réunis d'Haguenau et Wissembourg на окружномъ собраніи слова присяги были переведены на нѣмецкій языкъ для неумѣющихъ говорить по-французски [1]). Въ Belfort et Huningue лейтенантъ сокрушался передъ выборами, что всѣ бумаги придется переводить на нѣмецкій языкъ, а это составитъ огромную работу и усложнитъ задачу; дѣйствительно, нѣмецкій языкъ раздавался все время въ залѣ окружнаго собранія; мало того, сводный наказъ было постановлено напечатать „на обоихъ языкахъ" и разослать во всѣ приходы [2]).

Таковы факты. Заключеніе изъ нихъ можетъ быть сдѣлано только одно: нельзя сомнѣваться въ томъ, что простонародье перечисленныхъ выше мѣстностей, т. е. отъ трети до половины всего населенія Франціи было поневолѣ совершенно безпомощно при редакціи наказовъ, въ особенности приходскихъ. Даже если обобщать единичные случаи и представить себѣ, что не знавшіе французскаго языка избиратели составляли наказъ на своемъ мѣстномъ нарѣчіи, а затѣмъ уже давали его перевести на французскій языкъ для представленія въ округъ, то все-таки отъ этого дѣло не мѣняется. Они зависѣли всецѣло хотя бы отъ переводчика, если не отъ редактора.

Въ деревнѣ Archeviller (Ликсгеймъ) наказъ былъ составленъ первоначально по нѣмецки, а затѣмъ нотаріусъ Мартынъ Миллеръ перевелъ или переложилъ его по французски; удостовѣряя это обстоятельство на судѣ, башмачникъ Moutier заявилъ, что „ему неизвѣстно, прибавилъ ли онъ (переводчикъ) или убавилъ (что нибудь) въ наказѣ" [3]). И въ самомъ дѣлѣ, гдѣ было услѣдить за вѣрностью перевода людямъ, не знавшимъ того языка, на который переводилось?

Вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что переводъ политическихъ документовъ представляется вообще вещью щекотливою. Это понималъ одинъ изъ корреспондентовъ аббата Грегуара, замѣчавшій, что намѣренія правительства сдѣлать доступными декреты

---

[1]) Ba 45 l. 97. B III 68, 499, протоколъ 26-го марта: „préalablement interprété en langue allemande pour ceux du tiers qui ne connaissent pas la langue française".

[2]) Archiv. Nat. Ba 20 l. 296[6]. B III 27, 91—101 (письмо лейтенанта къ хранителю печати отъ 2-го марта), 121—185, (протоколъ 26-го марта), 182 (après avoir fait donner lecture dans les deux langues) 183 (et de suite, après interprétation en Allemand) 241—276. Наказъ, ст. 75: „sera imprimé dans les deux langues". Впрочемъ послѣднее не получило осуществленія.

[3]) Archiv. Nat. B. III 134, 682, показаніе Moutier, см. также (671, 691) показаніе Schneider (мера Archeviller) и синдика Schiltz.

Національнаго Собранія посредствомъ перевода на мѣстные языки— могутъ быть обойдены (éludé) злонамѣренными переводчиками, такъ какъ „одно, коварно переведенное слово можетъ цѣликомъ измѣнить смыслъ закона“ [1]). Самъ Грегуаръ въ своей рѣчи о языкахъ доказывалъ Конвенту, что помимо даже злой воли, переводъ съ французскаго языка на мѣстныя нарѣчія представляется дѣломъ очень труднымъ и обоюдоострымъ: большая часть этихъ нарѣчій не поддаются переводу по бѣдности своей отвлеченными терминами; въ такомъ переводѣ смыслъ правительственныхъ декретовъ будетъ съуженъ, затемненъ, искалѣченъ. По словамъ оратора, этимъ пользовались преступные люди во многихъ мѣстностяхъ и „основывали на незнаніи нашего языка успѣхъ противо-революціонныхъ махинацій“ [2]).

Всѣ эти соображенія современниковъ примѣнимы къ разбираемому вопросу. Если бы даже наказы были первоначально составлены на мѣстныхъ нарѣчіяхъ или если содержаніе обмѣна мыслей, бывшаго на приходскомъ собраніи, прямо записывалось по французски, то во всякомъ случаѣ у избирателей не было никакого оружія для противодѣйствія злонамѣренности редактора, никакихъ средствъ для контроля надъ точностью передачи въ наказѣ смысла всего сказаннаго темными мужиками на мѣстномъ нарѣчіи.

Если наоборотъ (а это было повидимому почти всегда такъ), если приходскому собранію предлагался уже заранѣе заготовленный наказъ, то редакторъ толковалъ на мѣстномъ нарѣчіи общій смыслъ составленнаго проекта, при чемъ недоразумѣнія и взаимное непониманіе были дѣломъ вполнѣ естественнымъ, когда французскій текстъ съ политическими требованіями устно переводился редакторомъ народу.

Кромѣ того нужно имѣть въ виду, что люди, не знавшіе французскаго языка, не могли быть непосредственно затронуты пропагандой новыхъ вѣяній, разносимой посредствомъ брошюръ и летучихъ листковъ, такъ сильно отразившихся на содержаніи наказовъ.

Поэтому, когда отъ имени людей, говорившихъ на „patois“, составлялись наказы, полные книжной реторики, подъ явнымъ вліяніемъ модныхъ теорій [3]), если не прямо по образцамъ герцога Орлеан-

---

[1]) *Gazier.* Revue des langues romanes t. VIII, 81.

[2]) *Ibidem.* XV, 199.

[3]) Эти вѣянія были полны глубокаго смысла; они оказали огромное вліяніе на послѣдующія событія и внесли много коренныхъ измѣненій въ жизнь крестьянина. Но самъ мужикъ не могъ къ нимъ сознательно примыкать, пока не позналъ дерева по плодамъ.

скаго и другихъ патріотовъ, то въ такихъ случаяхъ можно сказать съ увѣренностью: эти наказы не только не дѣло рукъ крестьянъ, но было бы большой натяжкой утверждать, что тутъ деревенскіе законники выливали мысли крестьянъ въ литературную форму.

Народъ одобрялъ предложенные ему проекты, но понималъ ли онъ то, что подписывалъ? А если редакторъ писалъ со словъ избирателей, то могъ ли пишущій вѣрно передать смыслъ того, что ему было сказано? Вотъ тѣ щекотливые вопросы, которые долженъ постоянно имѣть въ виду изслѣдователь наказовъ тѣхъ областей, гдѣ населеніе было инородческое или говорило на особыхъ говорахъ.

II.

Въ тѣсной связи съ малой распространенностью въ нѣкоторыхъ провинціяхъ государственнаго и литературнаго языка стояло слабое развитіе образованія, отъ котораго усугублялось дѣйствіе указанныхъ условій. Въ тѣхъ же мѣстностяхъ, гдѣ народъ говорилъ по французски, безграмотность населенія сама по себѣ значительно подрывала способность избирателей непосредственно высказаться такъ, чтобы король всю правду ихъ вѣдалъ.

Люди безграмотные были совершенно безпомощны въ дѣлѣ редакціи наказовъ и цѣликомъ зависѣли тутъ отъ доброй воли редактора. Далѣе невѣжественное населеніе стояло очень далеко отъ той политической агитаціи, которая дала опредѣленную окраску приходскимъ наказамъ, скорѣе по инициативѣ редакторовъ, чѣмъ по волѣ самихъ избирателей. Безграмотные люди не могли и провѣрить работу своего редактора, даже если они приняли дѣятельное участіе въ выработкѣ основныхъ положеній наказа, даже если они ясно высказали при этомъ свою волю.

Изъ этого слѣдуетъ, что вопросъ о состояніи народнаго образованія въ послѣдніе годы стараго порядка имѣетъ существенное значеніе при разработкѣ наказовъ. Къ сожалѣнію этотъ вопросъ, подобно многимъ другимъ сторонамъ исторіи разсматриваемой эпохи, былъ уже давно предметомъ оживленной полемики, но не систематическаго изученія. Опираясь на отрывочныя данныя, одни историки подчеркиваютъ примѣры крайняго невѣжества крестьянъ, другіе наоборотъ утверждаютъ, что грамотность была гораздо болѣе распространена въ XVIII вѣкѣ, чѣмъ это принято думать. При этомъ

странное дѣло, люди, симпатіи которыхъ всецѣло на сторонѣ стараго порядка, встрѣчаются почти всегда съ краснорѣчивыми, по ихъ мнѣнію, доказательствами распространенности грамотности и образованія; наоборотъ поклонники переворота конца XVIII вѣка съ торжествомъ указываютъ на проявленія безграмотности и невѣжества. Противоположные же ихъ взглядамъ факты историки слишкомъ рѣдко замѣчаютъ или не считаютъ нужнымъ упоминать. Въ изложеніи Бабо народное образованіе передъ революціей представляетъ прямо отрадную картину [1]) и единственная, допускаемая имъ оговорка заключается въ томъ, что грамотность того времени нельзя сравнивать съ блестящимъ положеніемъ школьнаго дѣла во Франціи нашихъ дней.

Аббатъ Рико идетъ еще дальше и находитъ, что въ концѣ концовъ старая система была лучше нынѣшней, такъ какъ христіанская (церковная) школа выше свѣтской [2]).

Съ другой стороны многочисленные историки, благопріятные революціонной эпохѣ, находятъ въ дореформенной Франціи такое невѣжество, такую темноту, которая оправдывала бы рѣзкій приговоръ англійскаго путешественника, Артура Юнга о французскомъ народѣ [3]).

Впрочемъ нѣтъ правилъ безъ исключеній: къ послѣднему взгляду примыкаетъ и Тэнъ, несмотря на свои симпатіи къ старому порядку [4]). Наконецъ русскіе историки, стоящіе въ сторонѣ отъ полемики и партійныхъ счетовъ, вращающихся около революціи,—

---

[1]) *Babeau.* Le village sous l'ancien régime. 282—301. *Idem.* L'instruction primaire dans les campagnes avant 1789. (Paris 1875). *Idem.* L'école de village pendant la Révolution.

Литература предмета очень богата. Многіе мѣстные изслѣдователи (въ особенности духовныя лица) разбирали настоящій вопросъ по архивнымъ источникамъ, но безъ достаточной системы и критики. Такъ одно голое перечисленіе школъ, безъ выясненія ни числа учащихся, ни средствъ и объема преподаванія, не можетъ считаться доказательнымъ. На основаніи многихъ свидѣтельствъ, а также по наказамъ 1789 г. можно судить, какъ несостоятельно было тогдашнее школьное дѣло.

[2]) *Ricaud.* La Bigorre et les Hautes Pyrénées. Цѣлая глава (113 — 129) посвящена школьному дѣлу до 1789 г. Гораздо осторожнѣе и основательнѣе относится къ вопросу другой аббатъ—Allain, но и въ его изслѣдованіи клерикальныя симпатіи мѣшаютъ объективному взгляду на исторію народнаго образованія.

[3]) См. выше.

[4]) Извѣстна его тирада о невѣжествѣ народа, навѣянная литературными очерками Лабрюера, изображавшаго крестьянъ, какъ самцовъ и самокъ, съ остервененіемъ копающихся въ землѣ для добыванія себѣ скуднаго пропитанія. (*Taine.* Ancien régime. 489 и passim).

Н. И. Карѣевъ и П. Н. Ардашевъ вынесли изъ пересмотрѣннаго ими архивнаго матеріала то впечатлѣніе, что безграмотность и невѣжество были во всякомъ случаѣ очень велики въ „прекрасной Франціи" добраго стараго времени. По нашему крайнему разумѣнію, этотъ взглядъ ближе всего къ истинѣ.

Конечно нельзя безусловно довѣряться громкимъ жалобамъ, раздававшимся на невѣжество народа среди передовыхъ людей того времени. Если, напримѣръ, корреспонденты аббата Грегуара изображаютъ безотрадную въ этомъ отношеніи картину, то къ нимъ можно отнестись критически, какъ къ свидѣтельскимъ показаніямъ. Но, съ другой стороны, нельзя же ихъ также совсѣмъ игнорировать. Что же они говорятъ?

Въ Верхнемъ Лангдокѣ (Rouergue) бывшій капуцинъ, (а затѣмъ революціонеръ) Chabot опасается политическихъ послѣдствій невѣжества (ignorance crasse), когда ³/₄ всего населенія не могутъ ни читать, ни писать; даже въ главномъ городѣ департамента ³/₄ „активныхъ" гражданъ не умѣютъ писать, такъ какъ учиться грамотѣ можно только за деньги, а крестьяне въ общемъ слишкомъ бѣдны, чтобы посылать дѣтей въ школу, „гдѣ впрочемъ обучаютъ только катехизису" [1]). „Наше невѣжество крайнее, наше образованіе сводится на ничто", пишутъ „друзья конституціи" въ Ошѣ; въ деревенскихъ школахъ „священники, завѣдывающіе обученіемъ почти повсемѣстно, по виду даютъ уроки всѣмъ являющимся дѣтямъ, но на дѣлѣ они ограничиваются тѣмъ, что обучаютъ одного или двухъ церковной службѣ... Въ итогѣ мы знаемъ, что если не избирать муниципалитетовъ изъ среды деревенскихъ грамотѣевъ, въ родѣ полу-адвокатовъ, нотаріусовъ, землемѣровъ и экспертовъ, все остальное (населеніе) рѣшительно ничего не знаетъ... Если нужно, чтобы муниципальный чинов-

---

[1]) *Gazier*. Revue des langues romanes. t. VII (1875) 121. L'ignorance du peuple. 123. Comme les ³/₄ ne savent ni lire, ni écrire... 128. Non seulement les campagnards, mais les ³/₄ des citadins, des habitants mêmes du chef lieu du département, ne savent ni parler, ni lire, ni écrire le français. 130. L'éducation est plus negligée dans ce département que partout ailleurs; l'on a des maîtres que pour ceux qui les payent, et en general les paysans étaient trop grévés... pour envoyer leurs enfants à un maître d'école, où l'on n'apprend du reste que le catéchisme. 132. De là l'ignorance crasse qui règne dans une ville de commerce... de là les ³/₄ des citoyens actifs ne savent pas écrire. t. VIII. 87. C'est de l'instruction du peuple que dépend le sort de la Constitution. Son ignorance peut le rendre le jouet de l'aristocratie et du despotisme.

никъ умѣлъ читать и писать, то это еще не легко (найти)“ [1]). По сосѣдству изъ Ажена мѣстные друзья конституціи находятъ, что учителей мало, такъ какъ деревни очень разбросаны, мелки и не достаточно богаты, чтобы содержать школу; къ тому же у нихъ „манія“ учить дѣтей латинскому языку раньше французскаго, „такъ что образованіе въ нашихъ деревняхъ сводится почти (исключительно) къ тому, чтобы сдѣлать учениковъ способными помогать по праздникамъ и по воскресеньямъ своимъ пастырямъ въ воспѣваніи хвалы Господу на языкѣ, котораго они не понимаютъ“; съ своей стороны духовенство ревностно относится къ своимъ обязанностямъ, но не имѣетъ времени для обученія дѣтей, книгъ же не имѣется подъ рукой, да онѣ были бы безполезны, такъ какъ лица, могущія ими воспользоваться, „не составляютъ и двѣнадцатой части всѣхъ нашихъ земледѣльцевъ“ [2]). Отвѣтъ судейскаго изъ Бордо изображаетъ ту же картину: школы имѣются только въ крупныхъ мѣстечкахъ (gros bourgs), при чемъ руководящіе ими священники требуютъ отъ учителей, въ качествѣ ценза, умѣнія играть въ пикетъ и знанія богослуженія [3]). Бывшій лейтенантъ Перигорскій думаетъ, что на 700 приходовъ этого края имѣется не болѣе 40, 50 учителей, такъ какъ населеніе слишкомъ бѣдно, чтобы ихъ содержать. Въ Оверни, по словамъ друзей конституціи изъ Maringues, „на 20 селеній, только одно имѣетъ учителя, едва читающаго по складамъ, и священникъ заставляетъ повторять слова катехизиса прихожанъ—попугаевъ“. Лимузенскіе патріоты жалуются, что мужикъ не умѣетъ ни читать, ни писать [4]). Въ самомъ центрѣ Франціи, по заявленію священника Сансерскаго, только въ го-

---

[1]) Ibidem. VIII. (Amis de la Constitution d'Auch) 94. Notre ignorance est extrême, notre éducation nulle. 104. Les curés, qui en sont chargés presque partout, font mine de faire dire la leçon à tous les enfants qui se présentent, mais dans le fait, ils se bornent à enseigner à un ou à deux à servir la messe. 113. En total, nous savons qu'à moins de prendre la municipalité dans les docteurs de village, tels que les demi avocats, notaires, arpenteurs et experts, tout le reste ne sait rien de rien... S'il faut qu'un municipal sache lire et écrire, ce n'est pas encore aisé. t. IX (1876). Другой отвѣтъ изъ Оша: (175). „Chaque village n'a pas le bonheur d'avoir des maitres, bien moins des maitresses d'école... La plupart ne peuvent avoir d'autres maitres que leurs curés et leurs vicaires, qui partout ne sont que trop dépourvus de livres“.

[2]) Ibidem, X. (1876) 29, 30. Les amis de la Constitution d'Agen.

[3]) Ibidem, t. XI (1877) 192, 193. Bernadau, homme de loi à Bordeaux.

[4]) Ibidem, t. XII (1877) 213. Отвѣтъ La Charmie депутата національнаго собранія (Perigord). 224. (Amis de la Constitution de Maringues) 230, (Amis de la Constitution de Limoges).

родахъ имѣются настоящіе (en règle) школьные учителя и учительницы, да и то въ школахъ учатъ лишь чтенію, письму, счету и катехизису [1]. Въ Пуату только около половины населенныхъ мѣстъ обладаютъ школами; большая часть населенія „не умѣетъ даже читать" [2]. Въ Бретани мало школъ по деревнямъ, „да и то лишь по бретонски пріобрѣтаютъ въ нихъ слабые отголоски катехизиса"; школы замѣняютъ странствующіе учителя, значеніе которыхъ сводится къ нулю изъ за дальности разстояній, а кромѣ того сами учителя и учительницы невѣжественны; „чего же можно ожидать отъ учителя, которому платятъ пять су въ мѣсяцъ"? [3]) Будущій террористъ Lequinio идетъ еще дальше, можетъ быть слишкомъ далеко въ отрицательномъ отзывѣ: для него въ бретонскихъ деревняхъ совсѣмъ нѣтъ школъ, а имѣются онѣ только въ мѣстечкахъ (gros bourgs), гдѣ впрочемъ ничему не учатъ; „наши священники не слѣдятъ за школами, которыхъ нѣтъ", деревенскіе жители ничего не читаютъ, „ignoti nulla cupido" [4]).

Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти данныя являются только *впечатлѣніями* современниковъ; ясно, что эти $^3/_4$ и $^1/_{12}$ представляютъ не статистическія цифры, а предположенія и притомъ субъективныя.

Нельзя также упускать изъ виду, что въ тѣхъ же матеріалахъ проскальзываютъ также свѣдѣнія противоположнаго свойства. Прежде всего корреспонденты Грегуара почти единогласно заявляютъ, что за послѣднія 20 лѣтъ народное просвѣщеніе подвинулось впередъ, а съ нимъ развилось и знаніе французскаго языка, въ ущербъ мѣстнымъ го-

[1]) Ibidem, t. XV (1879) 68, 69. Poupart, curé de Sancerre: „Il n'y a que les villes, qui aient des maitres et des maitresses d'école en règle; on y enseigne seulement à lire, écrire, chiffrer et le catéchisme".

[2]) Ibidem, (76). Non; il y en a autant qui en manquent, qu'il y en a, qui en possèdent (77). Point du tout; la majeure partie d'entre eux ne sait même pas lire.

[3]) Ibidem. 186. Riou, laboureur: „Peu de campagnes ont des écoles, encore n'est ce qu'en breton que l'on y reçoit une faible teinture de catéchisme... Quelques ambulants en font métier; mais la distance qui sépare ces mêmes villages et si grande... Ce qui doit les faire considérer comme nulles (187) ignorent eux mêmes ce qu'ils font métier d'enseigner. Que peut on attendre d'un maitre à qui l'on donne 5 sols par mois?"

[4]) Ibidem, 191. (Анонимное посланіе, на которомъ рукой Грегуара надписано: „probablement de Lequinio"). „Il n'y a point d'écoles dans les villages... Il n'y a point de maitres et maitresses d'école, si ce n'est dans les gros bourgs... On n'enseigne rien du tout... Nos curés ne surveillent pas nos écoles qui n'existent pas, et n'ont point de livres à prêter... Les gens de la campagne n'ont point le goût de la lecture, ignoti nulla cupido".

ворамъ. Далѣе оказывается, что въ Дофине, гдѣ было много кальвинистовъ, мало-мальски значительныя деревни имѣютъ учителей (учительницъ нѣтъ), приходящихъ со стороны на зимнее время, по окончаніи полевыхъ работъ [1]). Въ горахъ Юры, по словамъ мэра св. Клавдія, въ каждомъ приходѣ имѣется по учителю изъ дьячковъ или даже взятаго изъ города, въ остальныхъ деревняхъ преподаваніе происходитъ иногда зимою. По словамъ адвоката того же города, дѣтей учатъ правда только читать, писать и считать, но въ школу ходятъ также дѣвочки; деревенскіе жители любятъ чтеніе и дѣти читаютъ родителямъ зимой въ семейномъ кругу книги аскетическаго содержанія [2]).

Относительно бывшей провинціи Франшконте корреспондентъ (духовное лицо) склоняется къ мысли, что въ каждомъ приходѣ есть учитель или учительница; большинство деревенскихъ жителей вокругъ города Salins умѣетъ читать; „вездѣ народъ начинаетъ читать; все дѣло въ томъ, чтобы поддержать данный импульсъ" [3]). Другая духовная особа пишетъ, что въ Артуа (на сѣверѣ) учителя имѣются о всѣхъ деревняхъ, кромѣ самыхъ мелкихъ, а также встрѣчаются и учительницы, „но болѣе невѣжественныя" [4]). Священникъ изъ Берри и анонимный корреспондентъ изъ Пуату заявляютъ въ одинъ голосъ, что за послѣднія 20 лѣтъ крестьяне стали болѣе просвѣщенны (plus

---

1) Ibidem, t. XIII (1877). 9. Les villages un peu considérables ont des maitres d'école depuis la Toussaint jusqu' au printemps. Les maitres d'école viennent du Briançonnois... ils arrivent, quand tous leurs travaux sont finis dans leurs montagnes... et s'en retournent à la fin de Mai. Il n'y a pas de maitresses d'école (11). Les curés ont peu la surveillance des écoles payées par les communes... il en est où le maitre d'école est protestant. (Coland de la Salcette, будущій членъ Конвента).

2) Ibidem, 248. Plusieurs... sont pris à la ville. Il y en a dans tous les chefs lieux de paroisse; mais ceux qui ne le sont pas n'en ont qu'en hiver... c'est ordinairement le chantre qui est maitre d'école. (Lorain fils, maire de Saint Claude). Ibidem, 253. Chaque paroisse a son maître d'école... ils enseignent garçons et filles... On n'enseigne... qu'à lire, écrire et chiffrer... Elles sont bien surveillées. Les gens de la campagne ne manquent pas de goût pour la lecture... En hiver principalement ils lisent ou font lire par leurs enfants en famille des livres ascétiques. (Joly, avocat à Saint Claude).

3) Ibidem, 259. Je suis porté à croire qu'il y a un maitre ou une maitresse d'école dans chaque paroisse... et que le grand nombre des villageois y sait lire... Partout le peuple commence à lire; il s'agit d'entretenir l'impulsion donnée. (Rochejean, vicaire episcopal de Blois).

4) Ibidem, t. XV (1879), 57. Il y a des maîtres d'école dans tous les villages, excepté les hameaux; les maitresses d'école y sont moins communes et plus ignorantes. (Hennebert, chanoine de Saint Omer).

eclairés) [1]). Даже въ Бретани за послѣднія 12 лѣтъ деревня какъ будто немного „просвѣтилась“; самъ безжалостный Lequinio заявляетъ: „они менѣе дики за послѣднія 20 лѣтъ“ [2]).

Но если просвѣщеніе народа подвинулось впередъ въ послѣднія 20 лѣтъ стараго порядка, то этотъ процессъ могъ быть болѣе или менѣе успѣшенъ въ различныхъ мѣстностяхъ Франціи. Вотъ почему субъективная оцѣнка современниковъ, склонныхъ всегда обобщать личныя свои впечатлѣнія, не можетъ дать прочной основы для выводовъ относительно всей пестротканной поверхности Франціи стараго порядка.

Само собою разумѣется, не такія голословныя свидѣтельства, хотя бы и современниковъ, могутъ служить основаніемъ для точнаго научнаго обобщенія. Если наказы 1789 года требовали развитія школьнаго дѣла, ссылаясь на общую безграмотность народа, то указывать на такія свидѣтельства можно только мимоходомъ [3]), хотя въ общей совокупности они также не лишены значенія. Если въ эпоху Конституанты, Легислативы и Конвента ревнители народнаго просвѣщенія громко ужасались царившему въ народѣ невѣжеству и мѣстами повальной безграмотности, то можно, хотя и съ натяжкой, предполагать въ ихъ словахъ нѣкоторое преувеличеніе, вызванное нетерпѣніемъ видѣть весь народъ просвѣщеннымъ; можно подозрѣвать патріотовъ въ обобщеніи случайныхъ наблюденій или возведеніи исключеній въ общее правило.

---

[1]) Ibidem, 67. (Poupart, curé de Sancerre), 77, корреспондентъ изъ Пуату— тотъ самый, который заявилъ, что большинство населенія не умѣетъ читать. Онъ же сообщалъ (76), что обученіе производится на ломанномъ французскомъ языкѣ (mauvais français, parce qu'en général on l'estropie).

[2]) Ibidem, 187. Depuis une douzaine d'années, il m'a paru que la campagne s'eclairait un peu (Riou, laboureur), 191. Ils sont moins sauvages depuis 20 ans (Lequinio).

[3]) *Edme Champion.* La France d'après les cahiers de 1789. 205—210. Авторъ отмѣчаетъ, что никто изъ членовъ Конституанты не возражалъ противъ заявленія Ramel Nogaret (ноябрь, 1789 г.), что большинство народа не умѣетъ читать. Далѣе, когда въ Легислативѣ обсуждался вопросъ объ отобраніи отъ духовенства завѣдыванія веденіемъ метрическихъ книгъ, противникъ законопроекта—François de Neufchateau ссылался на безграмотность муниципальныхъ властей, а сторонникъ этой мѣры—Hérault de Séchelles соглашался оставить эту обязанность за священниками въ тѣхъ „многочисленныхъ мѣстностяхъ“, гдѣ только одинъ священникъ умѣлъ читать и писать. Впрочемъ это показываетъ только, какъ *думали* о невѣжествѣ народа современники, а не то, каково было это невѣжество на самомъ дѣлѣ.

Но матеріалы по выборамъ 1789 года содержатъ обильныя данныя для вполнѣ объективнаго разрѣшенія этого вопроса.

На основаніи протоколовъ и наказовъ приходскихъ собраній можно иногда съ относительною точностью опредѣлить число избирателей, не умѣвшихъ подписать свое имя подъ этими писаніями. Но этого мало. Даже въ округахъ избранники, излюбленные люди приходовъ оказываются иногда безграмотными. При этомъ невольно приходитъ на умъ изреченіе: „если свѣтъ въ васъ—тьма, то какова же тьма". Если сами представители приходовъ безграмотны, то каковы же ихъ избиратели?

Можно себѣ представить, какая темнота царила въ глуши Бретани, если въ окружныхъ собраніяхъ ея сенешоссей люди, не умѣвшіе подписать свое имя, составляли явленіе заурядное.

Въ Lesneven число безграмотныхъ представителей (90 человѣкъ) превышало, повидимому, количество тѣхъ, кто умѣлъ, хоть съ грѣхомъ пополамъ, подписать свое имя (66 подписей) [1]. Подобнымъ же образомъ упоминаются безграмотные въ протоколахъ округовъ: Auray [2] (6 челов[illegible]), Quimper [3], Guérande, Vannes, Morlaix [4], Chateaulin [5], Chateauneuf du Faou [6] (3 человѣка), Marches Communes du Poitou et de la Bretagne [7].

Правда, Бретань осталась и понынѣ самымъ отсталымъ краемъ Франціи. Обратимся поэтому къ матеріаламъ по выборамъ въ другихъ мѣстностяхъ. Въ центрѣ Франціи протоколы окружныхъ собраній отмѣчаютъ также не мало безграмотныхъ депутатовъ. Въ Lorris (secondaire de Montargis) 5 депутатовъ заявили о своемъ неумѣніи расписаться [8], въ Boiscommun (secondaire d'Orléans) собраніе раскололось

[1]) *Archives Parlementaires*, III, 491—499. Всего депутатовъ перечислено поименно 156 человѣкъ, изъ нихъ 66 подписались „et ont ceux des députés, qui n'ont pas signé, déclaré ne le savoir faire". Допустивъ даже погрѣшности въ текстѣ протокола (среди не подписавшихся могли оказаться и грамотные люди, не дождавшіеся очереди, чтобы приложить руку), допустивъ также погрѣшности въ перепечаткѣ этого документа, послѣдній представляется во всякомъ случаѣ краснорѣчивымъ памятникомъ невѣжества бретонцевъ XVIII вѣка.

[2]) Archiv. Nat. B III 37, 1028.

[3]) *Archives Parlementaires*, V, 510.

[4]) Ibidem, IV, 75.

[5]) Archiv. Nat. Ba 25 l. 133 bis 1°. B III 38, 380.

[6]) B III 38, 431.

[7]) *Proust*. Archives de l'Ouest. I, 229, протоколъ 2-го апрѣля: „L. Rousseau a déclaré ne savoir signer".

[8]) Archiv. Nat. Ba 53 l. 127.

9-го марта на двѣ партіи, при чемъ въ одной оказалось трое, а въ другой четверо безграмотныхъ [1]). Въ Chateaugonthier (secondaire d'Angers) 10 депутатовъ не могли приложить руки [2]), въ Auxonne (secondaire de Dijon)—одинъ [3]). Въ Auxerre подача голосовъ безграмотными депутатами вызвала даже цѣлую сумятицу [4]): предложено было изгнать этихъ лицъ изъ собранія съ лишеніемъ права участвовать на выборахъ и только благодаря посредничеству бальи рѣшено было, согласно съ мнѣніемъ королевскаго прокурора, что безграмотные сообщатъ имя своихъ кандидатовъ предсѣдателю, который составитъ имъ соотвѣтствующія записки для вложенія въ избирательную урну. Безграмотные упоминаются также въ протоколахъ Макона, Дижона, Chateauroux, Issoudun, Charolles [5]). Въ Guéret ихъ оказалось двое [6]), а въ столицѣ Оверни—въ Clermont Ferrand цѣлыхъ 21 человѣкъ [7]). На сѣверѣ подобнымъ же образомъ безграмотные попадались даже въ окружныхъ собраніяхъ. Въ Verneuil (secondaire d'Alençon) изъ состава собранія, сокращеннаго (réduit) до 26 человѣкъ, трое не могли подписать свое имя [8]). Безграмотные депутаты отмѣчаются: въ Nonancourt [9]) (secondaire d'Evreux)—трое, въ Булони [10])—одинъ, затѣмъ глухо упоминаются они въ Ланѣ [11]) и другихъ мѣстахъ.

На западѣ, неподалеку отъ малограмотной Вандеи протоколы окружныхъ собраній также упоминаютъ о депутатахъ, не умѣвшихъ подписать свое имя: таковы протоколы Montmorillon [12]), Fontenay [13]), Vouvant [14]) и другіе.

---

[1]) В Ш 99, 330—335.

[2]) В Ш 7, 748.

[3]) В Ш 60, 26.

[4]) *Labot*, 495, „à laquelle proposition quelques membres de l'assemblée s'etant opposés et ayant prétendu que lesdits députés, qui ne savent écrire, devoient se retirer de l'assemblée et être privés du droit de nommer lesdits scrutateurs et députés"...

[5]) *Champion*. La France d'après les cahiers de 1789 (209).

[6]) *Duval*. Cahiers de la Marche, 90 (bis), 93 (bis).

[7]) *Archives Parlementaires*. II, 774, приписка къ наказу: „ont de plus assisté 21 députés qui n'ont su signer".

[8]) Archiv. Nat. В Ш 2, 1254.

[9]) В Ш 65, 427.

[10]) *Assemblées du Boulonnais*. (Boulogne sur Mer 1889). Перепечатка протокола.

[11]) *Fleury*, 244.

[12]) Archiv. Nat. Bа 69 l. 162⁴, 2⁰. В Ш 124, 215—327.

[13]) Bа 69 l. 162 bis. 2⁰. В Ш 124, 132.

[14]) Bа 69 l. 162⁸. В Ш 124, 570. Безграмотныхъ оказалось, судя по протоколу, 8 человѣкъ изъ 115.

На востокѣ то же явленіе наблюдается въ Gray, Lons-le-Saulnier (Aval), не говоря уже о нѣмецкомъ населеніи округовъ Эльзаса и Лотарингіи [1]). Годъ спустя послѣ описываемыхъ событій, когда конституцией 90 года введена была закрытая подача голосовъ посредствомъ бюллетеней, выборы въ городѣ Saint Diez пришлось прервать (5-го февраля 1790 г.), такъ какъ треть избирателей оказались неграмотны; выборы затѣмъ состоялись только послѣ запроса въ Парижъ, когда узнали о послѣдовавшемъ 2-го февраля разрѣшеніи Національнаго Собранія, чтобы трое старѣйшихъ грамотныхъ избирателей заполняли бюллетени за безграмотныхъ [2]).

На югѣ въ Тулузѣ большая часть депутатовъ отъ деревень, всего около 200 человѣкъ, были безграмотны, такъ что собраніе оказалось вынужденнымъ назначить по одному депутату на каждый діоцезъ [3]) для содѣйствія неграмотнымъ товарищамъ при составленіи избирательныхъ листковъ [4]). Нѣчто подобное произошло также въ Annonay [5]).

Большое количество безграмотныхъ мужиковъ отмѣчается также въ Villefranche de Rouergue [6]), Perpignan [7]) и т. д. Всюду разда-

[1]) Мы уже упоминали выше (II, 143) заявленіе лейтенанта Бузонвильскаго, что депутаты частью едва могутъ вывести нѣсколько скверныхъ буквъ для подписи своего имени, а остальные и этого не умѣютъ.

[2]) *Aulard*. Bourgeoisie et democratie. („Révolution Française" 14-го сентября 1898 г., стр. 238).

[3]) Diocèse—территоріальное подраздѣленіе церковнаго происхожденія, сохранившееся на югѣ и въ Бретани.

[4]) Archiv. Nat. Ba 80 l. 200. 1°. B III 148, 959. Протоколъ. B III 149, 71 — 72, письмо лейтенанта министру отъ 9-го апрѣля о трудности добиться цифры дымовъ въ приходахъ, „attendu que les députés que les communes ont envoyés, sont la plupart illettrés" B III 149, 229 — 261. Жалоба представителей г. Тулузы на выборы: On y verra huitiémement, deux cents illetrés tout au moins dans le nombre des députés de la campagne, incapables de tracer les lettres de leur nom, se présenter au scrutin avec des billets uniformes, tous écrits de la même main.

[5]) B III 9, 121, протоколъ 24-го марта: „sur l'observation qui a eté faite par quelques membres de l'assemblée, que dans le nombre des electeurs des campagnes il s'en trouvait quelques uns qui ne savaient pas écrire et a été arrêté à la très grande majorité des suffrages, que les électeurs qui *sont* dans ce cas donneront à voix basse aux trois scrutateurs en présence de M. le président le nom de la personne qu'ils veulent élire, lequel sera écrit par un des trois scrutateurs".

[6]) Archiv. Nat. B III 155, 509 — 514. Ba 85 l. 216. 3°. Письмо лейтенанта отъ 31-го марта: „le tiers état dont plus des deux tiers des membres n' étaient que des paysans illettrés... J'ai eu la douleur d'apprendre après coup que des intrigants avaient abusé de l'ignorance de tous ces paysans, incapables de faire un choix avec discernement".

[7]) B. III 120, 137. 341. На судебномъ слѣдствіи по поводу злоупотребленій

ются жалобы на темноту деревенскихъ представителей, являвшихся (по словамъ лицъ, недовольныхъ выборами) игралищемъ въ рукахъ интригановъ. Въ Limoux безграмотнымъ раздавались избирательныя записки съ именемъ прокурора [1]), въ Тарбѣ (Bigorre) то же продѣлывалъ субделегатъ, стремившійся попасть въ депутаты отъ округа [2]).

Въ одной брошюрѣ того времени упоминался слѣдующій случай, безъ указанія мѣста: „въ значительномъ городѣ Франціи 200 избирателей выбрали 2 депутатовъ третьяго сословія; 190 (изъ нихъ) были деревенщиной, двѣ трети не умѣли читать и не знали, зачѣмъ ихъ созвали“ [3]). Даже если въ этихъ словахъ было много преувеличенія, всетаки приведенные факты показываютъ, что тутъ была доля истины.

Послѣ всего этого неудивительно, если число безграмотныхъ было такъ значительно въ приходскихъ собраніяхъ, гдѣ участвовали уже не избранные люди, а почти весь народъ, по крайней мѣрѣ въ теоріи.

Не только въ деревняхъ, но и въ городахъ далеко не всѣ избиратели первичныхъ собраній могли подписать свое имя. Въ наказѣ Bourbon-Lancy поименованы двое, не съумѣвшіе подписаться [4]), въ Булони одинъ [5]). Въ Auray (Бретань) число безграмотныхъ было очень велико, судя по инциденту, разъигравшемуся въ церкви (13-го апрѣля) на первичномъ собраніи: золотыхъ дѣлъ мастеръ и граверъ Reynauld писалъ для своихъ безграмотныхъ „друзей“ записки съ именами кандидатовъ въ депутаты, но купецъ и подрядчикъ Guérin осыпалъ его за это градомъ палочныхъ ударовъ по рукамъ, такъ что

на выборахъ, многіе свидѣтели оказались неграмотны, въ томъ числѣ Maisé, бальи деревни Taurinya. Королевскій прокуроръ Tastu показывалъ между прочимъ, что большинство деревенскихъ депутатовъ были безграмотны (les députés des paroisses, la plupart illettrés).

[1]) B. III 74, 80, лейтенантъ жаловался министру 22-го марта, что безграмотные депутаты получали тайкомъ готовыя записки (billets) съ именемъ королевскаго прокурора, кандидатура котораго ставилась одной партіей въ собраніи.

[2]) *Ricaud.* La Bigorre. 199, 202. На собраніи обнаружилась раздача записокъ безграмотнымъ (illetrés) съ именемъ субделегата.

[3]) *Chassin.* Elections et cahiers de Paris. I· 380, 381. Брошюра: „De la nécessité de publier les noms des candidats“. 200 électeurs ont fait le choix de deux députés du tiers dans une ville considérable de la France; 190 electeurs étaient des campagnards; les deux tiers ne savaient pas lire et ne savaient pourquoi on les assemblait.

[4]) *Charmasse.* Cahiers du bailliage d'Autun 295—328.

[5]) *Assemblées du Boulonnais.* 59, 60, протоколъ 11-го апрѣля: „sauf Huret, dit Bohême, qui a déclaré ne savoir écrire ni signer“.

потребовалось вмѣшательство королевскаго прокурора [1]). Въ Тулонѣ, при подписаніи резолюціи членовъ корабельной корпораціи (maitres d'équipage), оказалось около трехъ десятковъ неграмотныхъ [2]), въ Mayenne большинство членовъ корпораціи портныхъ оказались въ томъ же положеніи [3]), въ Saint Amand-Montrond очень немногіе могли подписать наказы по корпораціямъ [4]).

Такимъ образомъ наказы и протоколы приходскихъ собраній представляютъ въ высшей степени цѣнный матеріалъ и могли бы имѣть рѣшающее значеніе въ разборѣ вопроса о состояніи народнаго образованія во Франціи передъ революціей. Для этого нужно отказаться отъ полемики на почвѣ случайныхъ обобщеній и голословныхъ сужденій о состояніи народнаго образованія по числу никуда негодныхъ школъ. Школы эти по большей части не были организованы: нанимался учитель на срокъ или самъ священникъ преподавалъ катехизисъ. Число же учащихся дѣтей неизвѣстно; къ тому же вопросъ заключается не въ дѣтяхъ школьнаго возраста: намъ нужно знать, многіе ли изъ взрослыхъ избирателей 1789 г. могли свободно читать и писать? Обратиться къ выясненію истины единственно научнымъ путемъ, можно посредствомъ систематическаго изслѣдованія указаннаго матеріала.

Конечно, такая работа выходитъ изъ предѣловъ настоящаго изслѣдованія. Тѣмъ не менѣе на вопросѣ о безграмотности необходимо остановиться хотя бы для того, чтобы выяснить его значеніе въ ряду тѣхъ условій, съ которыми приходится особенно серіозно считаться при разборѣ искренности и достовѣрности наказовъ, какъ выразителей желаній большинства. Тутъ же попутно выяснится и методъ, необходимый для успѣшности будущихъ работъ въ этомъ направленіи.

---

[1]) Archiv. Nat. B III 37, 1118—1119. Déclaration d'un particulier d'Auray servant à l'appui du mémoire du sénéchal de la ville d'Auray. Signé Reynauld orfèvre et graveur. Ce 30 mai 1789.

[2]) B III 146, 360. Ba 81 1. 198.

[3]) B III 170, 216—224. Délibération des maitres tailleurs (1 Mars:) „la plupart ont déclaré ne savoir signer".

[4]) *Dumonteil.* Une ville seigneuriale en 1789. (Bourges 1887) 178 — 183, текстъ 18 наказовъ по корпораціямъ. (Кромѣ незначительности числа подписей, замѣчено, что самое правописаніе очень хромало). Согласно регламенту (ст. 26) въ болѣе значительныхъ городахъ, перечисленныхъ въ особомъ приложеніи къ закону, первичные выборы производились не въ общемъ собраніи жителей, а по корпораціямъ. Избранные такимъ образомъ представители составляли затѣмъ окончательно собраніе города.

Въ протоколахъ и наказахъ иногда поименно перечисляются или указывается общее число тѣхъ участниковъ приходскаго собранія, которые, за неграмотностью, не могли приложить руки подъ наказомъ и протоколомъ. Если при этомъ можно установить процентное отношеніе этихъ лицъ къ числу собравшихся избирателей и общему количеству населенія, то подобнаго рода статистика можетъ дать исчерпывающаго характера свѣдѣнія о состояніи народнаго образованія въ данной мѣстности. Къ сожалѣнію, въ большинствѣ протоколовъ дается только общее указаніе, что присутствующіе подписались за исключеніемъ тѣхъ, кто не могъ этого сдѣлать по неграмотности. Правда, можно, казалось бы, опредѣлить количество послѣднихъ, подсчитавъ число подписей и вычтя ихъ изъ общаго состава присутствующихъ, если число послѣднихъ извѣстно. Однако этотъ пріемъ на дѣлѣ иногда ненадеженъ: нѣкоторые избиратели могли разойтись до окончанія собранія, другіе не хотѣли подписаться подъ наказомъ, съ содержаніемъ котораго они несогласны, третьи ушли, не дождавшись очереди, чтобы расписаться, или забыли это сдѣлать, не знали, что это обязательно и т. д. Въ деревнѣ Pin-en-Mauges (Анжу) изъ 84 избирателей подписалось всего лишь 11 человѣкъ, въ числѣ которыхъ не было будущаго героя Вандеѣ Cathelineau, хотя онъ участвовалъ въ собраніи и былъ грамотенъ [1]). Протоколъ деревни Orgères (Мэнъ) упоминаетъ лицъ, „которые не подписались или заявили о своемъ неумѣніи;“ изъ этихъ словъ можно вывести, что не одни безграмотные разумѣются въ числѣ не подписавшихся [2]).

Если же въ протоколѣ прямо указано, что не приложившіе руки избиратели не умѣли писать, то въ такомъ случаѣ указанное вычисленіе относительно безграмотныхъ можетъ быть примѣнено съ нѣкоторою достовѣрностью.

Возьмемъ для примѣра Мэнскую сенешоссею, протоколы и наказы которой прямо или глухо указываютъ на присутствіе значительнаго числа безграмотныхъ избирателей приходскихъ собраній [3]).

---

1) *Port.* La Vendée Angevine (Paris 1888) I, 49.

2) *Bellée et Duchemin.* III, 279—285. „Les dessus dit dénommé qui n'ont pas signé ou déclaré ne le savoir“. На 97 дымовъ присутствовало 24 человѣка, а подписей 17.

3) *Bellée et Duchemin.* I (3) Ahuillé, (60) Assé le Riboul, (92) Anvers-le-Hamon, (163) Beaulieu, (179) Saint-Berthevin-sur-Vicoin, (210) Boissé, (218) La Bosse, (220) Bouer, (228) Bourgon, (233) Brains, (256) Brice, (294) Brûlon, (333) Chaillaud, (454) Cherré, (460) Cherreau, (477) Saint Christophe-en-Champagne,

Протоколы приходовъ Aigné, Allonnes, Amné, Asnières, Loup-landes, Lucé-sous-Ballon упоминаютъ о присутствіи неграмотныхъ въ формѣ, заставляющей предполагать, что послѣдніе составляли большинство наличнаго состава избирателей: въ нихъ сказано, что жители данной деревни не умѣли подписывать свое имя, за исключеніемъ нижеподписавшихся (ont déclaré ne savoir signer fors les soussignés). Выходило, какъ будто грамотные были исключеніемъ въ общей массѣ безграмотныхъ избирателей.

И дѣйствительно мы знаемъ, что въ Aulaines изъ свыше 18 человѣкъ (18 имя рекъ „et autres") подписаться могли только семеро, въ Chapelle-du-Bois изъ свыше 92 — только 31, въ Saint-Célérin-le-Géré изъ свыше 58 — только 33, въ Dehaut изъ свыше 45 — только 19 человѣкъ [1]).

Въ нѣкоторыхъ протоколахъ или припискахъ къ наказамъ можно съ относительной точностью указать на число безграмотныхъ избирателей. Въ La Bazouge des Alleux, изъ 24 присутствующихъ избирателей, 11 подписались, а 13 не могли этого сдѣлать [2]); въ Beaufay оказалось 17 безграмотныхъ на 24 грамотныхъ [3]). Въ Boessé-le-Sec, на 95 избирателей только 16 подписались „tous les autres ayant déclaré ne savoir signer" [4]). Въ Bouère—изъ 43 человѣкъ 22 подписались, а остальные 21 неграмотны [5]), въ Brée изъ 14 человѣкъ 10 под-

(512) Coulié, (538) Cormes. II (50) Courgenard, (55) Courveille de Courbeveille, (81) La Cropte, (98) Saint Cyr le Gravelais, (131) Dissé sous Ballon, (153) Domfront en Champagne, (162) La Dorcé, (171) Douillet, (175) Dureil, (181) Entrammes, (222) Ernée, (248) Etival-les-Le-Mans, (252) Evaillé, (273) Fay, (302) Fillé, (316) Fougerolles, (338) Saint Georges du Bois, (380) Gesnes, (390) Gesvres, (413) Gréez sur Roc, (439) Hardange, (462) Saint Hilaire des Landes, (473) L'Huisserie, (522) Landivy, (568) Lévaré, (576) L'Homme, (595) Louailles. III (9) Loupfougère, (50) Malicorne), (69) Mareil en Champagne, (150) Mont Renault, (153) Montreuil en Lassay, (147) Montourtier, (200) Neuvy en Champagne, (261 — 265) Olivet — „en présence des soussignés et beaucoup d'autres qui ne signent", (278) Oizé, (293) Saint Ouen des Toits, (339) Saint Paul le Gaultier (345) Pavin, (375) Pirmil, (387) Placé, (435) Pruillé le Chétif, (430) Préaux. IV (34) Ruaudin, (57) Sainte Sabine et Poché, (99) Sceaux—„en présence de beaucoup d'autres qui ont déclaré ne savoir signer", (132) Souligné sous Vallon, (161) Spay, (205) Torcé en Charnie, (212) Notre Dame de Torcé, (219) Trangé, (241) Vallon, (260) Vautorte, (270) Verniette, (275) Vibraye, (318) Villepail, (337) Voivres.

[1]) *Bellée et Duchemin.* I, 88. 389—400. 311—319. II, 109.

[2]) Ibidem. I. 147.

[3]) Ibidem, 159. 160.

[4]) Ibidem, 201. 202.

[5]) Ibidem, 224. 225.

писались, а 4 безграмотны [1]), въ Briône изъ 68 человѣкъ только 13 могли подписаться [2]), въ Changé 17 подписей, при чемъ 11 безграмотныхъ избирателей перечислены поименно [3]). Въ Fercé изъ 83 избирателей только 26 грамотныхъ [4]) (?), въ Houssay—изъ 19 человѣкъ 10 грамотныхъ [5]), въ Jauzé изъ 28 также 10 грамотныхъ [6]). Въ Mézières sous Ballon изъ 37 человѣкъ 24 — („ceux qui sçavent signer)“ подписались, а слѣдовательно 13 безграмотны [7]), въ Montreuil le Chétif изъ 36 — подписалось 17, а безграмотныхъ 19 [8]); въ Parennes изъ 45—21, а остальные 24—„qui n' ont signé ont déclaré ne le savoir“ [9]); въ Pizieux—38, подписей 12 [10]), въ Tassé—23, подписей 15, слѣдовательно 8 безграмотныхъ [11]); въ Tassillé — 11, подписей 6, остальные 5 безграмотны [12]); въ Torcé-en-Charnie — 20, подписей 15, итого 5 безграмотныхъ [13]); въ Trans—36, подписей 23, итого 13 безграмотныхъ [14]); въ Villaines-la-Gonais—10 подписей, а 13 человѣкъ, перечисленныхъ поименно, заявили, что не умѣютъ подписываться [15]); въ Villiers-Charlemagne присутствовало 39 человѣкъ, изъ которыхъ могли подписаться только 17 человѣкъ, итого 22 безграмотныхъ [16]); въ Vouvray sur Huisne—21, подписей только 8, а безграмотныхъ 13 [17]). Въ Préval болѣе половины избирателей были неграмотны [18]).

Но можетъ быть Мэнская провинція составляетъ исключеніе изъ

---

[1]) Ibidem, 243.

[2]) Ibidem, 257.

[3]) Ibidem, 381.

[4]) Ibidem, II, 273—282.

[5]) Ibidem, 470.

[6]) Ibidem, 478—481.

[7]) Ibid. III 102—104.

[8]) Ibid., 153—162.

[9]) Ibid., 307—313.

[10]) Ibid., 379—383. „Signé par ceux qui savent signer“.

[11]) Ibid., IV. 161—169.

[12]) Ibidem, 169 — 172. „Tous les susdit dénommé sont signé avec nous, fors ceux qui ont déclaré ne savoir“.

[13]) Ibid. 205.

[14]) Ibid., 212—218.

[15]) Ibid., 284—289. (74 feux).

[16]) Ibid., 318—321. (254 feux) „dont ceux qui sçavent signer ont signé“.

[17]) Ibid., 337 — 342. (35 feux) „signé tous ceux d'entreux qui sçavent signer de ce étant tous enquis et interpellés“.

[18]) *Bellée et Duchemin.* III, 441 — 443. На свыше 42 присутствующихъ (et plusieurs autres) подписей всего 20: „Les autre ônst declaré ne le savoir“.

общаго правила и во всякомъ случаѣ не является типической областью въ отношеніи распространенія народнаго образованія?

Возьмемъ для провѣрки Парижскій округъ, т. е., область, гдѣ грамотность, вслѣдствіе близости столицы, должна быть развита въ высокой, сравнительно, степени. И что же оказывается? Въ мѣстечкѣ Chevreuse, почти подъ Парижемъ, 39 избирателей, поименованныхъ въ протоколѣ, не могли подписать свое имя [1]), въ Corbeil, главной хлѣбной житницѣ Парижа, такихъ избирателей оказалось двое [2]), въ деревушкѣ Coubron на собраніи участвовало 9 безграмотныхъ, а кромѣ того 4 безграмотныхъ упомянуты, какъ не явившіеся на выборы [3]), въ Crosne семеро избирателей заявили о своей неграмотности [4]). Въ Echarcon наказъ подписали 23 человѣка (въ томъ числѣ священникъ, синдикъ и секретарь), а 12 человѣкъ поименованы въ протоколѣ, какъ безграмотные [5]), въ Ennery 10 подписей (въ томъ числѣ секретаря), а девять человѣкъ поименно перечислены, какъ заявившіе о своей неграмотности [6]). То же повторяется въ Essones, гдѣ на 260 дымовъ было 30 подписавшихся избирателей и 9 безграмотныхъ, въ Evry-sur-Seine — 8 безграмотныхъ, въ Gournay sur Marne—одинъ, въ Jaignes двое изъ 19 лицъ, составлявшихъ собраніе, въ Juvisy-sur-Orge двое (имя рекъ) безграмотныхъ, въ Lognes — трое, въ Maisons-sur-Seine 26 человѣкъ заявили о своемъ неумѣніи писать [7]). Въ наказѣ Quincy-sous-Sénart упоминается одинъ безграмотный, въ Saint-Maurice-Montcouronne 14, въ Sarcelles изъ 161 чел. только 56 подписались, въ Tigery безграмотныхъ 8 (имя рекъ), въ Vaires 6 (на 8 подписавшихся), въ Villejuif 5, въ Villemomble свыше 5, въ Villeneuve-le-Roi 10, въ Viry et Chatillon sur Orge 21 (на 30 подписавшихся) [8]).

Независимо отъ этого во множествѣ приходовъ Парижскаго округа глухо упоминается о безграмотныхъ избирателяхъ [9]), при чемъ въ

---

[1]) *Archives Parlementaires.* IV, 429—433, всего подписалось 74 человѣка.

[2]) Ibid., 459—461.

[3]) Ibid., 470—472.

[4]) Ibid., 481—482.

[5]) Ibid., 498—499.

[6]) Ibid., 503—505.

[7]) Ibid., 539, 543, 585—589, 614, 629, 630, 656, 669, 670.

[8]) *Archives Parlementaires.* V, 49, 95, 110, 133, 149—151, 197, 200 (пятеро перечисленныхъ лицъ „et autres qui ont déclaré ne savoir signer“), 201, 228.

[9]) *Archives Parlementaires.* IV, 592 (Grégy) и т. д. V, 61 (Rueil), 85 (Sainte Aulde et Chamoust), 111 (Sarcelles), 115 (Savigny sur Orge), 116 (Sceaux-Penthièvre),

нѣкоторыхъ случаяхъ имѣется указаніе, что такихъ лицъ было очень много; напримѣръ, въ наказѣ Conflans заявлено, что онъ подписанъ присутствующими, „excepté ceux qui ne savent pas signer et qui etaient en grand nombre" [1]). Это и неудивительно, если въ Cour-Neuve даже лицо, причастное къ мѣстному управленію, оказалось неграмотнымъ [2]).

Подъ самымъ Парижемъ, во второстепенныхъ бальяжахъ Версали и Медона повторяется та же картина: въ Montigny (52 дыма, 235 жителей) 14 подписей и семеро безграмотныхъ, въ Буживалѣ (Bougival) 4 безграмотныя женщины участвовали въ приходскомъ собраніи, въ Bailly (100 дымовъ, 450 жителей) 18 подписей и 10 (имя рекъ) безграмотныхъ, въ Port Marly—свыше четырехъ безграмотныхъ, въ Voisins le Bretonneux (45 дымовъ, 210 жителей) 11 подписей и семеро (имя рекъ) „не умѣли подписаться", въ Saint Cyr (190 дымовъ, 860 человѣкъ) 33 подписи и 30 неграмотныхъ, въ Chaville (180 дымовъ, 820 человѣкъ) — пять неграмотныхъ [3]). Неграмотенъ же оказался одинъ изъ представителей Viroflay въ Медонскомъ бальяжѣ [4]). Такимъ образомъ даже въ окрестностяхъ Парижа было во всякомъ случаѣ много людей, не умѣвшихъ подписать свое имя.

При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ приходскихъ собраніяхъ участвовала едва десятая часть всего населенія Франціи, соста-

---

141 (Tremblay) 180 (Verrières). Впрочемъ возможно, что подобныя глухія упоминанія заимствованы изъ печатныхъ бланковъ протоколовъ и не являются свидѣтельствомъ о наличности безграмотныхъ.

[1]) *Archives Parlementaires*. IV, 458. См. также (497—498) Ecagny sur Oise: „et ont signé excepté ceux qui ne le savent, qui étaient en grand nombre et nommés au procés verbal". (600—605) Herblay: „signé à l'exception de ceux qui ne savent le faire et qui étaient en grand nombre". (625) Jouy-le-Moutier: „et grand nombre qui ont déclaré ne le savoir". Въ Lessart (643) подписались только трое, „les autres habitants ayant déclaré ne savoir écrire ni signer".

[2]) *Archives Parlementaires* IV, 475. Toussaint Cousin, municipal, a déclaré ne savoir signer.

[3]) *Thénard*. Bailliages de Versailles et de Meudon. Cahiers des paroisses. (Versailles 1899). 33—39, 46—55, 97—99, 132—136. (четверо, имя рекъ, „et autres, qui déclarent ne savoir signer ni écrire"). 142—167, 175—187, 271—277. Какъ видно, усердіе избирателей въ смыслѣ посѣщенія приходскихъ собраній было не выше средняго въ окрестностяхъ Парижа. Въ этомъ отношеніи, кромѣ указанныхъ уже данныхъ, можно отмѣтить: ville d'Avray (13), гдѣ на 86 дымовъ (380 человѣкъ) явилось 18 избирателей, Chesnay (7—12), гдѣ на 90 дымовъ явилось 15 человѣкъ.

[4]) Ibidem, 268.

влявшая сравнительно наиболѣе вліятельное и образованное меньшинство. Еще больше былъ, очевидно, процентъ безграмотныхъ въ средѣ той темной массы, которая осталась въ сторонѣ отъ выборовъ.

Это обстоятельство какъ будто упустили изъ виду тѣ историки, которые утверждаютъ, на основаніи именно этихъ самыхъ подписей подъ наказами, что народное образованіе было въ достаточной мѣрѣ распространено въ 1789 году.

Ученый издатель наказовъ Алансонскаго бальяжа, Duval находитъ, что число подписей подъ приходскими наказами этого округа гораздо значительнѣе, чѣмъ можно предполагать [1]). Не знаемъ, о какихъ предположеніяхъ здѣсь идетъ рѣчь, но во всякомъ случаѣ наказы, изданные Дювалемъ, свидѣтельствуютъ о значительномъ процентѣ неграмотныхъ несмотря на то, что, по заявленію того же историка, нормандскій крестьянинъ, болѣе, чѣмъ какой-либо другой, заботился (изъ личной выгоды), чтобы сынъ его получилъ образованіе [2]). Присутствіе неграмотныхъ избирателей оставило слѣдъ во многихъ приходахъ [3]), при чемъ въ Gaudelain такихъ безграмотныхъ оказалось множество (quantité), въ Hesloup на 7 подписавшихся—2, а въ Rouperroux (97 дымовъ) на 20 подписавшихся 22 человѣка [4]).

По отношенію къ Ланскому округу Combier также утверждаетъ, что „число лицъ, умѣющихъ подписаться, довольно значительно" [5]), такъ какъ въ 247 приходахъ главнаго округа (Laon) 7.919 человѣкъ, по его словамъ, приняли участіе на выборахъ, а изъ нихъ 5.671 человѣкъ, т. е., болѣе двухъ третей, расписались на протоколахъ и наказахъ. Если принять во вниманіе, что, по заявленію того же ученаго, эти участники первичныхъ собраній въ 247 приходахъ составляли одну десятую часть населенія, то выходитъ, что одна пятнадцатая часть всего населенія Ланскаго округа могла подписать свое имя.

Оставляемъ этотъ выводъ на отвѣтственности названнаго ученаго, но даже если бы приведенное вычисленіе представляло установленный

---

[1]) *Duval*. Cahiers des doléances du bailliage d'Alençon (Alençon 1887) Préface XI „le nombre des personnes sachant écrire et ayant apposé leur signature au bas du cahier de leur paroisse est beaucoup plus considérable qu'on ne serait peut être tenté de le supposer".

[2]) Ibidem, примѣчаніе 1.

[3]) Cuissai, Damigni, Hauterive, Lacelle, Marchemaison, Montmerrei, La Roche—Mabille, Saint Nicolas des Bois, Tanville, Vaudes.

[4]) Ibid. 170—172. 184—185, 315—323.

[5]) *Combier*. Cahiers du Tiers Etat du bailliage de Laon (Senlis 1889). 96, 97.

научный выводъ, тѣмъ не менѣе оно не противорѣчитъ вынесенному нами впечатлѣнію о значительности числа безграмотныхъ наканунѣ крушенія стараго порядка. Не говоря уже о пестротѣ, свойственной старому порядку во Франціи, состояніе грамотности было разумѣется весьма различное, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій.

Въ Оксерскомъ округѣ, представляющемъ также мѣстность не глухую, число лицъ, подписавшихся подъ протоколами и наказами, дѣйствительно довольно значительно, хотя тутъ же упоминаются наряду съ ними безграмотные избиратели [1]).

Въ Аміенскомъ и Этампскомъ округахъ изданные тексты наказовъ содержатъ только единичные намеки на участіе безграмотныхъ въ приходскихъ собраніяхъ [2]), но это разумѣется еще ничего не доказываетъ, не только по отношенію къ общему вопросу о грамотности въ 1789 г., но и относительно даннаго округа, пока вопросъ не будетъ разслѣдованъ на основаніи сыраго матеріала и по строгому методу, главныя основанія котораго выработаны въ настоящемъ трудѣ.

Тѣмъ не менѣе уже теперь можетъ считаться доказаннымъ, что число безграмотныхъ было во всякомъ случаѣ значительно, если даже въ Парижскомъ округѣ, въ двухъ шагахъ отъ столицы народное образованіе оказалось въ столь незавидномъ положеніи.

Въ Аррасскомъ округѣ также довольно много слѣдовъ безграмотности: депутаты, не умѣвшіе подписать свое имя, ставили кресты или отмѣтки (marque). Въ наказахъ Courchelette-les-Lambres и города Saint Pol сохранилось по одной такой отмѣткѣ [3]), въ Glominghem et

---

[1]) *Demay*. Cahiers des paroisses du bailliage d'Auxerre. (Auxerre 1885). 91. Bleigny. 101. Branches. 124. Chassy. 162. Coulangeron. 173. Crain. 233—236. Givry (очень много неграмотныхъ). 264. Jussy. 271. Lalande. 277. Leugny. 311. Mailly-la-Ville. 322. Merry-Sec. 333. Monéteau. 338. Montillot. 340. Mouffy. 348. Ouaine. 362. Poissy. 385. Saint Cyr-les-Colons. 387. Entrains. 389. Sainte Colombe. 407. Saint Martin sur Ocre. 416. Sementron. 443. Treigny. Въ большей части приходовъ безграмотные составляли значительную часть собранія, судя по распространенному выраженію наказовъ: „et ont tous lesdits habitants déclaré ne savoir signer, à la réserve (sauf) des soussignés".

[2]) *Durand*. Documents pour servir à l'histoire de la Révolution dans le département de la Somme. 1. Etats Généraux de 1789. (Amiens 1888). 139—146. Havernas. 237—249. Talmas. 260—267. Vignacourt. *Legrand et Marquis*. II. 355—359. Въ деревнѣ Moulineux (20 дымовъ) изъ 6 явившихся избирателей только трое были грамотны. 401—409. Въ Saclas (600 жителей) изъ 36 избирателей только 18 могли подписаться: они представляли „tous ceux qui savent signer". 438—442. Въ Thionville (85 жителей) изъ 12 избирателей подписались только 9.

[3]) *Loriquet*, I, 258, 558.

Flamenchon—7, Goeulzin—6, Marquion—8, Vimy—6, Sauchy-Lestrée 19 „marques“ [1]). Въ Achiet-le-Petit поименовано 17 человѣкъ, не умѣвшихъ подписать свое имя (при 31 подписи), въ Орру (83 дыма)—14 безграмотныхъ на 35 подписей [2]), въ Cagnicourt (180 дымовъ) на 45 присутствующихъ только 35 подписей, въ Hauteville (67 дымовъ) 18 человѣкъ подписалось, а 16 были неграмотны [3]). Подобныя же отрывочныя данныя можно отмѣтить повсюду при бѣгломъ даже обозрѣніи уже изданнаго или разобраннаго матеріала [4]).

Въ Chevannes, деревнѣ Немурскаго округа, избравшей въ депутаты извѣстнаго физіократа Dupont de Nemours, подписаться умѣли только 10 человѣкъ (въ томъ числѣ синдикъ, священникъ, секретарь и самъ Дюпонъ), а 37 человѣкъ отмѣтили свое присутствіе крестами [5]). Неудивительно, если въ глухомъ Пуату безграмотные избиратели отмѣчаются въ деревняхъ Jouhet [6]), Rocheservière [7]) и т. д. На югѣ, въ Эсской сенешоссеѣ въ мѣстечкѣ Puyloubier приходское собраніе составили 27 грамотныхъ и 85 неграмотныхъ [8]), въ Villeneuve-Coutelas грамотны были только судья и два избранныхъ депутата [9]), въ Artigues изъ 35 присутствовавшихъ могли распи-

---

[1]) Ibidem, 297—300, 302, 400, 508—511, 532—535.

[2]) Ibidem, 136—138. 442—445.

[3]) Ibidem, 237—240, 343.

[4]) *Rumeau.* Cahiers de doléances de Launac et de Thil (Toulouse 1892). Въ Launac на 83 присутствующихъ подписалось лишь 22 человѣка. *La Jonquière.* Cahiers de 1789 dans la sénéchaussée de Castres (Paris 1867) 32. Въ Alban (42 дыма) на 38 присутствующихъ подписалось лишь 16. Не слѣдуетъ однако забывать, какъ выше было указано, что не всегда отсутствіе подписи означаетъ неграмотность: для вывода въ послѣднемъ отношеніи нужно спеціальное указаніе въ протоколѣ или наказѣ. *Chevreux.* I, (Epinal) 14. La Baffe.

[5]) *Archives Parlementaires* IV, 228. 10 именъ лицъ, „qui ont signé“ и 37, „qui ont mis leurs marques ici“. *Champion.* La France d'après les cahiers de 1789. 209. *Aulard.* L'idée républicaine et démocratique avant 1789. („Révolution Française“ отъ 14-го іюля 1898 г., стр. 38). Итого, говоритъ Оларъ, 79 % безграмотныхъ.

[6]) Archiv. Nat. Ba 69, l. 162, 6°. B III 168, 854. Въ концѣ наказа приведены имена 15 жителей, въ томъ числѣ синдика—Félix Dupin, commis par la communauté pour signer ce cahier, tous les autres habitants de la paroisse, qui ne savent pas écrire, présents et approuvant.

[7]) *Dugast-Matifeux.* Documents relatifs aux Etats Généraux (Bas Poitou). Fontenay 1850. Протоколъ Notre Dame et Saint Sauveur de Rocheservière (4) безграмотные „en grand nombre“.

[8]) *Archives Parlementaires* VI, 387. Le nombre de ceux qui n'ont su signer est de 85. Подписей 27: „ce sont tous les chefs de familles sachant écrire, soussignés“.

[9]) Ibidem., 442—443: „et les habitants n'ayant point signé à cause qu'ils sont illettrés“.

саться только 9 человѣкъ (въ томъ числѣ судья, меръ, два купца, второй консулъ и секретарь) [1]), въ Cabriès изъ 108 человѣкъ только 33 [2]), въ Pennès, Septèmes, Pierrefeu изъ 253 человѣкъ подписались 54 [3]). Въ Драгиньянской сенешоссеѣ въ Verignon подписалось только 14 человѣкъ (въ томъ числѣ судья), а 53 человѣка, въ томъ числѣ два консула, упомянуты поименно какъ безграмотные; въ Flayosc на 460 избирателей умѣли подписаться только 89 человѣкъ [4]).

Наконецъ мѣстами безграмотность была прямо подавляющая. Таковы нѣкоторыя деревни Нижняго Лимузена. Въ Affieux на 40 дымовъ явилось только 18 человѣкъ и всѣ оказались неграмотны: подписаться могъ одинъ лишь предсѣдательствовавшій нотаріусъ, „lesdits comparants et députés ayant déclaré ne savoir signer, de ce anquis" [5]). Въ Allassac на 726 дымовъ явилось 22-го февраля всего 56 человѣкъ, изъ которыхъ подписаться могло всего 14 человѣкъ, сплошь буржуа и судейскіе (et non les autres habitants qui ont déclaré ne savoir signer); когда же, за недостаточностью числа присутствующихъ, собраніе было перенесено на 27-е, а затѣмъ отложено до 1-го марта, то число подписей достигло только 22, несмотря на значительно увеличившійся составъ собранія [6]). Въ Meilhards (55 дымовъ) изъ 33 избирателей подписались всего четверо (судья, синдикъ, мельникъ и секретарь прихода), остальные же заявили о своей безграмотности [7]). Въ Peyrissac на 38 дымовъ явилось 11 человѣкъ, „которые не умѣли подписаться" за исключеніемъ только предсѣдателя—Mauranges, praticien [8]). Въ Saint Bonnet l'Enfantier на 190 дымовъ явилось

---

1) Ibidem., 246. Signé qui a su.

2) Ibidem., 271. Signé par ceux qui ont su.

3) Ibidem., 330—332. Ledit cahier n'a été dressé qu'après avoir entendu tous ceux qui composent le conseil général, au nombre de 253, et après avoir fait lecture de chaque article en français et provençal, oui unanimement, approuvé par acclamations à cris redoublés à chaque article le contenu dudit cahier et ont signé ceux qui l'ont su.

4) *Mireur.* Cahiers des doléances des communautés de Draguignan. 480—482, 186—197. См. также (131), Clavières (321—327), Mons: „les autres chefs de famille n'ont su, de ce requis".

5) *Hugues,* Cahiers des paroisses du Bas Limousin (Tulle. 1892) 2—7.

6) Ibidem, 8—16. Въ послѣднемъ собраніи присоединилось 11 новыхъ именъ, „et autres en grand nombre".

7) Ibidem, 105—108.

8) Ibid., 122—123. „Telles sont les remontrances des habitants... qui n'ont su signer".

всего 22 человѣка, изъ которыхъ подписались только 10 (въ томъ числѣ судья и секретарь), „а не другіе, за неумѣніемъ" писать [1]). Въ Saint Pardoux l'Ortiguier (150 дымовъ) „всѣ собравшіеся избиратели" заявили, что не могутъ подписывать свое имя, за исключеніемъ двухъ, подписавшихся вмѣстѣ съ судьей [2]). Въ сосѣдней Марши, въ collecte de Nouhaud „никто изъ жителей не умѣетъ подписываться"; въ Champnéry протоколъ заканчивается подобнымъ же заявленіемъ [3]).

Въ Верхнемъ Лимузенѣ, подъ самымъ Лиможемъ въ Uzurat (8 дымовъ) всѣ семь избирателей оказались неграмотны [4]).

На югѣ то и дѣло попадаются безграмотные консулы (старосты или городскіе головы). Это обнаружилось, между прочимъ, во время выборовъ въ мѣстечкѣ Pomarède [5]) (округъ Castelnaudary) и деревнѣ Durfort [6]) (Quercy). Въ долинѣ La Valdedagne (Carcassonne) „почти всѣ" жители, жаловавшіеся 11-го марта 1789 г. противъ притѣсненій сеньеровъ, не умѣли писать [7]), а немного южнѣе, въ Серданскомъ округѣ, во многихъ приходахъ трудно, по словамъ лейтенанта „найти одного грамотнаго человѣка" [8]).

---

[1]) *Hugues*, 155—158, „signé de ceux qui savent et non des autres pour ne savoir".

[2]) Ibidem, 168—174, „tous les habitants, ici assemblés, qui ont déclaré ne savoir signer, sauf J. Péjoine et G. Poncharel". Въ Saint Solve (180—185) на 120 дымовъ явилось много народу („et autres"), а подписаться умѣли только 18 человѣкъ, „les autres ont déclaré ne le savoir".

[3]) *Duval*, Cahiers de la Marche. 175—176, „aucun des habitants ne savent signer" 86 (bis) „Les habitants ne savent signer".

[4]) *Archives Révolutionnaires de la Haute Vienne* (Leroux). I. Doléances paroissiales. 83—87. Въ протоколѣ и наказѣ этого поселка трижды заявляется, что никто изъ жителей не могъ подписаться, почему руку приложилъ только предсѣдатель, адвокатъ Crouchaud изъ Лиможа. См. также (51) Oradour-Saint-Genest.

[5]) Archiv. Nat. Ba 30, l. 52, 3°. B III, 42, 127. Протоколъ окружнаго собранія, на которомъ признаны недѣйствительными выборы въ Pomarède, ибо протоколъ прихода „Signée du premier consul, tandis qu'il est évident et reconnu que ledit consul ne sçait pas signer".

[6]) B III, 126, 747—761. Mémoire contenant plainte pour le sieur Andrieu consul et collecteur de la communauté de Durfort. Консулъ не могъ подписать этой жалобы за неграмотностью.

[7]) Archiv. Nat. B III, 169, 294, жалоба отъ 15-го марта за подписью Dubonnet, avocat pour les suppliants prèsque tous illettrés... excepté un des plus lésés d'Arquettes, nommé Simon Combes, lequel a signé.

[8]) Archiv. Nat. B III, 120, 517, письмо 8-го апрѣля: „j'ai nombre de communautés dans lesquelles il serait difficile de trouver un homme lettré„.

Послѣ всего сказаннаго нѣтъ нужды развивать далѣе доказательствъ наличности повсемѣстно наблюдаемаго неумѣнія подписать даже свое имя [1]). Это являлось конкретнымъ, точно исчислимымъ и осязательнымъ показателемъ народнаго невѣжества.

Впрочемъ и самая грамотность тѣхъ лицъ, которыя подписывались подъ протоколами и наказами, не можетъ считаться сама по себѣ признакомъ образованія. Въ виду плохой постановки школьнаго дѣла, предоставленнаго на произволъ судьбы, образованіе, пріобрѣтавшееся въ сельской Франціи, ограничивалось элементарной грамотой, на которую былъ уже спросъ изъ экономическихъ соображеній. „Безъ письменности общество больше не можетъ существовать", писалъ сельскій священникъ въ 1787 году, прибавляя, что „нормандскій мужикъ обыкновенно хлопочетъ объ обученіи своего сына грамотѣ" изъ мотивовъ интереса [2]).

Комбье, находящій число грамотныхъ въ 1789 г. довольно значительнымъ, оговаривается, что это были главнымъ образомъ лица, занимающіеся торговлей: „читать и писать полезно въ коммерціи", что же касается земледѣльца, то у него этой потребности не могло быть: „онъ не торгуетъ" [3]). А между тѣмъ земледѣльцы являлись большинствомъ, купцы же меньшинствомъ въ населеніи Франціи.

Впрочемъ самый характеръ подписей подъ протоколами и наказами свидѣтельствуетъ о слабомъ развитіи элементарнаго обученія. На это обстоятельство обратилъ вниманіе Тенаръ, при пересмотрѣ наказовъ второстепенныхъ бальяжей Парижскаго округа: многія подписи выведены такой неувѣренной рукой, что ясно показываютъ неумѣніе писать въ собственномъ смыслѣ. Люди, съ тру-

---

[1]) Указанныя цифры приведены въ сыромъ видѣ безъ всякой попытки статистическаго ихъ изученія, такъ какъ всѣ эти данныя, при всемъ ихъ краснорѣчіи, слишкомъ отрывочны. Выведеніе среднихъ цифръ являлось бы при этихъ условіяхъ злоупотребленіемъ статистическимъ методомъ.

[2]) *Duval.* Cahiers des doléances du bailliage d'Alençon. Préface XI. Ссылка на книгу Gautier, curé de la Lande de Gul: „Essai sur les moeurs champêtres".— (162) „il est indispensable qu'il sache écrire, signer son nom à la porte de l'eglise, dans les délibérations, faire un billet de 5 sols, un bon marché double avec un maçon, pour la réparation d'un mur; un bon écrit, c'est là ce qui lie les hommes; sans l'écriture la société ne peut plus exister".

[3]) *Combier.* Cahiers du tiers état du bailliage de Laon. 97. Le nombre des personnes sachant signer est assez élevé. Il est remarquable que ce sont surtout les marchands qui savent écrire; lire et écrire est utile à leur commerce. Mais le petit ou le moyen propriétaire, celui qui vit sur sa terre et de sa terre... a moins besoin de savoir écrire; il ne trafique pas".

домъ чертившіе эти каракульки, не умѣли держать въ рукахъ перо и болѣе рисовали буквы, чѣмъ писали свои имена.

Въ наказѣ прихода Chesnay изъ 11 подписей (на 15 избирателей), только 4 или 5 написаны опытной рукой (une main exercée), въ Port-Marly изъ 36 надписей половину невозможно разобрать (illisibles), въ Marly le Roi то же самое, въ Buc большинство подписей „плохи и свидѣтельствуютъ о знаніи едва первыхъ элементовъ“ грамоты, въ Chaville большинство подписей „свидѣтельствуютъ объ отсутствіи образованія“, въ Saint Syr большая часть, въ Meudon три четверти подписей, въ Bougival болѣе половины подписей плохи, въ Clamart нѣсколько едва разборчивыхъ подписей, въ Bois d'Arcy изъ 29 подписей 11 „обнаруживаютъ полное отсутствіе образованія“, въ Rennemoulin только подпись синдика прилична (convenable), остальныя же „обнаруживаютъ абсолютное отсутствіе образованія“ [1]).

По впечатлѣнію, вынесенному Тэномъ изъ данныхъ о положеніи французскаго крестьянина передъ переворотомъ, мужикъ былъ подобенъ волу или ослу и „имѣлъ идеи“ свойственныя такому положенію; „не было мѣста въ подобныхъ головахъ для отвлеченныхъ представленій... Прежде чѣмъ пустить корни въ ихъ мозгу, всякая идея должна стать легендой, столь же безсмысленной, сколь простой, приспособленной къ ихъ опыту, способностямъ, страхамъ, надеждамъ.... Судите по этому объ ихъ политическомъ смыслѣ. Всѣ предметы кажутся имъ въ ложномъ свѣтѣ, подумаешь дѣти, которыя на каждомъ поворотѣ дороги видятъ въ деревѣ, въ кустѣ страшилище... Въ нихъ нѣтъ внутренняго орудія для разбора и расчлененія; они думаютъ par blocs (полосами); фактъ и мечта являются для нихъ слитыми въ одно цѣлое“ [2]).

Жалобы приходскихъ и окружныхъ наказовъ на невѣжество народа такъ многочисленны и настоятельны, что не можетъ быть по этому предмету двухъ мнѣній, даже если допустить не обоснован-

---

[1]) *Thénard.* Bailliages de Versailles et de Meudon. 7—12, 46—55, 67—71, 87—89, 132—136, 138—141, 168—174, 175—187, 271—297. *Champion.* La France d'après les cahiers de 1789. 210.

[2]) *Taine.* Ancien Régime 489. Дюваль (Cahiers d'Alençon. Préface VIII) называетъ это каррикатурой, но не показываетъ, въ чемъ Тэнъ ошибался? По нашему крайнему разумѣнію каррикатуры тутъ нѣтъ, а представленъ яркій и въ общемъ вѣрный образъ. Вѣдь дѣло идетъ здѣсь не объ обыденномъ здравомъ смыслѣ, житейской мудрости и наблюдательности, а о бѣдности отвлеченными представленіями. Напримѣръ, значеніе произвола, какъ общаго понятія, было недоступно ихъ пониманію, а между тѣмъ на каждомъ шагу крестьяне жаловались на конкретныя проявленія этого произвола.

ное предположеніе о сравнительно высокомъ уровнѣ элементарной грамотности. Жалобы на крайнее невѣжество (ignorance crasse) народа раздаются повсюду, даже вблизи сада Франціи—Турени въ устахъ депутата на окружномъ собраніи Сомюра [1]).

Пять лѣтъ спустя аббатъ Грегуаръ говорилъ (16-го мая 1794 г.) передъ Конвентомъ, что въ нѣкоторыхъ деревняхъ слово „décret" поняли, какъ приказъ объ арестѣ (décret de prise de corps), и ждали декрета объ убіеніи всѣхъ привилегированныхъ; въ одной деревнѣ граждане говорили: „вѣдь было бы однако жестоко убивать M. Geffry; по крайней мѣрѣ не нужно подвергать его истязаніямъ" [2]).

„Знайте, граждане, воскликнулъ тотъ же ораторъ, знайте, что невѣжественный народъ никогда не будетъ свободнымъ народомъ или недолго таковымъ останется" [3]). Предсказаніе это сбылось до нѣкоторой степени. Не примѣнимо ли оно и къ событіямъ предшествующей эпохи, между прочимъ къ наказамъ 1789 года? Могутъ ли мысли и желанія невѣжественнаго народа лежать въ основаніи этого замѣчательнаго памятника политической мысли XVIII вѣка?

Вотъ краеугольный вопросъ, такова загадка сфинкса для всякаго изслѣдователя, желающаго *научно* и безъ недомолвокъ оцѣнить наказы 1789 года. Вопросъ этотъ сейчасъ, при современномъ состояніи изученія предмета, разрѣшить немыслимо.

Тѣмъ не менѣе необходимо его ставить круто и прямо. Указанныя соображенія нужно имѣть въ виду при каждомъ сомнѣніи, возникающемъ на скользкомъ пути изученія приходскихъ наказовъ.

А. Ону.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Archiv. Nat. B III, 140, 546—622, (553). Discours de M. Rossignol du Parc, notaire, greffier en chef d'Election et grenier à sel, à l'occasion de la réduction des Cahiers, 5 Mars (Saumur): l'éducation des enfants de l'Etat et des fils de pauvres citoyens est négligée. Le peuple vit encores dans une ignorance crasse. La société éprouve journellement les tristes effets du défaut d'éducation chez les hommes du peuple. C'est dans cette classe pauvre et ignorante que se trouvent les perturbateurs du repos public.

[2]) *Gazier*. Revue des langues romanes t. XV, 1879. 198, 199: telle était l'ignorance de quelques communes... que, confondant toutes les notions, associant des idées incohérentes et absurdes, elles s'étaient persuadé que le mot *décret* signifiait un *décret de prise* de corps; qu'en conséquence devait intervenir un décret pour tuer tous les ci-devant privilégiés... Dans une commune les citoyens disaient: „Ce serait pourtant bien dur de tuer M. Geffry; mais au moins il ne faudrait pas le faire souffrir". См. также стр. 201, 202.

[3]) *Hippolyte Carnot*. Mémoires de Grégoire (Paris. 1837), I, 75.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Критико-библіографическій обзоръ Пушкинской юбилейной литературы 1899—1900 гг. [1]).

V.

Характеристики Пушкина.

Отдѣлъ, къ которому мы приступаемъ теперь, несомнѣнно, одинъ изъ важнѣйшихъ въ юбилейной литературѣ,—постигнуть внутренній обликъ родоначальника русской поэзіи—безъ сомнѣнія, задача первостепенной важности. Интересно, что задача эта еще очень недавно стала занимать умы русскихъ людей. Правда, отдѣльныя попытки обрисовать образъ поэта дѣлались и раньше [2]), но только въ наши дни встрѣчаемъ мы ясно выразившуюся и въ біографіяхъ, и въ монографіяхъ потребность уяснить себѣ Пушкина, какъ человѣка, носителя опредѣленныхъ идеаловъ.

Къ сожалѣнію, почти всѣ эти юбилейныя характеристики страдаютъ однимъ общимъ недостаткомъ: онѣ построены исключительно на произведеніяхъ поэта, произведеніяхъ, къ тому же искусственно подтасованныхъ согласно вкусамъ и симпатіямъ изслѣдователей,—

---

[1]) *Продолженіе.* См. майскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1901 годъ.

[2]) Напр., работа *В. В. Никольскаго*, „Идеалы Пушкина“ („*Христ. Чтеніе*“, 1881 г. № 3—4; въ 1899 г. вышла эта работа 3-мъ и 4-мъ изд.).

вслѣдствіе чего Пушкинъ черезъ силу втискивался въ рамки, уже заранѣе приготовленныя — и, въ результатѣ, у одного изслѣдователя нашъ поэтъ оказался „радикаломъ", у другого—„консерваторомъ", у третьяго — человѣкомъ „религіознымъ", у четвертаго — „безбожникомъ" [1])... Интересно, что всѣ эти характеристики, украшенныя цитатами изъ Пушкина, иногда довольно убѣдительны, если взять ихъ отдѣльно, — вмѣстѣ же взятыя, онѣ производятъ впечатлѣніе такой пестроты, что сложный образъ поэта, требующій болѣе осторожнаго съ нимъ обращенія, отъ такихъ характеристикъ еще болѣе затемняется, — въ результатѣ, передъ нами мелькаютъ, какъ въ калейдоскопѣ,—Ивановъ-Пушкинъ, Петровъ-Пушкинъ, Сидоровъ-Пушкинъ,— а А. С. Пушкинъ остается, увы, неуловимымъ! Происходитъ это потому, что къ его личности никто не подходитъ безпристрастно, безъ желанія „оправдать" его, или „осудить", „взять къ себѣ" или „оттолкнуть"... Оттого изъ этихъ „характеристикъ" мы чаще всего узнаемъ убѣжденія и вѣрованія ихъ авторовъ, что, признаться, не всегда интересно, — и видимъ, увы, искалѣченнаго А. С. Пушкина!

Думается намъ, что „характеристики" литераторовъ должно строить совсѣмъ на другихъ началахъ. Но даже если пользоваться для этого произведеніемъ, то прежде надо *понять* это произведеніе, не довольствуясь *своимъ* толкованіемъ его и не навязывая *своихъ* толкованій *поэту*,— *понять*, т. е. вѣрно раскрыть художественные замыслы поэта, а для этого уяснить себѣ процессъ его творчества, заглянуть въ его душу вооружась знаніемъ не только коренныхъ постоянныхъ чертъ ея, но и тѣхъ случайныхъ, наносныхъ, которыя могутъ быть ей присущи... Впрочемъ жизнь поэта, его письма, воспоминанія о немъ—дадутъ намъ это знаніе вѣрнѣе, чѣмъ его произведенія, которыя сами не могутъ быть правильно поняты безъ знанія ихъ творца. Такимъ образомъ, на нашъ взглядъ, характеристики должны строиться строго индуктивнымъ путемъ, а отнюдь не состоять въ доказательствѣ предвзятыхъ взглядовъ.

Прежде всего, коренная особенность Пушкина это та „многогранность", которая дѣлала его душу способной на *всѣ*, порою даже взаимно противоположныя, движенія, — эта особенность сама собою,

---

[1]) Судить автора, исходя только изъ его произведеній, значитъ очень облегчить себѣ работу: не трудно *предположить*, что *хотѣлъ* (!) сказать авторъ въ извѣстномъ произведеніи, и потомъ отсюда заключить (уже не предположительно), каковы его убѣжденія, каковъ онъ. Оттого-то изъ тѣхъ же статей о Радищевѣ одни выводятъ заключеніе, что Пушкинъ—радикалъ, - другіе, что консерваторъ.

исключаетъ всякую идейную „узость“, необходимое условіе всякаго строго-послѣдовательнаго міросозерцанія. Во-вторыхъ, Пушкинъ былъ тѣмъ, что обыкновенно называютъ „художественная натура“, т. е. обладалъ той чуткой организаціей духа, при которой *всѣ* впечатлѣнія бытія проникаютъ въ сознаніе человѣка почти исключительно при посредствѣ „эстетическихъ эмоцій“. Ни одно впечатлѣніе, *выразившееся* въ *его творчествѣ*, не прошло мимо этой его способности. Онъ, какъ художникъ, переживаетъ религіозныя эмоціи (ср. „Мадонна“), какъ художникъ, переживаетъ патріотическія настроенія, и восхищеніе монархами, и свободолюбивыя мечты... Нельзя поэтому рядить его въ рясу приходскаго священника, вздѣвать на него тогу трибуна, или форменный мундиръ,—нельзя забывать въ немъ художника, готоваго пролить слезы „надъ вымысломъ“ своей же фантазіи, готоваго преклониться передъ тѣмъ „обманомъ“, который, по чему бы то ни было, показался ему въ данный моментъ „возвышающимъ“! Изъ этихъ двухъ особенностей вытекаетъ „независимость“ его духа: какъ не подчиняется онъ одной идеѣ, такъ никогда не поглощается однимъ чувствомъ: ни лицейскій мундиръ, ни камеръ-юнкерскій не сковали его свободы,—русское общество съ его Воронцовыми и Бенкендорфами не смогли нивеллировать поэта: онъ остался свободнымъ, независимымъ и *разнообразнымъ*. Это *разнообразіе* мотивовъ въ его творчествѣ,—особенность, вытекающая изъ многосторонности его души и той чуткости, съ которою его эстетическая натура отзывалась на самыя разнообразныя впечатлѣнія. Чуткость его души приводила поэта къ тому, что онъ многое творилъ подъ впечатлѣніемъ *мгновенія*,—оттого столько противорѣчій можно найти въ его произведеніяхъ, противорѣчій, мимо которыхъ съ спокойной совѣстью прошли почти всѣ авторы юбилейныхъ характеристикъ [1])!

Мы считали необходимымъ сдѣлать это небольшое введеніе, чтобы установить черты пушкинскаго облика, которыхъ нельзя миновать при опредѣленіи той психологической почвы, въ которой коренилась духовная жизнь поэта.

Обращаясь къ этому отдѣлу пушкинской литературы, мы сначала разсмотримъ работы *общаго* характера, а затѣмъ болѣе *частнаго*

---

[1]) Подробнѣе см. въ нашей статьѣ: *В. В. Сиповскій*, „Пушкинъ по его письмамъ“ („Сборникъ памяти Л. Н. Майкова“—нах. въ печати).

(„Пушкинъ съ религіозной стороны“, „Пушкинъ, какъ общественный дѣятель“ и т. д.) [1]).

Прежде всего намъ необходимо остановиться на работѣ г. Никольскаго [2]); хотя она и не представляетъ новинки, такъ какъ выходитъ въ юбилейномъ году 3-мъ и 4-мъ изданіемъ, однако ей суждено было въ наши дни сыграть роль кодекса, откуда обильно черпали многіе авторы пушкинскихъ „характеристикъ“.

Нельзя не признать за работой г. Никольскаго нѣкоторыхъ достоинствъ. Авторъ, повидимому, искренне любитъ поэта, но, къ сожалѣнію, не въ настоящемъ его видѣ, а въ идеализированномъ,—оттого характеристика поэта, выражаясь словами самого же Пушкина, оказывается „насъ возвышающимъ обманомъ“, а самъ великій поэтъ является какимъ-то напомаженнымъ, гладко причесаннымъ и затянутымъ. Произошло это потому, что г. Никольскій очень односторонне нарисовалъ дорогой намъ образъ; это сдѣлать онъ, пожалуй, и имѣлъ бы право, такъ какъ обѣщалъ говорить только объ „идеалахъ“ Пушкина,—но, опустивъ изъ виду нѣкоторыя черты пушкинскаго характера (его легкую воспріимчивость къ самымъ разнообразнымъ впечатлѣніямъ, независимость его духа, эстетичность его натуры),—онъ въ кодексъ „идеаловъ“ возвелъ такія идеи, которыя иногда только мелькали у Пушкина, но отнюдь не составляли основъ его міровоззрѣнія. Такъ, заявленіе автора, что Пушкинъ „сталъ проникаться церковностью“ [3]), кажется намъ большимъ преувеличеніемъ. Чтеніе житій святыхъ, Библіи, переложеніе нѣкоторыхъ молитвъ,—все можетъ быть объяснено высокимъ эстетическимъ вкусомъ поэта, находившимъ красоты въ церковной поэзіи. Развѣ не о такой точкѣ зрѣнія говоритъ намъ его отзывъ объ Евангеліи,—что это—„вѣчно новая *прелесть*“ [4]), что „божественное *краснорѣчіе*“ его увлекательно [5]), что каждое выраженіе евангельское обратилось въ „пословицу народовъ“ [6])? Развѣ

---

[1]) Въ виду того, что почти всѣ характеристики написаны на основаніи литературныхъ произведеній поэта, мы въ этотъ отдѣлъ включили и обозрѣніе статей, носящихъ названіе, даже такое: „Религіозная сторона произведеній Пушкина“,—такъ какъ авторы подобныхъ статей, исходя изъ произведеній Пушкина, обыкновенно, въ концѣ концовъ, говорили о поэтѣ, какъ человѣкѣ.

[2]) *В. В. Никольскій*, „Идеалы Пушкина“, Спб. 1899, 3-е изд. и 4-е.

[3]) Тамъ же, 89.

[4]) Соч. Пушкина, V, 340.

[5]) Тамъ же.

[6]) Тамъ же.

здѣсь не восторгъ художника, преклоняющагося передъ возвышенной поэзіей святой книги, передъ ея стилемъ, передъ дивнымъ воплощеніемъ высокихъ идей въ бѣдной человѣческой рѣчи? Развѣ не съ такой же художественной точки зрѣнія смотрѣлъ Пушкинъ на житія, эти произведенія, эстетическая цѣнность которыхъ ждетъ еще судьи? Развѣ въ „Пророкѣ" Пушкина не рисуется намъ прежде всего художникъ, постигшій красоту библейскихъ видѣній? Не желая, впрочемъ, отрицать вовсе религіозности Пушкина, мы всѣми этими замѣчаніями хотѣли только сказать, что въ стихотворныхъ произведеніяхъ его на религіозные мотивы нельзя замалчивать *художника прежде всего*. Другой крупный недостатокъ г. Никольскаго—это славянофильское преклоненіе передъ добродѣтелями русскаго человѣка. Такъ, напримѣръ, слова черкешенки изъ „Кавказскаго плѣнника":

Ты любилъ другую?
Найди ее, люби ее!
Прости,—любви благословенья
Съ тобою будутъ каждый часъ!—

вызываютъ у г. Никольскаго восторженное восклицаніе: „это настоящая русская женщина, для которой права другого сердца дороже ея собственнаго счастья" [1])! Точно такихъ же женщинъ нѣтъ нигдѣ, кромѣ Россіи! Точно въ Россіи нѣтъ женщинъ другого типа!

Говоря объ „идеалѣ царской власти", г. Никольскій, на нашъ взглядъ, совсѣмъ невѣрно рисуетъ отношенія поэта къ Императору Николаю, отношенія, какъ извѣстно, неровныя и отнюдь ничего общаго не имѣющія съ отношеніями къ царю „русскаго народа". „Императоръ Николай, говоритъ г. Никольскій, имѣлъ одинъ недостатокъ—это тотъ избытокъ благородства, который даже у заклятыхъ враговъ исторгнулъ ему наименованіе рыцаря. Пушкинъ никогда не измѣнилъ своему чувству любви, и вѣра его была оправдана, когда онъ зналъ, что въ поздній полуночный часъ царь не спитъ, ожидая извѣстій о его болѣзни, когда онъ держалъ въ рукахъ собственноручную записку царя, начинавшуюся словами: „любезный другъ Александръ Сергѣевичъ" [2]). Г. Никольскій сознательно опустилъ изъ біографіи Пушкина рядъ фактовъ, очень характерныхъ, только подъ вліяніемъ словъ нашего писателя, что „душа человѣка есть недоступное хранилище его помысловъ: если самъ онъ таитъ ихъ, то ни коварный глазъ не-

---

[1]) Никольскій, op. cit., 40.
[2]) Тамъ же, 75—6.

пріязни. ни предупредительный взоръ дружбы не могутъ проникнуть въ сіе хранилище. И какъ судить о свойствахъ и образѣ мыслей человѣка по наружнымъ его дѣйствіямъ?..“ [1]). Поэтому г. Никольскій счелъ себя въ правѣ „отбросить все то, что наиболѣе бросается въ глаза въ его жизни и, сколько можно внимательнѣе, присматриваться къ тому, что, затаенное въ глубинѣ души, только украдкою сказывалось въ его интимныхъ отношеніяхъ“ [2]). Относительно такого пріема, можно только сказать, что, если трудно проникнуть въ „душу человѣка“, руководясь „наружными его дѣйствіями“, то едва-ли легче разсмотрѣть „затаенное въ душѣ“ [3]), и напрасно за это авторъ берется. Заключеніе г. Никольскаго таково: „Семья, общество, жизнь наложили на его свѣтлую, чистую душу свой рисунокъ беззаконный, но силой упорнаго труда, могучею дѣятельностью своего духа онъ сбросилъ „ветхую чешую“ „чуждыхъ красокъ“ и блеснулъ красотою первоначальныхъ, чистыхъ видѣній въ созданіяхъ своего генія. Цѣною глубокаго раскаянія (!) и горькихъ слезъ (!!) искупилъ онъ заблужденія своей юности и, выйдя на царскій (?) путь, куда звало его „Божье велѣнье“, онъ въ дивныхъ поэтическихъ глаголахъ высказалъ завѣтныя вѣрованія русскаго народа, его глубокую привязанность къ своимъ вѣковымъ учрежденіямъ, его высокую вѣру въ идеалъ царя, отмстителя неправдамъ, защитника угнетеннымъ, милосердаго къ падшимъ. Онъ вѣрилъ въ высокое историческое предназначеніе страны своей родной, онъ честно и нелицемѣрно принесъ ей на служеніе свой талантъ, свои силы, свой трудъ“ [4]) и т. д.

Къ взглядамъ г. Никольскаго непосредственно примыкаетъ г. Рождественскій [5]). Онъ только развиваетъ и дополняетъ мысли г. Никольскаго кое-какими своими соображеніями, идя по тому пути, на который толкнулъ его г. Никольскій: если тотъ очень осторожно „извинилъ“ Пушкина за его либерализмъ, то г. Рождественскій начинаетъ свою работу съ энергичнаго нападенія на тѣхъ, кто дерзаетъ считать Пушкина „либераломъ“. По его мнѣнію, Пушкина еще до сихъ поръ мало понимаютъ: „и теперь слышны обвиненія, которыхъ

---

[1]) Тамъ же, 26, 27.
[2]) Тамъ же, 28.
[3]) Тамъ же, 61.
[4]) Тамъ же, 92, 93.
[5]) *С. В. Рождественскій*, „Пушкинъ, черты внутренняго облика“, („*Вѣра и Разумъ*“, 1899 г., № 5; есть отд. оттискъ“).

онъ не заслужилъ, и восхваленія, отъ которыхъ его можно бы избавить. Нельзя прославлять его за либерализмъ въ современномъ смыслѣ (?), на основаніи нѣсколькихъ юношескихъ стихотвореній, когда этому противорѣчитъ не только духъ его созданій, но и всѣ (!!) заявленія по вопросамъ, сюда относящимся, во вторую лучшую половину его творчества". Далѣе идетъ рядъ надерганныхъ у Пушкина идей изъ его статьи о Радищевѣ (любопытно сравнить статью г. Якушкина!), рядъ отрывочныхъ мыслей въ родѣ слѣдующихъ: „мы обязаны монахамъ нашею исторіею, слѣдственно и просвѣщеніемъ" (изъ чего авторъ заключаетъ о „православно-русскихъ" идеалахъ Пушкина), или: „инквизиція была потребностью вѣка" (что, кажется, тоже радуетъ автора) и пр. и пр... Немудрено, что авторъ въ Пушкинѣ увидѣлъ прообразъ „позднѣйшаго поборника русскихъ началъ, его горячаго поклонника М. Н. Каткова" [1])! Насколько удачны комментаріи г. Рождественскаго, свидѣтельствуетъ слѣдующій курьезъ: „сказки Пушкина, говоритъ онъ, проникнуты русскимъ старо-церковнымъ духомъ. Все освящается молитвой. Бракъ — дѣло святое. Мать благословляетъ Гвидона иконой" [2]). Какой-нибудь правовѣрный магометанинъ, прочитавъ пушкинскія переложенія Корана, пожалуй съ такимъ же правомъ будетъ спорить съ г. Рождественскимъ, доказывая, что Пушкинъ—поклонникъ Магомета!

Безспорно, изъ характеристикъ Пушкина одною изъ самыхъ свѣжихъ и оригинальныхъ должна быть признана работа г. Ив. Иванова [3]). Впрочемъ, авторъ не удовольствовался характеристикой, а предпослалъ ей горячую филиппику противъ русскаго общества, не умѣющаго цѣнить своихъ великихъ людей. Съ положеніями автора согласиться мы не можемъ, такъ какъ даже при жизни поэта отнюдь не все русское общество виновато было въ его страданіяхъ, а кучка интернаціональной знати да, въ значительной степени, и самъ поэтъ. За что же гнать *насъ* съ праздника, какъ это дѣлаетъ г. Ивановъ? въ чемъ каяться *намъ?*

За то вполнѣ присоединяемся мы къ взглядамъ г. Ив. Иванова на рѣчь Достоевскаго и, въ частности, къ его отзыву о Татьянѣ [4]): перей-

---

[1]) Тамъ же, 9.

[2]) Тамъ же.

[3]) *Ив. Ивановъ*, „Дни покаянія" („*Міръ Божій*" 1899 г., № 5).

[4]) Тамъ же, 256. Ср. нашу работу: *В. В. Сиповскій*, „Онѣгинъ, Татьяна и Ленскій". 1899 г.

демъ къ главной части работы г. Иванова. Она не во всѣхъ своихъ частяхъ одинаковаго достоинства; съ блестящей характеристики поэта авторъ сбивается на пересказъ общеизвѣстныхъ фактовъ изъ его біографіи и литературной дѣятельности. Каждая глава работы г. Иванова посвящена отдѣльному вопросу: характеристикѣ „добраго сердца" поэта, любви его къ женщинамъ, характеристикѣ его, какъ „работника", выясненію взглядовъ его на литературу, біографіи его съ дѣтства до смерти, характеристикѣ его политическихъ вѣрованій, отношеній къ его правительству, къ литераторамъ (Булгарину, Сенковскому etc.); въ заключительной XI главѣ говорится о раздвоенности его духа и страданіяхъ его въ послѣдніе годы его жизни. Лучшая глава первая, затѣмъ слѣдующія слабѣе, и по содержанію, и по степени ясности, и самая слабая—послѣдняя, въ которой сбито въ кучу старое съ непродуманнымъ новымъ. Обратимся къ первой главѣ. Г. Ивановъ совершенно вѣрно отмѣтилъ, что Пушкину близокъ „образъ естественнаго человѣка"—„...арабская кровь, унаслѣдованная Пушкинымъ, его особенно приблизила—замѣчаетъ онъ—къ этому идеальному типу. Свобода и непосредственность впечатлѣній, чуткая, неудержимая отзывчивость, мгновенно загорающаяся страсть, способность отдаваться наивнымъ, почти дѣтскимъ радостямъ, открытое незлобивое сердце,—все это крупнѣйшія черты нравственной природы Пушкина" [1]). „Пушкинъ *не понималъ* злости, какъ нравственнаго явленія: злой человѣкъ не входилъ въ его сознаніе, какъ нѣчто ненормальное, безгранично-глупое" [2]).

Оттого его веселость заразительна, какъ все искреннее; его наивности забавны, шутки вдвойнѣ увлекательны. Оттого его понимаютъ и легко къ нему привязываются дикари—цыганы, татары, деревенскіе нищіе и старцы, простые люди, дѣти... Оттого и онъ такъ любитъ дѣтей [3])... Пушкинъ и добръ чисто по дѣтски, „безъ малѣйшихъ притязаній на имя благодѣтеля, гуманнаго человѣка" [4])... Онъ много помогаетъ нуждающимся, онъ привязывается къ людямъ за малѣйшій признакъ благожелательности,—оттого онъ—признательный ученикъ (Галичъ и Куницынъ) на всю жизнь и нѣжный другъ (Пу-

---

[1]) Тамъ же, 257.

[2]) Тамъ же.

[3]) „А. С. Пушкинъ по докум. Остаф. архива и личнымъ воспомин. кн. Вяземскаго". Къ біографіи, стр. 35—36, 49 (цитата г. Иванова).

[4]) *Ив. Ивановъ*, op. cit, 259.

щинъ, Дельвигъ, Кюхельбекеръ, Раевскій и др.). „Какая жажда любви и ласки жила въ сердцѣ Пушкина и съ какою радостью онъ спѣшитъ насытить ее!.. И такъ происходитъ не только въ ранней молодости. Сердце Пушкина остается неизмѣннымъ, съ годами становится еще болѣе отзывчивымъ и безкорыстнымъ. Отношеніе Пушкина къ Гоголю—одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ и чудныхъ эпизодовъ всей нашей литературной и общественной исторіи"! [1]).

Вѣрно охарактеризованъ Пушкинъ, какъ семьянинъ: „Онъ создалъ себѣ семью, весь переполненный жаждою прочнаго сердечнаго счастья, тоскующій о подругѣ, хозяйкѣ, о дѣтяхъ. Въ немъ, оказалось, таился идеальный супругъ и отецъ—неусыпно заботливый, рыцарственно-честный и откровенный, патріархальный по горячей привязанности къ *своимъ*, по наклонности входить во всякую мелочь семейнаго благополучія" [2]). „Ни въ одной самой поэтической поэмѣ нельзя найти такой полной, могучей, самодовлѣющей любви" [3]), — какъ въ письмахъ Пушкина къ женѣ.

На остальныхъ главахъ статьи г. Иванова мы останавливаться не будемъ и укажемъ только на характеристики отца и матери поэта, какъ лучшія въ юбилейной литературѣ.

„Отецъ—актеръ-любитель, каламбуристъ, эпикуреецъ, страстный охотникъ до анекдотовъ и неумолимый врагъ всякой серьезной умственной работы и какихъ бы то ни было хлопотъ. Для него дѣти совершенно безразличны. Въ ихъ присутствіи онъ разсказываетъ двусмысленныя исторіи и читаетъ менѣе всего педагогическіе стихи: лишь бы дѣти сидѣли смирно и не мѣшали говорить и слушать. Жена его—достойная соревновательница по тону и взглядамъ на свои обязанности матери и хозяйки. Но она, кромѣ того, еще зла, взбалмошна, мстительна. Она можетъ публично, на балу ударить дочь, цѣлый годъ не говорить съ сыномъ, смѣяться надъ его неуклюжестью и некрасивостью, изобрѣтать особенно мучительныя наказанія. Отъ нея прямо приходится спасаться и порѣже попадать въ ея общество" [4]). Недурна также характеристика лицея, жизнь котораго оказывается полною всевозможныхъ недоразумѣній.

Нельзя, впрочемъ, не упрекнуть г. Иванова за то, что онъ, при всемъ

---

[1]) Тамъ же, 262.
[2]) Тамъ же, 267.
[3]) Тамъ же.
[4]) Тамъ же, 288.

своемъ остроуміи и умѣніи схватывать вѣрныя черты, всегда почти грѣшитъ односторонностью. Совершенно онъ не понялъ, напримѣръ, Карамзина и его отношеній къ юному поэту. Впрочемъ объ этомъ мы имѣли уже случай говорить выше. Невѣрно освѣщенъ и „Арзамасъ". Отожествленія русскаго общества съ Бенкендорфомъ и К°, а литературы—съ Булгаринымъ и Сенковскимъ, конечно, глубоко невѣрны. Наконецъ, доказать, что майскіе дни 1899 года должны быть „днями покаянія" г. Ивановъ также не съумѣлъ. Впрочемъ, повторяемъ, онъ далъ въ своей статьѣ рядъ вѣрныхъ и тонкихъ соображеній, остроумныхъ и красиво отточенныхъ характеристикъ.

Очень тепло написана другая работа того же автора [1]. Начинаетъ онъ съ указанія, сколько лжи наслаиваетъ на человѣка цивилизація: „вся многовѣковая исторія цивилизаціи, говоритъ онъ, есть въ сущности борьба за простоту и индивидуальность. Всѣ преобразовательныя и даже революціонныя движенія сводятся къ торжеству природы надъ искусственными правами, личности надъ стадными принудительными истинами" [2]). Вотъ почему „философа, сумѣвшаго краснорѣчиво защитить красоту и права природы, простой строй жизни поставить выше искусственнаго,—провозглашаютъ незабвеннымъ благодѣтелемъ человѣчества, возстановителемъ сердца и совѣсти: это — Лютеръ, Руссо, отчасти же Толстой" [3]). Послѣ такого введенія г. Ивановъ обращается къ Пушкину и останавливается на „независимости его духа". Для автора, Пушкинъ—„сынъ природы, а не вѣка, поэтъ простоты и свободы, а не школы и преданій — человѣкъ самъ по себѣ, а не представитель современнаго общества и среды" [4]). Конечно, такое утвержденіе можетъ быть допустимо только съ большими ограниченіями. Пушкинъ былъ слишкомъ сыномъ своего вѣка и общества, и въ этомъ трагизмъ его двойственнаго положенія: вольный духъ орла и подрѣзанныя крылья! Между тѣмъ, г. Иванову хочется доказать, что съ дѣтства до смерти Пушкинъ былъ всегда одинокъ, потому что никогда не былъ „сыномъ вѣка", всегда чуждался той стадной лжи, которою жило современное ему русское общество. Справедливо замѣчаніе автора, что инстинктивно поэта влекло всегда къ природѣ и простотѣ,—отсюда его любовь къ нянѣ и бабушкѣ.

---

[1]) *Ив. Ивановъ*, „Личность Пушкина" (*Русская Мысль*, № 9, 1899).
[2]) Тамъ же, 100.
[3]) Тамъ же, 101.
[4]) Тамъ же.

„Чепецъ, старинное одѣяніе, глиняный ночникъ и добродушное морщинистое лицо,—вотъ самыя свѣтлыя впечатлѣнія пушкинскаго дѣтства" [1]). Отъ этого же тяготѣнія къ природѣ и простотѣ вытекалъ его глубокій интересъ къ народу и русской національности. Сказавъ нѣсколько словъ о трудности борьбы съ обществомъ, которое лжетъ и не терпитъ правды, авторъ отмѣчаетъ, что уже съ лицейской скамьи начинается у Пушкина „борьба за *свой* умъ, за *свои* чувства, вообще за индивидуальность" [2]). Есть два средства для такой борьбы— „пересмѣять насмѣшниковъ" или „скрыть отъ толпы свой внутренній міръ". Отсюда букетъ пушкинскихъ эпиграммъ, „предвосхищающихъ вдумчивый и безпристрастный судъ потомства" [3]), отсюда бравированье общественнымъ мнѣніемъ и кодексомъ стадной морали... Затѣмъ г. Ивановъ переходитъ къ изображенію интимной стороны пушкинской души: его добродушіе, веселость, увлекательность, отзывчивость его мягкаго сердца, требовавшаго дружбы и любви. Очерчиваетъ онъ далѣе Пушкина, какъ семьянина, хотя здѣсь, несомнѣнно, вдается въ преувеличеніе, говоря, что „болѣе самоотверженнаго и почтеннаго супруга петербургскому свѣту не доводилось и видѣть" [4]); обрисовывается Пушкинъ, какъ мыслитель, какъ дѣятель, толкуется мимоходомъ стихотвореніе Пушкина: „Чернь"... и, наконецъ, характеризуется его „доброта": „Да, Пушкинъ былъ добръ и именно просто добръ, *добрый малый*, какъ выразился о немъ генералъ Инзовъ, добрый, по искреннему влеченію своей природы, добрый безразсчетно, безшумно, безэффектно" [5]).

Онъ добръ былъ не „славянофильской приторной добротою русскаго человѣка" и, „страстно отдавшись изученію русской старины, русскаго быта и русской народной психологіи, полюбилъ все это, не во имя прошлаго и отжившаго, а во имя будущаго и живого" [6]). Горячо заканчиваетъ авторъ свой этюдъ указаніемъ, какое перерожденіе совершилось въ душѣ Лермонтова, когда онъ узналъ о смерти Пушкина. Заключаетъ авторъ такими словами: „пусть же любовь Пушкина, какъ писателя, со всей ея благородною гордостью и открытой

[1]) Тамъ же, 102.
[2]) Тамъ же, 104.
[3]) Тамъ же, 105.
[4]) Тамъ же, 109.
[5]) Тамъ же, 113.
[6]) Тамъ же.

ненавистью будетъ нашей національною любовью, и краснорѣчивѣйшія черты его личности—простота, правда и свобода—ея символами" [1]).

Прекрасна рѣчь проф. Линниченка [2]), посвященная изображенію той драмы, что преслѣдовала поэта въ теченіе всей его недолгой жизни. Между жизнерадостной поэзіей юношескихъ лѣтъ, когда онъ, ликующій, вступалъ въ жизнь, до глубоко скорбнаго признанія („На свѣтѣ счастья нѣтъ...")—прошла цѣлая жизнь, краткая, но полная „захватывающаго интереса, шумныхъ успѣховъ, разнообразныхъ ощущеній". „И если эта предсмертная исповѣдь—невольный вопль изстрадавшейся души, то какую сумму тяжелыхъ ощущеній, разбитыхъ надеждъ и горькихъ разочарованій нужно пережить, чтобъ придти къ такому концу! [3])"—восклицаетъ авторъ. Уже изъ такого приступа мы видимъ, что все дальнѣйшее содержаніе будетъ въ такомъ же пессимистическомъ тонѣ—въ этомъ односторонность автора: его работа полна правды, самой темной... Но отчего же нѣтъ въ его работѣ и той свѣтлой правды, которой проникнута и поэзія, и душа поэта?! Первая причина несчастій поэта, по мнѣнію автора,—его природа, въ которой живутъ попеременно два бога—богъ африканскій, богъ знойной природы и разнузданныхъ, неукротимыхъ страстей,—и богъ европейскій, богъ мирной культуры, гармоніи и свѣтлыхъ вдохновеній [4])". „Три страсти, три желанія наполняли его сердце, три кумира воздвигъ онъ въ своей душѣ и молился имъ своими чудными гимнами; этими кумирами были—любовь, дружба, свобода [5])". Судьбѣ было угодно отнять у поэта всѣ эти кумиры. „И вотъ передъ нами жизнь,—заключаетъ авторъ,—исполненная глубокихъ и мучительныхъ противорѣчій. Ясный и трезвый умъ, высокое и благородное чувство—и алчный грѣхъ по пятамъ; страстный призывъ къ чистымъ привязанностямъ—и злорадная усмѣшка чувственности; гордый кликъ свободы—и вольныя, и невольныя цѣпи рабства... Да! странная и горькая иронія судьбы. Всю жизнь пѣть свободу, святую вольность—и цѣлую жизнь оставаться невольникомъ—невольникомъ любви, невольникомъ дружбы, невольникомъ толпы.

---

[1]) Тамъ же, 115.

[2]) Проф. *И. А. Линниченко*, „Жизненная драма Пушкина" (*Пушкинскіе дни въ Одессѣ*, Сборникъ Императорскаго Новороссійскаго университета, 1900).

[3]) Тамъ же, 74.

[4]) Тамъ же, 79.

[5]) Тамъ же, 81.

невольникомъ закона—и, наконецъ, невольникомъ чести. Да развѣ это не глубочайшая, не потрясающая душу жизненная драма" [1])? На нашъ взглядъ эти заключительныя слова проф. Линниченка скорѣе красивы, чѣмъ вѣрны. Вся первая половина этой длинной цитаты (до слова: „Да!") представляетъ риторическую фигуру противопоставленія, умѣстную для характеристики первой половины жизни поэта, но невѣрную въ приложеніи ко всей его жизни. Вторая же, гдѣ говорится о „невольничествѣ" поэта, тоже грѣшитъ преувеличеніемъ. Жизнь поэта опровергаетъ это представленіе о „вѣчномъ невольничествѣ": Пушкинъ палъ именно потому, что не сдѣлался рабомъ, а отстаивалъ свою независимость.

Небольшой эскизъ проф. Сумцова, посвященный одной изъ выдающихся сторонъ пушкинской души—ея „доброжелательству" [2]), прекрасно охватываетъ всю ту сумму проявленій доброты Пушкина, которыя можно почерпнуть изъ его поэзіи. При этомъ исходитъ проф. Сумцовъ изъ такого утвержденія: „сила и вліяніе писателя опредѣляется степенью его таланта и доброжелательства. Знаніе и любовь—два могущественныхъ рычага культуры. Всякое дѣйствительное искусство, въ частности, поэзія, зиждется на сочетаніи въ художественномъ образѣ любви и знанія. Цѣль искусства—подражать жизни, но такъ подражать, чтобы заставить насъ симпатизировать жизни другихъ, возбудить въ насъ сочувствіе [3])". Чувство доброжелательства у Пушкина обусловлено было тѣмъ благороднымъ оптимизмомъ, который, не закрывая глазъ передъ бѣдствіями и язвами жизни, непоколебимо вѣрилъ въ побѣду добра и правды. (Письмо Пушкина 1831 г. 19-го октября Плетневу, XXXVIII стр. „Евгенія Онѣгина", конецъ. „Брожу-ли я...", Сербская пѣснь, 1833 г.—конецъ). Надежда на лучшее будущее всегда была съ поэтомъ („Мгновенной жатвой", „Вновь я посѣтилъ"). Всѣ художественные благожелательные образы Пушкина отличаются широтою и универсальностью („Аквилонъ", „Туча", „Пророкъ", „И путникъ усталый"). Въ нихъ примиряется національное съ общечеловѣческимъ, т. к. самое дорогое въ смыслѣ народности есть въ то же время дорогое въ общечеловѣческомъ значеніи и примѣненіи. Его „чувства добрыя"

---

[1]) Тамъ же, 92.

[2]) *Н. Ѳ. Сумцовъ*, „Доброжелательство Пушкина" (*Журналъ для всѣхъ*, 1899, № 5, также вошло въ его „Изслѣдованія о поэзіи А. С. Пушкина"—отд. и въ *Харьковскомъ университетскомъ сборникѣ* въ память А. С. Пушкина, 1900).

[3]) *Харьковскій сборникъ*, 101.

можно хронологически прослѣдить изъ года въ годъ („Деревня“, „Домовому“, „Наполеонъ“). На эпическихъ образахъ тоже отразилось его „благожелательство“ (обрисовка черкешенки, Маріи [Бахч. Фонт.], Татьяны, Ольги, финна, стараго цыгана, Пимена, стараго Дука). „Всѣ эти поэтическіе образы суть въ то же время и образы этическіе; они въ совокупности заключаютъ въ себѣ неистощимый запасъ добра, справедливости, гуманности“. Таково содержаніе интересной статьи проф. Сумцова, съ основной идеей которой и съ группировкой матеріала, конечно, нельзя не согласиться тѣмъ болѣе, что въ данномъ случаѣ характеристика поэта, сдѣланная по его стихотвореніямъ, подтверждаетъ дѣйствительныя основы души Пушкина.

Интересна работа г. Алферова [1]). Это — живая характеристика поэта, составленная, къ сожалѣнію, только на основаніи его литературныхъ произведеній. Впрочемъ, нельзя не упрекнуть автора за нѣкоторую безсистемность его работы и за несоотвѣтствіе темы съ содержаніемъ: ни очерка жизни, ни очерка дѣятельности мы не имѣемъ,— за то, повторяемъ, имѣемъ рядъ характерныхъ чертъ Пушкина, что, конечно, не мало.

Начинаетъ авторъ съ изображенія той атмосферы русской жизни XVIII вѣка, изъ которой вышелъ Пушкинъ. При этомъ помогаетъ автору Л. Толстой одною изъ своихъ раннихъ повѣстей (изъ жизни 1800 г., написанной въ 1856 г.), гдѣ геніальному художнику удалось въ немногихъ словахъ, дѣйствительно, уловить характерный духъ русскихъ нравовъ XVIII — XIX вѣка, старомодныхъ столичныхъ гостиныхъ, затерянныхъ помѣщичьихъ усадебъ. Авторъ продолжаетъ этюдъ гр. Толстого, рисуя свободно и остроумно интересы той эпохи, особенно останавливаясь на литературѣ. Къ сожалѣнію, авторъ, приглашавшій насъ въ началѣ своей работы стать на историческую точку зрѣнія, забываетъ ее и совершенно неосновательно уничтожаетъ всякое значеніе сентиментализма. Между тѣмъ, сентиментализму принадлежитъ, дѣйствительно, такое великое открытіе: „и крестьянки чувствовать умѣютъ“! Оттого въ журналахъ конца XVIII-го вѣка и начала XIX-го мы увидимъ манію рисовать „Флоровъ Силиновъ“: добродѣтельные, идеальные крестьяне появились въ литературѣ, можно сказать, тогда, когда объ идеальныхъ „дворянахъ“ никто и не заикался. Пусть сентиментализмъ развивалъ отвлеченное „прекраснодушіе“, — но, вѣдь,

---

[1]) *А. Д. Алферовъ*, „А. С. Пушкинъ, очеркъ его жизни и дѣятельности“, Пенза, 1899.

и черезъ него нужно было пройти: видѣть въ Ленскомъ одну ложь и оторванность отъ родной страны и народа значитъ видѣть только одну отрицательную сторону! Набросавъ „старомодную обстановку" русской жизни, авторъ обратился къ Пушкину, призналъ его „не простымъ дѣтищемъ" своего времени, а enfant terrible—„постоянно протестующимъ явленіемъ въ русскомъ быту начала столѣтія [1])".

Затѣмъ отмѣчаетъ авторъ, въ какомъ романтическомъ освѣщеніи рисовался Пушкинъ современникамъ—онъ казался имъ въ свое время „живымъ идеаломъ романическаго героя" [2]); говоритъ далѣе о двойственности жизни поэта, выразившейся съ одной стороны — въ бравированьи, рисовкѣ, съ другой — въ глубокой, внутренней работѣ надъ собой. Затѣмъ авторъ останавливается на его „добротѣ", указываетъ, какую печальную роль пришлось ему играть среди современниковъ, отставшихъ отъ него въ развитіи, въ лучшемъ случаѣ не понимавшихъ его, въ худшемъ—преслѣдовавшихъ злобой и завистью. Тѣмъ не менѣе „жизнеспособность", по словамъ г. Алферова, оставалась у Пушкина въ прежней силѣ (письмо Плетневу 1831 г., „Если жизнь тебя обманетъ", „Такъ полдень мой насталъ", Евг. Он.). „Въ Пушкинѣ, по словамъ автора, было слишкомъ много самой беззавѣтной любви къ человѣку, къ природѣ, къ той красотѣ, которую онъ отгадывалъ во всемъ и повсюду, чтобы быть способнымъ на полное разочарованіе (даже въ смерти: „у гробоваго входа..." [3]). Пушкинъ не былъ нравственнымъ сибаритомъ, онъ хорошо понималъ, что только путемъ страданія создается истинная человѣчность. Онъ былъ изъ тѣхъ, которые, хотя и не ищутъ страданья, но, понимая его необходимость, идутъ на него прямо („Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать") [4]). Подробно авторъ говоритъ о процессѣ творчества Пушкина (письма къ женѣ, „Въ камелькѣ забытомъ" etc.), особенно обстоятельно выясняетъ взглядъ Пушкина на „священнодѣйствіе" поэта, на „вдохновеніе", отмѣчаетъ постоянное стремленіе поэта работать, „учиться", приводитъ его критическіе отзывы, говоритъ объ его необыкновенной вдумчивости, ясности ума и способности путемъ геніальной интуиціи прозрѣвать то, что съ большимъ трудомъ удавалось доказывать впослѣдствіи ученымъ. Очень цѣнны обширныя толкованія г. Алферовымъ

---

[1]) Тамъ же, 8.
[2]) Тамъ же, 9.
[3]) Тамъ же, 18.
[4]) Тамъ же.

того понятія: „чернь“, за которое такъ жутко пришлось Пушкину отъ критики. Совершенно справедливо замѣчаетъ по этому поводу г. Алферовъ, что здѣсь надо подразумѣвать „свѣтскую чернь“ и „литературную чернь“, отнюдь не все русское общество и уже, конечно, не простой народъ: въ деревнѣ среди мужиковъ поэтъ отдыхалъ отъ „толпы непросвѣщенной“ („Я здѣсь, отъ суетныхъ оковъ освобожденный“). Обращаясь къ оцѣнкѣ литературной стороны дѣятельности Пушкина, г. Алферовъ отмѣчаетъ быстрый переходъ отъ романтизма (раннія поэмы) къ реализму, при чемъ грѣшитъ нѣкоторымъ увлеченіемъ, когда называетъ „романтическими прикрасами“ скалы юга, черкешенокъ etc; даже дивное стихотвореніе: „Бахчисарайскому фонтану“ оказывается, по его мнѣнію, „сентиментально написаннымъ“. Мы убѣждены, что обаяніе южной природы, своеобразныхъ преданій полудикаго Крыма и Кавказа опять захватили бы великаго поэта, если бы судьба закинула еще разъ подольше на югъ, оторвавъ отъ Михайловскаго и его простыхъ пейзажей. Безъ сомнѣнія, яркія красоты юга легче бросаются въ глаза, и разъ Пушкинъ послѣ нихъ легко перешелъ къ красотамъ сѣвера,— это только доказываетъ, что его эстетическое чувство отличалось шириной и тонкостью воспріятія, но отнюдь не значитъ, что можно пренебрежительно клеймить „прикрасами романтическими“ дивную яркую поэзію юга у Пушкина и видѣть въ интересѣ къ пейзажамъ юга проявленіе художественнаго чутья еще не доразвившагося до тѣхъ предѣловъ, которые кажутся г. Алферову конечными въ творчествѣ поэта.

Реализмъ Пушкина, его обращеніе къ будничной жизни прекрасно освѣщены авторомъ („Какія-бъ чувства ни таились“—пут. Евг. Он., конецъ: „Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ“, замѣтка къ „Борису Годунову“, „Не муки тайныя злодѣйства“—Евг. Он.). Такое „обращеніе къ будничной жизни, бывшее огромнымъ шагомъ впередъ, въ самомъ Пушкинѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ въ русской литературѣ, далеко не было оцѣнено по достоинству русской публикою“ [1]). Между тѣмъ, „съ Пушкинымъ прекращается разрывъ между русскою книжностью и русской дѣйствительностью“ [2]). Въ этихъ словахъ опять упрекъ сентиментальной литературѣ, которая не дошла до „правды“ жизни. Дѣйствительно, съ легкой руки Пушкина всѣ его послѣдователи дали намъ понятіе о русской жизни во всей ея неприглядной

---

[1]) Тамъ же, 39.

[2]) Тамъ же, 38.

наготѣ, но вѣдь и при Карамзинѣ думали, что *знаютъ* русскую жизнь! Пройдетъ еще сто лѣтъ, и, можетъ быть, надъ нашей реалистической литературой и ея гордымъ самомнѣніемъ посмѣется критикъ XXI вѣка! Вотъ почему не хотѣлось бы намъ слышать и по адресу XVIII вѣка такихъ отзывовъ. Указавъ на гуманность Пушкина, какъ на отличительную черту его произведеній, заканчиваетъ авторъ выясненіемъ того значенія, которое имѣлъ Пушкинъ на русскихъ литераторовъ XIX вѣка.

Теплая рѣчь г. Степовича говоритъ намъ о тѣхъ великихъ „Завѣтахъ", что оставлены намъ Пушкинымъ [1]). Любовь къ отечеству и его просвѣщенію, сердечность, доброта, честность, гуманность, рыцарство, вѣрность въ дружбѣ и любви, любовь ко всему высокому и прекрасному, жажда знанія, вдумчивое отношеніе къ жизни—вотъ, чѣмъ полна была душа поэта и что завѣщалъ онъ намъ.

Г. Максимовъ возсоздаетъ „міровоззрѣніе" поэта на основаніи анализа его произведеній [2]),—уже въ первый періодъ своей дѣятельности поэтъ, по его словамъ, приходитъ къ осужденію эгоизма, черствости души и вдохновляется проявленіями безкорыстной, чистой любви [3]). Онѣгинъ и Татьяна, въ глазахъ автора, еще болѣе убѣдительныя доказательства этой мысли. Самопожертвованіе и исполненіе долга (Петръ Великій, Евгеній, Борисъ), патріотизмъ, привязанность къ царю, религіозность,—вотъ, основные элементы пушкинскаго „міровоззрѣнія".

О „добротѣ и религіозности" поэта трактуетъ и свящ. Румянцевъ [4]). Его небольшая прочувствованная рѣчь не вноситъ, впрочемъ, ничего новаго въ наши знанія о поэтѣ. Интересна характеристика Пушкина, сдѣланная по его письмамъ и замѣткамъ г. Богдановичемъ [5]). Авторъ послѣдовательно рисуетъ религіозные, литературные, политическіе и историческіе взгляды его. Высказавъ вполнѣ вѣрное мнѣніе, что „религіозное чувство коренится въ душѣ каждаго человѣка; но чувство это, какъ и всякое другое, требуетъ развитія и

---

[1]) *А. І. Степовичъ*, „Какіе завѣты оставилъ намъ Пушкинъ" („Памяти Пушкина", Сб. Кіевск. Окр. Кіевъ, 1900 г., ч. II, стр. 219).

[2]) *Л. П. Максимовъ*, „Міровоззрѣніе А. С. Пушкина". (Тамъ же, 294).

[3]) Тамъ же, 298.

[4]) Свящ. *М. Н. Румянцевъ*, „О природной добротѣ и религіозно-нравственномъ ростѣ Пушкина" (Тамъ же, 351).

[5]) *П. Г. Богдановичъ*, „Личность А. С. Пушкина по его письмамъ и замѣткамъ" (тамъ же, ч. II 102).

воспитанія" [1]), и указавъ, какъ мало для этого воспитанія дали Пушкину обстоятельства его жизни, авторъ переходитъ къ письмамъ и замѣткамъ поэта и, не безъ скачка, приходитъ къ выводу, что Пушкинъ былъ „религіознымъ" человѣкомъ. Изъ интереса къ исторіи религіи, изъ пониманія ея культурнаго значенія, умѣнія находить въ ней красоты и употребленія въ письмахъ ласковыхъ выраженій въ родѣ: „Христосъ съ тобой" и под. — нельзя еще заключать о *глубокой* религіозности человѣка. Нѣкоторыя лирическія стихотворенія поэта говорятъ намъ только о томъ, что въ послѣдній періодъ его жизни онъ ощущалъ порою религіозные порывы. Въ характеристикѣ политическихъ воззрѣній поэта встрѣтили мы такое же преувеличеніе. Правда, послѣ 1826 года онъ началъ постепенно сживаться съ правительственнымъ режимомъ и, устроивъ кое-какъ свой личный modus vivendi въ государствѣ, сталъ, мало по малу, склоняться къ примиренію съ правительствомъ, но никогда до полной солидарности онъ не дошелъ, оставшись „дикимъ" до конца своихъ дней. Въ юности же онъ порою грезилъ переворотами, что явствуетъ изъ его желанія принять участіе въ замыслахъ декабристовъ;—потому категорическое заявленіе г. Богдановича, что Пушкинъ никогда не сочувствовалъ революціоннымъ движеніямъ невѣрно. Письма поэта, конечно, не могутъ быть въ данномъ вопросѣ вполнѣ достовѣрнымъ показателемъ, такъ какъ поэтъ зналъ, что они прочитываются полиціей, а потому могъ остерегаться. Изъ интереса къ родной исторіи авторъ выводитъ патріотизмъ поэта, затѣмъ обращается къ его историко-литературнымъ познаніямъ и критическимъ взглядамъ. Особенностями его поэтическаго кодекса было, по мнѣнію автора, стремленіе къ простотѣ, естественности. Довольно подробно представлены въ выдержкахъ изъ писемъ его журнальныя занятія. Затѣмъ г. Богдановичъ переходитъ къ характеристикѣ „душевныхъ качествъ" Пушкина. Мягкость его натуры, жажда ласки и любви (письма къ брату, друзьямъ, нянѣ, П. А. Осиповой, женѣ)—вотъ черты, на которыхъ онъ останавливается. Конечно, для характеристики Пушкина его письма даютъ гораздо больше матеріала, чѣмъ собрано у г. Богдановича, но все-таки работа его любопытна, хотя бы потому, что основана на „письмахъ" поэта,—матеріалъ, которымъ у насъ пользовались пока только случайно.

Г. Зеленецкій далъ банальную и невѣрную характеристику Пушкина, широко воспользовавшись работой В. Никольскаго: „Идеалы Пуш-

---

[1]) Тамъ же, 103.

кина" [1]). Онъ представляетъ Пушкина, какъ носителя религіозныхъ убѣжденій, проповѣдника самодержавія. Заключеніе автора таково: „Пушкинъ въ своихъ твореніяхъ выразилъ вѣру въ Бога. Онъ вѣрилъ въ идеалъ Царя, отмстителя неправдамъ, защитника угнетеннымъ, милосерднаго къ падшимъ. Онъ вѣрилъ въ историческое призваніе своей страны родной. Онъ призывалъ милость къ падшимъ и пробуждалъ добрыя чувства. Все это идеалы, которые, несомнѣнно, въ душѣ своей носитъ русскій народъ. Настроеніе его поэзіи было христіански-оптимистическое. Таковъ въ сущности „русскій народъ" [2]). Мы говорили уже выше какъ противъ обобщеній въ обрисовкѣ настроеній Пушкина, такъ и противъ подобной характеристики „русскаго народа", а потому теперь не считаемъ нужнымъ оспаривать основныхъ положеній г. Зеленецкаго, къ тому же не представляющихъ никакой новизны. Остановимся на нѣкоторыхъ мелочахъ. Бѣглая біографія поэта, предшествующая его характеристикѣ, полна неточностей: оказывается, что на Пушкина большое (?) вліяніе имѣлъ его „отецъ, воспитанный французскими гувернерами" [3]), что Пушкинъ, по окончаніи Лицея, занимался „развлеченіемъ (?) съ лицейскими товарищами" [4]). Столкновенія съ правительствомъ обойдены почему то скромными фразами: „въ 1820 г. Пушкинъ переселился на югъ Россіи", „въ 1824 г. вышелъ въ отставку и жилъ лѣтомъ въ своей деревнѣ.., а зимой въ Петербургѣ (sic!)", „Жизнь столичная была спокойнѣе прежней и посвящалась серьезнымъ литературнымъ трудамъ, а сельская была уединенная и однообразная" [5]). Совсѣмъ не понялъ авторъ героя поэмы: „Кавказскій Плѣнникъ", а на счетъ героини обмолвился такою непонятной фразою: „у читателя „Кавказскаго Плѣнника" невольно является вопросъ: неужели таковы черкешенки? Черкешенки отличаются непосредственностью натуры и ихъ поступки мотивируются грубыми страстями" [6]). Старый цыганъ — это, по мнѣнію автора, — „идеалъ Пушкинскій,—Татьяна, конечно, „апоѳеозъ русской женщины".

Г. А. Г. на страницахъ „Журнала для всѣхъ" далъ небольшой

---

[1]) *А. Зеленецкій*, „Пушкинъ, какъ русскій народный поэтъ". (Его идеалы, міросозерцаніе и настроеніе его поэзіи), Херсонъ, 1899 г.

[2]) Тамъ же, 29.

[3]) Тамъ же, 3.

[4]) Тамъ же.

[5]) Тамъ же, 4.

[6]) Тамъ же, 6.

очеркъ, посвященный характеристикѣ поэта [1]. Передъ нами живой, хотя и многословный разборъ стихотвореній: „Чернь“ и „Памятникъ“. Авторъ совершенно справедливо объяснилъ фактами изъ жизни поэта, что „чернь“ — это небольшой кружокъ знати и властей, а потому произведеніе это имѣетъ, такъ сказать, частный характеръ. Истинный смыслъ дѣятельности нашего великаго поэта выраженъ имъ въ стихотвореніи: „Памятникъ“.

Характеристика поэта, сдѣланная г. Мельниковымъ-Разведенковымъ [2], на нашъ взглядъ, не въ мѣру упрощена,—прежде всего, авторъ знакомитъ насъ съ тѣмъ рембрандтовскимъ фономъ, на которомъ свѣтится Пушкинъ: „современное Пушкину общество, обладая болѣзненнымъ самолюбіемъ (!!), не цѣнило человѣческаго достоинства въ другихъ (!); не имѣя возвышенныхъ цѣлей въ жизни, оно забавлялось пошлыми разговорами, среди которыхъ, даже невзначай, не вспыхивала здравая мысль за цѣлыя сутки (!!); отличаясь безсердечіемъ, оно въ ближнихъ видѣло только орудіе для своихъ личныхъ наслажденій или предметъ эксплуатацій; не нося въ сердцѣ своемъ ни вѣры, ни религіи, оно поклонялось и служило одному золотому тельцу, который заставлялъ его погружаться въ грязь чувственныхъ порочныхъ наслажденій. Ни о патріотизмѣ, ни о самопожертвованіи, ни о благородныхъ чувствахъ это общество не имѣло понятія“ [3]!—А Пушкинъ... Пушкинъ, по понятіямъ автора, — антиподъ этого общества, — и авторъ по тому же плану, по которому разрисовалъ темными красками русское общество, начинаетъ писать свѣтлыми — Пушкина. Вышло, въ результатѣ, что тогда однимъ порядочнымъ человѣкомъ былъ на Руси Пушкинъ.

Г. Воскресенскій далъ оцѣнку Пушкина, какъ поэта и человѣка, на страницахъ „Богословскаго Вѣстника“ [4]. Начинаетъ авторъ съ указанія недостатковъ пушкинской литературы; совершенно справедливо говоритъ о необходимости дальнѣйшихъ работъ о Пушкинѣ, въ сущности, намъ далеко еще неизвѣстнаго. Затѣмъ г. Воскресенскій даетъ

---

[1] *А. Г.*, „Поэтъ и жизнь“ (къ характеристикѣ Пушкина), („*Журналъ для всѣхъ*“, 1899, № 5, 538).

[2] *С. Мельниковъ-Разведенковъ*, „А. С. Пушкинъ, какъ человѣкъ и какъ гражданинъ“ (П. Кумскій, „Памяти А. С. Пушкина“, празднов. 100-лѣтней годовщины со дня рожденія А. С. Пушкина въ учебн. завед. Кавк. Уч. Окр.).

[3] Тамъ же, 166—167.

[4] *Г. Воскресенскій*, „Величіе Пушкина, какъ поэта и человѣка“ (*Богословскій Вѣстникъ*, 1899, № 6, 212).

бѣглую характеристику Пушкина, какъ писателя-реалиста, оставившаго риторику и „ложные ходульные сантименты" классической и романтической кухни—ради простой рѣчи и художественной правды. Отзывы Гончарова, Островскаго, Гоголя помогаютъ автору обрисовать Пушкина, какъ учителя русскихъ литераторовъ XIX столѣтія. Характеристики же героевъ и героинь Пушкина выясняютъ богатство, разнообразіе и нравственную высоту пушкинскаго творчества. Особенно долго останавливается авторъ на работѣ поэта надъ самообразованіемъ, затѣмъ выясняетъ религіозность поэта. Всѣ мысли автора, не представляющія впрочемъ новизны, подтверждены обильными и вполнѣ умѣстными ссылками.

Г. Ашевскій посвятилъ свой маленькій этюдъ вопросу объ отношеніи поэта къ войнѣ [1]. На основаніи твореній поэта онъ приходитъ къ неновому выводу, что въ юности Пушкинъ увлекался, хотя и не сильно, военной славой, но съ годами его отношеніе къ войнѣ и военнымъ мѣнялось и становилось все болѣе отрицательнымъ.

Г. Чижъ далъ намъ характеристику психической организаціи поэта съ медицинской точки зрѣнія [2]; многословно и съ повтореніями доказалъ онъ, что Пушкинъ не былъ психопатомъ,—въ чемъ, кажется, пока никто его не подозрѣвалъ. Впрочемъ, авторъ исходилъ изъ мнѣній Мэро и Ломброзо, утверждавшихъ, какъ извѣстно, что „геній есть нейрозъ". Равновѣсіе духовной жизни поэта, выразившееся въ равномѣрномъ преклоненіи передъ „истиной, добромъ и красотой"—доказательство душевнаго здоровья Пушкина. Г. Чижъ сравниваетъ великаго поэта съ нѣкоторыми другими писателями русскими и иностранными, дѣлаетъ для чего-то подсчетъ гласныхъ у Пушкина, Лермонтова, Тургенева и другихъ русскихъ писателей и затѣмъ высказываетъ нѣсколько историко-литературныхъ соображеній и сравненій.

Особое вниманіе останавливаетъ на себѣ слово митрополита Антонія, сказанное имъ предъ панихидой при поминовеніи А. С. Пушкина [3].

---

[1]) *С. Ашевскій*, „Пушкинъ и война" (*Міръ Божій*, 1899, № 6, 14).

[2]) *В. Ф. Чижъ*, „Пушкинъ, какъ идеалъ душевнаго развитія". („Пушкинскій Сборн.", изд. Имп. Юрьевск. университетомъ, 1899).

[3]) „Рѣчь высокопреосвященнаго *Антонія*, митрополита С.-Петербургскаго, предъ панихидою при поминовеніи А. С. Пушкина въ день столѣтней со дня его рожденія годовщины 26-го мая 1899 года", Спб. 1899.

Высокочтимый архипастырь въ своей рѣчи сумѣлъ удержаться на спокойномъ и справедливомъ отношеніи къ поэту: онъ не старается найти въ немъ, во что бы то ни стало, религіозные идеалы и не впадаетъ въ роль проповѣдника-обличителя, — онъ остается на высокой христіанской точкѣ всепрощенія: „мы должны, говоритъ онъ, съ любовію искать въ грѣшномъ человѣкѣ не грѣховъ, безъ которыхъ онъ не бываетъ, а святого сѣмени добра, таящагося въ немъ подъ грѣховною оболочкою. Есть единственный моментъ въ жизни, когда во всемъ своемъ истинномъ достоинствѣ, безъ всякой наносной лжи сказывается личность человѣка. Это — моментъ смерти" [1]). — И Пушкинъ оказался въ этотъ моментъ на высотѣ нравственнаго величія. Грѣхи Пушкина, по словамъ митрополита Антонія, — грѣхи времени и всего общества. „Личность его, какъ христіанина и какъ сына православной церкви, и доселѣ составляетъ предметъ пререканій" [2]), но добрыя начала таились подъ бурной поверхностью его души. Хотя „въ зрѣлые годы онъ былъ человѣкомъ религіознымъ" [3]), но „добрыя начала религіозныя не успѣли обнаружиться въ жизни нашего поэта во всей своей истинной красотѣ" [4])—точка зрѣнія совершенно справедливая.

Слово епископа Антонія [5]), въ общемъ, вѣрно характеризуетъ Пушкина, какъ человѣка, стремившагося къ нравственному совершенству, изъ „бѣднаго грѣшника", „обуреваемаго страстями" возвысившагося до той высоты нравственной, на которую уважаемый архипастырь призываетъ въ своей рѣчи всѣхъ своихъ слушателей. Нельзя согласиться только съ нѣкоторыми историко-литературными толкованіями автора: напр., „Пушкинъ, говоритъ онъ, описываетъ своихъ героевъ, какъ-бы извнутри ихъ, раскрываетъ ихъ внутреннюю жизнь такъ, какъ ее опознаетъ самъ описываемый типъ. Въ этомъ отношеніи Пушкинъ превосходитъ другихъ геніальныхъ писателей, напримѣръ, Шиллера и Шекспира, у которыхъ большинство героевъ являются сплошнымъ воплощеніемъ одной какой-нибудь страсти и потому внушаютъ чи-

---

[1]) Тамъ же, 6.

[2]) Тамъ же, 3.

[3]) Тамъ же.

[4]) Тамъ же, 4.

[5]) Епископъ *Антоній*, Слово предъ панихидой о Пушкинѣ, сказанное въ Казанскомъ Имп. университетѣ 26-го мая 1899 года. Казань, отт. изъ *Правосл. Собесѣдника* 1899.

тателю ужасъ и отвращеніе" [1]). Нельзя также согласиться, что *прежде всего Пушкинъ былъ моралистъ*, и народникомъ сдѣлался потому, что былъ моралистъ" [2]). Этого утвержденія авторъ не доказалъ, а потому не доказано и мнѣніе, будто „народныя и историческія симпатіи Пушкина зависѣли отъ его нравственныхъ и религіозныхъ убѣжденій, а не обратно" [3]). Развѣ не могли всѣ эти симпатіи рости параллельно въ зависимости отъ общаго духовнаго роста поэта?

Небольшое слово проф. Царевскаго [4]) представляетъ изъ себя призывъ къ молитвѣ за поэта, которому благодарна „вся грамотная и просвѣщенная Россія". Грѣхи его, которые будутъ судимы милосердымъ судомъ Божіимъ, раздѣляетъ все русское общество: „одинъ изъ близкихъ друзей нашего великаго поэта говорилъ о немъ, что все лучшее въ немъ принадлежало ему самому, все же худшее — лицамъ и обстоятельствамъ, окружавшимъ его" [5]). Отсюда авторъ нѣсколько неожиданно переходитъ къ пожеланію съ молитвой за Пушкина—соединить молитву о „нашемъ собственномъ исправленіи".

Свящ. Лобачевскій охарактеризовалъ Пушкина, какъ христіанина [6]). Въ этой правдивой, оттого нѣсколько жесткой рѣчи нѣтъ никакихъ натяжекъ и искаженій. Авторъ не закрываетъ глаза на первую половину жизни поэта, не навязываетъ ему „христіанства" тамъ, гдѣ его нѣтъ, и вѣрно обрисовываетъ вторую половину жизни, когда христіанскіе идеалы стали понемногу проясняться предъ поэтомъ. Правильно растолкованы различныя настроенія въ поэзіи Пушкина, всегда широко рисовавшаго жизнь: „и удалой самозванецъ Пугачевъ, и жертва его звѣрства,—безстрашный, самоотверженный капитанъ, съ его душевнопривлекательной дочерью, одинаково возбу-

---

[1]) Тамъ же, 5.

[2]) Тамъ же, 11.

[3]) Тамъ же, 16.

[4]) Проф. богосл., прот. *А. Царевскій*, „Слово, произнесенное въ университетской церкви" („*Пушкинскій Сборн.*" изд. Импер. Юр. университетомъ, Юрьевъ, 1899).

[5]) Тамъ же, 93.

[6]) Свящ. *А. Г. Лобачевскій*, „А. С. Пушкинъ" (26-го мая 1899 года. *Рѣчи*, произнесенныя въ день праздника столѣтія рожденія А. С. Пушкина въ торжеств. собр. Истор. Филол. института кн. Безбородко", Нѣжинъ, 1899; есть отд. оттискъ; перепечатано въ Пушкинскомъ Сбор. Кіевскаго округа, часть II, 5).

ждаютъ сочувствіе и сожалѣніе у читателя... Поэта чаруетъ въ его герояхъ сила, внутренняя мощь характера, — на нихъ и сосредоточиваетъ онъ все свое вниманіе... Желаетъ ли поэтъ изобразить въ своемъ героѣ типъ положительной добродѣтели или картину безнравственныхъ стремленій и поступковъ, — герои его часто выходятъ одинаково привлекательными для читателя" [1]). Совершенно вѣрная точка зрѣнія, — основныхъ симпатій великаго поэта надо искать именно въ такой широкой волнѣ его настроеній, а не въ случайныхъ обмолвкахъ, отдѣльныхъ фразахъ, произведеніяхъ, которыя всѣ нуждаются еще въ ухищренныхъ толкованіяхъ.

Свящ. І. Троицкій обрисовалъ Пушкина съ точки зрѣнія его религіозныхъ воззрѣній [2]). Впрочемъ, авторъ не вполнѣ ясно намѣтилъ планъ своей работы, что онъ самъ, очевидно, чувствовалъ, такъ какъ въ предисловіи оговаривается довольно сбивчиво о несоотвѣтствіи заглавія его статьи съ содержаніемъ, а въ заключеніи самъ признаетъ, что его очеркъ „вышелъ блѣднымъ по изложенію и малоразвитымъ по содержанію", и тутъ же, не довольствуясь двумя, предложилъ еще третье заглавіе для своей работы: оказывается, это только „матеріалъ для статьи" [3]). Въ самомъ дѣлѣ, содержаніе статьи довольно сбивчиво: авторъ то пускается подсчитывать, сколько разъ упоминаетъ Пушкинъ въ своихъ стихахъ слово: „лампадка", то уклоняется въ сторону критикованія Пушкина за его прегрѣшенія противъ церкви, то упрекаетъ поэта за нечестивую смѣлость текстъ Библіи передѣлывать для своего „Пророка" [4]). Для характеристики „религіозныхъ" (!) воззрѣній нашего поэта авторъ пользуется даже такими выдержками изъ Пушкина, какъ, напримѣръ, слѣдующей: „слѣпой священникъ (у Пушкина *попъ*) перевелъ Сираха, издаетъ по подпискѣ — подпишись на *нѣсколько* экземпляровъ" [5]). Произвольно толкуетъ авторъ нѣкоторыя стихотворенія Пушкина въ исключительно-религіозномъ духѣ. Такъ, негодованіе поэта при видѣ солдатъ около картины „Распятія" но-

---

[1]) Тамъ же, IX.

[2]) Свящ. *І. Троицкій*, „Религіозный элементъ въ произведеніяхъ А. С. Пушкина", („Сборн. Пушкину", изд. Кіевск. педаг. общества, Кіевъ, 1899).

[3]) Тамъ же, 237.

[4]) „Пророкъ" Пушкина—это прекрасное стихотвореніе, намъ думается, было бы гораздо болѣе цѣннымъ въ религіозно-воспитательномъ отношеніи, если бы оно было лишь художественнымъ переложеніемъ Библейскаго разсказа безъ сокращенія и измѣненія его". (Тамъ же, 216). Замѣчаніе, не дѣлающее чести художественному вкусу автора.

[5]) Тамъ же, 210.

ситъ исключительно гражданскій характеръ; стихотвореніе: „Туча“ („Послѣдняя туча разсѣянной бури...“) гораздо проще можетъ быть объяснено внѣ толкованій въ церковномъ смыслѣ о примиреніи съ Богомъ.

Небольшое слово того же автора [1]) представляетъ изъ себя сокращеніе разобранной выше статьи. Въ сокращеніи оно выигрываетъ,— рѣзче выступаютъ главныя мысли автора и замѣтнѣе его теплое настроеніе.

О кончинѣ поэта говоритъ въ своемъ словѣ свящ. Зеленецкій [2]). Передъ намъ пространный разсказъ о послѣднихъ дняхъ жизни великаго человѣка. Авторъ не ограничился указаніемъ на то, что смерть Пушкина была вполнѣ христіанская, но для чего-то пустился разсказывать подробно, какъ „дикъ“ былъ взоръ Пушкина отъ страшныхъ мученій, какъ глаза его „готовы были выскочить изъ своихъ орбитъ“ [3]),—и, наконецъ, даже, что *думалъ* и *чувствовалъ* императоръ Николай ночью (въ которую ночь?) во время страданій поэта!

Г. В. Никольскій увѣренъ, что умирающій Пушкинъ былъ всѣми своими помыслами у Императора Николая,—свящ. Зеленецкій увѣренъ, что Императоръ былъ въ это время у Пушкина! Не излишни ли всѣ эти предположенія, ничѣмъ не доказуемыя?

На ту же тему слово свящ. Стеллецкаго [4]). Небольшое по объему (2 стр.), оно посвящено выясненію величія смерти поэта, искупившей его грѣшную жизнь.

Въ основаніе рѣчи свящ. Миловидова [5]) положена мысль, что для поэта „христіанская любовь къ нему, какъ нашему брату во Христѣ—вотъ та благодарность, которая будетъ для него дороже какихъ бы то ни было чествованій“ [6]). Оттого молитва за него—выраженіе почтенія къ его памяти, тѣмъ болѣе, что молиться за него надо, какъ за человѣка, „часто заблуждавшагося“.

Слово свящ. Коноплева рисуетъ намъ поэта, какъ „послушнаго

---

[1]) Свящ. *І. І. Троицкій*, „Что располагаетъ насъ къ молитвѣ объ упокоеніи А. С. Пушкина“. („Памяти Пушкина“, Сб. Кіевск. окр. ч. II, 192).

[2]) Свящ. *А. К. Зеленецкій*, „О послѣднихъ дняхъ жизни А. С. Пушкина, какъ христіанина“. (Тамъ же, 231).

[3]) Тамъ же, 234.

[4]) Священникъ *Н. С. Стеллецкій*, „О христіанской кончинѣ Пушкина“. (Тамъ же, 485).

[5]) Свящ. *А. І. Миловидовъ*, „Молитва за А. С. Пушкина, какъ выраженіе почтенія къ памяти его“. (Тамъ же, ч. III, 7).

[6]) Тамъ же, 7.

сына святой церкви православной" и „вѣрноподданнаго сына" „царя православнаго" [1]).

Свящ. Нефедьевъ въ рѣчи своей [2]) очертилъ духовную жизнь поэта, признавъ въ ней ту борьбу съ плотью, на которую обреченъ всякій христіанинъ, „взявшій крестъ свой". Эта борьба привела къ побѣдѣ, и потому жизнь великаго поэта „съ нравственно христіанской точки зрѣнія представляетъ намъ прекрасное назиданіе".

Свящ. Соколовъ выяснилъ религіозныя настроенія А. С. Пушкина [3]). Передъ нами бѣглый очеркъ главнѣйшихъ произведеній поэта, которыя касаются вопросовъ вѣры, загробной жизни, смысла земной,— изъ этихъ взглядовъ складывается у автора пониманіе самого поэта.

Свящ. Бѣловидовъ выяснилъ воспитательное значеніе поэзіи Пушкина съ церковной точки зрѣнія [4]). Ораторъ берется доказать, что Пушкинъ былъ „учителемъ набожности и нравственной чистоты" [5]). Для доказательства онъ цитуетъ рѣчи Пимена къ Григорію Отрепьеву, рѣчи Бориса Годунова къ Ѳеодору, мысли Кочубея о покаяніи и смерти, — между тѣмъ, все это — осколки *объективнаго* творчества, и напрасно ими такъ широко пользуется авторъ. Факты изъ жизни поэта тоже не подтверждаютъ мнѣній свящ. Бѣловидова о набожности поэта, не ограниченной эпохами его жизни.

Прекрасно по содержанію и настроенію слово г. Страхова, произнесенное имъ при поминовеніи А. С. Пушкина [6]). Назначеніе поэта увидѣлъ онъ въ раскрытіи передъ людьми „тайнъ Божіихъ, заключенныхъ въ природѣ и жизни", а также въ способности „глаголами своими жечь сердца людей" [7]). Правда, не всегда оставался вѣренъ пѣвецъ своему высокому призванію, — „но утѣшительно то, что поэтъ нашъ, при всѣхъ слабостяхъ и увлеченіяхъ, по натурѣ

---

[1]) Свящ. *Н. А. Коноплевъ*, „Слово". (Вологодская гимназія. Столѣтній юбилей со дня рожденія А. С. Пушкина 27-го мая 1899. Харьковъ 1900, стр. 6).

[2]) Свящ. *А. Нефедьевъ*, „Кончина А. С. Пушкина" (Кумскій, „Памяти П—на", Сб. Кавк. Уч. Окр., 110).

[3]) Свящ. *Соколовъ*, „Религіозная сторона произведеній А. С. Пушкина". (Тамъ же, 157).

[4]) Свящ. *П. Бѣловидовъ*, „Воспитательное значеніе поэзіи Пушкина". (Тамъ же, 181).

[5]) Тамъ же, 185.

[6]) *Викторъ Страховъ*, „Слово при поминовеніи А. С. Пушкина въ день столѣтней годовщины его рожденія", 26-го мая 1899 г. („Слово и рѣчи въ день 100-лѣтней годовщины А. С. Пушкина", 26-го мая).

[7]) Тамъ же, 4.

всегда оставался искреннимъ, добрымъ, благороднымъ и великодушнымъ человѣкомъ" [1]). „Въ душѣ поэта хранился неистощимый источникъ той горячей и чистой любви, ради которой многое прощается заблуждающемуся, но кающемуся" [2]). Г. Страховъ послѣ общей характеристики поэта останавливается на разсмотрѣніи высокихъ мотивовъ пушкинской поэзіи: „среди чуждыхъ приражений (?) въ его произведеніяхъ, говоритъ онъ, ясно видно мерцаніе высшаго божественнаго свѣта, какъ требованіе укрощенія личныхъ страстей и какъ указаніе на то, что для достиженія душевной свободы необходимъ подвигъ личнаго самоусовершенствованія, или же какъ порицаніе эгоизма и страсти, наряду съ признаніемъ святости семейныхъ узъ и непоколебимымъ сознаніемъ долга. Эти мерцанія божественнаго свѣта, все болѣе и болѣе разгораясь, дѣлаются затѣмъ яркимъ свѣточемъ, при помощи котораго поэтъ силою своего творчества освѣщаетъ русскую жизнь, русскую душу, и все это оживляетъ дивнымъ поэтическимъ блескомъ, сообщая въ то же время родному языку такую яркость красокъ и гармонію, такую силу и выразительность, какихъ не было и въ вѣщаніяхъ языковъ чуждыхъ, издавна образованныхъ [3]). Приведенныя нами цитаты даютъ нѣкоторое представленіе о литературной сторонѣ рѣчи г. Страхова: не давая ничего новаго, она представляетъ изъ себя одно изъ лучшихъ произведеній церковной юбилейной литературы.

Также останавливаетъ на себѣ вниманіе прекрасное по содержательности и настроенію слово г. Малинина, сказанное передъ панихидою 26-го мая 1899 г. въ церкви Кіево-Братскаго монастыря [4]). Передъ нами характеристика Пушкина и его поэзіи, выясненіе высокаго значенія поэта, безъ всякихъ „но", „блудныхъ сыновъ" и „кающихся разбойниковъ", которыми богаты рѣчи большинства нашихъ пастырей.

Свящ. А. С. [5]) въ своей краткой рѣчи отмѣтилъ вѣрно нѣкоторыя особенности пушкинской дѣятельности. Напрасно только онъ про-

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же, 5.

[4]) *В. Н. Малининъ*, „Слово, сказанное въ церкви Кіево-Братскаго монастыря, 26-го мая 1899 г. предъ панихидою, совершенною по случаю исполнившагося столѣтія со дня рожденія А. С. Пушкина" (*Труды Кіевской Дух. Академіи*, 1899, № 6, 196).

[5]) *А. С.*, „Двѣ рѣчи въ 100-лѣтнюю годовщину со времени рожденія Императора Николая I и А. С. Пушкина". Спб. 1900.

извелъ какой-то смотръ Ломоносову, Державину и Пушкину „въ религіозномъ отношеніи", при чемъ поставилъ ихъ обоихъ выше Пушкина!

Свящ. Парѳеньевъ началъ свое „Слово" [1]) съ указанія, за кого молится и за кого не молится Св. Церковь, подробно выяснилъ преступное значеніе поединка, перешелъ къ „блудному сыну" Церкви А. С. Пушкину, очертилъ бѣгло его духовный обликъ и, отмѣтивъ его христіанскую кончину, пригласилъ своихъ слушателей помолиться за его душу.

Въ „Курскомъ Листкѣ" перепечатана краткая, но сильная и теплая рѣчь высокопреосвященнаго Макарія, сказанная еще въ 1880 г. [2]).

Очень интересна рѣчь свящ. Восторгова [3]). Это прекрасное слово обличаетъ въ авторѣ хорошее знакомство съ произведеніями Пушкина, а также человѣка понимающаго и любящаго поэзію. Образъ поэта, вышедшій изъ подъ пера свящ. Восторгова, чистъ и возвышенъ. „На отрицательную сторону жизни и дѣятельности поэта, говоритъ онъ, обращали больше, чѣмъ надо, вниманія, такъ что, можно сказать, и съ этой стороны слухъ о немъ прошелъ по всей Руси великой и окружающее его и музу его туманное облако непониманія, недоумѣнія и клеветы не совсѣмъ еще разсѣялось и донынѣ" [4]). „Нашлись и находятся особые любители, которые съ рвеніемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, обходя въ поэтѣ вѣчное и достойное, а часто не зная его, съ особымъ наслажденіемъ подчеркивали его слабости и недостатки, съ непонятною радостью утверждали, что поэтъ былъ и ненадежнымъ христіаниномъ и ненадежнымъ сыномъ отечества" [5]). Авторъ не закрываетъ глазъ на „темныя пятна" въ жизни и дѣятельности поэта, но „грѣхи Давида, отреченіе Петра, гонительство Павла, грѣховность Маріи Египетской и Евдокіи преподобной" не помѣшали, въ концѣ концовъ, ихъ святости. „Великихъ поминаютъ за ихъ труды, за славу,

---

[1]) Свящ. *Андрей Парѳеньевъ*, „Слово въ день поминовенія Александра Сергѣевича Пушкина" (отт. изъ № 14 *Кишин. Епарх. Вѣд.* за 1899 г.).

[2]) „Къ панихидѣ на 26-е мая". „О чемъ нужно русскимъ людямъ помолиться". Рѣчь на открытіе памятника А. С. Пушкину, сказанная послѣ панихиды о немъ высокопреосвященнымъ *Макаріемъ*, митрополитомъ московскимъ и коломенскимъ 6-го іюня 1880 года (*Церк. Вѣстн.* 1880. № 24, изъ прилож. *Курскаго Листка*).

[3]) Свящ. *I. Восторговъ*, „Вѣчная память, рѣчь при поминовеніи великаго русскаго поэта Александра Сергѣевича Пушкина въ день столѣтняго юбилея со дня его рожденія". („Кавказская поминка о Пушкинѣ"—26-го мая 1799—26-го мая 1899. Изд. ред. газеты *Кавказъ*, Тифлисъ, 1899).

[4]) Тамъ же, V—VI.

[5]) Тамъ же, VI.

за добро, а за грѣхи, за темныя дѣянья Спасителя смущенно (смиренно!) умоляютъ“—вотъ точка зрѣнія автора. Доказываетъ онъ далѣе, что Пушкинъ былъ и христіаниномъ, и истинно-русскимъ человѣкомъ, и заключаетъ такими словами: „пусть то, что сѣялъ онъ въ плоть—по немощи его, по грѣховности—отъ плоти пожнетъ смерть и тлѣніе и въ памяти людской пусть будетъ забыто и похоронено. А то, что сѣялъ онъ въ духѣ—разумное, духовное, вѣчное—пусть склонитъ къ нему милость Предвѣчнаго, пусть отъ духа ему пожнетъ жизнь вѣчную и среди людей дастъ ему вѣчную память“ [1])!

Кромѣ этого слова, свящ. І. Восторговъ о Пушкинѣ говорилъ еще два раза: 1) въ церкви Тифлисской 1-й великой княгини Ольги Ѳеодоровны женской гимназіи [2]) и 2) на молебствіи при выпускѣ воспитанницъ той же гимназіи 12-го іюля 1899 года [3]). Впрочемъ Пушкинъ въ этихъ двухъ рѣчахъ играетъ вторую роль, а потому разсматривать подробнѣе этихъ рѣчей мы не будемъ.

Очень благопріятное впечатлѣніе производитъ работа г. Введенскаго [4]). Передъ нами серьезная работа, основанная на изученіи жизни поэта и его твореній. Авторъ въ предисловіи обѣщалъ дать „свой опытъ“ выясненія религіозныхъ идеаловъ Пушкина,—работа г. В. В. Никольскаго не удовлетворяетъ его потому, что тотъ поставилъ свою тему шире и вопросу о религіозныхъ идеалахъ Пушкина посвятилъ только 7 страницъ; пресловутое произведеніе архіепископа Никанора: „Бесѣда въ недѣлю блуднаго сына при поминовеніи раба Божія Александра“ (поэта Пушкина) вызываетъ справедливый упрекъ автора: „преосвященный Никаноръ занялся сопоставленіемъ Пушкина съ евангельскимъ образомъ блуднаго сына, и потому религіозные взгляды поэта во многихъ мѣстахъ „Бесѣды“ получаютъ не вполнѣ естественное (!!) толкованіе“ [5]). Самъ авторъ избираетъ другой путь: онъ даетъ намъ подробную, надо признать, живую и талантливую біографію поэта, при чемъ старается уловить въ ней всѣ черты, относящіяся къ религіозности Пушкина. Надо сознаться, что онъ дѣлаетъ это до того добросовѣстно, что никакихъ чертъ не находитъ, кромѣ предположенія

---

[1]) Тамъ же, XIX—XX.

[2]) Свящ. *І. Восторговъ*, „Слово въ праздникъ Вознесенія Господня, 27-го мая 1899 г.“ („Памяти Пушкина“, Сбор. Кавк. уч. окр., 26).

[3]) Его же, рѣчь на молебствіи (тамъ же).

[4]) *С. Введенскій*, „Религіозные идеалы А. С. Пушкина“. (*Правосл. Собес.* 1899, № 7—8, 12; есть отд. оттискъ).

[5]) Тамъ же, 4.

о вліяніи на ребенка его законоучителя Бѣликова, да смутно-религіозныхъ чувствъ его няни. Лицейская жизнь не даетъ г. Введенскому ничего, кромѣ стихотворенія „Безвѣріе", написаннаго для выпускнаго экзамена. Напрасно, впрочемъ, онъ придаетъ этому произведенію большое значеніе: это—отрыжка XVIII вѣка съ его модой въ учебныхъ заведеніяхъ восхвалять устами питомцевъ „добродѣтель" въ разныхъ ея видахъ,—все это писалось по заказу,—таково же и стихотвореніе Пушкина холодное и риторичное. Тѣмъ болѣе страненъ выводъ автора изъ наблюденій надъ первымъ періодомъ жизни поэта: „не смотря на раннія увлеченія, вѣра жила въ его сердцѣ, хотя въ формѣ смутной, какъ „души неясный идеалъ" [1]). Второй періодъ жизни поэта даетъ автору сначала только эпиграммы на Голицына и Фотія. Изъ нихъ г. Введенскій дѣлаетъ заключеніе, что, обличая мистицизмъ и фанатизмъ, Пушкинъ этимъ самымъ доказывалъ, что въ его душѣ живетъ высокій идеалъ настоящей религіи. Но не можетъ ли это доказывать, съ другой стороны, что Пушкинъ былъ въ то время вполнѣ равнодушенъ къ религіи, но всякія уродства замѣчалъ и ихъ высмѣивалъ. Жизнь въ Михайловскомъ, несомнѣнно, пробудила его интересъ къ религіознымъ красотамъ, а третій періодъ, пожалуй, можетъ дать факты, до нѣкоторой степени свидѣтельствующіе, что у Пушкина дѣйствительно начали складываться религіозные идеалы. Возможно, что та „человѣчность", которой онъ служилъ при жизни, сблизила его съ Евангеліемъ, этимъ высокимъ гимномъ именно чистой человѣчности. Г. Введенскій ничего не говоритъ намъ о „церковности" Пушкина, о „русскомъ народѣ", и онъ правъ. Жаль только, что онъ хочетъ доказать, что вѣра жила въ душѣ Пушкина „съ дѣтства". Конечно, нельзя давать большого значенія всѣмъ его кощунственнымъ произведеніямъ въ смыслѣ показателя его „убѣжденій",—они прошли всѣ, такъ сказать, по верху, не касаясь глубинъ пушкинской души,—но едва-ли будетъ легко доказать, что въ глубинахъ этихъ всегда жила вѣра. На нашъ взглядъ, Пушкинъ сначала былъ индифферентенъ къ этимъ высокимъ запросамъ духа, потомъ подошелъ къ св. книгамъ, какъ художникъ, и кончилъ жизнь, какъ христіанинъ, все полюбившій и всему простившій.

Г. Рункевичъ въ своей статьѣ [2]) задался цѣлью указать тѣ мѣста

---

[1]) Тамъ же, 26.

[2]) *С. Г. Рункевичъ*, „Религіозные мотивы въ сочиненіяхъ А. С. Пушкина" (*Христіанское Чтеніе*, 1899, V выпускъ; есть отдѣльные оттиски).

у Пушкина, гдѣ онъ говоритъ о „священникахъ", упоминаетъ о „Богѣ", о „семинаристахъ", о говѣніи, молебнахъ, говоритъ: „Христосъ съ вами"—или: „дай Богъ" etc. Все это годится автору для указанія „религіозныхъ мотивовъ" въ сочиненіяхъ А. С. Пушкина. Авторъ исходитъ изъ убѣжденія, ни на чемъ, конечно, не основаннаго, что поэтъ былъ „воспитанъ въ правилахъ религіи"; онъ увѣренъ, что за „атеизмъ" пострадалъ Пушкинъ „для совершеннаго искупленія своего напускнаго грѣха" [1]). До какихъ курьезовъ доходитъ онъ, видно, хотя бы, изъ слѣдующаго: перечисляя „религіозные мотивы", онъ добросовѣстно упоминаетъ и о томъ, какъ на одной попойкѣ Пушкинъ собирался говорить „на счетъ *небеснаго царя*, и на счетъ земнаго" [2]); упоминаетъ о „*святомъ*" *монахѣ*, полюбившемъ русалку и утопившемся [3]); попадаетъ у г. Рункевича въ „религіозные мотивы" и „балъ въ *геенн*ѣ" [4]), и „*патріархъ*" изъ Бориса Годунова, и *юродивый*, и планы Пушкина о „преобразованіи *семинарій*", и „*попъ* нахмуренный", и „*попъ* убогій" [5]), и много всякой всячины. Любопытно, что понимаетъ подъ „религіозностью" вообще г. Рункевичъ, рѣшившійся судить поэта съ этой точки зрѣнія?

Г. Владимірскій посвящаетъ тому же вопросу свою статью: „Отраженія религіознаго настроенія въ поэзіи Пушкина" [6]). Передъ нами подборъ отрывковъ изъ Пушкина и толкованія автора, усиленно во всемъ видящаго религіозныя тенденціи. Изъ „Пророка" онъ выводитъ назначеніе поэта быть глашатаемъ Бога, изъ „Черни" („Для звуковъ сладкихъ и *молитвъ*")—призваніе поэта возвышать мысль людей къ религіозному настроенію [7]). „Для береговъ отчизны дальней"—съ его своеобразной точки зрѣнія,—просто поэтическій образъ для выраженія религіозной идеи [8]). Въ основѣ „Бориса Годунова"—*религіозная* идея о праведномъ судѣ Божьемъ. „Пиръ во время чумы" насквозь проникнутъ мыслью о безсмертіи [9])... Не приводя болѣе натянутыхъ толкованій автора, отмѣтимъ, что почетное званіе „націо-

---

[1]) Тамъ же, 4.
[2]) Тамъ же, 11.
[3]) Тамъ же.
[4]) Тамъ же, 11.
[5]) Тамъ же, 16.
[6]) „Изъ циркуляра по Казанскому учебному округу", 1899, № 5; есть отдѣльный оттискъ.
[7]) Тамъ же, 9.
[8]) Тамъ же, 11.
[9]) Тамъ же, 16.

нальнаго поэта" авторъ разрѣшаетъ дать Пушкину за *религіозность* его твореній.

Самымъ оригинальнымъ на пушкинскомъ юбилеѣ было слово протоіерея Соколова [1]. Оно обошло крупные журналы и газеты и, конечно, создало автору нѣкоторую славу.

Безспорно, одной изъ наиболѣе цѣнныхъ работъ пушкинской юбилейной литературы надо признать рѣчь г. Кони, посвященную выясненію общественныхъ взглядовъ А. С. Пушкина [2]. Съ всепобѣждающей силой краснорѣчія и логики авторъ рисуетъ, шагъ за шагомъ, грандіозную картину пушкинскаго міросозерцанія. Ни одно отрывочное восклицаніе поэта, ни одна фраза его не пропадаетъ даромъ,—все подъ мастерской рукой опытнаго художника попадаетъ на свое мѣсто въ его широко написанной картинѣ. Признаемся, стройность, логичность, скажемъ даже, холодная ясность рисунка на этой картинѣ заставляютъ подозрѣвать, все-ли въ ней благополучно. Вѣдь изъ того же Пушкина дѣлаютъ выдержки съ полнымъ убѣжденіемъ люди другихъ взглядовъ, нежели г. Кони! Мы не говоримъ, что они всегда правы, но они искренне думаютъ, что правы,—слѣдовательно, есть въ воззрѣніяхъ поэта какая-то неясность, позволяющая про-

---

[1] „Всѣ мы здѣсь собрались,—сказалъ майкопскій златоустъ 1.200 дѣтямъ,—помолиться о рабѣ Божіемъ Александрѣ. Знаете, кто былъ этотъ рабъ Божій Александръ! Это былъ поэтъ. Онъ всю жизнь свою пѣлъ пѣсни и многія изъ нихъ ненравственныя, о которыхъ самъ потомъ жалѣлъ. Смѣемъ-ли мы молиться за такого человѣка? Да—смѣемъ; христіанская церковь, какъ любящая мать, всѣхъ пріемлетъ къ себѣ и позволяетъ молиться за падшихъ сыновъ своихъ. И разбойникъ на крестѣ покаялся и былъ прощенъ. Итакъ онъ пѣлъ пѣсни, рабъ Божій Александръ. И вы, дѣти, воспитываетесь въ школѣ на этихъ пѣсняхъ, а, между тѣмъ, о многихъ изъ нихъ онъ самъ хотѣлъ, чтобы онѣ канули въ Лету. Только неучи, недоучки, недоросли могутъ приходить въ восхищеніе отъ такой сказки, какъ сказка о работникѣ Балдѣ. И эту сказку читаютъ иные педагоги въ школахъ. Только развѣ это педагоги—это наемники, продажные, которыхъ на порогъ школы не слѣдуетъ пускать. Пушкинъ умеръ христіаниномъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ священникъ, напутствовавшій его, который говорилъ: „вотъ истинно христіанская кончина, я бы желалъ, чтобы всѣ такъ умирали". Умеръ Пушкинъ христіаниномъ по желанію царя(!!), который послалъ ему священника. Помолимся же, дѣти, о рабѣ Божіемъ Александрѣ; молитесь о немъ постоянно и вездѣ; онъ сильно нуждается въ вашихъ чистыхъ дѣтскихъ молитвахъ" (Фаресовъ, op. cit., 61).

[2] *А. Ѳ. Кони*, „Общественные взгляды А. С. Пушкина" („Чествованіе памяти А. С. Пушкина Императорской Академіей Наукъ"; есть отдѣльные оттиски).

извольно толковать нѣкоторыя его творенія. Вотъ почему нельзя. намъ кажется, не оговориться, что Пушкинъ былъ, хотя и „умнѣйшій человѣкъ въ Россіи“, но, все-таки, поэтъ, а не философъ-юристъ...

Пушкина почтенный авторъ называетъ „великимъ явленіемъ жизни русской“. Но великія явленія, продолжаетъ онъ, какъ въ области нравственной природы, такъ и въ области физической имѣютъ одно общее сходство: про нихъ никогда нельзя сказать, что они изучены окончательно [1]). Оттого въ духовной природѣ Пушкина, „по мѣрѣ созрѣванія и расширенія русской мысли, по мѣрѣ болѣе близкаго знакомства со всѣмъ, что къ нему относится, открываются все новые горизонты“ [2]). Приступая къ Пушкину, г. Кони считаетъ должнымъ остановиться на его нравственныхъ и правовыхъ взглядахъ. „Пушкинъ былъ исполненъ чувства и исканія правды. Но правда проявляется въ искренности въ *отношеніяхъ* къ людямъ, въ *справедливости* въ дѣйствіяхъ съ ними“. Разъ дѣло идетъ объ отношеніи цѣлаго общества къ сочленамъ,—правда выражается въ *законодательствѣ* и *правосудіи*. „Право и нравственность не суть чуждыя или противоположныя одно другому понятія“ [3]). Источникъ у нихъ общій, различіе заключается „въ принудительной обязательности права“ и „свободной осуществимости нравственности“.—„отсюда связь правовыхъ воззрѣній съ нравственными идеалами“ [4]). Право имѣетъ „писанный кодексъ“,—нравственность зависитъ отъ голоса „совѣсти“. Голосъ совѣсти у многихъ людей связанъ съ вѣрой. Выводъ изъ этого введенія таковъ: говоря о правовыхъ воззрѣніяхъ Пушкина, мы должны ознакомиться съ его нравственными, а, слѣдовательно, и религіозными воззрѣніями.

Изъ нѣсколькихъ вольнодумныхъ стихотвореній Пушкина нельзя выводить его невѣрія. До 22 лѣтъ Пушкинъ находился въ періодѣ „скитанія мыслей“,—затѣмъ онъ переходитъ къ вѣрѣ. Къ христіанству Пушкинъ относился, какъ *мыслитель*: „Весь законъ въ нѣсколькихъ словахъ, сказалъ онъ Баранту: здѣсь только одна, единственная великая сила—любовь!“ [5]),—и какъ *историкъ*, признававшій великое культурно-историческое значеніе его. Въ отношеніяхъ къ людямъ въ немъ не было себялюбія и эгоизма, такъ какъ его личность „дышитъ

[1]) Тамъ же, 34.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же, 35.
[4]) Тамъ же.
[5]) Тамъ же, 38.

добротою и дѣятельною любовью. Голосъ „кроткой жалости" слышится не только на страницахъ его произведеній, но и въ порывахъ его сердца" [1]. Онъ чуждъ мелочнаго чувства ревности къ успѣху собратій по перу: завидовать онъ не умѣлъ; особое значеніе придавалъ дружбѣ. Таково отношеніе Пушкина къ людямъ. Въ отношеніи къ себѣ онъ былъ строгъ: „чуткою душой своей Пушкинъ не могъ не сознавать, что лишь упорный и серьезный трудъ и полная правдивость съ собою и съ другими могутъ поддержать въ человѣкѣ самоуваженіе" [2]. Любовью къ труду была проникнута вся его жизнь. И любовь къ правдѣ царитъ въ его трудѣ. Оттого онъ, человѣкъ правдивый и искренній, цѣнилъ „цѣльныхъ" людей и „цѣльныя" чувства. Свою любовь къ правдѣ онъ перенесъ и въ свои историческіе труды. Онъ не ослѣплялся чувствомъ привязанности къ Петру и Россіи: ему былъ чуждъ узкій патріотизмъ, — „указывая на терпимость къ чужому, какъ на одну изъ прекрасныхъ сторонъ простого русскаго человѣка, онъ говорилъ о необходимости уваженія къ *человѣчеству* и къ его благороднымъ стремленіямъ" [3]. Правдивый ко всѣмъ, онъ строгъ былъ къ себѣ. Рано опредѣлилъ онъ взглядъ свой на правосудіе и законодательство. Онъ „желалъ видѣть законъ примиреннымъ съ житейскою правдой и законною свободою, желалъ видѣть человѣка не рабомъ непонятнаго ему принудительнаго приказа, а слугою разумныхъ требованій общежитія" [4]. Свобода мысли и слова, требованія строгой обдуманности и человѣчности закона, истинной справедливости, борьба съ крѣпостнымъ правомъ,—вотъ его завѣты. Психологія преступленія его тоже интересовала: онъ выяснилъ значеніе совѣсти для человѣка, прослѣдилъ процессъ назрѣванія преступленія. Онъ высказался о современномъ ему судѣ и нарисовалъ идеальный, въ которомъ кромѣ справедливости отводилъ мѣсто милости и прощенію. Чуждый вражды и злобы, онъ увлекался войной только лишь въ угарѣ 1812 года, да въ эпоху возстанія Греціи. Въ отношеніяхъ къ современному обществу Пушкинъ былъ поставленъ въ трудное положеніе: самъ поэтъ находилъ, что „конечно презирать не трудно отдѣльнаго каждаго глупца, но—чудно! всѣхъ вмѣстѣ презирать ихъ трудно!" [5],—отсюда его двойственное зависимое положеніе въ обще-

---

[1] Тамъ же, 42.
[2] Тамъ же, 45.
[3] Тамъ же, 49.
[4] Тамъ же, 51.
[5] Тамъ же, 63.

ствѣ, ниже его стоявшемъ въ духовномъ отношеніи. Презирая „чернь" умственную и нравственную, онъ продолжалъ служить всему народу, предъ которымъ преклонялся. Его высокіе взгляды на семейную жизнь не нашли оправданія въ дѣйствительности. Его идеалы служителя народу столкнулись съ „коварной и лицемѣрной дружбой (?) того, кому былъ довѣрчиво ввѣренъ государемъ" [1]), и этотъ посредникъ между трономъ и „эхомъ" русскаго народа держалъ его, „какъ Прометея, прикованнаго къ сырой и холодной петербургской скалѣ, и предоставлялъ коршунамъ терзать его сердце, о которомъ самъ Пушкинъ уже говорилъ: „пора! пора! покоя сердце проситъ" [2]).

Наконецъ, сознательно и энергично требовалъ Пушкинъ просвѣщенія русскому народу. Заканчиваетъ свою блестящую рѣчь г. Кони широкими аккордами. Говоря о дняхъ 1880 года, онъ восклицаетъ: „тогда, казалось, безвременно погибшій поэтъ простилъ русскому обществу съ высоты своего пьедестала его вольныя и невольныя по отношенію къ себѣ прегрѣшенія. Въ забытьи послѣднихъ тѣлесныхъ мукъ своихъ, свѣтлѣя и прозрѣвая духовно, онъ говорилъ Далю: „Ну, подымай же! пойдемъ же выше! выше!"... И онъ идетъ все выше и выше въ русскомъ самосознаніи, поднимая его за собою, облагораживая его... И, кажется, что здѣсь, на праздникѣ нашего духа и нашей справедливой гордости, въ средѣ Академіи Наукъ, присутствуетъ и онъ, ея славнѣйшій членъ, живой, подвижный, съ выразительнымъ лицомъ, въ густыхъ кудряхъ волосъ, съ печатью свѣтлой думы на челѣ,—и что сегодня его веселый, дѣтскій смѣхъ звучитъ особенно радостно, безъ затаенной ноты скорби, и прекрасные голубые глаза не имѣютъ повода темнѣть отъ боли и гнѣва. Такъ отдаленная звѣзда, уже прекративъ свое существованіе, продолжаетъ лить на землю свои чистые плѣнительные лучи..."

Проф. Назимовъ обрисовалъ намъ „общественные идеалы Пушкина" [3]). Передъ нами цѣнная характеристика русскаго общества пушкинской эпохи и выясненіе его, какъ „эха" этого общества. Авторъ говоритъ о значеніи „естественнаго права" въ міросозерцаніи людей XVIII и начала XIX вѣка и видитъ въ Пушкинѣ его поклонника. Впрочемъ, уже „Цыгане знаменуютъ собою поворотный пунктъ въ творчествѣ Пушкина. Онъ оставляетъ мечты о

---

[1]) Тамъ же, 67.

[2]) Тамъ же.

[3]) *А. Е. Назимовъ*, „Общественные идеалы А. С. Пушкина" („*Пушкинскіе дни въ Одессѣ*", Сборникъ Новороссійскаго университета).

естественномъ правѣ и естественномъ состояніи человѣка и начинаетъ смотрѣть на общественные вопросы съ исторической точки зрѣнія; беретъ свои сюжеты изъ дѣйствительной русской жизни и изъ русской исторіи. Другими словами, Пушкинъ переживаетъ тотъ же процессъ мысли, который характеризуетъ научную эволюцію начала XIX вѣка" [1]). Съ этихъ поръ герои Пушкина стараются отстоять свою независимость среди общества,—съ этой точки зрѣнія объясняетъ авторъ Онѣгина: „на характерѣ героя поэмы отразилась основная черта характера Пушкина—его душевное благородство,—...оно органически связано съ чувствами общественной независимости" [2]). „Дворянство", съ которымъ носился Пушкинъ, объясняется авторомъ, какъ единственное, съ точки зрѣнія Пушкина, средство къ сохраненію своей независимости. Поэтъ придавалъ этой силѣ не только значеніе лично для себя, человѣка нечиновнаго, но и для русской исторіи, видя въ дворянствѣ культурно-историческую силу, за которой будущее [3]). Проф. Назимовъ вообще считаетъ Пушкина до конца его дней далекимъ отъ „офиціальнаго оптимизма" и въ „Исторіи села Горохина" готовъ видѣть не одну пародію на современные поэту историческіе труды, но и выраженіе воззрѣній поэта на все прошлое русской земли. „Пушкинъ достигъ апогея своего интеллектуальнаго развитія, когда писалъ „Исторію села Горохина". Въ полной силѣ своего таланта, свободный отъ исторической фальши, онъ стоялъ въ глубокомъ раздумьѣ передъ жизнью русскаго народа" [4]). Въ этомъ произведеніи авторъ видитъ „проблескъ геніальной мысли", ключъ отъ которой потерянъ для насъ: „Пушкинъ унесъ съ собою свою тайну" [5]).

Рѣчь проф. Будде [6]) начинается съ указанія на то, что Пушкинъ еще не можетъ быть названъ національнымъ нашимъ писателемъ, такъ какъ для простого народа онъ еще не доступенъ. Затѣмъ авторъ разбираетъ тѣ стихотворенія, которыми завоевалъ Пушкинъ права на общую благодарность всего русскаго народа. Изъ этого разбора естественно вытекаетъ характеристика Пушкина, какъ

[1]) Тамъ же, 62—3.

[2]) Тамъ же, 66.

[3]) Тамъ же, 67.

[4]) Тамъ же, 70.

[5]) Тамъ же, 71.

[6]) Проф. *Евг. Будде*, „А. С. Пушкинъ въ борьбѣ за права русскаго гражданина" („Рѣчь, читанная на торжественномъ собраніи Казанскаго университета", *Русская Мысль*, 1900 г. № 10, 130).

друга человѣчества, искренняго и свободнаго пѣвца, боровшагося за свободу мысли и слова, защитника права гражданскаго и чувства собственнаго достоинства, воспѣвавшаго милость къ падшимъ и чувства добрыя. „Пушкинъ, говоритъ авторъ, давалъ искренній совѣтъ поэту не дорожить любовью народною, такъ какъ въ то время, когда онъ жилъ, эта любовь не была еще любовью, не была еще искренней и сознательной у самого народа, т. е. „непросвѣщенной толпы" [1]). Кромѣ того, онъ всегда былъ „полонъ чувства собственнаго достоинства, которое онъ не безъ риска для себя отстаивалъ всю свою жизнь предъ глазами всего отечества и которое онъ завѣщалъ своею дѣятельностью всякому русскому гражданину" [2]). Любопытно сопоставленіе „Наказа" съ одой „Вольность" [3]), доказывающее, что произведеніе Пушкина есть, въ сущности, близкое переложеніе идей Екатерины. Увлекаясь этимъ сопоставленіемъ, г. Будде готовъ утверждать, что „вся дѣятельность Пушкина, которая выразилась въ его лирическихъ произведеніяхъ, сплошная защита правъ русскаго гражданина на законную свободу" [4]). Это— „проповѣдь народнаго просвѣщенія, проповѣдь и свободы просвѣщенной", и протестъ противъ беззаконія „барства дикаго и сильныхъ міра его времени!" [5]). Едва ли такая характеристика лирики Пушкина можетъ быть признана удачной!

Интересна, хотя одностороння работа г. Мякотина, посвященная анализу пушкинскихъ политическихъ убѣжденій [6]). Изъ скромныхъ рамокъ отчета о книгѣ Л. Н. Майкова („Пушкинъ") статья г. Мякотина разрослась въ большую работу, написанную живо, съ увлеченіемъ, съ хорошимъ знаніемъ пушкинской литературы и умѣніемъ вѣрно схватывать существенное. Авторъ слѣдитъ за ростомъ политическихъ воззрѣній Пушкина съ его дѣтства. Широко и свободно рисуетъ онъ тотъ подъемъ самосознанія и патріотизма, которымъ отмѣчены въ исторіи русскаго общества годы юности поэта [7]). Свѣжестью блещетъ характеристика лицея и того „лицейскаго духа",

---

[1]) Тамъ же, 139.
[2]) Тамъ же, 139.
[3]) Тамъ же, 141.
[4]) Тамъ же, 143.
[5]) Тамъ же.
[6]) *В. Мякотинъ*, „Изъ Пушкинской эпохи" (*Сб. Русскаго Богатства*, 1899 г.).
[7]) Тамъ же, 192—4.

который своей свободой пугалъ людей павловскаго режима [1]. Совершенно правильно оцѣнено то странное положеніе Пушкина, въ какомъ онъ очутился по выходѣ изъ лицея, дѣля свои симпатіи между взбудораженною молодежью, будущими декабристами, и „степенными“ арзамассцами, либерализмъ которыхъ былъ только „приличнымъ“ [2]. Въ результатѣ, „при всей своей симпатіи къ освободительнымъ стремленіямъ эпохи, Пушкинъ не былъ охваченъ такимъ глубокимъ и, главное, такимъ безраздѣльнымъ увлеченіемъ общественными интересами, какое переживали нѣкоторые его сверстники. Въ его собственной природѣ, можетъ статься, слишкомъ преобладали художественные инстинкты, и слишкомъ сильна была жажда разнообразія жизненными впечатлѣніями“ [3]. Далѣе авторъ внимательно слѣдитъ за жизнью Пушкина на югѣ, выясняетъ отношенія поэта къ греческому возстанію, къ либераламъ южной арміи, говоритъ объ отношеніяхъ къ Раевскимъ, Бестужеву, Рылѣеву, о жизни поэта въ Михайловскомъ. Все это очерчено совершенно вѣрно, но новаго ничего мы здѣсь не встрѣтили. Гораздо интереснѣе выяснены отношенія Пушкина къ Имп. Николаю. „Нѣкоторые писатели, говоритъ г. Мякотинъ, утверждали, что Пушкинъ въ 1826 году совершилъ крутой поворотъ, перейдя въ лагерь, прямо противоположный тому, въ какомъ онъ находился раньше, при чемъ одни изъ нихъ относятся къ этому повороту съ безусловной похвалой, другіе же—напротивъ, съ осужденіемъ, видя въ немъ результатъ угодливости поэта. По мнѣнію другихъ критиковъ, Пушкинъ и въ Николаевскую эпоху сохранилъ гуманную и просвѣщенную основу своихъ убѣжденій, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ нихъ произошелъ рядъ очень крупныхъ и существенныхъ измѣненій, въ концѣ концовъ, далеко отведшихъ поэта отъ тѣхъ людей, съ которыми онъ нѣкогда стоялъ рядомъ въ качествѣ единомышленника. Существуетъ, наконецъ, и такое мнѣніе, — наименѣе, однако, распространенное — согласно которому Пушкинъ и въ послѣдній періодъ своей жизни не испыталъ никакой существенной перемѣны въ своихъ убѣжденіяхъ, а являлся выразителемъ и носителемъ общественныхъ идей 20-хъ годовъ“ [4]. Г. Мякотинъ вѣрно опредѣляетъ границу между декабристами и Пушкинымъ: „онъ

[1]) См. „Нѣчто о Царскосельскомъ Лицеѣ и духѣ его“ (*Русская Старина*, 1897 г., № 4).

[2]) Тамъ же, 200. Характеристика движенія декабристовъ 201—3.

[3]) Тамъ же, 206.

[4]) Тамъ же, 222—3. (Мнѣніе г. Якушкина. См. ниже).

скорѣе сочувствующій, чѣмъ равноправный участникъ движенія — болѣе самъ подчинялся вліянію его, чѣмъ вліялъ на него" [1]). Вторую половину этихъ утвержденій не мѣшало бы, впрочемъ, усилить: онъ не былъ не только равноправнымъ, но и вообще участникомъ движенія и уже, конечно, совсѣмъ не вліялъ на него. Далѣе г. Мякотинъ отмѣчаетъ чисто личную черту характера Пушкина, ту „благородную память сердца", которая всегда заставляла его съ любовью, съ сердечнымъ участіемъ относиться къ пострадавшимъ друзьямъ (Кюхельбекеръ, Пущинъ). Общее гуманное направленіе на всю жизнь осталось при Пушкинѣ, но на этомъ фонѣ развились взгляды на конкретные случаи русской жизни, отличные отъ убѣжденій декабристовъ [2]). Пушкинъ рѣшился идти вмѣстѣ съ правительствомъ, и черезъ него вліять на русское просвѣщеніе [3]). Изъ этого желанія выводитъ г. Мякотинъ желаніе поэта сблизиться съ императоромъ, его „Стансы" и житейскіе компромиссы. Но мечты Пушкина не оправдались,—изъ русскаго общества были вычеркнуты лучшіе люди, остальные притихли—общество потускнѣло, замерло... „Въ эту-то разрѣженную среду, съ ея поблѣднѣвшими красками и пониженнымъ пульсомъ жизни, вошелъ Пушкинъ [4]). Это уже не было то бодрое общество 20-хъ годовъ, изъ котораго былъ вырванъ Пушкинъ. Естественно, на впечатлительнаго поэта должна была угнетающе подѣйствовать новая среда. Къ тому же присоединился *личный* элементъ. Поэтъ былъ „подкупленъ лаской послѣ гоненій". Отсюда идутъ „компромиссы"—съ одной стороны,—и преклоненіе передъ „искусствомъ для искусства"— съ другой. Дворянскіе предразсудки въ немъ усилились. начинается отрицаніе европейской цивилизаціи, интересъ къ освобожденію крѣпостныхъ слабѣетъ, отношеніе къ Радищеву мѣняется... Выводъ г. Мякотина: Пушкинъ „не былъ въ Николаевскую эпоху выразителемъ общественныхъ идей 20—30-хъ годовъ" [5]),—хотя, все-таки. поэтъ, ушедшій въ безоблачную высь чистаго художественнаго творчества, писатель, пытавшійся примирить свои взгляды съ современною ему жизнью путемъ ряда уступокъ и компромиссовъ, великій художникъ оставался все-таки человѣкомъ слишкомъ безпокойнаго ума и слиш-

---

[1]) Тамъ же, 224.
[2]) Тамъ же, 228.
[3]) Тамъ же, 228.
[4]) Тамъ же, 229.
[5]) Тамъ же, 236.

комъ горячаго сердца для своего „жестокаго вѣка“ [1]). Мы изложили и цитовали интересную статью г. Мякотина такъ подробно для того, чтобы дать о ней болѣе ясное представленіе. Но насколько справедливо выяснилъ онъ отношенія поэта къ императору, настолько неправъ, повидимому, не признавая, что есть что-то повыше либеральныхъ идей, пріуроченныхъ къ опредѣленной эпохѣ. Онъ словно упрекаетъ Пушкина за то, что тотъ не былъ представителемъ общественныхъ идей 20—30-хъ годовъ. И, слава Богу, что не былъ! Можетъ быть, мы бы теперь и не поминали его, если бы онъ служилъ одной политикѣ! Какую цѣну имѣютъ, хотя бы, тѣ произведенія Мицкевича, въ которыхъ поэтъ побѣжденъ политикомъ! Пушкинъ не измѣнялъ идеямъ 20-хъ годовъ, — онъ *переросталъ* ихъ: крикливыя—„свобода, равенство, братство“ тускнѣли и меркли, когда передъ нимъ все опредѣленнѣе и ярче стало рисоваться другое божество—„человѣчность“, божество, которое незримо зрѣетъ гдѣ-то глубоко въ тайникахъ человѣческаго сердца, но, выросши, никогда не профанируется такъ, какъ легко доступныя компромиссамъ—„свобода, братство и равенство“! Затѣмъ другая коренная ошибка г. Мякотина заключается въ томъ, что онъ совсѣмъ не желаетъ понять, что Пушкинъ—не простая единица, какъ, напримѣръ, заурядный, хотя и честный, и благородный Пущинъ, а натура художественная, организація которой и нервная, и психическая совсѣмъ иныя... Пушкинъ, впрочемъ, самъ не понялъ себя, когда, дѣйствительно, задумалъ вліять на правительство и русское общество путемъ публицистики. Какъ слабъ онъ въ своей запискѣ о воспитаніи! Чувствуется, что онъ не хозяинъ своихъ идей, словъ, фразъ, — онъ бредетъ съ завязанными глазами и спотыкается на каждомъ шагу. Его дѣло—жить образами. И въ этомъ отношеніи Пушкинъ поэтъ изъ поэтовъ, онъ даже свободнѣе Гете и Шиллера, такъ какъ тенденціи въ немъ меньше, чѣмъ въ нихъ, такъ какъ самые различные образы слетались къ нему постоянно и отовсюду, и онъ воплощалъ ихъ въ дивныя формы. Мелькнетъ передъ нимъ „кинжалъ“, „свободы тайный стражъ“,—онъ рисуетъ рядъ величавыхъ образовъ и ореоломъ окружаетъ его, забывъ о разныхъ „властяхъ предержащихъ“... Мелькнетъ-ли идеализированный образъ царя — онъ, окрыленный, пишетъ свои „Стансы“... Покорный рабъ, съ ядомъ въ рукѣ умирающій у ногъ владыки — опять чудный образъ! — и онъ пишетъ свой „Анчаръ“, нисколько не заботясь о

[1]) Тамъ же, 237.

Бенкендорфахъ, о тѣхъ толкованіяхъ, которыя дадутъ этому произведенію либералы, радикалы, консерваторы... Онъ творилъ свободно, потому что вездѣ видѣлъ красоты, потому что духъ его былъ независимъ въ высокой степени, потому что не зналъ онъ заборовъ, которыми разгораживаютъ свое бытіе люди иного порядка, люди, конечно, часто и честные, и полезные... Вотъ почему ошибочнымъ кажется намъ говорить о политическихъ убѣжденіяхъ Пушкина, хвалить его или порицать. Можно говорить о настроеніяхъ современнаго ему общества и ловить въ его поэзіи отзвуки этихъ настроеній,—можно указать, какъ померкла эта чудная поэзія, когда жизнь тяжелымъ кольцомъ сдавила пѣвца...

Все то, что сказано нами г. Мякотину, можетъ быть сказано и г. Якушкину, который высказался по этому же вопросу въ рѣчи своей на майскомъ засѣданіи Общества любителей русской словесности [1]), а также въ перепечатанной имъ извѣстной статьѣ: „Радищевъ и Пушкинъ“ [2]). Цѣль статьи—защита Пушкина отъ обвиненія въ измѣнѣ юношескимъ убѣжденіямъ; авторъ доказываетъ, что до конца дней своихъ поэтъ остался тѣмъ же, только извѣрился въ средства, которыми могутъ быть осуществлены его политическія мечты. Статью Пушкина о Радищевѣ, по мнѣнію г. Якушкина, понимать надо какъ-то *иносказательно*, такъ какъ она написана „эзоповскимъ языкомъ“ съ цѣлью замаскировать передъ властями свои идеи. Вся статья г. Якушкина — это сплошной tour de force, едва-ли могущій кого нибудь убѣдить. Что же касается до того, нуждается-ли Пушкинъ въ такомъ „оправданіи“, мы говорили уже выше. На нашъ взглядъ, статья его о Радищевѣ—это такое же неудачное произведеніе, какъ и „записка о воспитаніи“,—здѣсь полное смѣшеніе точекъ зрѣнія: поэтъ судитъ Радищева и какъ художникъ, и какъ либералъ, и какъ консерваторъ, и какъ простой читатель,—и все это безъ всякой системы и порядка. Уловить сущность воззрѣній Пушкина по этой статьѣ нельзя,—онъ и ругаетъ Радищева и хвалитъ его, повидимому, за одно и то же. Вотъ почему старанія г. Якушкина „дешифрировать иносказательный языкъ“ [3]) поэта производятъ впечатлѣніе сложной казуистики, постоянно обличаемой словами самого Пушкина. Поэтому, думается намъ, отношенія Пушкина къ декабристамъ гораздо вѣрнѣе

---

[1]) „Общественные взгляды Пушкина“—рѣчь, къ сожалѣнію, не напечатанная.

[2]) *В. Я. Якушкинъ*. „О Пушкинѣ“, стр. 3. Москва, 1899. (Перепечатка изъ „Чтеній въ Обществѣ Исторіи и Древностей Рос.“ 1886, кн. I).

[3]) Тамъ же, 30, 35.

представлены у г. Мякотина,—для г. Якушкина Пушкинъ, повидимому, ничѣмъ не отличается отъ другихъ дѣятелей возстанія. Примиреніе поэта съ правительствомъ авторъ представляетъ какимъ то договоромъ двухъ враждующихъ сторонъ,—едва ли это вѣрно. Даже слова Пушкина: „мое будущее поведеніе зависитъ отъ обстоятельствъ, отъ обхожденія *со мною* правительства" [1])—фраза, ясно указывающая, что у поэта не было въ то время еще никакой опредѣленной программы отношеній къ режиму, что онъ самъ сознавалъ, какъ измѣнчивы эти *личныя* отношенія и какъ мало могъ онъ отвѣчать за себя,—эта фраза для г. Якушкина обращается въ статью „договора", при толкованіи которой отброшено главное—пониманіе души поэта. „Онъ ставитъ примиреніе въ зависимость отъ образа дѣйствій правительства" [2])... Прекрасно комментируетъ г. Якушкинъ „Стансы" и другія стихотворенія, посвященныя Импер. Николаю, и не особенно убѣдительно сравниваетъ нашего поэта съ Гораціемъ. Самая сильная часть работы г. Якушкина—это характеристика Радищева и его книги.

Проф. Казанскій посвятилъ свой очеркъ характеристикѣ Пушкина, какъ „общественнаго и государственнаго мыслителя" [3]). Совершенно справедливо указалъ онъ, что „въ своихъ произведеніяхъ Пушкинъ коснулся, такъ или иначе, всѣхъ сторонъ общественной жизни Россіи: религія и вѣрованья русскаго народа, его нравственныя воззрѣнія и стремленія, общественныя отношенія, государственный строй, политика внутренняя и внѣшняя,—все нашло въ его поэзіи свое отраженіе" [4]). Въ этихъ словахъ—вся программа статьи проф. П. Казанскаго: ссылками на сочиненія Пушкина онъ доказываетъ свои слова, объясняя разныя черты пушкинскаго облика условіями эпохи и жизни поэта. Передъ нами проходитъ Пушкинъ, какъ разумный поклонникъ русскаго народа („Я могу быть патріотомъ, не ненавидя другихъ народовъ"—слова Пушкина), какъ пѣвецъ свободы, политической и духовной, законности, какъ носитель дворянскихъ традицій, изобразитель духовенства и крестьянства. Выясняются его отношенія къ просвѣщенію, къ войнѣ и миру, къ польскому возстанію, къ движенію Россіи на югъ, къ возстанію Греціи. Не согласиться со всѣмъ этимъ нельзя; для доказательства этихъ положеній проф. Ка-

[1]) Пушкинъ, соч., VII, 173.

[2]) *Якушкинъ*, op. cit. 54.

[3]) Проф. *П. Казанскій*, „Народно-освободительные взгляды Пушкина" (Книжки „*Недѣли*", 1899, № 11).

[4]) Тамъ же, 183.

занскій пользуется данными, не представляющими новизны и не возбуждающими спора, но нельзя не упрекнуть автора за полное смѣшеніе хронологіи отзывовъ поэта о разныхъ вопросахъ русской общественности и государственности. Жаль также, что авторъ приписалъ стихотворенію „Деревня" большое культурное вліяніе въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Извѣстно, что стихотвореніе это впервые напечатано въ 1870 году, а потому въ свое время могло быть лишь извѣстно друзьямъ поэта да немногимъ столичнымъ любителямъ литературныхъ рѣдкостей.

На страницахъ „Научнаго Обозрѣнія" мы имѣемъ анонимную характеристику Пушкина, какъ общественнаго дѣятеля [1]). Авторъ касается всѣхъ общеизвѣстныхъ фактовъ изъ жизни поэта, цитуетъ всѣ либеральныя произведенія его, но, въ общемъ, грубо и угловато чертитъ образъ поэта: достается мимоходомъ и русскому обществу за духъ „Булгарина и Бенкендорфа", сильно попадаетъ Владиміру Соловьеву, Писареву и Спасовичу. Выясненіе отношеній Пушкина и русскаго общества къ крѣпостничеству, польскому вопросу, Радищеву, разсказы о „мальчишескихъ" выходкахъ Пушкина, о закладываньи имъ крестьянскихъ душъ,—все это странно перемѣшано съ біографическими фактами, съ его либеральными стихотвореніями.

Г. Божеряновъ разсказалъ своимъ читателямъ о любви Пушкина „къ народу, отечеству и государямъ" [2]). Передъ нами семь листовъ о Пушкинѣ,—„взглядъ и нѣчто", охватывающіе кругъ вопросовъ гораздо болѣе широкій, чѣмъ тотъ, что показанъ въ темѣ.

Отмѣтимъ, въ заключеніе, изданіе „Московскихъ Вѣдомостей": „Пушкинъ о вѣрѣ, царѣ и родинѣ" [3]). Передъ нами подборъ тѣхъ мѣстъ изъ твореній Пушкина, которыя пришлись по вкусу московской консервативной газетѣ. Образъ поэта, конечно, самъ собой складывается очень опредѣленнымъ изъ такой подтасовки. Насколько онъ вѣренъ, вопросъ другой.

В. В. Сиповскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

[1]) „Пушкинъ" (*Научное Обозрѣніе*, 1899, № 6).

[2]) *Н. Н. Божеряновъ*, „Памяти Пушкина", „Значеніе Пушкина, его любовь къ народу, отечеству и государямъ", 1899.

[3]) Прибавленіе къ № 143 *Московскихъ Вѣдомостей*.

И. Я. Гурляндъ. 1) Ямская гоньба въ Московскомъ государствѣ до конца XVII вѣка. Ярославль. 1900 г.

И. Я. Гурляндъ. 2) Новгородскія ямскія книги 1586 — 1631 гг. Ярославль. 1900 г.

Изслѣдованіе приватъ-доцента Демидовскаго юридическаго лицея И. Я. Гурлянда посвящено весьма интересному и мало разработанному вопросу изъ области исторіи древне-русской администраціи, именно ямской гоньбѣ. Вторая изъ названныхъ выше книгъ составляетъ приложеніе къ этому изслѣдованію, представляя собою изданіе рукописнаго матеріала, найденнаго авторомъ въ Императорской Публичной библіотекѣ, коимъ онъ пользуется и для своей работы.

Прежде чѣмъ приступать къ оцѣнкѣ интереснаго труда г. Гурлянда, позволимъ себѣ, въ немногихъ словахъ, передать его содержаніе. Въ введеніи г. Гурляндъ дѣлаетъ обзоръ литературы своего предмета, по большей части состоящей изъ журнальныхъ статей. Онъ передаетъ содержаніе этихъ работъ и въ немногихъ словахъ указываетъ ихъ достоинства и недостатки. Затѣмъ, прежде чѣмъ приступить къ самому изслѣдованію, авторъ отмѣчаетъ необходимость раздѣлить исторію ямской гоньбы въ древней Руси на три періода. Въ первомъ періодѣ господствовала подводная повинность, во второмъ—появляются ямскіе охотники и ямскія слободы, въ третьемъ—Московское правительство устраиваетъ ямскую гоньбу послѣ смутнаго времени. Независимо сего, г. Гурляндъ счелъ необходимымъ въ отдѣльныя главы выдѣлить обзоръ ямской гоньбы путемъ мірскихъ отпусковъ, принципіально имъ различаемой отъ стройной ямской гоньбы, и исторію сибирской ямской гоньбы (стр. 3—23).

Въ первой главѣ изслѣдованія разсматривается вопросъ о происхожденіи на Руси ямской гоньбы. Авторъ соглашается съ тѣмъ взглядомъ, что съ самаго ранняго времени существовала особая подводная повинность, по которой населеніе обязано было давать подводы для княжескихъ гонцовъ. При этомъ г. Гурляндъ указываетъ, что подъ словомъ подвода въ то время „понимались только лошади, а не лошади вмѣстѣ съ санями или телѣгой“ (стр. 25). Населеніе всегда тяготилось этой повинностью и по жалованнымъ грамотамъ иногда отъ нея освобождалось. Но во всякомъ случаѣ, подводная повинность существовала лишь по мѣрѣ надобности и не была „ямской гоньбой, т. е. такой организованной системой сообщенія, гдѣ заранѣе заготовленныя подводы всегда на извѣстныхъ пунктахъ ждутъ требованія и

существуютъ спеціальныя лица, вѣдающія распорядокъ по этому дѣлу" (стр. 28). Слово „ямъ" встрѣчается впервые не раньше нашествія татаръ. Г. Гурляндъ соглашается съ приводимыми имъ многочисленными данными о татарскомъ происхожденіи слова „ямъ". Онъ указываетъ, что у монголовъ уже въ то время существовала организованная ямская гоньба. Но, затѣмъ, онъ не согласенъ съ тѣми изслѣдователями, которые приписываютъ введеніе ямской гоньбы татарскому игу. Авторъ говоритъ, что передвиженіе татарскихъ гонцовъ и пословъ было вполнѣ обезпечено подводной повинностью въ предѣлахъ собственно русскихъ. Ямская гоньба существовала лишь въ ордѣ. „Ямъ", введенный татарами, былъ денежной повинностью, освобождавшей отъ повинности натуральной. Для татаръ она была гораздо выгоднѣе этой послѣдней, такъ какъ ложилась на все населеніе Руси, тогда какъ первая коснулась бы только населенія мѣстностей, расположенныхъ при большой дорогѣ (стр. 29—43). Кончается первая глава замѣчаніемъ, что въ началѣ XV вѣка на Руси еще не существовало стройной ямской гоньбы и указаніемъ, что основателемъ ея можетъ считаться Иванъ III (стр. 44—50).

Вторая глава настоящаго изслѣдованія посвящена исторіи ямской гоньбы въ концѣ XV и въ первой половинѣ XVI вѣка. Со времени Ивана III „по нѣкоторымъ дорогамъ, въ извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, были учреждены станціи, называвшіяся ямами, имѣвшія значеніе пунктовъ, куда окрестное населеніе должно было выставлять опредѣленное количество подводъ" (стр. 51). Учрежденіемъ ямовъ преслѣдовались цѣли политическія—объединеніе Русской земли.

Въ концѣ XV вѣка существовало уже много ямовъ, образовавшихъ пути сообщенія Москвы съ западною границею, Рязанью и Дономъ (стр. 52—55). Въ зависимости отъ значенія дороги, ямы находились въ болѣе близкомъ или болѣе далекомъ разстояніи другъ отъ друга. Отъ этого же зависѣло и число ямщиковъ и подводъ. Въ разсматриваемую эпоху „во главѣ ямовъ ставились ямщики... на каждомъ яму ихъ было немного: иногда двое, иногда нѣсколько больше. Какъ правило, вѣроятно, не менѣе двухъ, но едва ли болѣе 3 — 4" (стр. 57). „Самая гоньба велась населеніемъ, его лошадьми, его людьми, ямщики же только вѣдали распорядокъ по гоньбѣ" (стр. 58). Ямщики избирались населеніемъ, подъ контролемъ намѣстниковъ, и утверждались въ должности въ Москвѣ казначеями, отъ которыхъ получали и деньги на веденіе почтовой гоньбы (стр. 59 — 60). Вся тягость гоньбы лежала на населеніи, какъ и прежде, въ видѣ нату-

ральной повинности (стр. 61 — 67). Къ этому еще прибавлялась и денежная повинность, сохранившая названіе „яма", и сбиравшаяся уже не на татаръ, а на Московскаго государя. Отношеніе ямщиковъ къ проѣзжимъ опредѣлялось особыми грамотами. Ямщики имѣли особые надѣлы земли, доходившія до сохи безъ трети. Кто не имѣлъ надѣла, получалъ кормъ съ окрестнаго населенія (стр. 67—77). Центральное управленіе ямщиками сосредоточивалось въ Москвѣ въ рукахъ казначея и состоявшихъ при немъ ямскихъ дьяковъ. Первый ямской дьякъ упоминается уже съ 1490 г. (стр. 77—84).

Въ третьей главѣ излагается исторія ямской гоньбы до разоренья. Отличіе этого періода отъ предыдущаго авторъ усматриваетъ въ томъ, что населеніе, обязанное натуральною повинностью, стало выставлять на ямы уже не подводы, а людей, ямскихъ охотниковъ, обязанныхъ производить ямскую гоньбу. Г. Гурляндъ указываетъ на постепенность и естественность измѣненія системы ямской повинности и относитъ явленіе это, связанное съ учрежденіемъ ямскихъ слободъ, къ шестидесятымъ годамъ XVI вѣка (стр. 85 — 94). Затѣмъ авторъ разсматриваетъ вопросъ объ отношеніи ямскихъ слободъ къ окрестному населенію, о надѣлѣ этихъ слободъ землею, объ ихъ дворовомъ устройствѣ, составѣ и управленіи (стр. 95—172). При этомъ г. Гурляндъ замѣчаетъ, что во всю вторую половину XVI вѣка и въ началѣ XVII вѣка не существовало особой централизаціи ямского управленія и всѣ дѣла по этой отрасли управленія шли черезъ мѣстныя власти (стр. 172—175).

Въ особую (IV) главу г. Гурляндъ выдѣлилъ обзоръ сибирской ямской гоньбы. Первые сибирскіе ямы были учреждены между 1598—1600 гг. При устройствѣ въ Сибири ямской гоньбы первоначально предполагалось возложить на населеніе подводную повинность. Но, благодаря рѣдкости населенія, очень скоро ввелась стройная ямская гоньба, какъ и въ центральной Россіи, черезъ посредство ямскихъ охотниковъ, жившихъ въ ямскихъ слободахъ (стр. 176 — 179). Въ Сибири ямскіе охотники не избирались изъ населенія, а „выкликались" по русскимъ центральнымъ городамъ (стр. 179—184). Въ виду этого ямскимъ охотникамъ въ Сибири былъ назначаемъ сравнительно большой окладъ денежнаго и хлѣбнаго жалованья (стр. 184 — 188). Но отношеніе къ мѣстной администраціи и окрестному населенію было очень ненормально. Во-первыхъ, ямскіе охотники, въ виду своего переселенія изъ Россіи, требовали всякихъ льготъ себѣ, а съ другой стороны, администрація, дозволяя иногда ямщикамъ буйства и воль-

ности, не упускала случая поживиться на ихъ счетъ. Особенно тягостно ложились на жителей ямскихъ слободъ постоянныя пререканія о прогонахъ (стр. 188 — 195). Впрочемъ, въ XVII вѣкѣ правительствомъ былъ предпринятъ рядъ мѣръ къ огражденію интересовъ ямскихъ охотниковъ (стр. 195—205).

Въ пятой главѣ г. Гурляндъ разсматриваетъ исторію ямской гоньбы въ смутное время и затѣмъ до конца XVII вѣка. Смутное время сильно разстроило ямскую гоньбу. Первые годы царствованія Михаила Ѳедоровича были посвящены, между прочимъ, упорядоченію этого дѣла. Рядомъ постепенныхъ мѣръ удалось установить болѣе или менѣе однообразную плату ямщикамъ. Затѣмъ, въ виду того, что населеніе ямскихъ слободъ значительно разрослось и образовало цѣлый классъ ямщиковъ, населеніе окрестныхъ мѣстностей было избавлено отъ обязанности поставлять ямскихъ охотниковъ. Для населенія ямскихъ слободъ ямская гоньба замѣняла тягло (стр. 206—233). Денежная ямская повинность въ XVII вѣкѣ была увеличена. Именно, кромѣ большихъ ямскихъ денегъ, по 20 руб. съ тяглой единицы въ годъ, былъ установленъ еще сборъ „малой ямщины" по 10 рублей (стр. 233—236). Въ жалованныхъ грамотахъ XVII вѣка, а равно при переппскѣ болѣе раннихъ грамотъ, льгота не распространялась на плату ямскихъ денегъ (стр. 236—240). Вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ урегулированъ вопросъ о прогонахъ за ямскую гоньбу (стр. 240—257). Глава оканчивается сообщеніемъ свѣдѣній о ямскихъ дорогахъ и объ уставныхъ грамотахъ по ямскому дѣлу (стр. 257—269).

Шестая глава посвящена обзору мірской гоньбы, въ отличіе отъ ямской стройной гоньбы. Именно, авторъ указываетъ, что параллельно съ послѣдней, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сохранилась за населеніемъ старинная натуральная повинность давать подводы подъ царскихъ гонцовъ и ихъ кладь. Отдѣльныя волости раскладывали между собою эту повинность и исполняли ее въ своихъ предѣлахъ. Отвѣтить на вопросъ, почему въ однихъ мѣстностяхъ была стройная ямская гоньба, а въ другихъ мірская, авторъ не берется. Онъ указываетъ только, что по всей вѣроятности это произошло, отчасти, случайно, а отчасти изъ-за дороговизны стройной ямской гоньбы: Московское правительство сохранило мірскую гоньбу тамъ, гдѣ не имѣло средствъ ввести стройную. Въ заключеніе г. Гурляндъ сообщаетъ свѣдѣнія о системѣ мірской гоньбы и о способѣ раскладки между населеніемъ волости этой натуральной повинности (стр. 270—295).

Въ послѣдней, седьмой главѣ, довольно кратко излагается исторія

возникновенія, свѣдѣнія о составѣ и дѣятельности ямского приказа; возникновеніе его г. Гурляндъ относитъ ко второй половинѣ XVI вѣка. Затѣмъ, онъ указываетъ, что и при его существованіи къ ямскому дѣлу имѣли отношеніе и другіе центральные органы Московскаго государственнаго управленія. Никакой особой системы въ этомъ не было (стр. 296—322).

Въ приложеніи (стр. 322—339) напечатано: замѣтка объ участіи Миллера въ Древней Россійской Вивліоѳикѣ, свѣдѣнія объ окладахъ ямскихъ денегъ и о личномъ составѣ ямского приказа.

Приступая къ нѣкоторымъ замѣчаніямъ по поводу изложеннаго труда г. Гурлянда, долгомъ считаемъ сказать, что признаемъ настоящее изслѣдованіе весьма интереснымъ, прекрасно разработаннымъ и строго научнымъ. Авторъ воспользовался большою историческою литературою, напечатанными и архивными источниками, самъ обнародовалъ весьма цѣнныя рукописныя данныя. Поэтому тѣ нѣсколько словъ, которыя мы имѣемъ сказать теперь, не должны быть разсматриваемы какъ желаніе унизить почтенную работу г. Гурлянда; это лишь замѣчанія, клонящіяся къ вящему разъясненію истины.

Прежде всего позволимъ себѣ замѣтить, что намъ представляется древне-русская подводная повинность совсѣмъ не такой опредѣленной, какъ это полагаетъ авторъ [1]) вслѣдъ за проф. М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ [2]). При этомъ должно обратить вниманіе на слѣдующія обстоятельства: во-первыхъ, весьма трудно различить фактъ и право въ отношеніи захвата подводъ и полученія кормовъ княжескими гонцами. Мы знаемъ, что князья выговариваютъ для своихъ гонцовъ право получить коней и кормъ, но можно полагать, только при „ратной вѣсти" [3]). Въ жалованныхъ грамотахъ, которыхъ дошло до насъ отъ самаго начала XV вѣка и первой его половины великое множество, мы встрѣчаемъ весьма категорическое запрещеніе намѣстникамъ, волостелямъ, *а также князьямъ, боярамъ, дѣтямъ боярскимъ и всякимъ ѣздокамъ* ставиться у мѣстнаго населенія, брать кормы, подводы и проводниковъ [4]). Есть случай, когда дозволяется населенію

---

[1]) Стр. 23—25.

[2]) „Обзоръ исторіи русскаго права" К. 1900 стр. 91 и 226.

[3]) С. Г. Гр. и Д. I №№ 1, 3, 6 (приведены и у г. *Гурлянда* разбир. соч. стр. 25 пр. 2).

[4]) А. отн. д. Ю. Б. № 31 (XIV); А. А. Э. I № 51, 89. См. Н. П. *Павловъ-Сильванскій* „Иммунитеты въ удѣльной Руси" (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1900, XII стр. 336—337 и пр. 3).

„не пускать и бить" княжескихъ ѣздоковъ [1]). А если обратить вниманіе, что почти всѣ земли съ населеніемъ, принадлежащія большимъ монастырямъ: Троице-Сергіеву, Кирилло-Бѣлозерскому, Ѳерапонтову и др. и раскинутыя по всей тогдашней Руси, пользовались подобными иммунитетами, то сфера примѣненія подводной повинности окажется весьма не широкой—это одни черныя волости. Во-вторыхъ, до татарскаго ига подводная повинность не могла имѣть никакого значенія, такъ какъ очевидно, что данный князь могъ ею пользоваться лишь въ предѣлахъ своего маленькаго княженья. Всего вѣроятнѣе, что княжескіе гонцы имѣли съ собою запасныхъ коней и брали у населенія лишь кормъ, пользуясь его гостепріимствомъ, а часто и насильно, такъ какъ всѣ болѣе или менѣе значительныя лица того времени ѣздили съ большою военною свитою.

Поэтому смѣемъ думать, что подобная натуральная повинность врядъ-ли могла замѣнять для татарскихъ гонцовъ и пословъ стройную ямскую гоньбу. Изъ приведенныхъ г. Гурляндомъ свѣдѣній [2]) о татарской системѣ ямской гоньбы можно сдѣлать прямое заключеніе. что пользованіе лошадями придорожнаго населенія основывалось на насиліи, оправдываемомъ грамотою Батыя и силою гонцовъ. Что касается до сужденія о положеніи ямской повинности въ XV вѣкѣ и объ отношеніи населенія къ ней, по грамотамъ и документамъ XVI вѣка, какъ это дѣлаетъ авторъ, то, по нашему мнѣнію, это совершенно невозможно. Г. Гурляндъ говоритъ [3]): „Населеніе. какъ уже сказано, само вело раскладку повинности, но уравнительность достигалась съ трудомъ, и потому, вѣроятно, нерѣдки были случаи вмѣшательства князей въ мірскіе распорядки". Нигдѣ не приведено свѣдѣній о раскладкѣ населеніемъ повинности и нѣтъ указаній на источники, доказывавшіе, что населеніе дѣйствительно въ XIV, XV вв. жаловалось на тягость повинности.

„Подлинныхъ дѣлъ этого рода мы не знаемъ для времени до послѣдней четверти 16 вѣка. Но если уравнительность не достигалась и при сравнительно развитой административной системѣ, нѣтъ основаній думать, что она достигалась въ болѣе раннее время" [4]). Это совершенно невѣрно. Авторъ самъ указываетъ, что въ концѣ XV вѣка или началѣ XVI вѣка Иванъ III ввелъ организованную систему со-

[1]) Н. П. *Павловъ-Сильванскій* l. cit.; А. А. Э. I № 61.
[2]) Стр. 34—35.
[3]) Стр. 27.
[4]) Стр. 28.

общенія [1]). Въ концѣ же XVI вѣка уже успѣлъ первый періодъ дѣйствія этой системы замѣниться стройною ямскою гоньбою при посредствѣ ямскихъ охотниковъ [2]). Развѣ можно проводить аналогіи между организованной и систематическою административною тяготою и первобытными условіями того быта, когда только начинали слагаться государственныя отношенія. Судить о тягости для населенія подводной повинности по жалованнымъ грамотамъ нельзя, такъ какъ эти грамоты только обезпечивали населеніе отъ произвола и насилія княжескихъ слугъ. Мы не хотимъ сказать, что до конца XV вѣка въ Россіи не было сколько-нибудь организованной системы сообщеній. Изъ духовной Ивана III мы узнаемъ, что при немъ существовала ямская гоньба: „А сынъ мой Василій", говоритъ этотъ князь [3]): „въ своемъ Великомъ княженье дръжытъ ямы и подводы на дорогахъ по тѣмъ мѣстомъ, гдѣ были ямы и подводы на дорогахъ при мнѣ; а дѣти мои Юрьи зъ братьею по своимъ отчинамъ дръжатъ ямы и подводы на дорогахъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ были ямы и подводы по дорогамъ при мнѣ". Больше того, можно полагать, что нѣкоторое вліяніе на организацію ямовъ имѣли татары [4]). Во всякомъ случаѣ, г. Гурляндъ не доказалъ, что ямская гоньба въ видѣ опредѣленной системы возникла при Иванѣ III. Несомнѣнно одно, что этотъ великій князь очень заботился о путяхъ сообщенія [5]).

Г. Гурляндъ обстоятельно изобразилъ состояніе ямской гоньбы при Иванѣ III и въ первой половинѣ XVI вѣка, насколько это было возможно при сравнительно небольшомъ количествѣ источниковъ. Но позволимъ себѣ указать, что онъ весьма бѣгло коснулся очень интереснаго и совершенно неразработаннаго въ наукѣ вопроса о центральномъ ямскомъ управленіи до учрежденія ямского приказа, именно объ отношеніи ямскихъ дьяковъ къ ямской гоньбѣ, о ихъ службѣ въ вѣдомствѣ казначеевъ, о ихъ отношеніи къ докладнымъ и полнымъ грамотамъ на холопство и т. п. Тутъ, прежде всего, представляется страннымъ, что ямское дѣло попало въ руки казначеевъ. Авторъ сообщаетъ фактъ [6]), но не разбираетъ его. Онъ говоритъ лишь [7]), что

---

[1]) Стр. 45.

[2]) Стр. 85—89.

[3]) С. Г. Гр. и Д. I № 144 стр. 398.

[4]) *С. М. Соловьевъ*, „Ист. Россіи съ древн. вр." т. V М. 1864 стр. 261.

[5]) *Н. П. Лихачовъ*, „Разр. дьяки" Спб. 1888 стр. 49.

[6]) Стр. 77.

[7]) Стр. 81—82.

по всей вѣроятности это происходило оттого, что ямское дѣло очень интересовало Московское правительство, что ямскими учрежденіями пользовались, главнымъ образомъ, при международныхъ сношеніяхъ, а потому оно и было поручено казначеямъ, лицамъ очень близко стоявшимъ къ государю и принимавшимъ участіе въ переговорахъ съ иностранными послами. Позволимъ себѣ, съ своей стороны, высказать другой взглядъ. Ямъ возникъ у насъ первоначально въ видѣ подати, именно въ видѣ „татарскаго яма". Денежная повинность такого характера существовала сравнительно въ раннее время [1]). При возникновеніи государственной организаціи въ Москвѣ только два учрежденія болѣе или менѣе обособились въ общей системѣ дворцоваго вотчиннаго управленія, замѣнившаго всѣ другія вѣдомства [2]), это Большой Дворецкій со своимъ вѣдомствомъ и Казначей со своей канцеляріей. Кругъ вѣдомства Большого Дворецкаго былъ болѣе или менѣе опредѣленъ [3]). Казначей исполняетъ почти все остальное. Но въ особенности, до возникновенія въ Москвѣ цѣлой сѣти финансовыхъ приказовъ (Большая казна, Большой приходъ, чети и др). въ казнѣ, у казначея, и въ казенной избѣ вѣдались государственные расходы и доходы [4]). Поэтому вполнѣ естественно, что въ вѣдомствѣ у казначея оказался и ямъ, собиравшійся сперва съ населенія для отправки татарамъ, а потомъ, а быть можетъ и параллельно, и на князя Московскаго. Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, ямскіе дьяки вѣдомства казначеевъ возникли первоначально, какъ финансовые чиновники. И еще представляется спорнымъ вопросомъ, вѣдали-ли эти дьяки ямскою гоньбою. Можно-ли считать ямскихъ дьяковъ предшественниками ямскаго приказа, какъ это дѣлаетъ П. Н. Лихачевъ [5]) и за нимъ г. Гурляндъ [6]), или нѣтъ? Тутъ слѣдуетъ обратить вниманіе на слѣдующія

---

[1]) Съ этимъ согласенъ и г. Гурляндъ (стр. 39) и приводитъ оному доказательство.

[2]) *П. Н. Милюковъ*, „Очерки по исторіи русской культуры". Спб. 1898. стр. 150—151.

[3]) *В. И. Сергѣевичъ*, „Рус. Юр. Др.". Спб. 1890, т. I стр. 397—398 Др. Рос. Вивліоѳ. изд. 1791 г. XX стр. 139—140.

[4]) Мы признаемъ, согласно послѣднимъ изслѣдованіямъ гг. Середонина, Милюкова и Платонова, что чети возникли въ концѣ XVI в. Дѣленіе Ивана III своего государства на трети, повидимому, фантазія.

[5]) „Разрядные дьяки", Спб. 1888, стр. 49 и сл. и особенно „Библіотека и архивъ Московскихъ государей" стр. 57—58 примѣч. (Цитир. послѣднее соч. по кн. г. Гурлянда стр. 299, пр. 2).

[6]) Стр. 82 и 299 пр. 2.

обстоятельства: намъ кажется, что г. Гурляндъ не въ достаточной мѣрѣ отмѣтилъ различіе между первымъ и вторымъ періодами въ исторіи ямской гоньбы въ Московскомъ государствѣ. Какъ на признакъ, онъ указалъ на замѣну ямщика—начальника яма ямскимъ охотникомъ [1]). Но вѣдь онъ самъ, вполнѣ справедливо, изображаетъ [2]) ямщика конца XV и первой половины XVI вѣка, какъ правительственнаго чиновника, избираемаго мѣстнымъ населеніемъ подъ контролемъ намѣстника. Это лицо получало деньги отъ казначея и обязано было въ опредѣленныхъ мѣстахъ, въ случаѣ надобности, нанимать для проѣзжающихъ подводы или суда [3]). Иногда эти лица злоупотребляли своею властью, иногда они насильно забирали подводы, но это не измѣняетъ нормальнаго порядка. Повинность заключалась въ томъ, что населеніе окрестныхъ ему деревень *обязано* было давать въ наемъ подводы и проводниковъ. Авторъ не обратилъ вниманія, что въ подорожныхъ иногда смѣшиваются названія старостъ и ямщиковъ [4]). А въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, по большому тракту, въ мѣстахъ, соединяющихъ два ямскихъ пути и не было ямщика, а вездѣ староста [5]). Засимъ, помимо установленныхъ закономъ ямщиковъ никто не могъ брать подводъ. Въ шертной грамотѣ Абдылъ-Летифа 1508 г., которую цитируетъ и авторъ, впрочемъ не обративъ вниманія па данное мѣсто, сказано [6]): „А хто почнетъ силою кормъ имати и подводы своею рукою, посолъ ли, не посолъ ли, а кто его надъ тѣмъ убьетъ, въ томъ вины нѣтъ". Въ жалованной Смоленской грамотѣ даже еще опредѣленнѣе сказано; согласно ей можно предполагать, что ямщики обязаны были арендовать для постояннаго употребленія подводы и сверхъ этихъ подводъ не могли брать у окрестныхъ жителей никакихъ другихъ подводъ [7]). Такой порядокъ вещей вполнѣ согласуется и съ выраженіемъ духовной Ивана III, въ которой онъ завѣщаетъ дѣтямъ „держать" ямы, гдѣ онъ уставилъ (см. выше). Если бы ямы являлись чѣмъ-то въ родѣ народной повинности, онъ не сказалъ бы

---

1) Стр. 21.

2) Стр. 57 и сл.

3) „Пам. Дипл. Снош." Спб. 1851 т. I столб. 23, 48, 113.

4) „Пам. Дипл. Снош." Спб. 1851 т. I. Въ одномъ и томъ же посольствѣ Юрія Грека 1489 г. въ подорожной ему въ Москвѣ и Твери указаны старосты, а въ подорожной Кульпѣ Оксентьеву ямщики (столб. 24).

5) Въ г. Торжкѣ „П. Дипл. Сн." Спб. 1851, т. I столб. 23 и 48.

6) С. Г. Гр. и Д. II, стр. 33 (№ 27).

7) С. Г. Гр. и Д. I, стр. 412 (№ 148).

„держать ямы". Это выраженіе указываетъ на болѣе интенсивную дѣятельность государственныхъ чиновниковъ и очень подходитъ къ тому, что мы только-что видѣли въ жалованной грамотѣ жителямъ Смоленска 1514 г. Между тѣмъ, второй періодъ ямской гоньбы характеризуется авторомъ, какъ періодъ замѣны ямщиковъ-начальниковъ ямовъ—ямскими охотниками, возившими гонцовъ и получавшими за то земельные надѣлы [1]). Точнѣе сказать, что ямщиковъ-старостъ смѣнили ямщики кучера. Намъ кажется, что никакой связи одного съ другимъ нѣтъ. Ямщики старосты были сборщиками яма и ямскихъ денегъ и, заодно, служили посредниками при наймѣ подводъ для княжескихъ и царскихъ гонцовъ. Это были чиновники, обязанные своевременно нанимать для этихъ гонцовъ у населенія подводы и проводниковъ. Нѣтъ никакихъ свѣдѣній, чтобы именно ямскіе дьяки вѣдали распорядокъ ямской гоньбы до учрежденія ямского приказа. Казначеевы дьяки—да! Но какіе, изъ документовъ не видно. Наоборотъ, ямскіе дьяки, какъ спеціально финансовые чиновники, занимались другимъ дѣломъ, очень хлопотливымъ и обременительнымъ, именно актами поступленія въ холопство и освобожденія отъ него [2]). Происходило это не потому, какъ полагаетъ Н. П. Лихачовъ [3]), что въ одномъ лицѣ случайно соединяли два разнородныхъ дѣла: вѣдь мы видимъ это соединеніе не только по отношенію къ опредѣленному дьяку, но въ видѣ системы [4]). Причиной была, по справедливому замѣчанію пр. В. И. Сергѣевича [5]), финансовая сторона предмета, то обстоятельство, что съ докладныхъ и полныхъ бралась пошлина. Ямщики же—кучера появляются одновременно, а очень вѣроятно и позднѣе учрежденія ямскаго приказа [6]). Дьяки этого послѣдняго вѣдали только тѣми денежными суммами, которыя поступали на непосредственныя нужды ямской гоньбы. Именно, ямъ и ямскія деньги, эта старая денежная повинность, и послѣ учрежденія ямскаго приказа, поступаютъ въ финансовые приказы, замѣнившіе функціи казна-

---

[1]) Стр. 85 сл.

[2]) *А. С. Лаппо-Данилевскій.* „Записная книга крѣпостнымъ актамъ XV—XVI вв." Спб. 1898, №№ 62, 63, 102, 121 и мн. др.

[3]) „Дьяки разряднаго приказа" Спб. 1888, стр. 50—51.

[4]) Разбираемое сочин. стр. 299, пр. 2.

[5]) „Рус. Юр. Др." Спб. 1890, т. I, стр. 417.

[6]) Разбираемое соч. стр. 89 и 296. Авторъ очень нерѣшительно говоритъ о времени учрежденія ямского приказа. Мы еще скажемъ, ниже, нѣсколько словъ по этому предмету.

чеевъ по отношенію къ государственнымъ доходамъ и расходамъ; часть денегъ шла въ приказъ Большой приходъ, часть въ Чети [1]. Г. Гурляндъ самъ это указываетъ, говоря о сборѣ малыхъ ямскихъ денегъ въ Большой приходъ [2]). Такимъ образомъ вопросъ о центральномъ управленіи ямскою частью до учрежденія ямскаго приказа не можетъ быть признанъ безспорнымъ и послѣ сочиненія г. Гурлянда. Мы только что говорили о малыхъ ямскихъ деньгахъ. Это приводитъ насъ ко второму пункту въ разбираемомъ изслѣдованіи, по поводу коего можно сказать нѣсколько словъ. Г. Гурляндъ не согласенъ съ П. Н. Милюковымъ во взглядахъ на происхожденіе малой ямщины и на соотношеніе ея съ большой ямщиной. Именно, г. Милюковъ указывалъ [3]), что въ XVII в. продолжала сбираться старая ямская подать въ размѣрѣ 10 руб. съ сохи (по $2^1/_2$ деньги съ четверти), онъ говоритъ: „по отпискамъ Гарелинскаго собранія можно прослѣдить, какъ въ этомъ размѣрѣ ямскія деньги уплачиваются «по старымъ книгамъ» вплоть до переписи 1678 г., по окончаніи которой онѣ были уничтожены“ [4]). Далѣе же авторъ пишетъ: „Но рядомъ съ ними и независимо отъ нихъ появляется новый ямской окладъ «московскимъ и другихъ городовъ охотникамъ на жалованье» въ огромномъ, сравнительно съ прежнимъ, размѣрѣ“ [5]). 10-ти рублевый ямской налогъ — малая ямщина — старая подать. Новый налогъ, 20-ти рублевая подать—большая ямщина [6]). Такая схема представляется вполнѣ естественной и вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ, что мы сказали о финансовыхъ функціяхъ ямскихъ дьяковъ: малая ямщина, старый ямъ, по прежнему идетъ въ финансовые приказы. Большая ямщина—жалованье ямщикамъ-кучерамъ, идетъ въ ямской приказъ. Но г. Гурляндъ не согласенъ съ выводами г. Милюкова. Онъ говоритъ, въ свою очередь пользуясь тѣми же документами Гарелинскаго собранія [7]), что еще въ XVI вѣкѣ было два ямскихъ сбора: одинъ представлялъ собою старыя ямскія деньги, составляя 20 руб. съ сохи,

---

[1]) *С. Ѳ. Платоновъ.* „Какъ возникли чети“ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1892, № V), стр. 165—166.

[2]) Стр. 235.

[3]) „Спорные вопросы финансовой исторіи Москов. госуд.“ Спб. 1892, стр. 90—92.

[4]) ibid. стр. 91 и особенно пр. 1.

[5]) ibid. стр. 91 и пр. 2.

[6]) ibid. стр. 92.

[7]) Стр. 233—236.

а другой, въ видѣ ямской подмоги по окладу 10 руб. [1]). Авторъ полагаетъ, что 20 рублевый сборъ шелъ на жалованье ямскимъ охотникамъ и другія собственно ямскія нужды [2]). Это послѣднее вполнѣ справедливо. Тѣмъ болѣе, что большая ямщина поступала въ ямской приказъ [3]). Но затѣмъ, позволимъ себѣ это замѣтить, его объясненія происхожденія большихъ и малыхъ ямскихъ денегъ и возраженіе г. Милюкову есть плодъ недоразумѣнія. По отношенію къ г. Милюкову г. Гурляндъ говоритъ, что существованіе двухъ ямскихъ сборовъ уже въ концѣ XVI вѣка является лучшимъ возраженіемъ противъ теоріи, по которой большая ямщина была новымъ налогомъ [4]). Намъ кажется, что замѣчаніе г. Гурлянда было бы правильно, если бы онъ могъ доказать, что большая ямщина существовала и до учрежденія ямскаго приказа. Съ учрежденіемъ этого вѣдомства понадобился спеціальный сборъ на него и на жалованье ямщикамъ-кучерамъ. Это же говоритъ и Милюковъ. Малыя ямскія деньги, прежній ямъ, остались въ финансовомъ вѣдомствѣ. Чтобы и тѣ и другія деньги собирались въ Большомъ Приходѣ, изъ документовъ не видно, хотя авторъ и приводитъ таковые: для доказательства его словъ необходимо еще доказать, что подъ словами „со всей земли земляные доходы денежные собираются и ямскіе, и полоняничные деньги и тамга большая“ [5]) говорится объ обоихъ сборахъ: и большой и малой ямщинѣ. Наше мнѣніе еще больше подтверждается и собственнымъ указаніемъ г. Гурлянда [6]), что малыя ямскія деньги назывались „ямскіе по старымъ книгамъ Большого Прихода“. П. Н. Милюковъ въ свою очередь приводитъ документальныя данныя [7]), согласно коимъ большія ямскія деньги назывались „по новымъ книгамъ“. Странно, конечно, было бы сборъ стариннаго яма называть сборомъ по новымъ книгамъ, а новую подмогу — сборомъ по старымъ книгамъ. Поэтому позволительно усумниться въ справедливости построенія г. Гурлянда.

Послѣднія наши небольшія замѣчанія коснутся также очень спорнаго вопроса о происхожденіи ямского приказа. Въ обсужденіи этого

---

[1]) Стр. 233.
[2]) Стр. 234—235.
[3]) Стр. 235.
[4]) Стр. 234, пр. 1.
[5]) Стр. 235. А. И., т. II, 355.
[6]) Стр. 235.
[7]) Op. cit. стр. 91, пр. 2.

пункта г. Гурляндъ обнаруживаетъ замѣчательную осторожность [1]) Въ виду ограниченности свѣдѣній, дошедшихъ до насъ о возникновеніи вообще московскихъ приказовъ XVI вѣка, можно только привѣтствовать осторожность автора. Но при этомъ нельзя не указать и слѣдующаго: г. Гурляндъ не боится гипотезы. Онъ понимаетъ, конечно, что гипотеза въ области исторіи является единственнымъ методомъ, дающимъ изслѣдователю плодотворные результаты. Онъ самъ довольно смѣло, какъ мы видѣли, предлагаетъ объясненія многихъ спорныхъ вопросовъ по исторіи московской администраціи. Засимъ, въ вопросѣ о ямскихъ дьякахъ и вообще о центральномъ управленіи ямскою гоньбою въ первой половинѣ XVI вѣка, авторъ слѣдуетъ за Н. П. Лихачовымъ, вполнѣ полагаясь на его выводы [2]). Въ вопросѣ же о времени возникновенія ямскаго приказа г. Гурляндъ, не смотря на весьма убѣдительныя основанія для гипотезы о происхожденіи Ямскаго приказа изъ ямской избы уже въ 50 годахъ XVI вѣка, рѣшается сказать лишь то, что несомнѣнно ямской приказъ существуетъ съ 1604 г. [3]). Это уже слишкомъ осторожно. Затѣмъ, несомнѣнно, что до учрежденія Приказа холопьяго суда [4]) вѣдали докладныя и полныя грамоты казначеи [5]). Также несомнѣнно, что до конца XVI вѣка полныя и докладныя въ областяхъ, у намѣстниковъ, коимъ былъ данъ боярскій судъ, писались „ямскими“ дьяками [6]). Но, во-первыхъ, неизвѣстно, что это за дьяки, а во-вторыхъ, центральное завѣдываніе докладными и полными грамотами никогда не было сосредоточено въ ямскомъ приказѣ, какъ это можно предполагать изъ словъ г. Гурлянда [7]).

На этомъ мы кончаемъ свои краткія замѣчанія на прекрасную работу г. Гурлянда. Въ каждомъ трудѣ, разрабатывающемъ область, почти нетронутую наукой, является много спорнаго, тѣмъ болѣе, что автору приходилось не только дѣлать свои выводы изъ документовъ,

---

[1]) Стр. 297—298.

[2]) Напр., см. стр. 299.

[3]) Стр. 298.

[4]) *М. Ф. Владимірскій-Будановъ*, „Хрестоматія по ист. рус. пр.“, вѣкъ III, Кіевъ, 1885, стр. 86, пр. 1.

[5]) *В. И. Сергѣевичъ*, „Рус. Юр. Др.“, I, стр. 417, и *Владимірскій-Будановъ*, l. cit.

[6]) *А. С. Лаппо-Данилевскій*, „Записная книга крѣпостнымъ актамъ XV и XVI вѣковъ“. Спб. 1898, № 350 (1592 г.), Столб. 127—128.

[7]) Стр. 299, пр. 2.

но предварительно подвергать критикѣ эти послѣдніе, доказывая что они говорятъ именно то или это. Изслѣдованіе г. Гурлянда самостоятельная и серьезная научная работа и всякій, кому придется изучать такой же вопросъ, принужденъ будетъ съ нею считаться.

Въ заключеніе нелишнимъ считаемъ сказать нѣсколько словъ объ изданныхъ г. Гурляндомъ „Ямскихъ книгахъ“ 1586—1631 г.г. Эти весьма интересные документы, заимствованные издателемъ изъ рукописнаго собранія Императорской Публичной Библіотеки, даютъ большой матеріалъ не только по вопросу о ямской гоньбѣ, но сообщаютъ массу свѣдѣній о помѣщикахъ Новгородской области за то время, географическихъ свѣдѣній, а также интересныя данныя объ экономическомъ состояніи области.

Съ внѣшней стороны какъ изслѣдованіе, такъ и матеріалы, изданы прекрасно. Можно только пожелать этому труду широкаго распространенія.

Н. Н. Дебольскій.

Книги, составленныя по порученію главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній заслуж. проф. военно-юридической академіи *А. Мушниковымъ*.

1) Основныя понятія о нравственности, правѣ и общежитіи. II-е, исправленное изданіе. С.-Пб. 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

2) Общія начала законовѣдѣнія. С.-Пб. 1894 г. Ц. 50 к.

3) Русскіе государственные и гражданскіе законы и свѣдѣнія изъ международнаго права. II-е, исправленное изданіе. С.-Пб. 1898 г. Ц. 2 р.

Три названные труда проф. Мушникова назначены служить руководствами: 1) для кадетскихъ корпусовъ, 2) для молодыхъ людей, поступающихъ въ военныя училища, не пройдя курса кадетскаго корпуса, и обязанныхъ сдать экзаменъ по законовѣдѣнію (въ нѣсколько сокращенномъ объемѣ), 3) для юнкеровъ военныхъ училищъ.

Уже одно это обстоятельство—въ виду большаго числа лицъ, получающихъ образованіе въ нашихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ — вызываетъ особое вниманіе къ книгамъ, пополняющимъ общее и гражданское образованіе учащихся. Но вниманіе къ трудамъ проф. Мушникова должно быть усугублено тѣмъ, что достоинства этихъ трудовъ открыли имъ доступъ и въ невоенныя учебныя заведенія. Одобренные для библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомствъ министерства народнаго просвѣщенія и учрежденій Императрицы Маріи, они получили весьма обширную сферу вліянія. Поэтому мнѣ представляется

и теперь не несвоевременнымъ указать характеръ, достоинства и недостатки названныхъ книгъ, имѣя въ виду какъ автора ихъ, который при слѣдующихъ изданіяхъ, вѣроятно, пожелаетъ улучшить свои произведенія, такъ и лицъ, руководящихъ чтеніемъ учащихся. Хотя, какъ увидимъ далѣе, во всѣхъ трехъ книгахъ г. Мушникова есть много общаго, но, соотвѣтственно своей главной цѣли, онѣ существенно различаются, какъ по характеру своему, такъ и по тому значенію, какое могутъ имѣть для читателей—учениковъ различныхъ заведеній. Удобнѣе поэтому вести рѣчь о каждой изъ книгъ въ отдѣльности.

I.

„Основныя понятія о нравственности, правѣ и общежитіи" представляютъ собою родъ общественной и юридической энциклопедіи. Въ „введеніи" авторъ выводитъ изъ природы и потребностей человѣка необходимость общежитія и — какъ условіе для возможности общежитія—потребность въ законахъ нравственныхъ и юридическихъ. Въ I отдѣлѣ книги, озаглавленномъ „Нравственность", говорится о нравственномъ чувствѣ, о связи нравственности съ религіей, о высшемъ благѣ для человѣка, о нравственныхъ обязанностяхъ — къ Богу, къ самому себѣ и къ другимъ людямъ. II отдѣлъ озаглавленъ „Право". Здѣсь говорится о правоспособности и дѣеспособности, о лицахъ физическихъ и юридическихъ, разсматривается право субъективное—права личныя и имущественныя, право объективное—обычай, законъ, право какъ наука. III отдѣлъ носитъ заглавіе „Формы общежитія". Предметомъ этого отдѣла служатъ: I Семейство, II Союзы, составляющіе гражданское общество, III Церковь, IV Государство, V Международный союзъ. Ученіе о союзахъ, составляющихъ гражданское общество, и о государствѣ занимаетъ половину всей книги (13 + 60 = 73 стран. изъ 140). Статья о государствѣ содержитъ въ себѣ ученіе о значеніи государства, объ элементахъ государства (верховная власть, территорія, народъ) и о государственной дѣятельности. Глава о государственной дѣятельности (40 стр. — съ 90 по 131) — законодательной, административной и судебной — содержитъ элементы общаго государственнаго права, права полицейскаго, финансоваго, уголовнаго, судоустройства и судопроизводства.

Краткій перечень содержанія книги показываетъ, что въ ней содержатся свѣдѣнія, нужныя каждому образованному человѣку, безъ

которыхъ нельзя сознательно относиться къ окружающимъ насъ явленіямъ общественной жизни, и безъ которыхъ остаются совершенно непонятными многія и многія страницы исторіи — и русской и всеобщей — обязательно изучаемой въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Если къ сказанному прибавить, что изложеніе автора, не обременяющаго читателя излишними подробностями, почти всегда просто и ясно, иногда увлекательно, то легко придти къ общему заключенію, что ознакомленіе учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ съ разсматриваемой книгой весьма желательно, независимо отъ того — входитъ или не входитъ законовѣдѣніе въ кругъ обязательно изучаемыхъ ими предметовъ.

Къ сожалѣнію, общее благопріятное впечатлѣніе отъ книги нѣсколько ослабляется отъ нахожденія въ ней мѣстъ неудовлетворительныхъ, существенно важныхъ пропусковъ и прямо ошибочныхъ утвержденій. Къ указанію такихъ слабыхъ сторонъ книги и обращаюсь.

Сказанное выше о простотѣ и ясности изложенія нельзя не ограничить замѣчаніемъ, что приведенное на стр. 4-й первое доказательство невещественности человѣческой души, доказательство чисто метафизическое, грѣшитъ большою туманностью.

Далѣе: въ похвальной заботѣ объ сокращеніи книги исключеніемъ изъ нея всего лишняго авторъ весьма часто преступаетъ мѣру, почему многія мѣста его книги даютъ читателю недостаточное, а иногда и невѣрное освѣщеніе предмета.

Такъ на стр. 10 авторъ, показавъ недостаточность однихъ нравственныхъ законовъ для охраненія общежитія, говоритъ о необходимости, „сверхъ нравственныхъ, и такихъ законовъ, соблюденіе которыхъ требовалось бы обязательно отъ всѣхъ людей, *подъ угрозой наказанія.* Эти послѣдніе законы . . . . носятъ названіе *юридическихъ* или *положительныхъ*".

Вѣрно, что недостаточность нравственныхъ законовъ для крѣпости общежитія пополняется законами положительными, которыхъ исполненіе обезпечивается силою государственной власти. Но есть положительные законы, которыхъ исполненіе отнюдь не предписывается *подъ угрозою наказанія*—въ изложеніи автора оказывается пропущенной вся область *права гражданскаго.*

На стр. 36 говорится о „раздѣленіи имущественныхъ правъ на право собственности, т.-е. право на самые предметы, и право обязательственное, т.-е. право на чужія дѣйствія". Такимъ образомъ „право

на самые предметы"; иначе сказать *право вещное* отожествляется съ правомъ собственности, тогда какъ послѣднее составляетъ только видъ перваго, обнимающаго кромѣ того и право въ чужой вещи (jus *in re* aliena—рѣзко отличающееся отъ jus *ad rem*, которое вытекаетъ изъ обязательствъ). Если и можно согласиться на пропускъ права въ чужой вещи въ краткомъ энциклопедическомъ курсѣ, то во всякомъ случаѣ нельзя не требовать, чтобы о правѣ собственности говорилось какъ о примѣрѣ права вещнаго, а не какъ о единственномъ видѣ послѣдняго. Въ изложеніи автора сокращеніе порождаетъ неправильное пониманіе предмета.

На стр. 54 говорится: „многоженство противорѣчитъ христіанскому воззрѣнію на женщину, ... и потому не допускается положительными законами христіанскихъ государствъ". Здѣсь опущено указаніе, что запрещеніе это имѣетъ силу только для подданныхъ, исповѣдывающихъ христіанскую религію или другія религіи, многоженства не допускающія. Магометанамъ, напримѣръ, въ Россіи многоженство дозволяется.

На стр. 61 авторъ, говоря о промышленности добывающей, опустилъ многіе, весьма важные, виды этой промышленности, напримѣръ, рыболовство, горное дѣло.

На стр. 62 говорится: „люди, посвящающіе свой трудъ промышленности, раздѣляются на 3 главные класса: 1) *крестьяне*, занимающіеся земледѣліемъ и скотоводствомъ; 2) *ремесленники*, занимающіеся выработкой изъ сырыхъ продуктовъ, посредствомъ *ручнаго* труда, разныхъ предметовъ, необходимыхъ для человѣка, и 3) *купцы*, занинимающіеся торговлей. Къ этимъ тремъ классамъ присоединяется еще четвертый, именно—классъ *рабочихъ*, которые добываютъ себѣ средства къ жизни, поступая въ услуженіе или на работы къ людямъ другихъ классовъ". Такимъ образомъ изъ числа „людей, посвящающихъ свой трудъ промышленности", оказываются исключенными всѣ занимающіеся промышленностью обрабатывающей не „посредствомъ *ручнаго* труда", т.-е. фабриканты, заводчики и фабричные и заводскіе рабочіе — классы, въ настоящее время и въ Россіи, не говоря уже о западной Европѣ, достаточно многочисленные и важные по ихъ особеннымъ признакамъ, характеру и значенію въ современной исторіи.

Нужно вообще сказать, что отдѣлъ книги, посвященный „союзамъ, составляющимъ гражданское общество", можетъ вызвать много упрековъ составителю. Составителю хотѣлось представить современное

общество разбитымъ исключительно на классы по роду занятій, отбросивъ старыя сословныя дѣленія по происхожденію и правамъ, и вотъ онъ, выдѣливъ дворянство, представилъ все остальное населеніе въ видѣ безсословной массы. Въ примѣненіи къ русской землѣ, въ которой историческое дѣленіе на сословія еще сохранилось и существуетъ рядомъ съ дѣленіемъ на классы по роду занятій, вышла путаница. Многимъ группамъ населенія не нашлось вовсе мѣста въ представленной авторомъ картинѣ. Не нашлось мѣста, напримѣръ, *землевладѣльцамъ* не дворянскаго происхожденія, не нашлось мѣста и для *мѣщанъ*, т.-е. для мелкихъ торговцевъ, къ которымъ не можетъ относиться названіе *купцовъ*. Дѣло въ томъ, что термины, взятые авторомъ—дворяне, крестьяне, купцы—по сущности своей относятся не къ тому, къ чему пожелалъ ихъ примѣнить авторъ. Они опредѣляютъ группы стараго, сословнаго порядка и не соотвѣтствуютъ новымъ условіямъ быта—условіямъ порядка наступающаго, но еще далеко не вездѣ наступившаго.

Трудно сказать, что собственно послужило причиною неудовлетворительности указываемаго мѣста книги: желаніе ли автора быть краткимъ, или подчиненіе его иностраннымъ авторамъ, которые, описывая дѣленіе населенія, имѣли передъ глазами иной бытъ, отличный отъ русскаго. На страницахъ смежныхъ съ сейчасъ указанными (64 и 65) мы видимъ ясный примѣръ подобнаго несамостоятельнаго отношенія автора къ явленіямъ русской жизни: говоря объ образованіи рабочаго класса, авторъ описываетъ выдѣленіе его изъ среды ремесленниковъ. Эта картина вѣрна для западной Европы, но не соотвѣтствуетъ исторіи нашего рабочаго класса, каторый главнымъ образомъ вышелъ изъ стараго сословія дворовыхъ людей и затѣмъ изъ крестьянства.

Рядомъ же можно указать еще мѣсто (стр. 63), гдѣ авторъ, касаясь чисто русскаго бытоваго явленія, не выказываетъ себя полнымъ хозяиномъ предмета, о которомъ трактуетъ.

Идетъ рѣчь объ *артеляхъ*. По словамъ автора, „въ Россіи съ древнѣйшихъ временъ *ремесленники* соединялись въ свободные союзы, которые назывались артелями, при чемъ занятія ремеслами никому не запрещались. Но впослѣдствіи и въ Россіи, по примѣру западной Европы, появилось цеховое устройство ремесленнаго класса съ воспрещеніемъ заниматься ремеслами безъ приписки къ цехамъ“. И далѣе объ артеляхъ ни слова, хотя далѣе—на стр. 66 и 67—идетъ рѣчь объ „ассоціаціяхъ: 1) производительныхъ (sociétés de production),

2) кредитныхъ (Creditvereine) и 3) потребительныхъ (Consumvereine)".

Какъ будто sociétés и verein'ы автору ближе знакомы, чѣмъ неописанныя въ иностранныхъ руководствахъ русскія артели, о которыхъ на основаніи сказаннаго читатель можетъ думать, во-первыхъ, что онѣ составляютъ достояніе чуть не археологіи, и во-вторыхъ, будто въ нихъ соединялись только ремесленники.

Между тѣмъ у насъ есть и теперь артели ямщиковъ, рыболововъ, крючниковъ, биржевыя артели и другія артели рабочихъ, къ ремесленникамъ отнюдь не принадлежащихъ. И никто не сомнѣвается, что въ русской жизни артели составляютъ явленіе очень видное и крупное, получившее при томъ въ русской юридической литературѣ весьма значительную обработку. Можетъ быть, и въ этомъ случаѣ вина лежитъ лишь въ стремленіи автора къ сокращеніямъ, но никакъ не думаю, чтобы нашлось много лицъ, подобнымъ сокращеніямъ сочувствующихъ.

Мѣста, гдѣ неудовлетворительность изложенія составляетъ несомнѣнно послѣдствіе излишней краткости автора, могутъ быть указаны—кромѣ вышеприведенныхъ—на страницахъ: 98, 113, 115, 119, 126 и нѣкоторыхъ другихъ.

Есть мѣста въ книгѣ, въ которыхъ авторъ позволяетъ себѣ выраженія слишкомъ опредѣленныя, безусловныя: *совершенно, всегда, только, лишь, тогда лишь, не находятъ мѣсто* и тому под., когда согласно дѣйствительности онъ могъ бы употребить такія слова лишь съ ограничительными прибавками: *почти, большею частію*, а иногда такъ долженъ былъ выразиться и значительно мягче.

Приведу нѣкоторые примѣры.

На стр. 25 авторъ говоритъ: „Самоубійство находится въ такомъ противорѣчіи съ человѣческой природой, что рѣшиться на него способенъ *только* человѣкъ умственно разстроенный, или *дошедшій до самыхъ низкихъ ступеней* нравственнаго паденія". Между тѣмъ не далѣе какъ въ нашемъ „Уложеніи о наказаніяхъ" (ст. 1474) указываются и выдѣляются такіе случаи, въ которыхъ самоубійство можетъ быть совершено по побужденіямъ отнюдь не преступнаго свойства (изъ патріотизма, изъ желанія женщины сохранить свою честь).

На стр. 36: „Предметы внѣшняго міра *тогда лишь* могутъ служить человѣку для удовлетворенія его потребностей, когда онъ имѣетъ надъ ними полное господство. Такое полное господство лица надъ вещью, охраняемое положительнымъ закономъ, называется *правомъ соб-*

ственности". Такимъ образомъ выходитъ, будто вещь *тогда лишь* можетъ служить для удовлетворенія потребностей человѣка, когда она составляетъ его собственность. Но неужели, не имѣя собственнаго дома, нѣтъ возможности жить иначе какъ подъ открытымъ небомъ? Неужели, не имѣя собственныхъ лошадей, собственнаго велосипеда или мотора, нужно всегда пѣшкомъ ходить? Въ числѣ пособій, рекомендуемыхъ авторомъ для преподавателей, имъ помѣщено „Русское гражданское право" Мейера. На страницахъ этой книги (см. § 24—„дѣйствіе договора") авторъ могъ бы прочесть, какъ постепенно, съ развитіемъ гражданственности, право собственности на тѣ или другіе предметы перестаетъ считаться необходимымъ, замѣняясь другими, менѣе полными, правами на вещи или на дѣйствія другихъ лицъ.

Подобныя же замѣчанія можетъ вызвать сказанное авторомъ на страницахъ: 2, 3, 11, 12, 75, 88, 112 и нѣкоторыхъ другихъ.

Обращаюсь къ тѣмъ мѣстамъ книги, въ которыхъ можно отмѣтить утвержденія положительно ошибочныя.

На стр. 56 авторъ, указавъ основанія къ запрещенію браковъ между кровными родственниками, продолжаетъ: „Недозволеніе же браковъ между близкими *свойственниками* основывается на ветхозавѣтныхъ правилахъ, воспрещавшихъ такіе браки съ цѣлію обезпечить бо̀льшее сближеніе между чуждыми другъ другу людьми".

Въ дѣйствительности Ветхій Завѣтъ (книги Левитъ и Второзаконіе) постановляли для браковъ между свойственниками весьма незначительное число запрещеній. Эти запрещенія весьма умножились въ церкви новозавѣтной и въ особенности въ православной. Умножили ихъ правила св. Василія Великаго, затѣмъ правила VI вселенскаго (Трульскаго) собора, затѣмъ вошедшія въ Кормчую книгу законоположенія византійскихъ императоровъ (въ сущности не каноническія), обобщившія частныя запрещенія VI собора на всѣ случаи двуроднаго свойства въ тѣхъ же степеняхъ его. Главнымъ основаніемъ къ запрещеніямъ послужили логическіе выводы изъ словъ Св. Писанія, что мужъ и жена составляютъ одну плоть: стало быть,—заключали отсюда—родственники одного изъ супруговъ должны считаться также и родственниками другого и родственниками его родственниковъ.

На стр. 62 и 63, вслѣдствіе неточныхъ выраженій, неправильно опредѣляется составъ волостнаго схода и волостнаго правленія.

На стр. 95 неправильно утверждается, будто „какъ въ республикахъ, такъ и въ конституціонныхъ монархіяхъ, всѣ законодательные

проекты вносятся *первоначально на обсужденіе нижней палаты* и, если будутъ приняты ею, то переносятся на разсмотрѣніе верхней палаты"... Въ Англіи, напримѣръ, обѣ палаты парламента въ одинаковой степени обладаютъ правомъ иниціативы (исключеніе составляютъ лишь финансовые билли, разсматриваемые всегда сначала нижней палатой).

На стр. 105 взаимное страхованіе названо почему-то „мѣрой, *предупреждающей* пожары".

На стр. 123 неправильно объясняется слово *умыселъ*: „... сознаніе человѣкомъ того, что послѣдствіемъ *совершаемаго* имъ дѣйствія въ силу естественнаго порядка причинности, должно быть опредѣленное зло, называется *умысломъ* на преступленіе". Выходитъ, что, покуда нѣтъ дѣйствія, нѣтъ и умысла. Между тѣмъ даже и приготовительныя дѣйствія, изъ которыхъ, „въ силу естественнаго порядка причинности", опредѣленнаго зла произойти еще не можетъ, отдѣляются и въ теоріи, и въ положительномъ законѣ отъ умысла. Голый умыселъ, не выражающійся ни въ какихъ внѣшнихъ дѣйствіяхъ, трудно обнаруживаемъ, по теоріи—да въ громадномъ большинствѣ случаевъ и по положительнымъ законамъ — не подлежитъ уголовному преслѣдованію, но тѣмъ не менѣе существуетъ. Авторъ, очевидно, смѣшалъ понятія объ умыслѣ и объ умышленности дѣйствія.

Сдѣланныя указанія не исчерпываютъ всѣхъ мѣстъ книги, требующихъ измѣненій и исправленій. Сказаннаго, полагаю, достаточно, чтобы выяснить необходимость дальнѣйшей работы надъ книгою. Но нельзя не прибавить, что надъ нею поработать стоитъ, такъ какъ и въ настоящемъ своемъ видѣ она представляется трудомъ незауряднымъ и можетъ съ пользою служить дѣлу общаго образованія, возбуждая интересъ къ научнымъ вопросамъ историко-юридической области и освѣщая пути къ этой области.

II.

„Общія начала законовѣдѣнія" представляютъ собою сокращеніе только что разсмотрѣнной книги. Главныя сокращенія достигнуты на счетъ отдѣла о нравственности и нравственныхъ обязанностяхъ человѣка и во всѣхъ прочихъ отдѣлахъ на счетъ примѣровъ изъ русскаго права, русской жизни и русской исторіи. Сокращенія эти отнимаютъ отъ книги значительную часть ея достоинствъ—интереса, какой она можетъ возбудить, и вообще пользы, какую она можетъ при-

нести. Между тѣмъ почти всѣ недостатки I книги принадлежатъ и II (см. стр. 8, 21, 35, 40, 42, 45 и друг.). Единственнымъ достоинствомъ ея передъ первою книгою является ея сравнительная дешевизна—50 к. вм. 1 р. 25 к. (разумѣется, говоря такъ, не имѣю въ виду лицъ, обязанныхъ сдавать экзаменъ по программѣ, требованіямъ которой она удовлетворяетъ—у нихъ особые интересы).

III.

„Русскіе государственные и гражданскіе законы и свѣдѣнія изъ международнаго права“. Эта книга, какъ сказано выше, предназначена служить руководствомъ для юнкеровъ военныхъ училищъ. Содержаніе ея вполнѣ опредѣляется ея названіемъ. Она носитъ строгій характеръ учебника и какъ таковой обладаетъ значительными достоинствами. Изложеніе почти вездѣ простое, ясное. Излишнія подробности опущены. Въ сравненіи съ двумя разсмотрѣнными трудами того же автора книга эта представляется болѣе сухою и для лицъ, не имѣющихъ надобности пользоваться ею въ качествѣ учебника, скорѣе можетъ служить справочною книгою, чѣмъ книгою для чтенія. Было бы лучше, если бы авторъ сообщилъ болѣе историческихъ свѣдѣній, освѣщающихъ тѣ или другія явленія русскаго юридическаго строя. Здѣсь обиліе подробностей — разумѣется умѣло выбранныхъ—могло бы только помочь усвоенію и удержанію въ памяти сообщаемыхъ свѣдѣній.

Независимо отъ этихъ замѣчаній, разсматриваемый трудъ можетъ вызвать замѣчанія, однородныя съ тѣми, какія были сдѣланы при разсмотрѣніи курса кадетскихъ корпусовъ: 1) желаніе быть краткимъ привело автора и здѣсь къ опущенію кое-чего весьма важнаго; 2) допускаются иногда выраженія слишкомъ опредѣленныя, безусловныя, когда для соотвѣтствія дѣйствительности нужно было бы эту безусловность ограничить; 3) встрѣчаются въ книгѣ фактическія ошибки.

Въ примѣръ опущенія подробностей, имѣющихъ немаловажное значеніе, приведу слѣдующія мѣста.

На стр. 44, говоря о раздѣленіи министерствъ на составныя части, авторъ обходитъ существованіе въ нѣкоторыхъ министерствахъ „отдѣловъ“, замѣняющихъ департаменты. Быть можетъ, въ связи съ этимъ опущеніемъ онъ опускаетъ (страницы 47 и 49) всѣ отдѣлы министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ и министерства

внутреннихъ дѣлъ, несмотря на то даже, что въ числѣ послѣднихъ пришлось опустить такое важное для народной жизни установленіе, какъ *земскій отдѣлъ*.

На стр. 170, упоминая о необходимости подписи свидѣтелей на духовныхъ завѣщаніяхъ, авторъ ничего не говоритъ о томъ, кто не можетъ быть въ числѣ свидѣтелей (кромѣ лицъ, не допускаемыхъ къ свидѣтельству актовъ вообще).

Въ примѣръ неправильно употребленныхъ авторомъ слишкомъ рѣшительныхъ выраженій приведу страницу 68, гдѣ авторъ утверждаетъ, что присутствіе коронныхъ судей-членовъ окружнаго суда при разсмотрѣніи болѣе важныхъ уголовныхъ дѣлъ „разрѣшаетъ *лишь* вопросъ о присужденіи виновнаго къ наказанію на основаніи уголовныхъ законовъ", тогда какъ „при разсмотрѣніи" подобныхъ дѣлъ коронный судъ разрѣшаетъ также и вопросы судопроизводственные.

Обращаюсь къ наиболѣе важнымъ замѣчаніямъ изъ тѣхъ, которыя можно сдѣлать по поводу встрѣчающихся въ книгѣ положительныхъ ошибокъ. Само собою разумѣется, что здѣсь я не могу говорить о тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя оказываются уже невѣрными въ виду законоположеній, обнародованныхъ послѣ выхода въ свѣтъ послѣдняго изданія разсматриваемаго труда—какъ образованіе новаго департамента государственнаго совѣта, измѣненіе состава министерства финансовъ, измѣненіе условій пріобрѣтенія потомственнаго дворянства.

Изъ сказаннаго авторомъ на страницахъ 36, 37 и 52 читатель составитъ совершенно неправильное представленіе о значеніи опекунскаго совѣта учрежденій Императрицы Маріи (ср. уставъ опекунскаго совѣта учрежденій Императрицы Маріи, Высочайше утвержденный 11-го декабря 1873 г., §§ 1, 2, 16, 27 п. 2, 28 б).

На стр. 42 неправильно опредѣленъ составъ присутствія Святѣйшаго Синода: „постоянными членами Синода—говоритъ авторъ—состоятъ митрополиты петербургскій, московскій и кіевскій (изъ которыхъ *первый занимаетъ мѣсто первоприсутствующаго*) и сверхъ того нѣкоторыя другія *лица бѣлаго духовенства;* для *временнаго* же присутствованія призываются епархіальные архіереи". Извѣстно, во-первыхъ, что мѣсто первоприсутствующаго (первенствующаго) члена Синода можетъ занимать и *не* петербургскій митрополитъ, во-вторыхъ, лица бѣлаго духовенства давно уже не входятъ въ число членовъ Святѣйшаго Синода, въ-третьихъ, нѣкоторые изъ архіереевъ, не имѣющихъ сана митрополита—и при томъ какъ изъ числа управляю-

щихъ, такъ изъ не управляющихъ епархіями—могутъ призываться не къ временному, а къ постоянному присутствію въ Святѣйшемъ Синодѣ.

На стр. 58 говорится, будто архіереями называются епархіальные епископы, не носящіе сана митрополита, и—стало быть—митрополиты и викарные епископы *не* архіереи!

На стр. 51, говоря о составѣ министерства юстиціи, авторъ дѣлаетъ 2 ошибки. Во-1-хъ, въ составъ министерства, кромѣ 2-хъ департаментовъ, вводитъ давно не существующую канцелярію министерства (существовавшую, когда въ министерствѣ былъ только одинъ департаментъ), во-вторыхъ, утверждаетъ, будто *консультація* министерства состоитъ „изъ оберъ-прокуроровъ и *юрисконсультовъ*", между тѣмъ какъ послѣдніе въ составъ консультаціи не входятъ (кромѣ старшаго юрисконсульта).

Всѣ высказанныя мною замѣчанія, заставляя желать нѣкоторыхъ исправленій разсматриваемой книги, не измѣняютъ однако же общаго благопріятнаго впечатлѣнія, ею производимаго. Умѣлый—вообще—подборъ фактовъ и ясность изложенія—эти необходимыя и въ то же время далеко не часто встрѣчающіяся качества хорошаго учебника—дѣлаютъ разсматриваемый трудъ, какъ и другіе труды проф. Мушникова, цѣннымъ вкладомъ въ сравнительно мало разработанную область педагогической литературы—въ область, посвященную ознакомленію юношества съ началами наукъ юридическихъ.

А. Вороновъ.

Къ исторіи изданій Реймскаго Евангелія.

(Дополнительная замѣтка [1]).

Въ статьѣ: „Къ исторіи изданій Реймскаго Евангелія" [2]) мы представили очеркъ попытокъ первыхъ изданій и изслѣдованій этого замѣчательнаго, болѣе, впрочемъ, по своимъ судьбамъ и тому непрестанному интересу, который онъ вызывалъ въ ученомъ мірѣ, чѣмъ по своему значенію, памятника древней славянской письменности. Первою по-

---

[1]) См. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія,* 1900, іюль.

[2]) Матеріалъ для этой замѣтки мы почерпнули изъ архива министерства народнаго просвѣщенія, гдѣ имѣется по вопросу объ изданіи Реймскаго Евангелія Сильвестромъ особое „Дѣло" канцеляріи министра народнаго просвѣщенія, за № 128,—682—87.

пыткою изданія Реймскаго Евангелія, какъ мы имѣли уже случай отмѣтить, является совокупный планъ французскаго каллиграфа Сильвестра и молодого палеографа, поляка Ястржембскаго, которые думали было пригласить къ сотрудничеству по изданію В. Ганку. Благодаря вмѣшательству въ это дѣло Копитара, Ганка и Ястржембскій отъ изданія были отстранены и уступили мѣсто самому Копитару, написавшему къ изданію Сильвестра (1843 г.) свои знаменитыя Prolegomena.

Изданіе Сильвестра состоялось въ Парижѣ, единственно благодаря щедрой поддержкѣ русскаго правительства. Осуществилось оно только послѣ того, какъ попытка издать Реймское Евангеліе *въ Петербургѣ*, на основаніи экземпляра — копіи, поднесеннаго Сильвестромъ императору Николаю I, оказалась неудачной. Мысль издать Реймское Евангеліе въ Петербургѣ принадлежала графу С. С. Уварову, который, зная, прежде всего, на основаніи сообщеній Ганки, о тѣхъ затрудненіяхъ, съ которыми связано было пользованіе рукописью Реймскаго Евангелія, и о тщетныхъ усиліяхъ Ганки достать списокъ съ него для задуманнаго имъ изданія въ перепечаткѣ, рѣшилъ облегчить ученому міру пользованіе этимъ памятникомъ. Впрочемъ, раньше сообщеній Ганки могли навести С. С. Уварова на эту мысль и письма къ нему Сильвестра.

Представляя императору Николаю I-му 19-го сентября 1841 года поднесенный Сильвестромъ снимокъ-facsimile, С. С. Уваровъ указывалъ въ своемъ докладѣ государю на значеніе этого памятника и высказалъ при этомъ мысль о пользѣ изданія Реймскаго Евангелія. „Ежели Вашему Величеству, докладывалъ С. С. Уваровъ, благоугодно будетъ повелѣть напечатать его по снимку Сильвестра, то къ этому можно приступить въ непродолжительномъ времени, и тогда ученый свѣтъ обязанъ будетъ щедротамъ Вашего Величества обнародованіемъ сего важнаго памятника древней славянской письменности, столь нетерпѣливо ожидаемымъ“. По словамъ его, „приготовленный Сильвестромъ снимокъ, сверхъ изящества въ художественномъ отношеніи, отличается такою вѣрностью съ подлинникомъ, что теперь по справедливости можно считать Реймское Евангеліе существующимъ въ двухъ экземплярахъ“. Государь отнесся сочувственно къ предложенію министра, и черезъ недѣлю (26-го сентября 1841 г.) С. С. Уваровъ предложилъ *Археографической комиссіи* представить ему свои соображенія „о предварительныхъ мѣрахъ для приготовленія означенной рукописи къ изданію и объ издержкахъ, какія на то могутъ потре-

боваться". Отвѣтъ на это предложеніе данъ былъ Археографической комиссіей слѣдующій [1]):

„Комиссія, по надлежащемъ соображеніи, полагаетъ съ своей стороны напечатать кирилловскую и глаголитскую часть Евангелія въ видѣ facsimile, принявъ за образецъ снимокъ Сильвестра и употребивъ для сего по удобству въ отношеніи къ издержкамъ и времени изданія, вмѣсто гравированія на мѣди [2]), гравированіе на камнѣ. Сверхъ того, глаголитскую часть рукописи, для удобнѣйшаго ея употребленія, слѣдуетъ, по мнѣнію Комиссіи, напечатать въ концѣ изданія общеупотребительными буквами, слово въ слово противъ подлинника, съ нужными примѣчаніями, и присовокупить предисловіе съ показаніемъ хода дѣла и критическимъ объясненіемъ этого рѣдкаго манускрипта". Въ виду такихъ соображеній Комиссія поручила члену своему Рейхелю пріискать художника, который могъ бы исполнить съ желаемымъ успѣхомъ необходимую работу по изготовленію для литографіи снимковъ съ копіи Сильвестра. Избранный Рейхелемъ художникъ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ Миллеръ составилъ предварительно смѣту изданія, по которой оказывалось, что для напечатанія Реймскаго Евангелія въ числѣ шестисотъ экземпляровъ потребуется солидная сумма: 31.280 рублей асс. [3]); на напечатаніе же трехсотъ экземпляровъ необходимо будетъ 17.640 р. асс. Далѣе Комиссія сообщала, что чиновникъ ея Менцовъ, „желая съ своей стороны содѣйствовать къ изданію Реймскаго Евангелія, принимаетъ на себя гравированіе на камнѣ и иллюминовку красками, подъ руководствомъ Миллера, съ вознагражденіемъ за то послѣдняго, по окончаніи изданія 1.000 руб. асс.". Отъ этого содѣйствія расходъ по изданію нѣсколько уменьшался, но къ общему расчету необходимо было присоединить еще „примѣрно до 1.000 руб. асс. для напечатанія въ началѣ изданія предисловія, а въ концѣ его—глаголитской части Евангелія обыкновенными церковными буквами". Печатаніе и

---

[1]) Выписка изъ протокола 114-го засѣданія Археографической комиссіи.

[2]) Какъ предлагалъ Сильвестръ.

[3]) Расчетъ былъ представленъ такой:

За гравировку на камнѣ	4.000	руб.	асс.
„ печатаніе по 20 коп. за оттискъ	11.280	„	„
„ бумагу	6.000	„	„
„ иллюминовку	10.000	„	„
Итого	31.280	руб.	асс.

иллюминовку, по расчетамъ Комиссіи, можно было бы закончить въ январѣ 1843 года.

Смѣта, представленная Археографической комиссіей, признана была очень большой, и въ новомъ своемъ докладѣ Государю (24-го ноября 1841 г.) С. С. Уваровъ говорилъ по этому поводу: „Издержки сіи слишкомъ значительны для изданія въ свѣтъ творенія, которое, хотя весьма любопытно и замѣчательно, какъ памятникъ древности, но найдетъ покупщиковъ только въ небольшомъ числѣ любителей славянской старины и потому не подаетъ надежды, чтобы употребленныя на него издержки окупились. Такъ какъ министерство народнаго просвѣщенія не имѣетъ въ достаточномъ количествѣ свободныхъ суммъ для изданія такого рода, то я признаю за лучшее отложить сіе предпріятіе до удобнѣйшаго времени". Снимокъ, поднесенный Сильвестромъ, былъ переданъ вслѣдъ за тѣмъ для храненія въ Публичную библіотеку.

Но С. С. Уваровъ не отказался окончательно отъ мысли издать Реймское Евангеліе. Онъ считалъ это изданіе настолько важнымъ, что не захотѣлъ даже долго выжидать „удобнѣйшаго времени". Уже въ концѣ декабря (27-го) 1841 года онъ обращается къ графу Як. Ник. Толстому, корреспонденту министерства народнаго просвѣщенія въ Парижѣ, съ слѣдующаго рода порученіемъ. Въ виду того, что Сильвестръ предлагаетъ свои услуги для выгравированія этого памятника, вызываясь прислать въ Петербургъ гравированныя доски или принять на себя въ Парижѣ отпечатаніе и раскрашеніе этой рукописи, С. С. Уваровъ просилъ графа Толстого, „не давая дѣлу вида оффиціальнаго и рѣшительнаго порученія г. Сильвестру, отобрать отъ него подъ рукою свѣдѣнія, во что можетъ обойтись такое изданіе въ 600 или 300 экз., т. е., что будетъ стоить одно гравированіе и доставка досокъ въ Петербургъ и сколько—окончательное изданіе въ Парижѣ означеннаго выше числа экземляровъ". Отвѣтъ отъ графа Я. Н. Толстого полученъ былъ только въ маѣ 1842 года. 27-го апрѣля (9-го мая) 1842 г. онъ писалъ С. С. Уварову изъ Парижа: „Я входилъ въ сношеніе съ г. Сильвестромъ, подъ предлогомъ, будто бы я самъ желаю заняться выгравированіемъ Реймскаго Евангелія. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что, будучи осыпанъ милостями россійскимъ правительствомъ, онъ изъ благодарности хотѣлъ заняться этимъ изданіемъ, о чемъ и писалъ къ господину министру народнаго просвѣщенія и ждетъ отвѣта. Но если я желаю предпринять этотъ трудъ, то онъ готовъ способствовать мнѣ всѣми силами". Сильвестру не хотѣлось

быть отстраненнымъ отъ того дѣла, которое было ему такъ близко и которое, по его расчетамъ, сулило ему въ будущемъ столь большія выгоды. На всякій случай онъ далъ замѣтить графу Толстому, что „никто въ Парижѣ не въ состояніи будетъ безъ его содѣйствія заняться этимъ дѣломъ по той причинѣ, что онъ не только имѣетъ навыкъ, но и потому, что всѣ рѣзчики и другіе работники, для сего употребляемые, образованы имъ и, такъ сказать, зависятъ отъ него. Сверхъ того, онъ имѣетъ позволеніе держать у себя въ домѣ подлинный манускриптъ, который уже былъ ему присланъ изъ Реймса, когда онъ занимался гравированіемъ снимка". Далѣе графъ Толстой сообщалъ, что по его заключенію намѣреніе Сильвестра выгравировать эту рукопись основано на расчетахъ ошибочныхъ, которые состояли изъ слѣдующихъ соображеній: „Сильвестръ полагаетъ, что выгравированіе досокъ, числомъ 92, обойдется по 80 франковъ каждая; раскрашиваніе — отъ 4-хъ до 5 тысячъ фр. и наконецъ прочія типографскія издержки до 3 тысячъ фр., что и составитъ 15 тысячъ франковъ, а если издать 500 или 600 экз., итогъ всѣхъ издержекъ будетъ около 25 тысячъ франковъ. Г-нъ Сильвестръ намѣренъ былъ издать 1.000 экз. и, полагая сбыть оные по 100 фр. за каждый, онъ надѣялся выручить 75 тысячъ фр. барыша. Впрочемъ, заключалъ свой отвѣтъ графъ Толстой, я совершенно согласенъ, что другому обойдется гораздо дороже и будетъ производиться гораздо медленнѣе, хотя счетъ, выведенный г. Сильвестромъ, мнѣ кажется очень преувеличенъ".

Переговоры съ Сильвестромъ не прекращались: онъ былъ все-таки наиболѣе подходящимъ работникомъ для осуществленія задуманнаго С. С. Уваровымъ изданія: у него подъ рукой былъ оригиналъ Реймскаго Евангелія, да и смѣта, составленная имъ, была скромнѣе смѣты Археографической комиссіи. Въ отвѣтъ на сообщеніе графа Толстого С. С. Уваровъ просилъ его предложить Сильвестру въ пособіе отъ министерства на изданіе 10 тысячъ фр., „предоставляя на его волю сдѣлать изданіе, во сколько ему угодно экземпляровъ, и продавать оное за какую цѣну онъ пожелаетъ. Министерству онъ за доставленное ему пособіе пришлетъ въ его распоряженіе только 300 экз.". „Мнѣ кажется", заключалъ свое письмо Уваровъ, „что это предложеніе представляетъ достаточныя выгоды г. Сильвестру: министерство, раздѣляя съ нимъ издержки на изданіе, беретъ отъ него экземпляры восьмью франками каждый дороже того, во что онъ издателю обошелся".

Сильвестръ, обсудивши зрѣло вопросъ о количествѣ экземпляровъ изданія, пришелъ впослѣдствіи къ заключенію, что ему не удастся продать больше двухсотъ экземпляровъ, а посему онъ оставилъ мысль объ изданіи тысячи экземпляровъ, внушенную ему Копитаромъ, и рѣшилъ ограничиться всего 500 экземплярами, считая въ этомъ числѣ и тѣ 300, которые должно было получить наше министерство народнаго просвѣщенія [1]). За предложенное ему С. С. Уваровымъ пособіе онъ находилъ, однако, возможнымъ изготовить экземпляры безъ раскраски иниціаловъ и нѣкоторыхъ украшеній рукописи. За этотъ трудъ онъ просилъ себѣ особое вознагражденіе въ размѣрѣ 6 тыс. фр., но затѣмъ, въ виду щедротъ императора Николая и расположенія къ нему С. С. Уварова, онъ согласился на половину этой суммы, т. е. принялъ на себя все изданіе при пособіи отъ министерства въ 13 тыс. фр. При этомъ Сильвестръ просилъ только о разрѣшеніи посвятить изданіе императору Николаю и упомянуть, что оно было выгравировано „sous les auspices de sa Majesté".

1-го декабря 1842 года С. С. Уваровъ представилъ на Высочайшее благоусмотрѣніе послѣднія условія и желанія Сильвестра, причемъ въ докладѣ своемъ говорилъ: „Находя это предложеніе выгоднымъ по совершенству изданія, какого можно ожидать отъ искусства въ этомъ дѣлѣ палеографа Сильвестра, а самое изданіе Реймскаго Евангелія желательнымъ и полезнымъ для славянской филологіи, считаю обязанностью всеподданнѣйше представить Вашему Императорскому Величеству, что министерство народнаго просвѣщенія не можетъ привести сего предположенія въ дѣйство иначе, какъ съ отнесеніемъ издержекъ на счетъ Государственнаго казначейства". Далѣе никакихъ затрудненій уже не встрѣтилось. Деньги были выданы Сильвестру чрезъ наше посольство въ Парижѣ, Сильвестръ же долженъ былъ представить обязательство въ исполненіи принятаго на себя изданія.

Такъ осуществилось изданіе Сильвестра 1843-го года.

---

[1]) Вотъ подлинныя слова объ этомъ графа Я. Н. Толстого въ письмѣ къ С. С. Уварову отъ 1-го (13-го) сентября 1842 г. изъ Парижа: „Mr. Sylvestre, qui d'abord m'avait fait entendre qu'il espérait pouvoir placer 1000 exemplaires, est revenu aujourd'hui de cette idée, qui lui avait été suggérée, comme il me l'a dit, par M. Kopitar, mais il a reconnu plus tard, qu'il lui serait impossible de placer plus de 200 exempl., en renonçant à ceux, qu'il espérait vendre en Russie, et que par conséquent il ne pouvait en graver plus de 500, y compris les 300 qui Vous seraient destinés".

Экземпляры, доставленные Сильвестромъ въ министерство народнаго просвѣщенія, какъ извѣстно, не имѣли пролегоменъ Копитара. Мы имѣли случай замѣтить въ первой статьѣ нашей объ изданіяхъ Реймскаго Евангелія, что Prolegomena Копитара, при крайне неблагопріятныхъ взглядахъ на него въ Россіи, могли казаться предосудительными по нѣкоторымъ мыслямъ, выраженнымъ въ нихъ авторомъ.

Какъ оказывается изъ переписки канцеляріи министерства народнаго просвѣщенія съ графомъ Толстымъ, такимъ предосудительнымъ и „нѣсколько затруднительнымъ въ цензурномъ отношеніи“ мѣстомъ предисловія Копитара признано было то именно, „гдѣ авторъ предполагаетъ возможнымъ, что въ Россіи при богослуженіи славянскій языкъ замѣнится русскимъ“ [1]). Однако, несмотря на такой отзывъ о предисловіи Копитара, министерство пріобрѣло впослѣдствіи у Сильвестра сто экземпляровъ пролегоменъ, имѣя, вѣроятно, въ виду удовлетворить интересамъ тѣхъ ученыхъ, коимъ оно первоначально разослало экземпляры изданія Сильвестра безъ пролегоменъ.

Вл. Францевъ.

В. Н. Перетцъ. Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы. Томъ I. Изъ исторіи русской пѣсни. Часть 1. Начало искусственной поэзіи въ Россіи. Изслѣдованія о вліяніи малорусской виршевой и народной поэзіи XVI—XVIII вѣка на великорусскую. Къ исторіи Богогласника. Часть 2. Приложенія. Описанія сборниковъ псальмъ, кантовъ и пѣсенъ. Вирши изъ старопечатныхъ изданій. Малорусскія пѣсни изъ рукописей XVIII вѣка. Указатели. С.-Пб. 1900.

Старшія русскія искусственныя стихотворенія, такъ называемыя вирши, до сихъ поръ оставались если не въ полномъ, то въ значительномъ пренебреженіи у русскихъ ученыхъ. Сборники ихъ, довольно многочисленные въ нашихъ библіотекахъ, не только не удостоились сколько-нибудь подробнаго описанія, но и не приведены въ извѣстность. Причина ясна: по внутреннимъ своимъ достоинствамъ

[1]) Очевидно, тутъ имѣлась въ виду первая глава пролегоменъ Копитара, гдѣ онъ говоритъ, что славянскій языкъ богослуженія „нынѣ столько же понятенъ какому бы то ни было славянскому племени, сколько была бы понятна нѣмцу рѣчь готская или саксонская, еслибъ имъ удалось имѣть архіепископа, подобнаго св. Меѳодію“ (§ 4). И далѣе: „Весьма ошибаются и другихъ вводятъ въ заблужденіе тѣ, которые русское богослуженіе выдаютъ за народное и за единственно славянское“ (§ 5). См. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1848, ч. 57, отд. II, 111—112, переводъ И. Паплонскаго.

вирши представляютъ мало привлекательнаго для современнаго читателя и перечесть ихъ нѣсколько десятковъ дѣло не легкое.

Авторъ не испугался массы сыраго матеріала, и хотя воспользовался далеко не всѣми сборниками виршъ, которые до насъ дошли, тѣмъ не менѣе вполнѣ ясно показалъ значеніе этихъ произведеній въ исторіи русской культуры и литературы всего XVII и первой половины XVIII вѣковъ, какъ цѣнныхъ данныхъ для изученія культурныхъ и литературныхъ теченій.

Первыя четыре главы первой части посвящены имъ обзору наиболѣе древнихъ виршъ, имѣющихся въ русскихъ спискахъ, и наблюденіямъ надъ ихъ стихосложеніемъ. Конечно, авторъ не забываетъ упомянуть о церковно-славянскихъ стихотвореніяхъ IX — X вѣковъ и при этомъ замѣчаетъ: „эти немногіе намеки на то, что такое стихи...., едва ли могли оказать вліяніе на созданіе искусственной поэзіи; по крайней мѣрѣ таковой до насъ не дошло" (стр. 2). Кажется, нельзя говорить такъ рѣшительно; южные славяне писали стихи въ XV вѣкѣ (мы имѣемъ въ виду „стихъ" Константина Костенчскаго въ концѣ его житія деспота Стефана Лазаревича, съ „краегранесіемъ", т. е. акростихомъ [1]); стихосложеніе для насъ неясно); подобные стихи могли писать въ то же время и русскіе, хотя бы по примѣру южныхъ славянъ; но мы пока не въ состояніи отыскать ихъ, т. е. мы не можемъ отличить эти стихи отъ обыкновенной прозы. Авторъ обнаруживаетъ большой интересъ къ виршамъ съ греческимъ стихосложеніемъ. Но стихи Николая Спаѳарія („ироелегійскіе" въ „Мусахъ", „іамвійстіи" въ Хрисмологіонѣ и друг.) не остановили на себѣ его вниманія и отношеніе стихосложенія Спаѳарія къ стихосложенію грамматики Мелетія Смотрицкаго осталось не выясненымъ [2]).

Въ пятой главѣ В. Н. Перетцъ предлагаетъ извлеченія изъ двухъ рукописей начала XVII вѣка. „Приведенныя вирши, говоритъ онъ, почти не имѣютъ ни полонизмовъ, ни малоруссизмовъ" (стр. 92).

Шестая глава озаглавлена: „Малорусскія вирши въ польскихъ рукописныхъ сборникахъ XVII — XVIII вѣковъ". Авторъ приводитъ нѣсколько фактовъ, по его мнѣнію, „свидѣтельствующихъ о томъ, что поляки XVII вѣка охотно заносили въ свои записныя книжки, сборники

---

[1]) Изданъ акад. Ягичемъ въ сербскомъ *Гласник'ѣ*, книга XLII, стр. 327.

[2]) Подражаній церковнымъ гимнамъ и молитвамъ, находящихся въ нотныхъ книгахъ великорусскаго происхожденія XVI и XVII вѣковъ, В. Н. Перетцъ не касается.

выписокъ и замѣтокъ—также и произведенія малорусскаго творчества. . . . . Наличность фактовъ показываетъ, что образованные поляки XVII вѣка не чуждались малорусской литературы“ (стр. 93). В. Н. Перетцъ приводитъ изъ писаннаго латиницей сборника Императорской Публичной Библіотеки открытый имъ новый варіантъ интересной „думы казацкой“ о побѣдѣ подъ Берестечкомъ и сатирическую пѣсню о попѣ, изъ писаннаго латиницей сборника библіотеки графа Хрептовича новый варіантъ „пѣсни“ о Желтоводской битвѣ, изъ писаннаго латиницей сборника Бернацкаго рожественскую виршу. Къ сожалѣнію, мы не видимъ у автора доказательствъ, что всѣ эти сборники составлены поляками или по крайней мѣрѣ въ Польшѣ. Разница между образованными малоруссами и бѣлоруссами съ одной стороны и образованными поляками съ другой въ XVII вѣкѣ была такъ незначительна, что опредѣлить народность не всегда легко. Первые, даже православные, въ высшей степени охотно пользовались польскимъ языкомъ и алфавитомъ. Кассіанъ Саковичъ, недавній православный, сдѣлалъ для себя замѣчанія на Лиѳосъ по-польски. Лазарь Барановичъ почти всѣ свои стихи и большую часть переписки написалъ также по-польски. Ѳеофанъ Прокоповичъ, живя уже на сѣверѣ Россіи, написалъ нѣсколько польскихъ стихотвореній. Въ виду этого вполнѣ возможно, что малорусскія пѣсни попали въ сборники польскихъ выписокъ не поляковъ, а малоруссовъ и бѣлоруссовъ уніатовъ или католиковъ; иначе говоря — малорусскихъ виршъ въ рукописяхъ поляковъ пожалуй что и нѣтъ.

Седьмая глава говоритъ о польскомъ вліяніи на русскую поэзію XVII — XVIII вѣковъ. „Польская литература вліяла на русскую поэзію въ XVII и XVIII вѣкахъ непосредственно и посредствомъ малоруссовъ. Одновременно съ передѣлками и подражаніями малорусскихъ ученыхъ польскимъ образцамъ, въ сборники псальмъ и кантовъ входили и цѣликомъ польскія псальмы и кантычки“ (стр. 124). Авторъ подтверждаетъ эти слова рядомъ виршъ съ одной стороны изъ русскихъ (т. е. великорусскихъ) сборниковъ, съ другой изъ польскихъ канціоналовъ, и разборомъ русскаго текста со стороны языка. Онъ говоритъ здѣсь и въ другихъ мѣстахъ о *малорусскомъ* вліяніи на сѣверную Русь. Если бы у него былъ въ виду лишь XVIII вѣкъ, мы бы съ нимъ вполнѣ согласились; но рѣчь идетъ и о XVIII, и о XVII вѣкѣ. Въ XVII вѣкѣ въ Москвѣ встрѣчаются и малоруссы, и бѣлоруссы, послѣдніе какъ будто чаще. Во всякомъ случаѣ Симеонъ Полоцкій былъ бѣлоруссъ; Дилецкій, авторъ „грамматики мусикійской“,

перваго русскаго учебника сольфеджіо, судя по жительству въ Вильнѣ, былъ также бѣлоруссъ; монахи Кутеинскаго монастыря, перебравшіеся при Никонѣ въ Валдайскій Иверскій монастырь, вѣроятно, также были бѣлоруссы. Книги бѣлорусскаго происхожденія были въ Москвѣ не меньше распространены и популярны, чѣмъ малорусскаго. Московская печатная Азбука 1637 года — не что иное какъ передѣлка Азбуки виленской печати (изъ послѣдней въ московскую Азбуку взята даже виньетка заглавнаго листа, изображающая школу). Изданное въ Москвѣ въ 1681 году Житіе Варлаама и Іоасафа—перепечатка кутеинскаго изданія.

Конецъ седьмой главы посвященъ польской пѣснѣ свѣтскаго содержанія, перенесенной на великорусскую почву. „Повидимому, говоритъ В. Н. Перетцъ, постоянными посредниками при перенесеніи польскихъ пѣсенъ въ малорусскую, а позже и въ великорусскую среду, были бандуристы“ (стр. 189). Данныя автора не оставляютъ сомнѣній въ существованіи перенесенія, но роль въ немъ бандуристовъ едва ли не слѣдуетъ ограничить. Конечно, бандуристы, крѣпостные или свободные, нерѣдко находились въ числѣ дворни въ малорусскихъ имѣніяхъ польскихъ пановъ XVIII вѣка и могли усваивать и разносить польскія пѣсни; однако столько же, если не болѣе, должны были распространять польскія пѣсни тѣ образованные малоруссы, прошедшіе польскую школу, которые сначала служили въ разныхъ должностяхъ въ Польшѣ, а потомъ перебрались въ восточную Малороссію, словомъ—малоруссы въ родѣ Мазепы. Они же, вѣроятно, нерѣдко были авторами искусственныхъ пѣсенъ на малорусскомъ языкѣ, свѣтскаго содержанія, о которыхъ В. Н. Перетцъ говоритъ въ главахъ девятой и десятой (припомнимъ преданія объ авторствѣ Мазепы).

Изъ этихъ главъ девятая носитъ заглавіе: „Старшіе сборники малорусскихъ пѣсенъ начала XVIII вѣка“. В. Н. Перетцъ сообщаетъ свѣдѣнія только о двухъ такихъ сборникахъ. Одинъ—Грушевскаго, описанный владѣльцемъ въ „Запискахъ“ общества Шевченка, другой—нашей Академіи Наукъ. Мы можемъ указать еще на два нотные: одинъ до 1733 года, принадлежащій Ѳ. И. Іезберѣ, въ Варшавѣ, изъ котораго извлеченіе сдѣлано профессоромъ А. И. Смирновымъ [1]); другой безъ даты, находящійся въ библіотекѣ Московскаго Сино-

---

[1]) *Смирновъ*, Сборникъ древне-русскихъ памятниковъ и образцевъ народной русской рѣчи, стр. 140.

дальнаго училища церковнаго пѣнія № 316 и поступившій въ нее изъ Каменца-Подольскаго.

Десятая глава посвящена „малорусскимъ пѣснямъ въ великорусскихъ записяхъ начала XVIII вѣка". „Уже въ самомъ началѣ XVIII вѣка, говоритъ авторъ, цѣлые сборники и отдѣльныя пѣсни и вирши малорусскаго происхожденія переходятъ въ великорусскую среду" (стр. 225). Изъ его словъ не видно, почему онъ указываетъ на начало XVIII вѣка, а не на конецъ или даже на вторую половину XVII вѣка. Правда, старшіе великорусскіе сборники малорусскихъ виршъ съ датами относятся лишь къ половинѣ XVIII вѣка. Укажемъ, сверхъ бывшихъ въ рукахъ у В. Н. Перетца,—два сборника библіотеки Синодальнаго училища церковнаго пѣнія, поступившіе въ нее изъ Оптиной пустыни, одинъ № 927, принадлежавшій въ 1748 году калужскому купцу (въ немъ псальмы и три искусственныхъ пѣсни), другой съ указаніемъ на 1751 годъ (въ немъ псальмы, искусственныя пѣсни малорусскія и великорусскія, стихи Симеона Полоцкаго, Тредьяковскаго, великорусскіе гимны въ честь императрицы Елизаветы). Но великорусскій сборничекъ Ундольскаго № 1073, безъ дѣленія на стихи, можетъ быть свободно отнесенъ и къ концу XVII вѣка (нѣсколько псальмъ). Сверхъ того, нельзя не принять во вниманіе, что если въ Москвѣ временъ Симеона Полоцкаго охотно распѣвали польскіе риѳмованные псалмы, то еще охотнѣе могли пѣть малорусскія (и бѣлорусскія) вирши, занесенныя пришельцами изъ южной или западной Россіи, хотя бы самимъ Симеономъ Полоцкимъ. Наконецъ укажемъ на современную событію пѣсню о взятіи московскимъ войскомъ въ 1644 году Смоленска, написанную повидимому жившимъ въ Москвѣ бѣлоруссомъ на смѣси великорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій и дошедшую въ спискѣ XVII вѣка [1]).

„Авторы великоруссы, говоритъ авторъ на стр. 240, для созданія пѣсенокъ, уже въ первое время появленія моды на нихъ въ образованномъ классѣ русскаго общества, берутъ за образцы вирши южнорусскихъ стихотворцевъ". Рѣчь идетъ о любовныхъ пѣсенкахъ. Кажется, у автора нѣтъ основанія выражаться такъ рѣшительно. Одни изъ искусственныхъ пѣсенъ великорусскихъ поэтовъ-анонимовъ, находящіяся въ Новиковскомъ и другихъ пѣсенникахъ XVIII вѣка, такъ близки къ великорусскимъ народнымъ пѣснямъ, что съ трудомъ мо-

---

[1]) Издана въ „Памятникахъ древней письменности" № CXI, 1895 года, стр. 48.

гутъ быть отъ нихъ отличаемы. Нѣкоторыя изъ нихъ изданы нами въ числѣ народныхъ, хотя мы увѣрены въ ихъ искусственности („Великорусскія народныя пѣсни", томъ V, №№ 122, 143, 153, 310, 695, 703 и т. п.). Другія должны находиться въ болѣе тѣсной связи съ нѣмецкими и французскими пѣснями, чѣмъ съ малорусскими (какъ пѣсни В. Монса и его секретаря Столѣтова); къ нимъ также относятся пѣсни, принадлежащія по преданію императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Лишь немногія великорусскія искусственныя пѣсни могутъ быть поставлены въ зависимость отъ малорусскихъ; они должны быть составлены не позднѣе половины XVIII вѣка.

Одиннадцатая глава озаглавлена: „Свѣтскіе малорусскіе элементы въ великорусскихъ сборникахъ пѣсенъ второй половины XVIII вѣка". „Почти во всѣхъ сборникахъ, извѣстныхъ намъ, попадаются пѣсни искусственныя и народныя малорусскаго происхожденія" (стр. 283), говоритъ авторъ и предлагаетъ перечни этихъ пѣсенъ въ нѣсколькихъ рукописныхъ сборникахъ и въ пѣсенникахъ 1780 года (Новиковскомъ), 1790 года („Молодчикъ съ молодкою"), 1815 и 1818 годовъ. Любопытно, что рукописные сборники предлагаютъ главнымъ образомъ искусственныя малорусскія пѣсни, а печатные—народныя.

Двѣнадцатая глава посвящена не „хранителямъ великорусскихъ пѣсенъ въ XVIII вѣкѣ", какъ гласитъ ея заглавіе, а собственникамъ тѣхъ сборниковъ, въ которыхъ находятся главнымъ образомъ псальмы и канты, отчасти свѣтскія пѣсни. Собранныя авторомъ данныя показываютъ, что этими лицами были ученики семинарій, студенты, дьяконы, купцы, подьячіе, крѣпостные люди, т.-е. люди болѣе или менѣе прикосновенные къ церковному пѣнію.

Тринадцатая глава озаглавлена неясно: „Малорусскія пѣсни въ великорусскихъ сборникахъ второй половины XVIII вѣка". Въ ней рѣчь идетъ о великорусскихъ пѣсняхъ, представляющихъ болѣе или менѣе овеликорусившійся текстъ малорусскихъ пѣсенъ.

Четырнадцатая глава кратко говоритъ о „малорусскихъ пѣсняхъ въ великорусскомъ народномъ репертуарѣ" нашихъ дней, не останавливаясь на взаимныхъ отношеніяхъ цѣлаго ряда пѣсенъ общихъ великоруссамъ и малоруссамъ [1]) и ограничиваясь немногими несомнѣнными фактами.

---

[1]) Изъ нихъ пѣсню о куманькѣ В. Н. Перетцъ, на стр. 235—237, признаетъ за малорусскую по происхожденію. Но намъ кажется, вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ ея малорусскаго и великорусскаго текстовъ требуетъ пересмотра.

Въ главѣ пятнадцатой сообщаются данныя изъ исторіи „Богогласника“, сборника псальмъ, впервые изданнаго въ Почаевѣ въ 1790 году, и указывается на широкое распространеніе его текстовъ въ народной малорусской и бѣлорусской средѣ. Жаль, что авторъ оставилъ безъ вниманія другой, старшій сборникъ псальмъ, интересный, хотя и незначительный по величинѣ, — приложенный къ „Горѣ Почаевской“ (первое изданіе—Почаевъ, 1772 года).

Шестнадцатая глава посвящена вопросу „о репертуарѣ стиховъ у старообрядцевъ“. Авторъ пользуется „богатѣйшей коллекціей сборниковъ любимыхъ старообрядческихъ псальмъ С.-Пб. Синодальнаго Архива“ и нѣсколькими сборниками другихъ библіотекъ и представляетъ списокъ этихъ псальмъ. Въ немъ мы видимъ и молитву царевича Іоасафа: „Боже Отче всемогущій, Боже Сыне присносущный“, сочиненія Симеона Полоцкаго, и гимнъ: „Восплещи, воспой, Россія, Ощущая дни благія“, и оду Ломоносова, и переложеніе псалма 135-го въ тоническихъ стихахъ: „Хвалу всевышнему Владыцѣ Потщися, духъ мой, возсылать“, и т. п. Уже названныя произведенія позволяютъ сомнѣваться въ томъ, что передъ нами „репертуаръ“ старообрядцевъ. Дѣйствительно, далеко не всѣ сборники Синодальнаго Архива могутъ считаться старообрядческими. Въ этотъ Архивъ попали рукописи, отобранныя у разныхъ лицъ, не у однихъ старообрядцевъ, весьма возможно, что нѣкоторыя изъ нихъ принадлежали лицамъ изъ бѣлаго или чернаго православнаго духовенства. Во всякомъ случаѣ тѣ стихи, на которыхъ авторъ особенно долго останавливается, не старообрядческіе. Изъ нихъ стихотвореніе о рекрутскомъ наборѣ: „Слышимъ вѣсточки плачевны, Всѣмъ народомъ объявленны“, не заключаетъ въ себѣ ничего старообрядческаго. То же слѣдуетъ сказать о стихотвореніи: „Среди самыхъ юныхъ лѣтъ Вяну я, какъ нѣжный цвѣтъ“. Стихотвореніе: „Господи, умомъ желаю Воинъ быть я надъ страстьми“, по своему тоническому размѣру, правильному вообще, не смотря на искаженіе текста, принадлежитъ образованному человѣку. Стихотвореніе о монастырской жизни, въ которомъ В. Н. Перетцъ видитъ „печальную картину жизни скитскаго подвижника“ (стр. 412), рисуетъ бытъ не юнаго обитателя старообрядческаго скита (въ послѣднемъ въ XVIII вѣкѣ жилось привольно и пріятно), а молодаго православнаго монаха, стѣсненнаго предписаніями Духовнаго Регламента.

Послѣдняя глава предлагаетъ „нѣсколько выводовъ“, сводъ тѣхъ

заключеній, къ которымъ пришелъ авторъ въ предъидущемъ изложеніи.

Вторая часть труда В. Н. Перетца содержитъ описаніе бывшихъ въ распоряженіи автора двѣнадцати сборниковъ псальмъ и кантовъ (11 петербургскихъ собраній и одного Виленской Публичной Библіотеки), вирши изъ старопечатныхъ юго-западно-русскихъ книгъ отъ 1593 до 1619 года, малорусскія пѣсни изъ четырехъ сборниковъ Императорской Публичной Библіотеки, одного Академіи Наукъ и одного Виленской Публичной Библіотеки и „неизвѣстныя вирши" Ѳеофана Прокоповича. По поводу этихъ текстовъ слѣдуетъ замѣтить, что пѣсня, напечатанная на стр. 184 („Что во Кіевѣ во монастырѣ"), на нашъ взглядъ, — чистѣйшая великорусская; пѣсню, напечатанную на стр. 185 („Заюшка, гдѣ ты былъ да побывалъ"), по нашему мнѣнію, вѣрнѣе считать также великорусскою; пѣсня, помѣщенная на стр. 186 („Гдѣ жъ моя дзѣвонюшка гуляла"), — искаженная польская, съ великоруссизмами (*вѣдь, изба*) и безъ малоруссизмовъ.

А. Соболевскій.

Нѣсколько словъ по поводу „Отвѣта" Д. И. Иловайскаго.

Я вынужденъ обратиться къ редакціи *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* съ настоятельною просьбою помѣстить нижеслѣдующую замѣтку по поводу „Отвѣта рецензентамъ" г. Иловайскаго (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1901, май) и по поводу тѣхъ поясненій къ этому „отвѣту", какіе г. Иловайскому угодно было сдѣлать въ издаваемой имъ газетѣ *Кремль* (№ 10 и 11, стр. 2—3).

Поясненія г. Иловайскаго касаются, во-первыхъ, ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, во-вторыхъ, офиціальныхъ рецензентовъ его учебниковъ и, въ третьихъ, отношенія прессы къ учебникамъ г. Иловайскаго. Я не буду говорить за ученый комитетъ: если ученому комитету угодно будетъ обратить вниманіе на выходки г. Иловайскаго, онъ самъ можетъ показать неосновательность этихъ выходокъ гораздо внушительнѣе, чѣмъ могу сдѣлать это я. Но я не могу не указать здѣсь на то, что г. Иловайскій совершенно неправильно представляетъ себѣ степень вліянія отдѣльнаго члена комитета на то или иное опредѣленіе комитета. Разъяснивъ своей публикѣ, что я, профессоръ Платоновъ, состою членомъ комитета

„по исторіи", онъ затѣмъ изображаетъ дѣло такъ, будто бы я лично „положилъ рѣшеніе" на однихъ его учебникахъ, разборъ же другихъ „предоставилъ тремъ посторонним комитету лицамъ", но, конечно, такимъ, которые со мною солидарны. Я долженъ рѣшительно протестовать противъ такого рода сообщеній, такъ какъ они безусловно несправедливы. Рецензенты лишь даютъ отзывъ комитету о томъ или другомъ дѣлѣ, съ проектомъ постановленія; отзывъ обсуждается комитетомъ и постановленія комитета нерѣдко расходятся съ мнѣніями рецензентовъ; выборъ постороннихъ сотрудниковъ принадлежитъ всему комитету, а утвержденіе выбора начальству. Вотъ истина, отъ которой въ данномъ случаѣ удалился г. Иловайскій.

Теперь о мнѣ самомъ. Г. Иловайскій увѣренъ, что я виновникъ и руководитель „похода", произведеннаго на него въ органахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Онъ докладываетъ это публикѣ въ своемъ листкѣ, руководясь только тѣмъ соображеніемъ, что я—членъ ученаго комитета и что я питаю „давнее непріязненное отношеніе" къ г. Иловайскому. О рецензіи на одинъ изъ его учебниковъ онъ рѣшительно заявляетъ: „рецензія на сію книгу, несомнѣнно ему (Платонову) принадлежащая, хотя и никѣмъ не подписанная". Другихъ основаній для того, чтобы печатно трепать мое имя, у автора учебниковъ нѣтъ; для всякаго уважающаго печатное слово, надѣюсь, не требуетъ поясненій, насколько тверды эти основанія и насколько благовидно на нихъ опираться. Не вступая въ полемику съ г. Иловайскимъ, я позволю себѣ указать лишь на слѣдующее:

1) Всѣ рецензіи гг. членовъ ученаго комитета помѣщаются въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, по принятому разъ навсегда правилу, безъ подписей. *Только поэтому* члены ученаго комитета, писавшіе о книгахъ г. Иловайскаго, не подписали своихъ рецензій; лица же, посторонніе комитету, свои рецензіи напечатали съ подписями. Если бы я рѣшился доставить себѣ удовольствіе вновь, какъ десять лѣтъ тому назадъ, написать частную рецензію на „исторіографическіе" труды г. Иловайскаго, я бы ее подписалъ полнымъ именемъ. Смѣю увѣрить въ этомъ г. Иловайскаго.

2) Г. Иловайскій рѣшается говорить, что мнѣ слѣдовало бы „забыть кое-какіе личные счеты" съ нимъ (*Кремль*, стр. 6). У меня съ г. Иловайскимъ нѣтъ никакихъ личныхъ счетовъ. Всѣ наши отношенія ограничиваются тѣмъ, что я написалъ отзывъ объ одномъ изъ томовъ его „Исторіи" въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, и это ему не понравилось. Я не ссылался въ своей по-

слѣдней книгѣ на его „Исторію“, и это ему не понравилось. На печатныя выраженія его неудовольствій по этому поводу я не отвѣчалъ совсѣмъ: какіе же тутъ „личные счеты“? Могу сказать, что и впредь я не буду въ такихъ „личныхъ счетахъ“ съ г. Иловайскимъ, потому что полемика съ нимъ ведетъ только къ горькимъ недоразумѣніямъ. Примѣръ на лицо. Покойный В. Гр. Васильевскій до конца дней своихъ былъ противъ „разысканій“ г. Иловайскаго о началѣ Руси и всегда являлся несокрушимымъ обличителемъ его произвольныхъ построеній. А теперь г. Иловайскій рѣшается печатно говорить, что покойный нашъ ученый „послѣдовательно ведшій полемику“ съ г. Иловайскимъ, „въ концѣ концовъ нашелся вынужденнымъ (!) отказаться отъ норманнской теоріи происхожденія Руси и признать ея туземство (!) въ южной части восточной Европы“ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, май, стр. 936). Этого не надо и опровергать! Можно только задуматься надъ тѣмъ, гдѣ же искать причину такой рѣшимости и способности понимать вещи по-своему, какою уже давно отличается г. Иловайскій.

С. Платоновъ.

Книжныя новости.

Труды Владимірской ученой архивной комиссіи. Книга II. Владиміръ. 1900. Стр. II+190+68+64+24+26+31. Съ приложеніемъ 2-хъ плановъ, 24-хъ рисунковъ и 9 портретовъ.

Мы уже говорили въ одномъ изъ предыдущихъ нумеровъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* о первой книгѣ „Трудовъ“ названной архивной комиссіи и отмѣтили появленіе ея, какъ выдающійся фактъ среди изданій архивныхъ комиссій вообще. Многія статьи и матеріалы ея безспорно представляютъ высоко-научный интересъ. То же почти мы должны сказать и о второй, лежащей передъ нами, книгѣ этихъ „Трудовъ“.

Открывается она статьею протоіерея А. И. Свирѣлина: „Древній запрестольный крестъ въ гор. Переславлѣ-Залѣсскомъ“. Знакомя читателя впервые съ этимъ замѣчательнымъ памятникомъ церковныхъ древностей, авторъ неминуемо впалъ въ нѣкоторыя неточности и смѣлыя предположенія, приписывая, напримѣръ, этому кресту слишкомъ раннее происхожденіе—X или XI вѣка; тѣмъ не менѣе статья протоіерея Свирѣлина важна уже тѣмъ, что несомнѣнно возбудитъ вниманіе спеціалистовъ къ этому цѣнному археологическому памятнику.

Далѣе г. Н. А. Маклаковъ въ статьѣ: „Изъ исторіи Суздальскаго Спасо-Евфиміева монастыря“ знакомитъ на основаніи архивныхъ дѣлъ съ исторіей острога или „монастырской крѣпости“, въ которой содержались „поврежден-

ные въ умѣ колодники" и „буйные развратники", со времени ея основанія (1766 г.) до 1826 года. Первоначально и самое помѣщеніе для арестантовъ и ихъ содержаніе были въ невозможномъ состояніи. На содержаніе „малоумнаго" однодворца и крестьянина, напримѣръ, отпускалось изъ казны всего по 20 рублей въ годъ. „Вопіющія же неудобства" помѣщенія не разъ обращали на себя вниманіе владимірскихъ губернаторовъ. Наконецъ, ходатайства архимандритовъ монастыря и губернаторовъ дошли до императора Александра I, и съ его соизволенія къ 1826 г. состоялась постройка новаго помѣщенія и установлена сумма на содержаніе каждаго заключеннаго въ 156 рублей.

Въ слѣдующей статьѣ: „Къ исторической топографіи гор. Владиміра на Клязьмѣ" г. А. Н. Бунинъ говоритъ о трехъ „земляныхъ валахъ", свидѣтельствующихъ, по его мнѣнію, о постепенномъ возникновеніи на мѣстѣ нынѣшняго Владиміра трехъ городовъ (въ 1108, 1158 и 1194 гг.).

Въ дополненіе къ извѣстнымъ доселѣ портретамъ царицы Евдокіи Ѳедоровны Лопухиной г. Георгіевскому удалось отыскать новый портретъ, который онъ описываетъ подробно, разсказывая въ связи съ этимъ и исторію заключенія царицы въ статьѣ: „Къ портрету царицы Евдокіи Лопухиной". Портретъ этотъ представляетъ „довольно красивую набѣленную и нарумяненную молодую женщину съ большими глазами, съ красиво очерченными густыми бровями, красивымъ ртомъ и характерпымъ носомъ. Одежду ея составляетъ: темное платье нѣсколько вырѣзанное у шеи, закрытое на протяженіи всего вырѣза тюлевымъ ожерельемъ—родъ жабо того времени; на головѣ черная шелковая кика, въ видѣ небольшой шапочки, покрывающей гладко причесанные темно-каштановые волосы; сверху кики накинутъ тюлевый изящно вышитый „цвѣточками" убрусецъ, спускающійся до самыхъ плечъ" (стр. 62). Портретъ нарисованъ, по мнѣнію г. Георгіевскаго, около 1707—1710 г., т. е. самыхъ первыхъ годовъ пребыванія царицы Евдокіи въ Спасо-Евфиміевскомъ монастырѣ. Попутно авторъ вводитъ поправку къ догадкѣ покойнаго М. И. Семевскаго, признававшаго, какъ оказывается, портретъ Соломеніи Сабуровой за портретъ царицы Евдокіи.

Того же автора помѣщено далѣе большое изслѣдованіе о „Суздальскомъ Ризположенскомъ монастырѣ". Здѣсь онъ впервые, насколько позволяли матеріалы, сообщаетъ болѣе полную исторію монастыря и подробно описываетъ находящіеся и бывшіе въ немъ предметы древности. Въ приложеніи къ этой статьѣ г. Георгіевскій помѣстилъ „Писцовую книгу гор. Суздаля 1628—1629 г.", изъ которой только въ 1843 г. было напечатано нѣсколько выдержекъ во *Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ*, ставшихъ теперь библіографическою рѣдкостью, нѣсколько описей, указовъ, грамотъ и другихъ документовъ, относящихся до Ризположенскаго монастыря.

Въ слѣдующемъ отдѣлѣ книги „Трудовъ", въ отдѣлѣ „Матеріаловъ", находимъ интересныя свѣдѣнія объ архивѣ Переславскаго духовнаго правленія и объ его многочисленныхъ „дѣлахъ", проливающихъ свѣтъ на положеніе, бытъ и нравы тамошняго духовенства второй половины XVIII и начала XIX вѣковъ, и затѣмъ новыя данныя объ извѣстномъ Ст. Вас. Руссовѣ, которыя г. Смирновъ извлекъ изъ дѣла о „производствѣ объ оберъ-секретарѣ надворномъ совѣтникѣ Руссовѣ и секретарѣ Пучковѣ" (1815 г.). Попутно

г. Смирновъ дополняетъ и списокъ трудовъ Руссова. Оставляя затѣмъ въ сторонѣ „Хронику“ и „Отчетъ“ комиссіи, мы обращаемъ вниманіе читателя на „Портретную галлерею уроженцевъ и дѣятелей Владимірской губерніи“ г. А. В. Смирнова, сообщившаго вмѣстѣ съ портретами краткія біографическія данныя о Я. Е. Протопоповѣ, В. А. Борисовѣ, В. И. Доброхотовѣ, К. Н. Тихонравовѣ, Н. Я. Дубенскомъ, Н. И. Шагановѣ, Д. А. Смирновѣ и И. С. Шмидтѣ.

Отдавая въ заключеніе полную признательность гг. членамъ Владимірской ученой архивной комиссіи, столь плодотворно трудящимся на пользу родной исторіи и археологіи, мы, однако, не можемъ не выразить сожалѣнія по поводу отсутствія во второй книгѣ продолженія „Описи дѣлъ архива Владимірскаго губернскаго правленія“, столь блестяще начатой А. В. Селивановымъ.

Сборникъ матеріаловъ по исторіи предковъ царя Михаила Ѳеодоровича Романова. Генеалогическій и историческій матеріалъ по печатнымъ источникамъ, собранный *Н. Н. Селифонтовымъ*. Ч. I. С.-Пб. 1901.

Основанный въ 1897 г. при Костромской ученой архивной комиссіи Романовскій отдѣлъ въ слѣдующемъ уже году издалъ вторую часть „Сборника матеріаловъ по исторіи предковъ царя Михаила Ѳеодоровича Романова“, въ которую вошла пространная „Родословная рода Захарьиныхъ-Юрьевыхъ-Романовыхъ“, составленная по матеріаламъ умершаго въ 1863 г. И. П. Сахарова. Недавно появилась и первая часть этого „Сборника“, заключающая въ себѣ „генеалогическій и историческій матеріалъ по печатнымъ источникамъ“.

Первый и главный отдѣлъ этой части составляютъ родословныя росписи потомковъ Андрея Ивановича Кобылы и Михаила Прушанина, родоначальника рода Шестовыхъ, изъ котораго происходила мать царя Михаила Ѳеодоровича, Ксенія (въ иночествѣ Марѳа) Ивановна. Всѣхъ росписей потомковъ перваго родоначальника приведено здѣсь десять; изъ нихъ древнѣйшими должны считаться двѣ росписи, составленныя по спискамъ синодальному и Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, XVI и XVII вѣковъ, и напечатанныя первоначально во „Временникѣ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ“, за 1851 г., кн. X. Эти росписи и помѣщены въ „Сборникѣ“ первыми; остальныя всѣ распредѣлены по времени ихъ составленія или напечатанія, если нѣтъ свѣдѣній о времени составленія. Въ числѣ позднѣйшихъ помѣщена „Родословная таблица домовъ Рюрика и нынѣ царствующаго Романовыхъ“, принадлежащая перу г. Мещеринова, напечатавшаго ее въ *Русской Старинѣ* за 1898 г. Наиболѣе полною и обработанною изъ всѣхъ росписей слѣдуетъ признать „Родословную царствующаго дома Романовыхъ“, составленную барономъ Балтазаромъ-Кампенгаузеномъ и изданную въ Лейпцигѣ, въ 1805 г. Въ „Сборникѣ“ она помѣщена въ нѣмецкомъ подлинникѣ и русскомъ переводѣ Н. Н. Селифонтова.

Росписей потомковъ Михаила Прушанина помѣщено пять: 1) Морозовыхъ по списку половины XVI столѣтія Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ; 2) Морозовыхъ, Тучковыхъ, Шеиныхъ и Салтыковыхъ

по списку конца XVI столѣтія Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ; 3) Морозовыхъ по списку начала XVII столѣтія Московской синодальной библіотеки; 4) Шестовыхъ по Бархатной книгѣ и 5) Шестовыхъ и Русалкиныхъ по „Русской родословной книгѣ“ князя Лобанова-Ростовскаго.

Второй отдѣлъ „Сборника“ составляетъ „Опытъ библіографическаго указателя къ печатнымъ статьямъ, сочиненіямъ и вообще печатнымъ изданіямъ, въ которыхъ имѣются и могутъ заключаться данныя и соображенія, составляющія матеріалъ для исторіи предковъ царя Михаила Ѳеодоровича Романова“, съ „вспомогательнымъ“ къ нему „азбучнымъ перечнемъ личныхъ именъ географическихъ названій и обозначеній предметовъ“.

Родъ князей Волконскихъ. Матеріалы, собранные и обработанные княгинею *Е. Г. Волконской.* С.-Пб. 1900. Стр. 980. Цѣна 5 р.

За послѣднее время стало появляться все болѣе и болѣе разнаго рода родословныхъ сборниковъ, основанныхъ преимущественно на изученіи матеріаловъ, заимствованныхъ по большей части изъ семейныхъ архивовъ. Сообщаемыя въ нихъ свѣдѣнія и особенно матеріалы являются цѣнными и для общей исторіи. Къ числу такихъ сборниковъ должно отнести и вышеназванный огромный въ 60 печатныхъ листовъ томъ, въ которомъ въ весьма значительной полнотѣ исчерпана и печатная литература о родѣ князей Волконскихъ.

Главное содержаніе разсматриваемой книги составляютъ „Біографическія свѣдѣнія о князьяхъ Волконскихъ“, подтверждаемыя всюду подробнѣйшими или чаще цѣлыми перепечатками документовъ. Родъ князей Волконскихъ происходитъ отъ Рюрика, и ближайшимъ его родоначальникомъ является *Иванъ Юрьевичъ*, князь Тарусскій изъ рода князей Черниговскихъ. Изъ общаго числа представителей этого рода, простирающагося свыше 150 человѣкъ, о которыхъ сообщены біографическія свѣдѣнія, болѣе всего свѣдѣній дается о жившихъ въ XVI и XVII вѣкахъ; тутъ же помѣщено и наибольшее число матеріаловъ. Среди многихъ извѣстныхъ и полезныхъ дѣятелей рода князей Волконскихъ назовемъ хотя нѣсколькихъ: *Григорія Константиновича*, полномочнаго посла въ Крымъ и Польшу, окольничаго и воеводу; *Ѳедора Ѳедоровича*, тоже полномочнаго посла, боярина и воеводу; *Ѳедора Ивановича*, по прозванію Мерина, знаменитаго воеводу XVII вѣка, начальника Московскаго приказа; *Ѳедора Львовича*, окольничаго и воеводу XVII вѣка; *Николая Григорьевича*, генералъ-адъютанта, генерала отъ кавалеріи, присоединившаго фамилію Репнина; *Павла Михайловича* (род. 1763 г., ум. 1808 г.), образованнѣйшаго человѣка своего времени и благодѣтеля для крестьянъ; *Григорія Семеновича* (род. 1742 г., ум. 1824 г.), оренбургскаго генералъ-губернатора, члена государственнаго совѣта; *Петра Михайловича* (род. 1776 г., ум. 1852 г.), свѣтлѣйшаго князя, генералъ-фельдмаршала, учредителя русскаго генеральнаго штаба; *Семена Ѳедоровича* (род. 1703 г., ум. 1768 г.), генералъ-аншефа, прославившагося въ Семилѣтнюю войну, и *Сергѣя Григорьевича* (род. 1788 г., ум. 1865 г.), боеваго генерала, участвовавшаго въ 58 сраженіяхъ и сосланнаго въ 1826 г. въ Сибирь за участіе въ тайномъ обществѣ и заговорѣ декабристовъ.

Вслѣдъ за „біографическими свѣдѣніями“ помѣщены: „родословная рос-

пись князей Волконскихъ отъ свѣтлѣйшаго великаго князя Михаила Черниговскаго до 1900 г.", а за росписью—„Приложенія", въ которыя вошли: „Родословная роспись, поданная князьями Волконскими въ Разрядъ въ 1686 г.", „Записки исторіографа князя М. М. Щербатова о родѣ князей Волконскихъ", „Замѣтка князя А. М. Волконскаго о происхожденіи рода князей Волконскихъ", „Выписка исторіографа Г. Ф. Миллера о родѣ князей Волконскихъ", „Статья М. Г. Спиридова о родѣ князей Волконскихъ" и „Выписка изъ документовъ литовской метрики о князьяхъ Волконскихъ XV вѣка".

Въ концѣ тома, для удобства пользованія, приложены два алфавитныхъ указателя: 1) личныхъ именъ и 2) географическихъ.

Въ самомъ началѣ книги издатель ея князь М. С. Волконскій помѣстилъ портретъ автора, княгини Е. Г. Волконской, нынѣ уже покойной.

Исторія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества за первое пятидесятилѣтіе его существованія. 1846—1896. Составилъ *Н. И. Веселовскій*. С.-Пб. 1900. Стр. 514.

Въ концѣ прошлаго года, почти черезъ пять лѣтъ послѣ исполнившагося юбилея, появилась вышеназванная „Исторія" археологическаго общества, принадлежащая перу Н. И. Веселовскаго. Въ ней авторъ предварительно въ краткихъ чертахъ обозрѣваетъ работы русскихъ археологовъ до времени основанія общества, т. е. до 1846 г., а затѣмъ говоритъ объ организаціи общества и указываетъ главнѣйшіе моменты въ его жизни за все истекшее пятидесятилѣтіе.

Подобно географическому и археологическое общество обязано своимъ возникновеніемъ иностранцу Бернгарду (по русски Борису Васильевичу) Кёне, который былъ еврей по происхожденію, реформатъ по вѣроисповѣданію и заграничный агентъ Я. Я. Рейхеля по пріобрѣтенію для него средневѣковыхъ и новыхъ европейскихъ монетъ. Поселившись, благодаря покровительству послѣдняго, въ 1845 г. въ Петербургѣ, Кёне вступилъ въ полемику съ археологомъ Л. Э. Стефани и затѣмъ еще въ болѣе горячій споръ съ русскими археологами по вопросу объ Олеговой монетѣ. Во время этого-то спора ему и пришла мысль основать на подобіе берлинскаго нумизматическаго общества, гдѣ онъ былъ секретаремъ, археологическо-нумизматическое общество въ Петербургѣ. Организованное имъ и Я. Я. Рейхелемъ, оно было исключительно нумизматическимъ и иностраннымъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Только черезъ 6 лѣтъ послѣ основанія, русской партіи, сплотившейся около П. С. Савельева и И. П. Сахарова, удалось оттѣснить иностранцевъ, завести періодическія изданія общества на русскомъ языкѣ и организовать три отдѣленія: 1) русской и славянской археологіи, 2) восточной и 3) древней и западной археологіи. Оживленная дѣятельность этихъ отдѣленій была прервана крымскою кампаніею и послѣдовавшими за нею событіями и вновь возродилась съ начала 1870 годовъ.

Далѣе авторъ „Исторіи" говоритъ объ „издательской дѣятельности" общества, сообщая лишь внѣшній перечень періодическихъ и отдѣльныхъ изданій. Затѣмъ перечисляетъ начатыя или намѣченныя изданія и предпріятія общества, но оставшіяся неисполненными; всѣ преміи и медали, которыя

имѣлись при обществѣ и были выданы, вмѣстѣ со спискомъ лицъ, удостоенныхъ премій и медалей. Вслѣдъ за этимъ идутъ главы: „Археологическія раскопки“ (въ общемъ таковыхъ былъ немного и большая часть ихъ произведена Ивановскимъ и Н. Бранденбургомъ), „реставрація памятниковъ древности“ (здѣсь всѣ почти мѣры къ сохраненію памятниковъ древности сводились къ писанію малорезультатныхъ „отношеній“) и „экспедиціи и командировки“.

Послѣ обозрѣнія дѣятельности общества по отдѣленіямъ, обозрѣнія, правду сказать, краткаго и болѣе внѣшняго, Н. И. Веселовскій говоритъ о библіотекѣ и музеѣ, не сообщая никакихъ числовыхъ данныхъ объ ихъ содержаніи, о денежныхъ средствахъ общества, его помѣщеніи и администраціи. Въ концѣ помѣщены: „составъ общества за первое пятидесятилѣтіе“, „привѣтствія, полученныя обществомъ 15-го декабря 1896 г.“ и „указатель именъ личныхъ и географическихъ“.

Не говоря уже о характеристикѣ главнѣйшихъ изданій общества, имѣвшихъ наибольшее значеніе для археологіи, въ книгѣ г. Веселовскаго мы сравнительно мало находимъ свѣдѣній и о его болѣе крупныхъ членахъ; а эти свѣдѣнія были бы весьма не лишни въ „Исторіи“ общества, тѣмъ болѣе, что они имѣются частью въ архивѣ общества, а частью извѣстны его сочленамъ.

Бальфуръ, Артуръ Джемсъ. Основанія вѣры, переводъ съ шестого англійскаго изданія подъ редакціей *Владиміра Соловьева.* Москва. 1900. Цѣна 1 р. 25 к. Стр. 302.

Это книга, несомнѣнно, написанная англичаниномъ: всѣ свойства англійскаго духа отражаются въ ней чрезвычайно отчетливо. Авторъ заботится только о существенномъ, оставляя въ сторонѣ ненужныя детали и эрудицію; онъ нисколько не заботится о систематичности изложенія, а излагаетъ свои замѣчанія, хотя и соотвѣтственно извѣстному плану, но вовсе не въ строгой и стройной системѣ. Въ книгѣ много недосказаннаго, и авторъ частенько отсылаетъ читателя къ другому своему труду, „Философскія сомнѣнія“, который, насколько намъ извѣстно, не переведенъ на русскій языкъ. Въ книгѣ содержится основательная, хотя и не всесторонняя критика того, что г. Бальфуръ называетъ „натурализмомъ“, то-есть, эмпирической теоріи познанія матеріалистической метафизики. Менѣе подробно разобрана противоположная система (трансцендентальнаго идеализма), къ которой авторъ питаетъ нѣкоторое сочувствіе, признавая однако открыто ея слабыя стороны.

Критика двухъ возможныхъ міровоззрѣній и указаніе несостоятельности ихъ открываетъ путь для защиты вѣры. Эта защита ведется чрезвычайно осторожно; видно, что авторъ имѣетъ въ виду весьма скептически настроенную публику, посему онъ удовлетворяется лишь незначительными на первый взглядъ уступками со стороны скептика. Авторъ желаетъ лишь очистить поле для религіи, нисколько не касаясь положительной религіи; книга можетъ быть даетъ меньше, чѣмъ читатель въ правѣ ожидать отъ сочиненія, озаглавленнаго „Философское введеніе къ изученію богословія“, но несо-

мнѣнно, что чтеніе различныхъ соображеній автора можетъ навести на хорошія мысли читателя и поколебать скептически настроеннаго по отношенію къ религіи матеріалиста. Главное содержаніе книги г. Бальфура отрицательное: онъ не столько заботится о томъ, чтобы показать необходимость религіозныхъ вѣрованій, сколько выясняетъ полную несостоятельность философіи и науки при рѣшеніи нѣкоторыхъ вопросовъ. Несмотря на нѣсколько отрывочный и эскизный характеръ разсужденій г. Бальфура, нужно признать за нѣкоторыми частями его книги выдающіяся достоинства. Намъ, напримѣръ, особенно понравилась критика философіи Спенсера, предложенная въ 4-ой главѣ 4-ой части подъ заглавіемъ „Конечныя научныя идеи". Несостоятельность этой философской системы, пользующейся широкимъ распространеніемъ и у насъ, показана чрезвычайно отчетливо.

За достоинство перевода говоритъ имя редактора, который на нѣкоторыхъ страницахъ помѣстилъ свои примѣчанія; изъ нихъ явствуетъ, что неполнота разсужденій г. Бальфура иногда смущала В. Соловьева. Въ корректурномъ отношеніи книга издана довольно небрежно.

Въ декабрѣ 1900 г. выпущены въ свѣтъ слѣдующія изданія Императорской Академіи Наукъ:

1) Извѣстія Императорской Академіи Наукъ (Bulletin). Томъ XIII, № 5. Декабрь 1900. (1+LXIX—LXXX+461—525 стр.; заглавіе и оглавленіе къ XIII-му тому). (Съ 6-ю таблицами) gr. 8⁰. Цѣна 1 руб.=2 Mk. 50 Pf.

2) Записки Императорской Академіи Наукъ, по физико-математическому отдѣленію (Mémoires. VIII-e Série. Classe physico-mathématique). T. XI, № 2. *A. S. Wassilieff*. Beobachtungen des Planeten Venus angestellt im Jahre 1892. (Nebst 6 Tafeln.) (3+60 стр.) 4⁰. Цѣна 1 р. 20 к.=3 Mk.

3) Записки Императорской Академіи Наукъ, по физико-математическому отдѣленію (Mémoires. VIII-e Série. Classe physico-mathématique). T. XI, № 3. *И. Семеновъ*. Пути барометрическихъ максимумовъ въ Европѣ за 1889—1893 гг. (Съ 15 картами). (1+24 стр.) 4⁰. Цѣна 1 р.=2 Mk. 70 Pf.

4) Записки Императорской Академіи Наукъ, по историко-филологическому отдѣленію (Mémoires. VIII-e Série. Classe historico-philologique). T. IV, № 9 и послѣдній. Th. von *Tscherbatskoi*. Ueber das Haihayendracarita des Harikavi. (3+XI+112 стр., заглавіе и оглавленіе къ IV-му тому) gr. 8⁰. Цѣна 1 руб. 20 к.=3 Mk.

5) Сочиненія Императрицы Екатерины II на основаніи подлинныхъ рукописей и съ объяснительными примѣчаніями академика *А. Н. Пыпина*.

Томъ I. Драматическія сочиненія. (3 + XLVII + 419 + 2 стр.) 8⁰. Цѣна 2 руб.

Томъ II. Драматическія сочиненія. (3+547+2 стр.) 8⁰. Цѣна 2 р. 50 к.

Томъ III. Драматическія сочиненія. (3+III+455+2 стр.) Цѣна 2 р.

Томъ IV. Драматическія сочиненія. (1 + IV + 262 + 2 стр.) 8⁰. Цѣна 1 р. 50 коп.

6) Письма и бумаги Императора Петра Великаго. Томъ IV. (XXXIV+1259+CXIV стр.) 8° Цѣна 4 р.

7) Извѣстія Императорской Академіи Наукъ (Bulletin). Томъ XIII, № 4. Ноябрь 1900. (I+LXII—LXVII+351—460 стр.) gr. 8°. Цѣна 1 р.=2 Mk. 50 Pf.

8) Dr. *W. Radloff.* Das Kudatku Bilik des Jusuf Chass-Hadschib aus Bälasagun. Theil II. Text und Uebersetzung nach den Handschriften von Wien und Kairo. I. Lieferung: p. 2—95 der Wiener Handschrift. (XXIV+1+228 стр.) gr. 4°. Цѣна 4 р. 40 к.=11 Mk.

9) Византійскій Временникъ, издаваемый при Императорской Академіи Наукъ, подъ редакціей *В. Э. Регеля.* (Βυζαντινα Χρονικα). Т. VII, вып. 4. XXVII+621—818 стр.) gr. 8°. Цѣна по подпискѣ 5 р.= 12 Mk. 50 Pf.

10) Словарь русскаго языка составленный вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. Втораго тома выпускъ 4-й (съ начала изданія—7-й). Загра́ять—Закрѣпля́ть. (VIII+953—1272 столб.) gr. 8°. Цѣна 75 коп.

11) Источники словаря русскихъ писателей. Собралъ *С. А. Венгеровъ.* Т. 1. Ааронъ—Гоголь. (1+VI+814 стр.). 8°. Цѣна 2 р. 50 к.

Въ январѣ и февралѣ 1901 г. выпущены въ свѣтъ слѣдующія изданія Императорской Академіи Наукъ:

1) Извѣстія Императорской Академіи Наукъ (Bulletin). Томъ XIV, № 1. Январь 1901. (I+XVI+103 стр.). gr. 8°. Цѣна 1 р.= 2 Mk. 50 Pf.

2) Записки Императорской Академіи Наукъ, по физико-математическому отдѣленію (Mémoires. VIII-e Série. Classe physico-mathématique). T. XI, № 4. *A. Belopolsky.* Bearbeitung der in Pulkovo erhaltenen Spectrogramme von dem Spectral-Doppelstern α Geminorum. Mit 3 Holzschnitten. (I+111 стр.). Цѣна 2 р.=5 Mk.

3) Записки Императорской Академіи Наукъ, по историко-филологическому отдѣленію (Mémoires. VIII-e Série. Classe historico-philologique). T. V, № 1. Отчетъ о сорокъ первомъ присужденіи наградъ графа Уварова. (III+276 стр.). Цѣна 2 р.=5 Mk.

4) К. К. Герцъ. Собраніе сочиненій, изданное Императорскою Академіею Наукъ на средства капитала имени проф. *К. К. Герцъ.* Выпускъ 7-й: Археологическая и художественная хроника. Ч. I (1857—1865). (IV+VI+384 стр.). Цѣна 2 р.=5 Mk.

5) Ежегодникъ зоологическаго музея Императорской Академіи Наукъ (Annuaire du Musée Zoologique de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg). 1900. T. V, № 4. (Съ 5 таблицами). (Стр. 373—457 + IX—XXXVI+1+VIII [заглавіе и содержаніе V тома]). Цѣна 1 р. 60 к.=4 Mk.

Въ мартѣ 1901 г. выпущены въ свѣтъ слѣдующія изданія Императорской Академіи Наукъ:

1) Извѣстія Императорской Академіи Наукъ (Bulletin). Томъ XIV, № 2. Февраль 1901. (I+XVII+XXIV+105—225 стр.) gr. 8°. Цѣна 1 р.=2 Mk. 50 Pf.

2) Записки Императорской Академіи Наукъ, по физико-математическому отдѣленію (Mémoires. VIII-e Série. Classe physico-mathématique). T. XI, № 5. *А. А. Кулябко.* Къ ученію о контрактурѣ. Съ 2 таблицами міограммъ. (1+30 стр.). 4°. Цѣна 1 р.=2 Mk. 50 Pf.

3) Записки Императорской Академіи Наукъ, по историко-филологическому отдѣленію (Mémoires. VIII-e Série. Classe historico-philologique). T. V, № 2. *Friedrich Westberg.* Die Fragmente des Toparcha Goticus (Anonymus Tauricus) aus dem 10 Jahrhundert. Mit 10 Tafeln. (1+126 стр.). gr. 8°. Цѣна 1 р. 50 коп.=3 Mk. 75 Pf.

4) Записки Императорской Академіи Наукъ, по историко-филологическому отдѣленію (Mémoires. VIII-e Série. Classe historico-philologique). T. V, № 3. *Г. К. Шмидъ.* Иванъ Бохъ въ Москвѣ въ 1578 году. (1+9 стр.) gr. 8°. Цѣна 20 коп.=50 Pf.

5) Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. 1900. Т. V, книжка 4-я. (1075—1431+Общій титулъ, содержаніе V-го тома VIII+опечатки, дополненія и поправки II+Общее содержаніе I—V томовъ (1896—1900 г.) 1+XXXI). 8°. Цѣна 1 руб. 50 коп

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* въ теченіе апрѣля и мая мѣсяцевъ 1901 г.

— Матеріалы къ познанію фауны и флоры Россійской Имперіи. Отдѣлъ зоологическій. Выпускъ II. Москва 1896. 555 стр. Цѣна 3 р. 50 коп. Выпускъ III. Съ одной таблицей. Москва 1897. 372 стр. Цѣна 2 р. 50 коп. (Приложеніе къ „Bulletin de la Société Imperiale des Naturalistes de Moscou“). Выпускъ IV. Москва 1897. XI+331 стр. Цѣна 2 р. 50 коп. Выпускъ V съ 2 табл. Москва 1901. 399 стр. Цѣна 3 р.

— *Тарле, Е. В.* Исторія Италіи въ средніе вѣка. Изданіе Акціонернаго Общества „Брокгаузъ—Ефронъ“. С.-Пб. 1901. 197 стр. Цѣна 1 р. (Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время. Изданіе подъ редакціей *Н. И. Карѣева* и *И. В. Лучицкаго*).

— *Чечулинъ, Н.* Памяти учителей. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, В. Г. Васильевскій, Л. Н. Майковъ. С.-Пб. 1901. 24 стр.

— *Грабарь, В. Э.* Неудачная попытка національизаціи международнаго права. Разборъ книги Э. К. Симсона „Система международнаго права“. Т. I. Основныя понятія. С.-Пб. 1900. Юрьевъ 1901. 23 стр.

— *Поспишилъ, А. О.* Греческія слова въ русскомъ языкѣ. Кіевъ 1901. 64 стр. Цѣна 50 коп.

— *Гюйо, М.* Искусство съ соціологической точки зрѣнія. Съ портретомъ автора, исполненнымъ фирмою Дюжардена въ Парижѣ. Переводъ *Д. А. М.*

С.-Пб. 1900. 464 стр. Цѣна 2 р. (Изданіе товарищества „Знаніе". Редакція *Г. Фальборка* и *В. Чарнолусскаго*).

— *Бобровъ, Евгеній.* Философія въ Россіи. Матеріалы и замѣтки. Выпускъ V. Листы 55—65. Казань 1901. Отъ 855—1026 стр. (Приложеніе къ Ученымъ Запискамъ Казанскаго университета за 1901 г., апрѣль).

— *Его же.* Литература и просвѣщеніе въ Россіи XIX вѣка. Матеріалы, изслѣдованія и замѣтки. Томъ II. Казань 1901. VI+271 стр.

— Историческое обозрѣніе. Сборникъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, издаваемый подъ редакціей *Н. И. Карѣева.* Томъ одиннадцатый. С.-Пб. 1901. 160 стр.

— Алфавитный списокъ книгъ библіотеки юридическаго факультета Императорскаго Казанскаго университета. Казань 1901. 131 стр. (Приложеніе къ Ученымъ Запискамъ Казанскаго университета за 1901 г., май—іюнь).

— Správa o musku království českého za rok 1900. V Praze. 1901.

— Кавказскіе курорты. Пятигорскъ, Ессентуки, Желѣзноводскъ и Кисловодскъ. Иллюстрированный путеводитель на 1901 г. Изданіе Управленія Кавказскихъ минеральныхъ водъ. IV+72+14 стр.

— *Витбергъ, Ѳ. А.* Первыя басни И. А. Крылова. С.-Пб. 1900. 57 стр. (Исправленный оттискъ).

— Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. 1900 г. Тома V-го, книжка 4-я. С.-Пб. 1900. Отъ 1075—1431+XXXI стр. Цѣна 1 р. 50 коп.

— Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. Томъ XIII. № 5. 1900 Декабрь. Отъ LIX—LXXX и отъ 461—525 стр. Томъ XIV. № 1. 1901 г. Январь XVI+103 стр. Томъ XIV. № 2. 1901. Февраль. Отъ XVII-XXIV и отъ 105—225 стр. С.-Пб. 1901.

— *Гарнеръ, Р. Л.* Языкъ обезьянъ. (The speech of monkeys by R. L. Garner). Переводъ съ англійскаго *С. Л. Халютина,* подъ редакціею *В. В. Битнера.* С.-Пб. 1901. 84 стр. Цѣна 50 коп. Изданіе *П. П. Сойкина.* (Библіотека „Научнаго Обозрѣнія").

— *Ромашковъ, Д.,* свящ. Различные типы школъ и образованія, получаемаго въ нихъ современными русскими людьми. Москва 1898. 96 стр. Цѣна 50 коп.

— *Его же.* Современныя задачи русской школы и семьи. Москва 1901. 14 стр. (Отдѣльный оттискъ изъ „Московскаго Церковнаго Вѣстника" 1901. № 16).

— *Семеновъ, Ст.,* протоиерей. Размишленія върху единството на Христовата църква и необходимостьта отъ вселенски съборъ. Сказка държана на 22 ноемврий 1900 г. въ салона на „Учителска Дружба" въ г. Пловдивъ. Пловдивъ 1901. 30 стр.

— Отчетъ Томскаго епархіальнаго училищнаго совѣта о состояніи церковныхъ школъ за 1899 гражданскій годъ. Томскъ 1901. 27 стр.

— Отчетъ о состояніи саратовской городской публичной библіотеки въ 1900 г. 69-й годъ существованія. Саратовъ 1901. 19 стр.

— *Погодинъ, А. Л.* Изъ исторіи славянскихъ передвиженій. С.-Пб. 1901. 167 стр.

— *Нечаевъ, А. П.* Современная экспериментальная психологія въ ея отношеніи къ вопросамъ школьнаго обученія, съ 79 таблицами въ текстѣ. С.-Пб. 1901. 236 стр. Цѣна 1 р. 50 коп.

— Библіотека великихъ писателей. Шиллеръ. Выпускъ III, 478 стр. и IV, 160 стр. Изданіе Брокгаузъ и Ефронъ. 1901.

— *Кацъ, Р. А.* Уходъ въ семьѣ за глазами дѣтей. Второе изданіе, исправленное и дополненное. С.-Пб. 1901. 49 стр. Цѣна 30 коп.

— *Антонъ, Г.* Объ умственномъ утомленіи здоровыхъ и больныхъ дѣтей. Переводъ съ нѣмецкаго д-ра *Гордона.* Кіевъ 1901. 27 стр. Цѣна 20 коп.

— *Шопенгауэръ, Артуръ.* Полное собраніе сочиненій. Въ переводѣ и подъ редакціей *Ю. И. Айхенвальда.* Выпуски IV и V. Москва 1901. Изданіе магазина „Книжное дѣло". Отъ 289—552 стр. Цѣна за четыре тома 8 руб.

— *Грузенбергъ, Семенъ.* Нравственная философія Шопенгауэра. Критика основныхъ началъ философіи Шопенгауэра. С.-Пб. 1901. 109 стр. Цѣна 1 р. 25 коп.

— *Kariejew, Mikołaj.* O samokształceniu się młodego pokolenia w Rosji. Lwów 1901. 23 стр.

— *Karějev, N.* Ruský dějepisec italského humanismu. V Praze 1901. 15 стр. Z vlaštní otisk z čes. čas. hist. roč. VII, čis 2.

— *Kariejew, Mikołaj.* O studyach z zakresu historyi zachodniej Europy w Rosyi. Lwów. 1901. 19 стр. Osobne odbicie z tomu XV Kwartalnika historycznego.

— Zeitlexikon. Januar, Februar, März, April 1901. Jährlich 12 Hefte à 1 mark.

— *Czubek, Jan.* Bartosza Paprockiego dwie broszury polityczne z lat 1587 i 1588. Krakow. 1900. X + 125 стр. (Wydawnictwa akademii umiejetnósci w Krakowie. Biblioteka pisarzów polskich. T. 38).

— Rozprawy Akademii umiejętności wydział historyczno-filozoficzny. Serya II. Tom XIV. Ogólnego sbioru tom trsydsiesty dziewiąty. W Krakowie. 1900. 399 стр.

— Collectanea ex archivo collegii juridici. Tomus VII. Archiwum komisyi prawniczej. Tom siódmy. Krakow. 1900. LXX + 568 стр. (Editio collegii juridici Academiae litterarum cracoviensis).

— *Кареевъ, Мик.,* проф. Мик. Михайловскій і його значінє в росийській літературі. (Публичній видчит *Мик. Кареева,* що відду в ся у Львові 8(21) січня 1901 р. на дохід бібліотеки „Наукового Товариства ім. Шевченка у Львові"). 18 стр.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА [1]).

Фридрихъ фонъ-Гельвальдъ. Земля и ея народы. Переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія въ 4-хъ томахъ подъ редакціей *Ф. Груздева*, редактора журнала „Природа и люди". Томъ III. Живописная Европа. (Съ картою и рисунками). С.-Пб. Стр. 728+II. Цѣна не обозначена. Томъ IV. Живописная Африка, Австралія съ Океаніей и Полярныя страны. (Съ картами и рисунками). С.-Пб. Стр. 160+100+I. Цѣна не обозначена.

Въ III томѣ содержится описаніе западно-европейскихъ государствъ и Россіи, а 4-й томъ заключаетъ въ себѣ Африку, Австралію съ Океаніей и полярныя страны.

Въ 4-мъ послѣднемъ изданіи подлинника 1897 г. очерку Россіи отведено 23—24 страницы, въ русскомъ же переводѣ Россія занимаетъ 416 страницъ, и не можетъ не показаться страннымъ, почему издатель прикрылъ именемъ нѣмецкаго географа отдѣлъ о Россіи, имѣющій общаго съ нимъ только внѣшность, именно отдѣлъ о Россіи, какъ и остальныя части Гельвальда, напечатаны двумя шрифтами: крупнымъ — матеріалъ наиболѣе важный и мелкимъ — разныя подробности.

Отдѣлъ о Россіи состоитъ изъ общей части, въ которую входятъ: Общій географическій очеркъ. Пространство, границы, историческій ростъ Россіи. Рельефъ поверхности. Нѣсколько словъ о геологіи Россіи. Климатъ Европейской Россіи. Гидрографія, взглядъ на прошлое внутреннихъ водъ Россіи. Тундра, лѣсъ, степь. Древніе и современные обитатели Европейской Россіи и т. д. Во второй части разсматривается Россія съ экономической стороны, т. е. всѣ виды добыва-

[1]) Помѣщенныя здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

ющей и обработывающей промышленности, и къ этой части отнесены народное образованіе и народное здравіе. Третья и послѣдняя часть посвящается частному обозрѣнію Европейской Россіи по областямъ. Обозрѣніе Кавказа также входитъ въ составъ книги.

Всѣ части находятся между собою въ связи, и поэтому общее обозрѣніе въ книгѣ не представляетъ отдѣла законченнаго, такъ какъ почти всѣ главные предметы, затрогиваемые имъ, пополняются и по мѣрѣ накопленія новыхъ фактовъ освѣщаются въ тѣхъ или другихъ отдѣлахъ остальныхъ двухъ частей.

Въ общее обозрѣніе внесенъ матеріалъ изъ геологіи и археологіи, чего не имѣлъ въ виду Гельвальдъ по отношенію даже къ Западной Европѣ. Геологіи посвящено нѣсколько болѣе 4-хъ страницъ, подъ заглавіемъ „Нѣсколько словъ о геологіи Россіи". Судя по цитатамъ, разсѣяннымъ въ статьѣ, эта глава составлена спеціалистомъ, и къ чести его нужно сказать, что она не содержитъ въ себѣ никакихъ тонкостей, которыя могли бы затруднить читателя, незнакомаго вообще съ естественною исторіею. Въ простыхъ несложныхъ штрихахъ авторомъ очерчиваются главные геологическіе періоды, при чемъ все изложеніе направляется главнымъ образомъ къ цѣли—выяснить, когда и какъ произошли разнаго рода минеральныя богатства и разныя составныя части почвъ и подпочвъ Европейской Россіи, а равно и вопросу, какое вліяніе тотъ или другой періодъ имѣлъ на образованіе текучихъ и стоячихъ водъ Россіи, ихъ глубины, очертанія береговъ. Иллюстрируемое 4-мя картами, изображающими границы моря въ четыре періода: каменноугольный, пермскій, юрскій, мѣловой, содержаніе этой главы примѣняется и расширяется въ томъ же общемъ обозрѣніи, именно въ главѣ о прошломъ внутреннихъ водъ Россіи, а равно въ главѣ о тундрѣ, лѣсѣ и степи. Другой матеріалъ, котораго также избѣгаетъ Гельвальдъ,—это объ обитателяхъ Европейской Россіи въ доисторическое время. Въ этомъ отдѣлѣ составитель разрѣшаетъ на основаніи проф. Иностранцева вопросъ, въ какой періодъ исторіи земли произошелъ человѣкъ, а равно старается разобраться въ разныхъ археологическихъ и антропологическихъ лѣтописныхъ данныхъ и въ мнѣніяхъ историковъ и ученыхъ о древнихъ обитателяхъ Россіи и о происхожденіи Русскаго государства и, усвоивъ мнѣнія Иловайскаго, Вельчинскаго и другихъ одномыслящихъ писателей, приходитъ къ мнѣнію, что славяне до основанія государства обладали сравнительно высокою культурою, и что Русь, основавшая Русское государство, была племя туземное и славянское.

Въ заключенiе дается характеристика главныхъ славянскихъ племенъ, составляющихъ Русское государство, на основанiи Реклю. Хотя вопросъ о происхожденiи людей въ Ледниковый перiодъ и проблематиченъ, и разрѣшенiе его въ томъ или другомъ видѣ не имѣетъ никакого отношенiя къ географiи Россiи; хотя выводы автора о культурѣ славянъ ставятъ въ противорѣчiе съ мнѣнiями наиболѣе авторитетныхъ ученыхъ; но все-таки нельзя не признать этого отдѣла имѣющимъ интересъ, такъ какъ въ немъ собрано много полезныхъ свѣдѣнiй. Характеристика же славянскихъ племенъ безусловно правильна и симпатична.

Глава, спецiально касающаяся поверхности Россiи, важна въ томъ отношенiи, что въ ней представляются уже данныя на точномъ основанiи изслѣдованiй ген. Тилло, проф. Краснова и нѣкоторыхъ другихъ.

Вторая часть, именно экономическое положенiе Россiи, описываетъ главные виды добывающей и обработывающей промышленности, при чемъ по отношенiю къ каждому виду промысловъ представляются статистическiя данныя, область распространенiя промысла, естественныя и искусственныя, благопрiятныя или неблагопрiятныя обстоятельства къ развитiю того или другого промысла. Матерiалъ въ отведенныхъ редакцiею рамкахъ взятъ главнѣйшимъ образомъ изъ сборника Министерства Финансовъ: „Производительныя силы Россiи" за 1896 годъ.

Лучшую и интересную часть книги составляетъ частное описанiе Европейской Россiи по областямъ. Всѣ области разсматриваются почти по одному и тому же плану, при чемъ описанiямъ городовъ, за исключенiемъ Петербурга, Москвы и нѣкоторыхъ другихъ населенныхъ пунктовъ, отводится вообще немного мѣста. О промыслахъ же, въ виду поименованной выше второй части, даются только намеки; но за то болѣе обстоятельно описываются вообще всѣ физическiя и въ частности геологическiя, климатическiя, орографическiя и гидрографическiя особенности края, а равно мѣстныя естественныя произведенiя, составляющiя предметъ пропитанiя жителей, и всѣ данныя сгруппированы и сопоставлены между собою на столько искусно, что читатель можетъ составить себѣ достаточно ясно рельефную панораму края.

Но едва ли не бо́льшее мѣсто, хотя и въ мелкомъ шрифтѣ, занимаетъ этнографiя описываемой области. Все, что можетъ помочь читателю составить представленiе о численности, о внѣшности, о нравственныхъ качествахъ и домашнемъ бытѣ, объ экономическомъ

состояніи, объ отношеніяхъ сословныхъ и племенныхъ, объ исторической судьбѣ населенія того и другого типа и племени населенія,— повторяемъ, для всего этого дано много вѣрныхъ, рѣзкихъ фактовъ, видимо, заимствованныхъ изъ хорошихъ сочиненій спеціально географическихъ, изъ путешествій, изъ разныхъ журнальныхъ статей, а мѣстами сочиненій беллетристическихъ, какъ, напримѣръ, В. Немировича-Данченко, Максимова и т. п.

При этомъ къ чести автора нужно отмѣтить, что онъ наиболѣе подробностей отвелъ на описаніе господствующаго населенія, какъ строителя государства, а равно и то, что онъ съ большимъ тактомъ и осторожностью разъясняетъ нѣкоторыя отрицательныя стороны, обнаруживаемыя группами народовъ населенія неславянскаго корня къ населенію господствующему. Впрочемъ, этнографія Закавказья и необстоятельна и неудовлетворительна, хотя научно-литературнаго матеріала по этому предмету достаточно.

Какъ на особенность частнаго обозрѣнія, нужно указать еще на то, что, какъ при физическомъ описаніи Европейской Россіи, такъ и при этнографіи, авторъ вводитъ для объясненія предмета въ большомъ количествѣ историческій матеріалъ и дѣлаетъ это на столько умѣстно, что матеріалъ этотъ составляетъ важное дополненіе къ освѣщенію предмета.

Несмотря на большую содержательность книги, ей все-таки недостаетъ необходимыхъ свѣдѣній, такъ, нѣтъ особенныхъ рубрикъ о государственномъ управленіи, о религіи, опущена по какой-то случайности цѣлая губернія, именно Смоленская.

По духу и направленію книга вообще производитъ пріятное впечатлѣніе. Тѣневыхъ сторонъ авторъ не опускаетъ, но онъ ихъ касается слегка, какъ, напримѣръ, о тяжести податныхъ налоговъ, лежащихъ на земледѣльческомъ классѣ (стр. 386), о поощреніи со стороны правительства нѣмцевъ къ переселенію въ Привислинскій край (стр. 510), о вредѣ отхожихъ промысловъ и т. п.

Не отвѣчаютъ серьезности книги 2 мѣста (на стр. 633 и 635) фельетоннаго характера, изъ коихъ въ первомъ въ доказательство равнодушія сельскаго населенія къ своимъ гражданскимъ правамъ представляется простой анекдотъ, а во второмъ — провинціальная и общественная жизнь въ губернскихъ городахъ характеризуется чертами, которыя во всякомъ случаѣ никакъ не могутъ быть примѣнимы ко всѣмъ городамъ Имперіи. Но болѣе всего поражаетъ очеркъ Москвы на (стр. 637—640), въ которомъ всѣ темныя черты изъ ея

быта въ прошломъ искусственно сгруппированы въ одну картину, и въ которомъ ея современный обликъ представленъ также въ неприглядныхъ чертахъ.

Что касается до остальныхъ частей книги, то можно сказать, что онѣ переведены хорошо, по крайней мѣрѣ, мы не встрѣтили ничего неудобнаго. Примѣчанія, сдѣланныя отъ редакціи вполнѣ умѣстны, за исключеніемъ одного, именно о Португаліи, которое внесено какъ бы въ пополненіе текста, а между тѣмъ противорѣчитъ ему (стр. 27).

Текстъ напечатанъ хорошо и значительно крупнѣе и удобнѣе для чтенія, чѣмъ подлинникъ. Рисунковъ въ русскомъ изданіи больше, чѣмъ въ нѣмецкомъ, и они выбраны удачно, но воспроизведены значительно хуже, чѣмъ въ оригиналѣ.

Къ 4-му тому приложенъ алфавитный указатель географическихъ названій, при томъ съ удареніями, чего въ подлинникѣ нѣтъ; но для отдѣла по русской географіи удобнѣе было бы имѣть особый указатель.

Изданіе *О. Н. Поповой.* Образовательная Библіотека. Серія 3, № 7. Дугласъ Арчибальдъ (бывшій вице-през. Корол. Метеорол. Общ. въ Лондонѣ). Атмосфера. Съ 42 рис. въ текстѣ. Пер. съ англ. *С. А. Федоровскаго,* подъ ред. *Вл. А. Герда.* С.-Пб. 1900 г. IV+194 стр. Цѣна 80 коп.

Разсматриваемая книга посвящена обзору важнѣйшихъ явленій наблюдаемыхъ въ атмосферѣ, а также тѣмъ объясненіямъ, которыя современная наука даетъ этимъ явленіямъ. Вся книга раздѣлена на XIV главъ, въ которыхъ разсмотрѣны: происхожденіе и высота атмосферы; природа и составъ атмосферы; давленіе и вѣсъ атмосферы; температура атмосферы; общій круговоротъ въ атмосферѣ; законы, управляющіе явленіями въ атмосферѣ; роса, туманъ и облака; дождь, снѣгъ и градъ; циклоны; звуки въ атмосферѣ; цвѣта и другія оптическія явленія въ атмосферѣ; вихри, смерчи, торнадо и грозовыя бури; возможность держаться въ воздухѣ и воздухоплаваніе, и наконецъ, жизнь въ атмосферѣ.

Въ этой книгѣ собрано много интереснаго и поучительнаго матеріала, но къ сожалѣнію въ ней встрѣчаются большое число разнообразныхъ ошибокъ и неточностей, которыя должны вызвать у читателя самыя превратныя представленія о явленіяхъ, происходящихъ въ атмосферѣ, и въ особенности о тѣхъ физическихъ законахъ, которыми пользуются при ихъ объясненіи.

Нѣтъ никакой возможности перечислить всѣ тѣ ошибки и неточности, которыя встрѣчаются въ этой книгѣ.

Ограничиваемся указаніемъ наиболѣе существенныхъ изъ нихъ, а также нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ, неудовлетворительныхъ въ томъ или другомъ отношеніи.

Глава вторая начинается слѣдующими словами: „высшимъ существамъ, которыя, какъ думаютъ, населяютъ небесныя пространства, должно быть, было безконечно жалко наблюдать, какъ бѣдные, маленькіе люди на землѣ, въ теченіи многихъ вѣковъ боролись въ туманѣ суевѣрій и ошибокъ, чтобы узнать наконецъ составъ той атмосферы, въ которой они живутъ“. Надо думать, что высшія существа имѣли еще и нѣкоторыя другія, болѣе вѣскія причины жалѣть бѣдныхъ, маленькихъ людей, населяющихъ землю.

На той же страницѣ читаемъ: „будь въ воздухѣ больше кислорода, наша жизнь, и теперь не долгая, стала бы еще короче, и хотя, можетъ быть, въ нашихъ рѣчахъ тогда было бы больше остроумія и блеску, но постоянное состояніе какого-то духовнаго и тѣлеснаго опьяненія дѣлало бы насъ неспособными къ усидчивому, серьезному труду. Люди превратились бы въ легкомысленныя, безпечныя, разсѣяныя существа, которыя въ безумномъ, чрезмѣрномъ возбужденіи вѣроятно скоро истребили бы другъ друга. Съ другой стороны, слишкомъ большой избытокъ азота въ воздухѣ привелъ бы насъ къ такому состоянію унынія и холодности, что, напримѣръ, англичане, отчасти и теперь характеризующіеся этими качествами, должны были бы тогда превратиться въ какихъ-то истукановъ, или мумій, безстрастныхъ, бездѣятельныхъ, безжизненныхъ,—словомъ, въ матерію безъ движенія“.

Такое мнѣніе автора, очевидно, не выдерживаетъ никакой критики, такъ какъ составъ воздуха, очевидно, не подобранъ сообразно характеру и нуждамъ людей, но наоборотъ все живущее на землѣ приспособлено къ тѣмъ условіямъ, которыя на ней существуютъ.

То же самое относится къ слѣдующему мѣсту на стр. 11: „И пожалуй, не будь азота, не легко было бы на его мѣсто найти другой газъ, который такъ же разбавлялъ бы собою кислородъ воздуха и въ то же время не оказывалъ бы на насъ отравляющаго дѣйствія, подобнаго дѣйствію углекислоты“.

На стр. 11 авторъ утверждаетъ, что азотъ дѣлаетъ воздухъ лучшимъ проводникомъ для звука, для передачи силы и т. д. Трудно понять въ какомъ отношеніи азотъ способствуетъ передачѣ силы.

На стр. 13 читаемъ: „Указанныя выше составныя части атмосферы смѣшаны между собою такъ, какъ смѣшивается спиртъ съ водою".

Это невѣрно, такъ какъ смѣшеніе воды со спиртомъ сопровождается значительнымъ сжатіемъ, что указываетъ на наличность химическихъ силъ, которыя однако при смѣшеніи азота съ кислородомъ никакой роли не играютъ.

На стр. 19 сказано, что Торричелли перевернулъ трубку надъ чашкой со ртутью, но не указано, что онъ при этомъ опустилъ одинъ конецъ трубки во ртуть.

На той же страницѣ авторъ утверждаетъ, что воздухъ вблизи земной поверхности вѣситъ больше, чѣмъ въ болѣе высокихъ слояхъ, что очевидно не вѣрно; авторъ смѣшиваетъ плотность съ вѣсомъ. На той же злополучной страницѣ авторъ утверждаетъ, будто на уровнѣ моря барометръ обыкновенно стоитъ на высотѣ 30 дюймовъ (760 миллим.), при 0° С. Извѣстно, что высота барометра вездѣ колеблется въ весьма широкихъ предѣлахъ; кромѣ того не, легко понять, къ чему собственно относится указаніе на температуру 0° С.

На стр. 20 сказано, что 1 куб. метръ воздуха вѣситъ около $^1/_5$ килограмма; это невѣрно: должно быть 1,293 кил. На той же страницѣ помѣщена странная по своей неопредѣленности фраза: „Вѣсъ атмосферы долженъ быть постоянно принимаемъ въ разсчетъ".

На стр. 26 читаемъ: „Что касается атмосферы, то для лучей, идущихъ отъ солнца, способность излученія превосходитъ способность поглощенія, но для теплоты, лучеиспускаемой обратно землею, способность поглощенія значительно превосходитъ способность лучеиспусканія. Въ концѣ концовъ, такимъ образомъ у нижнихъ слоевъ атмосферы способность поглощенія лучей всякаго рода приблизительно въ 2,3 раза больше, чѣмъ способность излученія". Все это весьма трудно понять. Къ кому относится способность излученія, къ атмосферѣ, или къ лучамъ, идущимъ отъ солнца? и чья способность поглощенія превосходитъ способность лучеиспусканія—теплоты? или кого-либо другого?

На стр. 27 говорится сперва о поверхности, и нѣсколько ниже о *линіяхъ* AB, AC, что не можетъ не затруднить читателя.

Рисунки на той же страницѣ не соотвѣтствуютъ тексту, такъ какъ на рисункѣ лучи составляютъ съ горизонтомъ уголъ, который гораздо больше 17°.

На стр. 29 говорится объ углѣ стоянія солнца надъ горизонтомъ,

между тѣмъ какъ обыкновенно говорятъ о высотѣ солнца надъ горизонтомъ.

На стр. 31 авторъ говоритъ о вѣтрахъ, дождяхъ и теченіяхъ рѣкъ: „И ясно, какъ недавно показали лордъ Кельвинъ и Эдисонъ, что мы имѣемъ громадный, пока еще почти не тронутый запасъ силы, которымъ можемъ воспользоваться, когда появятся симптомы истощенія нашихъ запасовъ каменнаго угля". Это довольно странная историческая справка, такъ какъ, конечно, не лордъ Кельвинъ и не Эдисонъ научили людей пользоваться вѣтрами и теченіемъ рѣкъ.

На стр. 32 авторъ говоритъ: „Температура атмосферы создается видоизмѣненными лучами, накопленными въ различныхъ предметахъ земной поверхности; эти послѣдніе, прежде чѣмъ разсѣять лучи назадъ черезъ атмосферу, передаютъ ихъ путемъ лучеиспусканія одинъ къ другому; поэтому термическіе періоды атмосферы всегда отстаютъ отъ періодовъ непосредственной радіаціи. Такъ, наивысшая температура сутокъ бываетъ не въ полдень, но часъ, или два, спустя. Подобнымъ же образомъ высшая температура года приходится въ среднемъ на 1 мѣсяцъ позже средины лѣта".

Объясненіе отставанія, которое здѣсь приведено, очевидно совершенно невѣрно. Температура должна подыматься, пока притокъ тепла превышаетъ потерю черезъ лучеиспусканіе.

На той же страницѣ дано весьма мало понятное объясненіе разности между суточнымъ и сезоннымъ колебаніемъ температуры воздуха надъ океаномъ и материками.

На стр. 40 авторъ говоритъ: „При нагрѣваніи сухой земли тратится меньше тепловой энергіи на приведеніе частичекъ ея въ движеніе, чѣмъ при нагрѣваніи воды. Поэтому дѣйствіе во второмъ случаѣ оказывается болѣе скрытымъ, чѣмъ въ первомъ. При нагрѣваніи воды энергія, конечно, не пропадаетъ—этого не бываетъ никогда и нигдѣ въ мірѣ,—но большая часть ея переходитъ въ скрытое состояніе и потому температура оказывается ниже". Это мѣсто должно вызвать большое недоумѣніе, такъ какъ скрытой теплотой принято называть нѣчто совсѣмъ другое, чѣмъ то, о чемъ здѣсь говоритъ авторъ. И, дѣйствительно, поглощеніе теплоты при испареніи воды въ значительной степени обуславливаетъ разность температуръ надъ сушей и надъ водой. Между тѣмъ авторъ говоритъ только о тепловой энергіи, которая тратится на приведеніе частичекъ воды въ движеніе, т. е. на ея нагрѣваніе.

На стр. 41 авторъ говоритъ о плоскости, въ которой лежатъ цен-

тры солнца и планетъ. Если подразумѣвать всѣ планеты, то такой плоскости не существуетъ. Если же имѣть въ виду одну планету, то приходится указать, что положеніе плоскости не опредѣляется двумя точками.

На стр. 45 читаемъ: „Втеченіе дня, такъ какъ воздухъ надъ равнинами отъ нагрѣванія поднимается вверхъ, приблизительно, на 7 м. съ каждымъ градусомъ, температура всей массы атмосферы повышается приблизительно до высоты 1800 м.“ Совершенно непонятно, что значитъ: „воздухъ поднимается вверхъ на 7 м. съ каждымъ градусомъ“.

На стр. 49—50 авторъ говоритъ: „Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что солнце, въ зависимости отъ происходящихъ въ немъ при этомъ измѣненій, дѣйствуетъ какимъ-то особеннымъ образомъ на земную атмосферу не только на ея температуру, но также и на ея магнитныя свойства“.

Вѣроятно, авторъ имѣлъ въ виду не магнитныя свойства атмосферы, но напряженіе магнитнаго поля земного магнетизма.

На стр. 92 читаемъ: „Обратный второму, третій законъ, которому для удобства можно дать названіе закона Пуассона, состоитъ въ слѣдующемъ: если воздухъ внезапно сжать, то пропорціонально повышается его температура, если ему внезапно дать расшириться, температура его понижается. Внезапность здѣсь необходима лишь для того, чтобы выдѣлившаяся теплота не разсѣялась бы незамѣченной“.

Все это совершенно невѣрно. Законъ Пуассона показываетъ, что при внезапномъ сжатіи воздуха температура вовсе не повышается пропорціонально давленію, но что между этими величинами существуетъ другая, гораздо болѣе сложная зависимость.

Болѣе чѣмъ странны тѣ разъясненія законовъ Маріота, Гей Люссака и Пуассона, которыя встрѣчаются на стр. 93 и 94.

На стр. 93 авторъ утверждаетъ, будто по современной теоріи газовъ молекулы находятся въ постоянномъ движеніи взадъ и впередъ, что совершенно не соотвѣтствуетъ основамъ кинетической теоріи газовъ.

На стр. 94 сказано, что работа 424 килограммометровъ можетъ повысить температуру одного килограмма воды на 1° выше абсолютнаго нуля. Послѣднія три слова никакого смысла не имѣютъ.

На стр. 96 читаемъ: „Нѣсколько лѣтъ тому назадъ великій химикъ Дальтонъ нашелъ законъ давленія газовъ и вывелъ изъ него законъ диффузіи газовъ“.

Дальтонъ открылъ законъ давленія газовъ въ 1802 г., т. е. болѣ чѣмъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Какое отношеніе имѣетъ это открытіе къ закону диффузіи газовъ—непонятно.

На стр. 98 встрѣчается такая фраза: „свѣтъ и теплота образуются вслѣдствіе видоизмѣненія волнообразныхъ движеній той загадочной среды, которая заполняетъ" и т. д. Непонятно, какія видоизмѣненія имѣетъ въ виду авторъ.

Запутано и непонятно также и все то, что на стр. 99 говорится о поглощеніи разнаго рода лучей атмосферою.

На стр. 140 авторъ утверждаетъ, будто звукъ не можетъ существовать тамъ, гдѣ нѣтъ воздуха, между тѣмъ мы знаемъ, что звукъ можетъ распространяться также и черезъ жидкія и твердыя тѣла.

На стр. 144 авторъ говоритъ: „Даже теорія истеченія великаго Ньютона, согласно которой свѣтъ обусловливается чѣмъ-то въ родѣ бомбардировки мельчайшихъ частицъ, не выдержала тонкаго анализа новой науки и рухнула. Другое поколѣніе во главѣ съ Гюйгенсомъ и т. д.".

Во-первыхъ, непонятно, что значитъ бомбардировка мельчайшихъ частицъ; ужъ не хотѣлъ ли авторъ сказать: бомбардировка мельчайшими частицами? Во-вторыхъ, нельзя назвать новой наукою ту, которая была основана Гюйгенсомъ, Эйлеромъ и т. д. Въ-третьихъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что Гюйгенсъ былъ современникомъ Ньютона и потому не принадлежалъ къ „другому поколѣнію".

На стр. 145 почти ни одна фраза не выдерживаетъ критики. Здѣсь говорится о лучахъ, которые „приходятъ въ соприкосновеніе", о лучистой энергіи, которая на что-то потребляется, о теплотѣ и свѣтѣ, которые получаются изъ лучей всѣхъ цвѣтовъ спектра и т. д.

На стр. 146 читаемъ: „Иногда, уже послѣ того, какъ закатъ исчезъ, спустившись ниже горизонта" и т. д.

Интересно было бы посмотрѣть, какъ это закатъ спускается ниже горизонта.

На стр. 150 читаемъ въ объясненіи радуги: „Фіолетовые лучи, съ болѣе короткими волнами, преломляются сильнѣе и потому находятся на внутренней части дуги". Во-первыхъ, непонятно, почему болѣе сильное преломленіе должно заставить фіолетовые лучи появиться съ внутренней стороны радуги; кромѣ того извѣстно, что въ радугѣ второго порядка фіолетовые лучи находятся съ наружной стороны.

На стр. 162 встрѣчается слѣдующая замѣчательная фраза: „Сосредоточеніе электричества, наблюдаемое при грозовыхъ буряхъ, какъ

полагаютъ, происходитъ вслѣдствіе увеличенія количества электричества". Объясненіе, дѣйствительно великолѣпное. Все остальное, что здѣсь говорится объ атмосферномъ электричествѣ также не выдерживаетъ никакой критики.

На стр. 163 говорится о толщинѣ электрическаго слоя „или, выражаясь электротехническимъ языкомъ, плотности электричества". О плотности электричества говорили, во всякомъ случаѣ, далеко раньше возникновенія электротехники.

На стр. 165 авторъ утверждаетъ, что въ Бенгаліи одна молнія можетъ длиться по часу и дольше за разъ, что, конечно, болѣе, чѣмъ сомнительно.

Нельзя не удивляться, что русскій переводчикъ оставилъ на стр. 192 слѣдующій географическій курьезъ. Здѣсь разсмотрѣны типы различныхъ климатовъ, ихъ положеніе и наименованіе соотвѣтствующихъ странъ, а также краткая ихъ характеристика. Какъ послѣдній типъ, упомянутъ полярный отъ широты 60° до полюса; какъ на примѣры странъ, обладающихъ такимъ климатомъ, указаны Гренландія и Сибирь, какъ будто вся Сибирь расположена между широтой 60° и сѣвернымъ полюсомъ!

В. Фигуровъ. Чистописаніе. 6 тетрадей съ образцами. Изданіе Типо-Литографіи *Д. О. Харченко* въ Севастополѣ. 1900 г. Цѣна 5 коп. за каждую тетрадь.

На обертке 1-й тетради авторомъ кратко указано, „какъ надо сидѣть, класть предъ собою тетрадь и держать перо" при письмѣ. Одна страница занята образцами упражненій для развитія руки и пальцевъ. 20 страницъ самой тетради (208 строкъ образцовъ) отданы изученію малыхъ буквъ, прямыхъ и полукруглыхъ. Страницы тетрадей отъ 1-й до 4-й включительно разлиневаны 28 горизонтальными и 58 наклонными линіями; такимъ образомъ, каждая страница первыхъ 4-хъ тетрадокъ представляетъ сложную графическую сѣть по 86 линій на каждой. 2-я тетрадь, состоящая изъ 196 строчекъ образцовъ, занята остальными малыми буквами, полукруглыми и круглыми, а послѣдняя страница цифрами. На оберткѣ этой тетради примѣры и опредѣленія сложенія, вычитанія, умноженія, дѣленія и таблица умноженія. 3-я тетрадь — для изученія большихъ буквъ прямыхъ (Л, А, М и др.) и буквъ изъ черты пламевидной (І, У, Г и др.); слова для нихъ. Изъ 167 строкъ всей тетради — 52 строки заняты образцами для письма. На оберткѣ помѣщены таблицы мѣръ длины,

поверхностей, объемовъ и под. 4-я тетрадь — изъ 54 строкъ образцовъ — отдана остальнымъ большимъ буквамъ изъ черты пламевидной — (Н, К), круглой — (О, Ѳ), полукруглой—(С, Е, Э, З, Х, Ж), опять пламевидной — (Б, Р, В, Ф, Д); слова для этихъ буквъ и знаки препинанія. 5-я тетрадь, съ упрощенною графическою сѣтью, для письма средней величины. Здѣсь, изъ 200 строкъ всей тетради, 40 строчекъ заняты образцами скорописныхъ большихъ буквъ (1—4 страницы), малыхъ буквъ въ связномъ видѣ и словами. Остальныя страницы этой тетради и 6 страницъ слѣдующей 6-й тетради заняты короткими фразами, преимущественно пословицами, съ буквою ѣ въ словахъ фразы. Обертки 4-й и 5-й тетрадей заняты основными правилами правописанія, а на 6-й тетради помѣщены всѣ коренныя слова съ буквою ѣ, въ алфавитномъ порядкѣ. 6-я тетрадь съ 7-й страницы даетъ образцы мелкаго письма по 1-й линіи. Матеріаломъ для работъ служатъ опять отдѣльныя слова съ буквою ѣ въ корнѣ и фразы на нѣкоторыя буквы алфавита. Съ 13-й страницы линіи направленія строки дѣлаются съ перерывами для пріученія учащихся къ письму безъ линій, такъ что на 2-хъ послѣднихъ страницахъ направленіе строки опредѣляется 3 короткими черточками въ началѣ, въ срединѣ и въ концѣ строки.

По объясненію г. Фигурова, между прочимъ, особенность его курса чистописанія заключается въ простѣйшемъ начертаніи буквъ, принятыхъ большинствомъ учителей чистописанія. Съ этимъ вполнѣ соглашаемся, прибавивъ, что въ техническомъ отношеніи образцы, предлагаемые авторомъ учащимся, вполнѣ безукоризненны и даже изящны. Что касается другой особенности этого курса — „строгая послѣдовательность упражненій“ — то съ этимъ свойствомъ труда г. Фигурова не вездѣ можно согласиться. Разбивая буквы на группы, повидимому, для изученія ихъ въ генетическомъ порядкѣ, составитель легкія по начертанію буквы ь и ы изучаетъ послѣ болѣе трудныхъ, длинныхъ р и у (1-я тетр., стран. 6, 8 и 12-я); простыя прямыя ц и щ относитъ въ самый конецъ изученія малыхъ буквъ (стр 17— второй тетради), послѣ сложныхъ и трудныхъ по начертанію б, д, ф (стран. 9-я и друг. 2-й тетради). Большія буквы изъ черты пламевидной изучаются тоже не въ строгомъ порядкѣ: сперва I, У, Г, П, Т, Н и К (3-я тетр.), затѣмъ круглыя и полукруглыя—О, Ѳ, С, Е и др. (4-я тетр.), а потомъ снова изъ черты пламевидной — Б, Р, В, Ф и Д (4-я тетрадь).

Помѣщеніемъ образцовъ для выполненія въ началѣ каждой строки, конечно, „достигается большая внимательность учащихся“, заявляетъ авторъ, а мы прибавимъ, что этимъ пріобрѣтается еще и бо́льшая наглядность въ обученіи письму.

„Выборъ пословицъ и выраженій, способствующихъ навыку въ правописаніи“, несомнѣнно, заслуживаетъ полнаго одобренія. Сожалѣемъ, что авторъ въ 6-й тетради даетъ всего 4 строки словъ съ буквою ѣ (стран. 7 и 8), а весь списокъ коренныхъ словъ съ ѣ помѣщаетъ на оберткѣ, куда учащійся безъ указаній врядъ ли взглянетъ. Далѣе авторъ, такъ или иначе, выполняетъ этотъ пробѣлъ, помѣщая фразы и пословицы, въ текстѣ которыхъ встрѣчаются слова съ буквою ѣ. Намъ кажется, для полноты, было бы не лишнимъ добавить къ курсу лишнюю тетрадь, тѣмъ болѣе, что цѣна всего курса г. Фигурова доведена до поразительной дешевизны: всѣ тетради вмѣщаютъ въ себѣ по 5 листовъ хорошей бумаги (въ 5-й тетради $2^1/_2$ листа) и отъ 40 до 208 строчекъ прекрасныхъ образцовъ въ каждой тетради, и все это — 5 коп. за штуку; при этомъ надо замѣтить, что рыночная цѣна отдѣльной простой тетради, конечно, безъ всякихъ образцовъ, въ 5—6 листовъ порядочной бумаги—стоитъ 7—8 коп. за штуку.

Первыя четыре тетради г. Фигурова представляютъ сложную графическую сѣть съ 86 линіями на страницѣ. На эту сторону своего труда составитель не указываетъ, находя это вполнѣ цѣлесообразнымъ для дѣла, но не такъ смотритъ на подобную графическую сѣть современная школьная гигіена. Знатокъ школьной гигіены, докторъ Виреніусъ, въ своей брошюрѣ („Раціональный способъ письма на основаніи изслѣдованій послѣдняго времени“. С.-Петербургъ. 1888 г.) на стран. 15-й, разсматривая линеванную тетрадь Гекмана, говоритъ: „Находимъ три рода линій: вышина основныхъ чертъ, верхняя и нижняя длина, и линіи направленія. Каждой основной чертѣ соотвѣтствуетъ особая линія направленія, такъ что на страницу приходится до 55 такихъ линій (у г. Фигурова 86—см. 1-ю стр. I-й тетради). Всѣ линіи одинаковой толщины, поэтому не отличаются рѣзко другъ отъ друга; толщина ихъ равна отъ 0,08 до 0,1 миллиметра. Разумѣется, безъ вреда для глазъ все это немыслимо. И понятно, что если ребенку дается такой матеріалъ для письма, то не могутъ помочь горю ни превосходное освѣщеніе классовъ, ни безукоризненно-хорошо построенные столы“. Таковъ взглядъ на подобную графическую сѣть.

Практическое руководство по нѣмецкому языку. Составилъ *Ѳ. Ѳ. Ясковскій.* Praktischer Lehrgang für den deutschen Sprachunterricht von *Th. Jaskowsky.* Reval. 1900. Стр. 157. Цѣна въ переплетѣ 50 коп.

Г. Ясковскимъ уже издано нѣсколько учебниковъ нѣмецкаго языка, заслужившихъ одобреніе ученаго комитета. Учебники эти, предназначенные для низшихъ и среднихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ, составлены весьма тщательно и свидѣтельствуютъ о томъ, что авторъ ихъ не только вполнѣ владѣетъ нѣмецкимъ языкомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и хорошо знакомъ съ методикою избранной имъ спеціальности.

„Практическое руководство по нѣмецкому языку" въ общемъ не уступаетъ прежнимъ его книжкамъ: планъ руководства, по которому всѣ грамматическія правила выводятся изъ примѣровъ, вполнѣ выясняются и окончательно затверживаются въ памяти учениковъ разными, какъ устными, такъ и письменными упражненіями, заслуживаетъ полнаго одобренія, въ особенности при изученіи грамматики родного языка; выполненіе плана ясное и опредѣленное и проводится съ первой до послѣдней страницы книжки съ строгою послѣдовательностью, такъ что новому труду г. Ясковскаго можно пожелать возможно большаго распространенія, какъ учебнику, который безъ сомнѣнія принесетъ не мало пользы ученикамъ тѣхъ учебныхъ заведеній, для которыхъ онъ предназначается.

Въ заключеніе считаемъ нужнымъ указать на нѣкоторые недосмотры и погрѣшности, устраненіе которыхъ желательно въ слѣдующихъ изданіяхъ. Сперва замѣтимъ, что совершенно спорадическое прибавленіе при нѣмецкихъ грамматическихъ терминахъ русскаго ихъ значенія мы считаемъ совершенно излишнимъ; оно никакой пользы не принесетъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ редакція правилъ не совсѣмъ удачна, какъ напримѣръ стр. 6 внизу: 1) Ein Selbstlaut, der allein oder in Verbindung mit Mitlauten durch *einen* Luftstrom ausgestossen wird, heisst „Silbe". Странное объясненіе „слога"! Тамъ же: 2) Aus einer oder aus mehreren Silben wird ein Wort gebildet. Это неясно: mi, la, si—слоги, но не слова. Почему не удержать старое правило: „Слова могутъ состоять изъ одного или нѣсколькихъ слоговъ".

Стр. 7, пунктъ 3 нуждается въ примѣрахъ. Правило на стр. 9 внизу—для дѣтей младшаго возраста намъ представляется, пожалуй,

несвоевременнымъ и неяснымъ. Тамъ сказано: Menschen, Thiere und *Pflanzen* sind *lebende Wesen*. Такъ-ли?

Стр. 21, примѣръ „Es schlägt der Fink"—неудобенъ, такъ какъ встрѣчающееся въ немъ мѣстоименіе „es" требуетъ особаго объясненія, котораго въ книгѣ нѣтъ. Если правило, данное на стр. 49, гдѣ (въ пунктѣ 3) сказано: „Alle weiblichen Dingwörter, welche in der Mehrzahl umlauten, werden, wie z. B. „die Hand", *stark* deklinirt"—сопоставить съ правиломъ на стр. 47, гдѣ мы читаемъ пунктъ 4: Dingwörter, welche im Gen. Sing. die Endung—s—oder—es haben. gehen nach der *starken* Deklination,—то получается рѣзкое противорѣчіе, которое легко поставитъ учениковъ въ весьма затруднительное положеніе. Вѣдь говорится (согласно правилу на той же 49 стр., пунктъ 1, и примѣру на стр. 48) Gen. Sin.—der Hand, и не der Hands или Handes. Правило 3 на стр. 49 необходимо закончить такъ: ...werden, wie z. B. „die Hand" in der *Mehrzahl* stark deklinirt. Правило 1 на стр. 55 внизу неясно: что тамъ говорится о личномъ мѣстоименіи, относится точно также и къ имени существительному. Новый терминъ на стр. 58 „die Beifügung (Attribut)" мы считаемъ неудобнымъ; скорѣе можно было бы сказать „das Beigefügte", но лучше всего оставить вѣковой терминъ: Attribut.

Правило на стр. 65, пунктъ 2: „Die dritte Stufe wird gebraucht, wenn von mehr als zwei Dingen die Rede ist",—совершенно неточно, какъ мы видимъ изъ примѣра: „Diese beiden Knaben sind fleissiger als deine Brüder". Напрасно всегда искать новыя формы для разныхъ опредѣленій, если старыя формы, существующія цѣлыя столѣтія, совершенно ясны и точны. Правило на стр. 69: Die *Beifügung* (т. е. аттрибутъ) kann ein Mittelwort der Gegenwart und Vergangenheit sein" — также страдаетъ неясностью. Вѣдь здѣсь рѣчь идетъ не о томъ, чѣмъ можетъ быть аттрибутъ, но о томъ, что оба причастія въ нѣмецкомъ языкѣ могутъ быть употребляемы какъ аттрибутъ.

На стр. 109 мы нашли правило объ употребленіи предлоговъ, требующихъ то accusativus, то dativus, крайне необдуманно составленное. Тамъ сказано: Wenn diese Verhältniswörter eine *Ruhe* oder ein *Verweilen* an einem Orte (wo?) ausdrücken, so regieren sie den Dativ. Wenn sie eine *Bewegung* nach einem Orte hin (wohin?) ausdrücken, so regieren sie den Accusativ". Это полный nonsens. То, что слѣдуетъ отнести къ глаголу—сказуемому, приписывается здѣсь предлогамъ, и

при этомъ несмотря на то, что на стр. 106 самимъ авторомъ сказано, что предлоги выражаютъ „*das Verhältnis*, in welchem zwei Dinge zu einander stehen".

Такихъ и подобныхъ неточностей встрѣчается въ разбираемой книжкѣ не мало. Что же касается внѣшней ея стороны, то она вообще довольно удовлетворительна, за исключеніемъ, однако, печати, которая мѣстами (какъ, напримѣръ, въ задачахъ, въ нѣкоторыхъ правилахъ, таблицахъ, парадигмахъ: стр. 7, 10, 51, 80, 101 и т. д., и т. д.) слишкомъ мелка. Этотъ недостатокъ книги въ слѣдующихъ ея изданіяхъ непремѣнно долженъ быть устраненъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

О НАИЛУЧШЕМЪ СПОСОБѢ ОБЪЕДИНЕНІЯ ДУХОВНАГО И УЧЕБНАГО ВѢДОМСТВЪ ВЪ ДѢЛѢ ПОПЕЧЕНІЯ О НАЧАЛЬНОМЪ НАРОДНОМЪ ОБРАЗОВАНІИ.

Высочайше утвержденными 13-го іюня 1884 г. правилами о церковно-приходскихъ школахъ создана, какъ извѣстно, внѣ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія цѣлая обширная категорія начальныхъ училищъ, подчиненныхъ исключительно вѣдѣнію православнаго духовенства [1].

Самостоятельность православнаго духовенства въ дѣлѣ завѣдыванія учрежденными имъ школами существовала по закону и ранѣе изданія правилъ 1884 г., такъ какъ она была признана еще Высочайшимъ повелѣніемъ 18-го января 1862 года. Но до изданія этихъ правилъ она давала мало практическихъ результатовъ, безъ сомнѣнія, потому что дѣло учрежденія церковныхъ школъ и управленія ими не было точно урегулировано и являлось предоставленнымъ попечительности единичныхъ членовъ причта. Правила 1884 г. восполнили этотъ недостатокъ организаціи, сосредоточивъ на учрежденіи церковно-приходскихъ школъ интересы высшаго правительства, а также создавъ и указавъ высшіе органы церковно-школьнаго управленія и положивъ

[1]) Нынѣ возбужденъ въ законодательномъ порядкѣ вопросъ объ изданіи общаго положенія для всѣхъ народныхъ школъ духовнаго вѣдомства. Но это обстоятельство нисколько не измѣняетъ сущности вопросовъ, обсуждаемыхъ въ настоящей статьѣ, написанной еще въ 1899 г.

такимъ образомъ прочное основаніе учрежденію школъ церковныхъ въ отличіе отъ школъ свѣтскихъ или гражданскихъ. Сверхъ того, правила 1884 г. выдѣлили въ спеціальное вѣдѣніе духовенства все дѣло домашняго обученія грамотности среди православнаго сельскаго населенія (такъ называемыя школы грамоты). Такимъ образомъ начальныя училища съ изданіемъ правилъ 1884 г., начала коихъ были развиты затѣмъ въ рядѣ послѣдующихъ законоположеній и распоряженій, распались въ главной своей части на двѣ отдѣльныя категоріи школъ, въ административномъ порядкѣ одна отъ другой независимыхъ.

Легче, однако, было установить эту независимость закономъ, чѣмъ сохранить ее на дѣлѣ. Представляясь тожественными по своимъ цѣлямъ, начальныя школы учебнаго и духовнаго вѣдомствъ различаются въ существѣ дѣла лишь своею подчиненностью разнымъ властямъ. Поэтому, водворившійся у насъ съ 1884 года дуализмъ школьнаго дѣла практически выразился прежде всего въ соперничествѣ учебныхъ и духовныхъ властей въ дѣлѣ учрежденія школъ. Въ предвидѣніи того, что это соперничество, ничѣмъ не ограниченное, можетъ привести къ тому, что, при чрезмѣрномъ усердіи низшихъ органовъ администраціи, школы одного вѣдомства будутъ открываться прямо въ подрывъ школамъ другого вѣдомства, духовное и учебное начальства, по взаимному соглашенію, приняли за правило, чтобы въ мѣстности, гдѣ уже существуетъ школа одного вѣдомства, школа другого вѣдомства была учреждаема лишь по соглашенію съ первымъ вѣдомствомъ (не распространяя, однако, этого правила на учрежденіе школъ грамотности). Въ практическомъ своемъ примѣненіи это распоряженіе встрѣтило много затрудненій, такъ какъ во 1, самое понятіе мѣстности допускаетъ разныя толкованія (волость, приходъ, сельское общество, селеніе), и, понимаемое даже въ тѣснѣйшемъ своемъ смыслѣ, какъ понятіе селенія, не разрѣшаетъ вопроса удовлетворительно: есть селенія столь многолюдныя, что въ нихъ могутъ и должны быть нѣсколько школъ, а между тѣмъ существованіе тамъ школы одного вѣдомства уже даетъ ему поводъ препятствовать открытію новой школы другого вѣдомства. Во 2, такъ какъ закрытіе уже учрежденной школы есть дѣло, во всякомъ случаѣ, непріятное и нежелательное, то нарушеніе этого правила чинами того или другого вѣдомства приводило и приводитъ обыкновенно лишь къ безплодной канцелярской перепискѣ. Поэтому, до сего времени оба вѣдомства взаимно упрекаютъ одно другое въ несоблюденіи сказаннаго правила,—какое изъ вѣдомствъ съ большимъ и какое съ меньшимъ основаніемъ, мы рѣ-

шать не будемъ. Но если даже допустить, что это правило оградило интересы существующихъ уже школъ того и другого вѣдомства (хотя нерѣдко стѣсняя возможность умноженія ихъ въ числѣ), то за симъ все-таки осталось много другихъ областей для нежелательнаго ихъ соперничества. При учрежденіи новаго училища—состязаніе, доходящее нерѣдко до интригъ, изъ за того, въ какомъ вѣдомствѣ должно оно находиться, самовольная передача училищъ изъ одного вѣдомства въ другое вслѣдствіе случайныхъ неудовольствій на распоряженіе начальства или даже просто для того, чтобы облегчить себѣ издержки по содержанію школъ, а съ другой стороны—упорный отказъ въ этой передачѣ, даже если бы она по обстоятельствамъ была желательна,—къ этимъ явленіямъ школьной и общественной жизни до изданія правилъ 1884 года не существовало никакого повода. Нѣтъ сомнѣнія, что тѣмъ самымъ не только внѣшнимъ образомъ тормозится дѣло развитія у насъ начальнаго образованія, но—что еще гораздо важнѣе—создается внутренняя рознь между его дѣятелями, поселяющая въ обществѣ недовѣріе—въ одной его части къ свѣтской, въ другой—къ церковной школѣ.

Нужно замѣтить, притомъ, что эта внутренняя рознь ложится особенно тяжело на вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія еще по той причинѣ, что она создаетъ ему союзниковъ вовсе для него нежелательныхъ. Несомнѣнно, что въ нашемъ образованномъ обществѣ есть кружки и направленія антицерковные, стремящіеся по мѣрѣ своихъ силъ расторгнуть естественный и благотворный для школы союзъ ея съ церковью. Въ настоящее время, изъ оппозиціи церковно-приходскимъ школамъ, эти кружки и направленія объявляютъ себя сторонниками школъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, чѣмъ дѣйствительно можетъ создаваться видимость нежелательной для этого вѣдомства противуцерковности его школъ.

Понятно, поэтому, что вслѣдъ за изданіемъ правилъ 1884 года въ правительственныхъ сферахъ долженъ былъ возникнуть вопросъ объ объединеніи и согласованіи дѣйствій обоихъ вѣдомствъ, между которыми оказалось раздѣленнымъ попеченіе о начальномъ народномъ образованіи. Вопросъ этотъ совпадаетъ съ вопросомъ о разграниченіи областей дѣятельности того и другого вѣдомства, такъ какъ, покуда они будутъ заниматься однимъ и тѣмъ же, по существу своему, дѣломъ, взаимное вмѣшательство каждаго изъ нихъ въ дѣла другого, а слѣдовательно, и поводы къ пререканіямъ, останутся не пресѣченными. Духовное вѣдомство указывало, повидимому, наиболѣе простой

и естественный способъ такого разграниченія, а именно передачу въ его вѣдѣніе начальнаго образованія православнаго населенія съ тѣмъ, чтобы на министерствѣ народнаго просвѣщенія осталось попеченіе о школахъ лишь для населенія иновѣрческаго. Должно сознаться, что этотъ способъ разрѣшенія вопроса логически вытекаетъ изъ самаго факта созданія особой и самостоятельной категоріи церковныхъ школъ. Хотя въ школы духовнаго вѣдомства православнаго исповѣданія не возбраненъ доступъ иновѣрцамъ, но само собою разумѣется, что нельзя требовать отъ иновѣрцевъ посѣщенія этихъ школъ и воспрещать имъ имѣть свои школы, не подвѣдомыя духовенству чуждаго имъ вѣроисповѣданія. Слѣдовательно, несомнѣнно, что внѣ вѣдѣнія духовенства православнаго исповѣданія должны оставаться школы для всей той части иновѣрческаго населенія Имперіи, которая не желаетъ учить своихъ дѣтей въ православныхъ церковныхъ школахъ; стало быть иновѣрческія школы должны по прежнему оставаться въ томъ вѣдомствѣ, которому онѣ подчинены нынѣ, т. е., въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія. За симъ, если изданіе правилъ 1884 года имѣло какую-либо внутреннюю положительную цѣль, то такою цѣлью могло служить лишь болѣе правильное и успѣшное, чѣмъ то было ранѣе, воспитаніе дѣтей въ духѣ православія. Коль скоро мы признаемъ, что эта цѣль столь же удовлетворительно достигалась и ранѣе, при состояніи всѣхъ школъ въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, то станетъ непонятнымъ внутренній мотивъ къ учрежденію особой категоріи церковныхъ школъ. Если же внутреннимъ основаніемъ состоянія извѣстнаго числа начальныхъ школъ въ вѣдѣніи православнаго духовенства является меньшая успѣшность религіознаго воспитанія православныхъ дѣтей въ школахъ, подвѣдомыхъ министерству народнаго просвѣщенія, то не видно причины вообще оставлять въ вѣдѣніи этого министерства школы для дѣтей православнаго вѣроисповѣданія, но надлежитъ всѣ эти школы передать въ духовное вѣдомство. И такъ, повторяемъ, распредѣленіе школъ по вѣроисповѣданію учащихся между учебнымъ и духовнымъ вѣдомствами является логическимъ послѣдствіемъ тѣхъ мотивовъ, которые вызвали изданіе правилъ 1884 года.

Укрѣпленіе религіозно-нравственныхъ началъ въ учащихся дѣтяхъ составляетъ, безъ сомнѣнія, главную задачу народной школы. Народная нравственность неизмѣримо выше и цѣннѣе высокаго уровня народныхъ знаній, такъ какъ общество людей, хотя и мало свѣдущихъ, но честныхъ, трудолюбивыхъ, трезвыхъ, попечительныхъ о

своихъ семействахъ, конечно, гораздо лучше устроитъ свой бытъ, чѣмъ общество, состоящее изъ обладающихъ весьма большими знаніями плутовъ, лѣнтяевъ, пьяницъ, невѣрныхъ супруговъ и небрежныхъ родителей. За симъ можно признать за аксіому, что нравственность народа стоитъ и падаетъ сообразно прочности его религіозныхъ вѣрованій, при томъ вѣрованій, опирающихся не на отвлеченное мышленіе, но на незыблемый авторитетъ церкви. Поэтому, если бы оказалось справедливымъ то положеніе, что церковно-приходская школа дѣйствительно лучше воспитываетъ русскихъ дѣтей въ духѣ православія, чѣмъ школа свѣтская, то сопротивленіе учебнаго вѣдомства передачѣ всѣхъ школъ для православнаго населенія въ вѣдомство духовное было бы дѣйствіемъ не только логически—непослѣдовательнымъ, но прямо преступнымъ. Отсюда само собою вытекаетъ, что, стремясь по прежнему сохранить за собою право учреждать и вѣдать школы для православнаго населенія, министерство народнаго просвѣщенія выражало тѣмъ свое несогласіе съ самымъ принципомъ, лежавшимъ въ основѣ учрежденія церковныхъ школъ, т. е., съ тѣмъ положеніемъ, что эти школы, какъ таковыя, суть, сравнительно со школами учебнаго вѣдомства, лучшіе разсадники и охранители духа православія.

Защитники преимуществъ школъ духовнаго вѣдомства передъ школами учебнаго вѣдомства склонны сводить противоположность между этими вѣдомствами къ противоположности *церкви и государства*. Ничто не можетъ быть ошибочнѣе такого взгляда. Очевидно, что духовное вѣдомство, хотя оно вѣдаетъ дѣла церкви, есть учрежденіе государственное, ибо государство даетъ ему и средства изъ казны и потребную мѣру внѣшней власти. Подчиненіе этому вѣдомству школъ, т. е., предоставленіе духовенству внѣшней власти надъ школами и снабженіе его матеріальными способами осуществленія этой власти, есть, очевидно, государственный актъ, для церкви, какъ таковой, въ тѣсномъ ея понятіи, неосуществимый, ибо церковь, какъ таковая, безъ содѣйствія государства, можетъ опираться лишь на свободное согласіе людей и на ихъ добровольныя пожертвованія. Отсюда ясно, что если издается законъ объ учрежденіи школъ въ духовномъ вѣдомствѣ или, тѣмъ паче, о подчиненіи этому вѣдомству всѣхъ школъ для дѣтей православнаго вѣроисповѣданія, то эти школы остаются столько же въ подчиненіи государственной власти, сколько были и есть въ этомъ подчиненіи школы вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Такимъ образомъ такъ называемыя церков-

ныя школы никакъ не могутъ считаться чѣмъ то, существующимъ внѣ государства. Съ другой стороны, школы, учрежденныя въ учебномъ вѣдомствѣ для православнаго населенія, могли бы считаться состоящими внѣ церкви въ такомъ государствѣ, въ которомъ православіе есть вѣроисповѣданіе гонимое или только терпимое. Но въ русскомъ государствѣ, въ которомъ оно есть вѣроисповѣданіе господствующее, государственное, такой внѣцерковности православныхъ школъ существовать не можетъ. По идеѣ этого государства оно само находится въ церкви, какъ церковь находится въ немъ, т. е., союзъ церковный и союзъ государственный суть для Россіи двѣ нераздѣльныя стороны ея народности, — одна внутренняя, другая внѣшняя. Слѣдовательно, православная школа русскаго государства въ какомъ бы вѣдомствѣ она ни находилась, есть школа столь же состоящая въ церкви, какъ и школа собственно духовнаго вѣдомства. Развѣ отецъ семейства, хотя бы онъ былъ человѣкъ свѣтскаго званія и не находился на службѣ по духовному вѣдомству, воспитывая дѣтей своихъ въ началахъ православія, и самъ состоитъ и дѣтей держитъ внѣ церкви? Почему же учитель, коему въ школѣ въ извѣстной мѣрѣ передаются права и обязанности отца, оказывается воспитывающимъ дѣтей внѣ церкви только по той причинѣ, что этотъ учитель не есть ни священникъ, ни вообще должностное лицо духовнаго вѣдомства? Такимъ образомъ, какъ школы духовнаго вѣдомства не перестаютъ еще быть отъ того, по внѣшнему своему строю, учрежденіями государственными, такъ школамъ учебнаго вѣдомства, несмотря на внѣшнюю подчиненность свою свѣтскому начальству, ничто не препятствуетъ быть, по внутреннему своему духу, учрежденіями церковными; и, слѣдовательно, сводить различіе этихъ двухъ типовъ школъ къ противоположности церкви и государства нѣтъ никакого основанія.

Итакъ по общей идеѣ школу учебнаго вѣдомства, какъ таковую, отнюдь нельзя считать находящеюся внѣ церкви и, слѣдовательно, плохо исполняющею задачу воспитанія дѣтей въ духѣ православія. Но, быть можетъ, въ частномъ примѣненіи именно къ школамъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, эта общая идея почему либо искажается или потемняется? Если это такъ, то надлежитъ выяснить причину такого недуга школы и указать средства ея исцѣленія отъ него. Но во всякомъ случаѣ позволительно заранѣе сказать, что такимъ средствомъ не можетъ служить передача школы изъ учебнаго въ духовное вѣдомство, и вотъ по какимъ соображеніямъ. Если долженствующія существовать по идеѣ неразрывная связь и

внутреннее единство между русскимъ государствомъ и церковію въ дѣйствительности въ томъ или иномъ отношеніи нарушены, т. е., если государство какъ бы до извѣстной степени отрѣшается отъ церкви, является менѣе православнымъ, чѣмъ оно должно бы было быть, то эта меньшая церковность государства должна непремѣнно отразиться и на томъ государственномъ вѣдомствѣ, которое вѣдаетъ дѣлами церкви, т. е., на вѣдомствѣ духовномъ. Въ той мѣрѣ, въ какой государство отрѣшается отъ духа церкви, въ немъ получаютъ излишній перевѣсъ способы дѣйствія чисто полицейскіе, т. е. посредствомъ внѣшней силы; и эти способы дѣйствія, отражаясь на всѣхъ государственныхъ вѣдомствахъ, отражаются и на вѣдомствѣ церковномъ, внося въ самую церковную жизнь народа несоотвѣтственные понятію церкви пріемы. Церковь, какъ союзъ единовѣрія, опирается на свободное убѣжденіе и добровольную покорность ея авторитету; государственное же вѣдомство, правящее церковными дѣлами, употребляетъ и мѣры принужденія. Возможно—мы не беремся здѣсь этого рѣшать, — что безъ такихъ мѣръ практически нельзя обойтись. Но если это и такъ, то во всякомъ случаѣ въ интересахъ самой церкви желательно, чтобы означенныя мѣры были приведены къ безусловно необходимому минимуму, т. е., чтобы безъ крайней необходимости не была увеличиваема внѣшняя, видимая власть церкви въ принятомъ ею образѣ государственнаго вѣдомства. Между тѣмъ защитники церковно-приходскихъ школъ настаиваютъ именно на увеличеніи этой внѣшней власти и, стало быть, стремятся усугубить то поврежденіе государства и церкви, на которое сами жалуются. Передача всѣхъ начальныхъ школъ для православнаго населенія во власть духовнаго вѣдомства равносильна запрещенію учить православныхъ дѣтей въ начальной школѣ иначе, какъ подъ исключительнымъ надзоромъ духовенства. На какомъ основаніи можетъ быть предоставлена духовенству такая исключительная власть? Духовенству присвоено, безъ сомнѣнія, право учить; но чтобы это право исключало такое же право всякаго, кто не принадлежитъ къ духовенству или не состоитъ у него во внѣшнемъ служебномъ подчиненіи, ни изъ чего не видно. Если принять такое положеніе, то придется все дѣло обученія православнаго юношества и въ высшихъ и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ подчинить духовному вѣдомству, распространивъ также власть его и на домашнее обученіе не только сельскаго, но и всего православнаго населенія. Очевидно, что такая власть только потрясла бы внутренній авторитетъ церкви, замѣнивъ естественную и за-

конную мѣру свободнаго вліянія ея іерархіи на прихожанъ внѣшнимъ, полицейскимъ надзоромъ. По обычному и правильному взгляду предполагается, что православный учитель или отецъ семейства самъ учитъ и воспитываетъ дѣтей въ духѣ православія; но такъ какъ онъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ менѣе свѣдущъ въ ученіи православно-христіанской вѣры и нравственности, чѣмъ лицо духовное, то онъ обращается къ указаніямъ этого лица именно по вопросамъ этого ученія, дабы избѣгнуть ошибокъ въ его пониманіи и примѣненіи. Такъ до сихъ поръ смотрѣло и наше законодательство на функцію духовенства въ дѣлѣ общественнаго образованія и воспитанія. Не отдавая школъ во власть духовнаго вѣдомства, оно вводило самое духовенство въ составъ школьнаго управленія, предоставляя ему преподаваніе въ училищахъ Закона Божія и право контроля за правильнымъ исполненіемъ учащимися ихъ религіозныхъ обязанностей. Только въ послѣднее время возникла тенденція — и именно въ отношеніи къ народной школѣ — расширить эту функцію до предѣловъ, не имѣющихъ основанія ни въ правилахъ, ни въ интересахъ самой церкви.

Что мнѣніе, будто лишь начальная школа духовнаго вѣдомства въ надлежащей мѣрѣ гарантируетъ воспитаніе дѣтей въ православномъ духѣ, не представляется достаточно убѣдительнымъ, признано въ послѣднее время и высшею правительственною властію, которая нашла нужнымъ установить начало самостоятельнаго завѣдыванія обоихъ вѣдомствъ подчиненными имъ школами (Высочайшее повелѣніе 26-го мая 1897 года, п. 3). Этимъ Высочайшимъ повелѣніемъ отклоняется мысль о сосредоточеніи всѣхъ школъ для православнаго населенія въ духовномъ вѣдомствѣ и, слѣдовательно, признается религіозно-нравственная доброкачественность учебнаго вѣдомства. Но если такъ, то двураздѣльность завѣдыванія школами представляется лишенною достаточнаго основанія, такъ какъ не усматривается причины создавать и терпѣть указанныя выше административныя неудобства и производить двойные расходы по управленію школами и надзору за ними, если учебному вѣдомству могутъ быть съ довѣріемъ вручены всевозможныя начальныя училища. Очевидно, поэтому, что признаніе правительствомъ существующаго порядка завѣдыванія школами есть законодательный актъ не окончательный, но временный, не могущій имѣть значенія принципіальнаго рѣшенія вопроса, такъ какъ существованіе на ряду съ начальными училищами вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія особой категоріи школъ

духовнаго вѣдомства, безъ какого-либо внутренняго мотива такой двойственности, представляется ничѣмъ не обоснованнымъ. Приведенное Высочайшее повелѣніе, сохраняя права обоихъ вѣдомствъ по завѣдыванію начальными училищами, какъ бы указываетъ, тѣмъ самымъ, на то, что само правительство, не имѣя еще данныхъ для окончательнаго рѣшенія сказаннаго вопроса, предоставляетъ пока обоимъ вѣдомствамъ, въ мирномъ состязаніи на пользу народнаго образованія, обнаружить задатки жизненности своихъ школъ. Но естественно, что, по обнаруженіи этихъ задатковъ, тѣмъ или другимъ школамъ должно будетъ быть отдано предпочтеніе, и что, слѣдовательно, вопросъ объ объединеніи подвѣдомственности школъ для православнаго населенія рано или поздно выступитъ на обсужденіе.

По нашему мнѣнію, такое объединеніе и нынѣ было бы вполнѣ своевременно и благодѣтельно, если бы, вмѣсто вопроса о ничѣмъ не вызываемой передачѣ этихъ школъ изъ учебнаго въ духовное вѣдомство, былъ возбужденъ вопросъ объ устраненіи изъ дѣйствующаго положенія о начальныхъ училищахъ (1874 года) всего того, что прямо или косвенно можетъ ограничивать вліяніе духовенства на школу. Мы говоримъ здѣсь о положеніи 1874 г. какъ потому, что имъ руководствуется огромное большинство школъ въ мѣстностяхъ съ сплошнымъ русскимъ православнымъ населеніемъ, такъ и потому, что потребныя въ немъ, по нашему мнѣнію, измѣненія легко могутъ быть примѣнены и къ школамъ, устроеннымъ на основаніи иныхъ уставовъ или положеній.

Довольно странно, что, несмотря на слишкомъ 25 лѣтъ, протекшихъ со времени изданія этого положенія, способъ непосредственнаго завѣдыванія подчиненными ему школами до сихъ поръ на практикѣ и не вполнѣ выясненъ, и не вполнѣ осуществленъ. Между тѣмъ онъ ясно указанъ въ положеніи: ближайшее завѣдываніе школою возлагается на ея попечителя, который является лицомъ, отвѣтственнымъ за порядокъ въ школѣ во всѣхъ отношеніяхъ (Св. Зак. т. XI, ч. I, изд. 1893 года, ст. 3481 и 3482). Итакъ попечитель есть ближайшій, непосредственный начальникъ школы. Отсюда ясно слѣдуетъ, во-первыхъ, что при всякой школѣ долженъ быть попечитель, ибо иначе школа останется безъ лица, ею завѣдывающаго, всесторонне отвѣчающаго за порядокъ въ ней (учитель не можетъ быть такимъ лицомъ, такъ какъ такой всесторонней отвѣтственности законъ на него не возлагаетъ). Во-вторыхъ, что попечитель школы вовсе не есть лицо, завѣдывающее одною хозяйственною частью школы, какъ бы ея эко-

номъ, а равнымъ образомъ, вовсе не есть какой-либо, безразличный для школы, жертвователь или благодѣтель, вся функція котораго сводится къ тому, что онъ оказываетъ ей матеріальную помощь: онъ завѣдываетъ всѣмъ строемъ школы, какъ завѣдываетъ гимназіею ея директоръ, и долженъ быть настолько на мѣстѣ, при школѣ, на сколько то требуется для завѣдыванія ею. Эти требованія относительно попечителей школъ постоянно предъявлялись министерствомъ народнаго просвѣщенія и подкрѣплены неоднократными разъясненіями правительствующаго сената [1]). Между тѣмъ, до сихъ поръ есть множество школъ, не имѣющихъ попечителей; до сихъ поръ, нерѣдко—и даже иногда со стороны органовъ учебнаго вѣдомства — высказывается ни на чемъ не обоснованное мнѣніе, будто попечитель имѣетъ право вмѣшиваться лишь въ хозяйственную часть школы; до сихъ поръ нерѣдки случаи, что попечитель хронически отсутствуетъ въ мѣстѣ нахожденія его школы, дѣлая только — и то не всегда — пожертвованія деньгами или натурою на ея содержаніе. Намъ кажется, что такое неисполненіе закона въ отношеніи къ непосредственному завѣдыванію школами зависитъ отъ слѣдующихъ главныхъ причинъ: 1) отъ неполной ясности самого закона. Въ законѣ сказано, что обществамъ и учрежденіямъ, содержащимъ школу, предоставляется избирать для нея попечителя (ст. 3181). Выраженіе „предоставляется", по буквальному его смыслу, можно дѣйствительно понимать, какъ указаніе лишь на право, а не на обязанность, вслѣдствіе чего учредители школъ долгое время не признавали существованія попечителя въ школѣ обязательнымъ. Но отсюда проистекало то послѣдствіе, что при школѣ не оказывалось лица, непосредственно ею завѣдывающаго и отвѣчающаго за порядокъ въ ней. 2) Отъ нѣкотораго опасенія излишняго вліянія попечителя на школу какъ со стороны самого училищнаго начальства, такъ и со стороны учредителей школы. Несомнѣнно, что инспектору народныхъ училищъ во многихъ случаяхъ удобнѣе и легче воздѣйствовать прямо на учителя школы, лицо зависимое отъ него въ своемъ служебномъ положеніи, чѣмъ распоряжаться чрезъ посредство попечителя, котораго онъ не можетъ устранить отъ должности, и который нерѣдко по своему общественному положенію гораздо выше и вліятельнѣе инспектора. Съ другой стороны, земства, представляющія собою главную обществен-

---

[1]) Указы правительствующаго сената 13-го іюля 1889 г. и 5-го декабря 1891 года.

ную силу въ отношеніи начальныхъ школъ, относятся благопріятно къ существованію при школѣ попечителя обыкновенно лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда этотъ попечитель является всецѣло зависимымъ отъ нихъ органомъ. Тамъ же, гдѣ достигнуть этой зависимости имъ почему-либо не удается, земствамъ естественно нѣтъ основанія желать существованія при школѣ должностнаго лица, съ которымъ нужно считаться, какъ съ самостоятельною силою. 3) Отъ отсутствія во многихъ мѣстностяхъ лицъ, соотвѣтствующихъ по своему умственному и нравственному развитію условіямъ, удовлетворяющимъ требованіямъ отъ попечителя школы. 4) Отъ желанія учредителей школы и самого училищнаго начальства увеличить средства школы, послѣдствіемъ чего является стремленіе найти въ попечителѣ жертвователя на школу, хотя бы даже онъ не желалъ и не могъ принимать участія въ управленіи ею.

Всѣ эти соображенія устраняются, однако, какъ правильнымъ истолкованіемъ закона, такъ и пониманіемъ истинныхъ потребностей школы. Принимая во вниманіе, что въ изложеніи нашихъ законовъ терминъ „предоставляется" нерѣдко бываетъ употребляемъ въ значеніи возложенія обязанности, а также общій смыслъ законоположеній о попечителяхъ школъ, правительствующій сенатъ, какъ упомянуто выше, разъяснилъ, что при каждой школѣ обязательно долженъ быть попечитель; и послѣ этого разъясненія отсутствіе попечителя при школѣ должно уже считаться нарушеніемъ закона. Что касается, за симъ, положенія попечителей школъ въ отношеніи къ инспекціи и учредителямъ школъ, то казалось бы, что именно правильная постановка функціи попечителя способна водворить какъ надлежащее равновѣсіе правительственныхъ и общественныхъ органовъ въ ихъ воздѣйствіи на школу, такъ до извѣстной мѣры обезпечить и извѣстную самостоятельность учителей отъ произвола этихъ органовъ. Являясь лицомъ, завѣдывающимъ школою, попечитель есть та инстанція, къ которой непосредственно должны направлять свои заявленія и училищное начальство и учредители школы, какъ бы буферъ между ними, устраняющій необходимость ихъ взаимныхъ столкновеній и пререканій. Чрезъ него же должны восходить къ подлежащимъ органамъ ходатайства о нуждахъ школъ и со стороны ихъ учителей, что опять-таки способствуетъ устраненію тѣхъ же столкновеній и пререканій. Довольно указать, напримѣръ, на слѣдующіе вопросы, гораздо удобнѣе разрѣшаемые при посредствѣ попечителей, чѣмъ безъ него: 1) Назначеніе учителей. Законъ не опредѣляетъ

какихъ-либо правъ учредителей школъ на выборъ учителей; но распоряженіемъ министерства народнаго просвѣщенія, послѣдовавшимъ въ 1875 г., установлено, что допущеніе инспекторомъ тѣхъ или иныхъ лицъ къ исполненію учительской должности должно происходить по соглашенію съ учредителями. Но учредители школъ суть по большей части личности коллективныя (земства и общества городскія и сельскія), обыкновенно вовсе не обладающія ни правильною организаціею для выбора учителей, ни надлежащею компетентностью въ оцѣнкѣ ихъ педагогическихъ качествъ. Поэтому соглашеніе инспектора съ учредителями сводится по большей части къ тому, что лица, вліятельныя въ городскомъ и земскомъ самоуправленіи, навязываютъ школамъ покровительствуемыхъ имъ кандидатовъ, а инспекторъ пассивно допускаетъ ихъ, вовсе ихъ не зная, такъ какъ съ формальной стороны ничего противъ нихъ возразить не можетъ. Вслѣдствіе того учительскія должности замѣщаются лицами, о педагогическихъ способностяхъ которыхъ не знаютъ ни инспекція школъ, ни ихъ учредители. Правда, эти лица утверждаются въ должностяхъ лишь черезъ годъ, по удостовѣренію инспектора въ ихъ пригодности. Но если сообразить, что во многихъ школахъ своего раіона инспекторъ въ теченіе года не успѣваетъ побывать и что вообще болѣе одного раза въ годъ онъ крайне рѣдко бываетъ, въ одной и той же школѣ, то значеніе инспекторскаго удостовѣренія по отношенію къ учителю весьма умаляется. Поэтому было бы гораздо правильнѣе, чтобы соглашеніе инспектора по отношенію къ кандидатамъ въ учители происходило съ попечителемъ школы, лицомъ за нее отвѣтственнымъ и во всякомъ случаѣ, по самой своей должности, болѣе знакомымъ со школьнымъ дѣломъ, чѣмъ большинство земцевъ или гласныхъ думы. Конечно, мотивы, основанные на протекціи вліятельныхъ лицъ, при этомъ не устранятся. Но дѣло въ томъ, что инспекторъ обязанъ считаться съ этими мотивами, потому что безъ согласія учредителей онъ не можетъ допустить учителя въ школу, тогда какъ попечитель, если ему будетъ присвоено право голоса въ выборѣ учителя, такой обязанности нести не будетъ. При томъ, если попечитель школы будетъ нести за нее ту отвѣтственность, которая возложена на него по закону, то ему легче будетъ, чѣмъ инспектору, оказывать противодѣйствіе непрошеннымъ вліяніямъ въ дѣлѣ выбора учителя. Нынѣ, если этотъ выборъ неудаченъ, то никто не винитъ за него инспектора, такъ какъ всякій понимаетъ, что, завѣдывая сотнею или болѣе школъ, онъ не можетъ всецѣло отвѣчать за каждую. Попечи-

тель же, при гораздо большей ограниченности своего круга дѣйствій, можетъ нести отвѣтственность гораздо болѣе прямую и опредѣленную. Въ этихъ видахъ было бы весьма полезно измѣненіе министерскаго распоряженія въ томъ смыслѣ, чтобы соглашеніе инспектора по избранію учителей было соглашеніемъ его съ попечителемъ школы; на такое измѣненіе министерство народнаго просвѣщенія имѣетъ полное право, такъ какъ, повторяемъ, законъ не указываетъ обязательнаго для училищнаго начальства порядка въ дѣлѣ допущенія къ учительскимъ должностямъ. Изъ сказаннаго же выше видно, насколько полезна для инспекціи правильно поставленная дѣятельность попечителя и при опредѣленіи пригодности учителя въ теченіе пробнаго года; такъ какъ, при рѣдкомъ посѣщеніи школъ инспекторомъ, попечитель школы является почти единственнымъ лицомъ, могущимъ, какъ должно, контролировать работу учителя. 2) Хозяйственныя нужды училищъ. При современномъ положеніи дѣла принудить содержателей школы надлежащимъ образомъ исполнять принятыя ими на себя обязательства по отношенію къ школамъ никто не въ состояніи. Но если предположить (какъ это бываетъ въ большинствѣ случаевъ), что земства и общества не уклоняются, по мѣрѣ средствъ своихъ, отъ вспомоществованія школамъ, то наиболѣе пригоднымъ органомъ для содѣйствія исправному поступленію этихъ вспомоществованій является, конечно, попечитель школы. Инспекторъ или члены училищнаго совѣта посѣщаютъ школу рѣдко, поэтому ея нужды узнаются ими по большей части изъ вторыхъ рукъ, и, сверхъ того, нельзя даже и требовать, чтобы они сосредоточивали главное свое вниманіе именно на данной школѣ. Учитель школы — лицо слишкомъ зависимое отъ начальства, слишкомъ мало-авторитетное по своему общественному положенію и слишкомъ занятое исполненіемъ своихъ служебныхъ обязанностей, чтобы онъ могъ быть вліятельнымъ и энергическимъ ходатаемъ о нуждахъ школы. Попечитель же имѣетъ въ данномъ случаѣ то преимущество предъ инспекторомъ, что онъ гораздо постояннѣе и тѣснѣе связанъ именно съ данною школою, за порядокъ которой отвѣчаетъ, а предъ учителемъ то, что онъ поставленъ гораздо самостоятельнѣе и авторитетнѣе его. Наконецъ 3) теченіе всей школьной жизни совершается гораздо правильнѣе, когда надъ школою стоитъ уважаемое и вліятельное лицо изъ мѣстныхъ жителей, избавляющее учителя отъ необходимости непосредственныхъ съ ними столкновеній, могущее способствовать болѣе исправному посѣщенію школы дѣтьми и наблюдающее за самимъ учителемъ. Для послѣд-

нѧго также лучше имѣть дѣло съ однимъ начальникомъ, чѣмъ съ десятью, да при томъ законъ и не предоставляетъ попечителю такой власти надъ учителемъ, противъ которой онъ былъ бы безправенъ.

Отсутствіе во многихъ мѣстностяхъ лицъ, пригодныхъ для занятія должности попечителя школы, можетъ быть въ значительной степени устранено принятіемъ той мѣры, о которой мы сейчасъ будемъ говорить. Что же касается того мотива къ искаженію указаннаго закономъ назначенія попечителя, который зависитъ отъ желанія во что бы то ни стало привлечь пожертвованія на школьное дѣло, то его едва-ли можно считать серьезнымъ. Лица, искренно сочувствующія этому дѣлу, безъ сомнѣнія будутъ продолжать свои пожертвованія и безъ приманки ихъ кличкою попечителя. Для лицъ же, которыхъ побуждаетъ къ такимъ пожертвованіямъ тщеславіе, эта приманка весьма ничтожна, такъ какъ званіе попечителя не даетъ никакихъ служебныхъ правъ и преимуществъ. Поэтому, случаи, когда школа пострадаетъ отъ того, что какой-либо благотворитель откажетъ ей въ подачкѣ вслѣдствіе неназначенія его попечителемъ, явятся, безъ сомнѣнія, единичными исключеніями; и лучше примириться съ такими исключеніями, чѣмъ нарушить законъ, соблюденіе котораго въ высшей степени полезно для всякой школы.

Сказанное нами о необходимости поддерживать въ полной силѣ требованія закона о попечителяхъ школъ имѣетъ, по нашему мнѣнію, слѣдующую связь съ установленіемъ правильнаго отношенія духовенства къ школѣ. Положеніе 1874 года дѣйствительно слишкомъ ограничиваетъ, такъ сказать, спеціализируетъ, вліяніе духовенства на школы и тѣмъ самымъ, до извѣстной степени, оправдываетъ упрекъ въ малой церковности школъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Священнику, правда, принадлежитъ право законоучительства въ школѣ; равнымъ образомъ, духовенству присвоено наблюденіе за религіозно-нравственнымъ направленіемъ школъ. Такимъ образомъ, казалось бы, что священникъ въ начальномъ училищѣ облеченъ тѣми же правами и обязанностями, какъ и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. На дѣлѣ же разница выходитъ громадная, такъ какъ въ послѣднихъ священникъ-законоучитель есть должностное лицо, органически входящее въ составъ управленія заведеніемъ въ качествѣ члена его педагогическаго совѣта. Такого положенія законоучитель начальнаго училища не имѣетъ. Онъ остается для школы внѣшнимъ лицомъ, ни въ чемъ не участвующимъ въ прочихъ сторонахъ ея жизни. При такихъ условіяхъ то и другое изъ вышеупомянутыхъ правъ духовен-

ства скорѣе ослабляетъ, чѣмъ укрѣпляетъ связь школы съ церковью. Вообще говоря, отовсюду слышатся жалобы на неисправность приходскихъ священниковъ въ дѣлѣ преподаванія Закона Божія. Эта неисправность въ большинствѣ случаевъ не можетъ быть поставляема въ вину священникамъ, въ виду отвлеченія ихъ отъ преподаванія уроковъ многосторонними обязанностями по приходу, къ которымъ въ послѣднее время прибавилось еще попеченіе о церковно-приходскихъ школахъ. Но во всякомъ случаѣ какъ существованіе такой неисправности, такъ и необходимость принятія мѣръ противъ нея, не можетъ не подрывать должнаго авторитета пастырей церкви. Едва-ли согласно съ достоинствомъ священника, если ученики постоянно видятъ, что, за неприбытіемъ „батюшки", учитель или учительница должны замѣнять его въ исполненіи его обязанности. Еще менѣе согласна съ этимъ достоинствомъ боязнь священника, какъ бы училищное начальство не пожаловалось архіерею на неаккуратное посѣщеніе имъ уроковъ, или какъ бы земство (что нерѣдко дѣлается) не уменьшило за эту неисправность получаемую законоучителемъ плату. Съ другой стороны, право наблюденія за религіозно-нравственнымъ направленіемъ школы, безъ поставленія духовенства въ органическую связь со школою, является висящею надъ школою внѣшнею угрозою, быть орудіемъ которой для духовнаго лица стѣснительно и тягостно. Поэтому, казалось бы, что наше школьное законодательство—въ примѣненіи къ школамъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія—должно быть направлено именно къ установленію этой органической связи. Наилучшею мѣрою для достиженія такой цѣли было бы, по нашему мнѣнію, принятіе за правило, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда какія-либо причины не ставятъ тому непреоборимыхъ препятствій, приходскій священникъ долженъ быть попечителемъ школъ своего прихода; при чемъ, если въ приходѣ нѣсколько священниковъ и нѣсколько школъ, то завѣдываніе школами прихода могло бы быть распредѣляемо между нѣсколькими духовными лицами. Осуществленіе этой мѣры было бы дѣйствительнымъ, истиннымъ разрѣшеніемъ спора между духовнымъ и учебнымъ вѣдомствами о правѣ завѣдыванія начальными училищами. Какъ того желаютъ защитники церковно-приходскихъ школъ, школы поступили бы въ вѣдѣніе духовенства,—не путемъ передачи ихъ изъ учебнаго въ духовное вѣдомство, а путемъ вступленія духовенства въ составъ учебнаго вѣдомства. Никакого мотива къ двураздѣльности школьной администраціи при этомъ не осталось бы, такъ какъ начальныя училища вѣдомства министер-

ства народнаго просвѣщенія превратились бы въ церковно-приходскія школы, и наоборотъ. Необходимость быть самому законоучителемъ школы, служащая нынѣ для священника источникомъ непріятностей и даже униженій, прекратилась бы; ибо если нынѣ, когда священникъ есть внѣшнее лицо по отношенію къ школѣ, было бы въ большинствѣ случаевъ неосторожно поручать преподаваніе Закона Божія свѣтскому учителю или учительницѣ, то положеніе вещей совершенно измѣнится, когда священникъ станетъ лицомъ завѣдывающимъ и руководящимъ школою, подъ наблюденіемъ котораго по закону поставленъ учитель. Равнымъ образомъ, лежащая нынѣ на духовенствѣ обязанность наблюденія за школами въ отношеніи религіозно-нравственномъ потеряетъ присущій ей нынѣ внѣшній, такъ сказать, полицейскій характеръ, когда священникъ окажется лицомъ завѣдывающимъ школою и заинтересованнымъ въ ея преуспѣяніи, а не случайнымъ и безразличнымъ посѣтителемъ или ревизоромъ, который по духу излишней ревности, быть можетъ, даже не прочь подорвать „земскую“ школу.

Предполагаемое нами дополненіе къ положенію 1874 года внесло бы въ него ту поправку, въ которой оно дѣйствительно нуждается. По идеѣ своей это положеніе нисколько не грѣшитъ противуцерковностью и даже вмѣняетъ школѣ въ первую ея обязанность религіозно-нравственное развитіе учащихся. Но ставя школу лишь во внѣшнее, такъ сказать, мертвенное отношеніе къ служителямъ церкви, оно дѣйствительно облегчаетъ возможность проникновенія народной школы слишкомъ свѣтскими, суетными цѣлями. Конечно, отъ теоретическаго безбожія, если бы даже нашлись охотники распространять его путемъ школы, ее спасетъ наблюденіе не только начальства, но и самого православнаго народа, вовсе не безразличнаго къ тому, чему учатъ его дѣтей. Но есть практическое безбожіе, сильное и въ образованномъ обществѣ и въ народѣ, которое стремится разными путями ворваться въ школу и нерѣдко даже неумышленно поощряется людьми самими по себѣ весьма благонамѣренными, но мало вникавшими въ вопросъ о задачахъ народнаго образованія. Народную школу стремятся сдѣлать то орудіемъ многознанія и того умственнаго развитія, которое поселяетъ въ ученикѣ запросы и интересы, выходящіе за его житейскій кругозоръ; то низводятъ ее до задачи удовлетворенія внѣшнихъ матеріальныхъ нуждъ, обращая въ питомникъ волостныхъ писарей, лавочниковъ и ремесленниковъ. Въ томъ и другомъ случаѣ главная цѣль школы—образованіе истинно-русскаго, добраго право-

славнаго христіанина—остается на заднемъ планѣ. Поэтому мы и видимъ—и особенно въ городскихъ мѣстностяхъ, гдѣ обильнѣе и средства умственнаго развитія и внѣшнія матеріальныя приманки,—что пріобрѣтеніе грамотности въ школѣ даетъ весьма мало нравственныхъ результатовъ. Проникнуть русскую школу духомъ религіозно-нравственнаго воспитанія есть великая задача церкви и ближайшимъ образомъ ея органовъ въ лицѣ духовенства, но задача, осуществимая не чрезъ раздѣленіе и распрю духовнаго и учебнаго вѣдомствъ, а чрезъ ихъ органическое сліяніе.

Прежде чѣмъ покончить съ этимъ вопросомъ, мы должны, однако, остановиться на двухъ возраженіяхъ, которыя, какъ мы предвидимъ, легко могутъ быть намъ предъявлены.

1. Прежде всего намъ могутъ указать на то, что при обремененіи приходскихъ священниковъ занятіями по приходу, имъ остается очень мало времени для исполненія должности попечителей школъ. Но на это мы отвѣтимъ, что хотя обязанности попечителя очень важны, и хотя для исполненія ихъ весьма существенно, чтобы попечитель былъ постояннымъ мѣстнымъ жителемъ, но въ обычномъ теченіи школьной жизни онѣ немногосложны и не отнимаютъ много времени. Исполненіе ихъ никакъ не потребуетъ отъ священника большаго числа посѣщеній школы, чѣмъ требуется отъ него теперь въ качествѣ законоучителя, съ тою разницею, что въ выборѣ времени этихъ посѣщеній онъ будетъ гораздо свободнѣе и легко можетъ пріурочить ихъ къ своимъ должностнымъ поѣздкамъ по приходу. За симъ, такъ какъ всякій трудъ—и особенно трудъ сельскаго приходскаго священника при его теперешнемъ матеріальномъ положеніи—долженъ быть вознаграждаемъ, то было бы вполнѣ справедливо назначить попечителямъ школъ опредѣленное жалованье, къ чему не представилось бы затрудненія въ виду сбереженій, имѣющихъ послѣдовать для казны отъ уничтоженія существующей нынѣ двойственности въ управленіи школами, требующей и двойныхъ расходовъ по надзору за ними.

Неизлишне присовокупить, что въ мѣстностяхъ болѣе бойкихъ, гдѣ и школъ болѣе, и наблюденіе за ними должно быть бдительнѣе, въ облегченіе труда священника могли бы быть учреждаемы школьныя попечительства изъ благонадежныхъ и наиболѣе образованныхъ и почетныхъ мѣстныхъ жителей, приглашаемыхъ къ этой дѣятельности инспекторами народныхъ училищъ по соглашенію съ духовнымъ вѣдомствомъ и гражданскою администраціею, при чемъ приходскій священникъ получалъ бы званіе предсѣдателя такого попечительства.

Члены попечительствъ могли бы распредѣлять между собою занятія по школамъ и тѣмъ облегчать трудъ священника. Созданіе такихъ учрежденій было бы полезно и въ смыслѣ привлеченія лучшихъ общественныхъ силъ къ дѣятельности на пользу школъ и даже къ матеріальнымъ на нихъ пожертвованіямъ. Сверхъ того, при существованіи такихъ попечительствъ весьма удобно получили бы разрѣшеніе многіе вопросы, нынѣ затрудняющіе учебное вѣдомство. Школа является не единственнымъ источникомъ образованія; на ряду съ ней и въ ея подспорье и дополненіе возникаютъ—и именно въ послѣднее время съ особенною силою—различные способы внѣшкольнаго образованія въ видѣ публичныхъ чтеній для народа, народныхъ библіотекъ и читаленъ, наконецъ, прямого распространенія книгъ въ народѣ путемъ продажи и даровой раздачи. Эти способы внѣшкольнаго образованія чрезвычайно обоюдоостры, такъ какъ при помощи ихъ можетъ одинаково распространяться въ народѣ и полезная духовная пища, и смертоносный ядъ. Поэтому на обязанности правительства лежитъ установленіе надъ всѣми такими учрежденіями и дѣятельностями возможно бдительнаго и непрерывнаго контроля. Но этотъ контроль, направленный противъ небольшого числа злоумышленныхъ или легкомысленныхъ радѣтелей о народномъ образованіи, ложится тяжелымъ бременемъ и на лицъ вполнѣ благонамѣренныхъ и заслуживающихъ довѣрія, крайне замедляя открытіе народныхъ чтеній, читаленъ и библіотекъ процедурою установленныхъ предварительныхъ сношеній между разными вѣдомствами и приводя къ изданію стѣснительныхъ правилъ по управленію этими учрежденіями. Съ другой стороны, по едва-ли не главнѣйшему изъ упомянутыхъ способовъ внѣшкольнаго образованія, именно по распространенію книгъ въ народѣ, до сихъ поръ не придумано даже приблизительно цѣлесообразныхъ мѣръ надзора или руководства. Вопросъ этотъ заключается вовсе не въ одномъ пресѣченіи распространенія въ народѣ запрещенныхъ произведеній печати. Надзоръ этого рода, какія бы онъ ни представлялъ затрудненія, все же имѣетъ и опредѣленный объектъ и опредѣленный органъ. Но несомнѣнно то, что и подъ цензурнымъ флагомъ въ народѣ распространяется множество произведеній низкихъ, пошлыхъ, разлагающихъ его религіозно-нравственное міровоззрѣніе, и что въ настоящее время не существуетъ общественныхъ органовъ, которымъ съ удобствомъ и довѣріемъ могла бы быть поручена борьба противъ этого зла. Школьныя попечительства, состоя, подъ предсѣдательствомъ приходскаго священника, изъ благонадежныхъ мѣстныхъ обывателей, могли бы счи-

таться вполнѣ соотвѣтственными органами для завѣдыванія и всѣми вышеуказанными способами внѣшкольнаго образованія народа. Подъ ихъ наблюденіемъ народныя чтенія, библіотеки и читальни не нуждались бы, строго говоря, ни въ какихъ правилахъ, такъ какъ эти правила исходятъ прежде всего отъ недовѣрія къ устроителямъ такихъ учрежденій. Точно также эти попечительства могли бы быть сдѣланы единственнымъ центромъ даровой раздачи книгъ мѣстному населенію и контроля за ихъ распространеніемъ путемъ продажи. Всѣ правила для этого рода учрежденій и дѣятельности свелись бы къ изданію, по соглашенію учебнаго и духовнаго вѣдомствъ, списковъ книгъ, запрещенныхъ къ обращенію въ народѣ (хотя бы и разрѣшенныхъ общею цензурою), списковъ, издаваемыхъ для руководства школьнымъ попечительствамъ.

2. Второе возраженіе можетъ состоять въ томъ, что обязательное привлеченіе священниковъ къ должностямъ попечителей или (гдѣ это дозволятъ мѣстныя условія) предсѣдателей школьныхъ попечительствъ является подчиненіемъ духовенства учебному вѣдомству и, слѣдовательно, несогласно съ достоинствомъ вѣдомства духовнаго, такъ какъ за неисправное исполненіе обязанностей попечителя священникъ будетъ отвѣтствовать уже не предъ епархіальнымъ, а предъ училищнымъ начальствомъ. Но на это мы отвѣтимъ, что въ нашихъ законахъ много примѣровъ того, что должностнымъ лицамъ одного вѣдомства, по ихъ должностному положенію, присвоены опредѣленныя служебныя функціи въ другомъ вѣдомствѣ. Такъ, въ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ попечителей учебныхъ округовъ, генералъ-губернаторамъ ввѣряются ихъ права и обязанности, чѣмъ они вводятся въ учебное вѣдомство въ качествѣ одной изъ его инстанцій. Предводители дворянства суть по своему званію предсѣдатели училищныхъ совѣтовъ и, въ этомъ качествѣ, органы учебнаго вѣдомства. Да и нынѣ приходскіе священники, по самому своему званію, суть законоучители мѣстныхъ начальныхъ училищъ, слѣдовательно состоятъ въ извѣстной служебной зависимости отъ учебнаго вѣдомства. Если во всѣхъ такихъ случаяхъ достоинство высшей администраціи, дворянства и духовенства не считается умаленнымъ, то не видно, почему оно будетъ умалено введеніемъ священника въ составъ учебнаго вѣдомства въ качествѣ попечителя школы. Дѣло въ томъ, что нужно различать служебную зависимость должностнаго лица, поскольку она выражается для него въ необходимости подчиняться извѣстному порядку дѣлопроизводства, отъ той служебной зависимости, которою опредѣляется

его общественное положеніе. Первая представляетъ собою самыя разнообразныя комбинаціи. Членъ государственнаго совѣта можетъ быть членомъ попечительнаго совѣта женской гимназіи, т. е. учрежденія, подчиненнаго попечителю учебнаго округа и отчасти губернатору. Но общественное положеніе члена государственнаго совѣта, опредѣляемое его, такъ сказать, основною должностью, выше, чѣмъ общественное положеніе попечителя учебнаго округа и губернатора. И нынѣ въ должностяхъ попечителей начальныхъ училищъ мы нерѣдко находимъ лицъ такого общественнаго положенія, которое неизмѣримо выше общественнаго положенія инспектора народныхъ училищъ. По отношенію же къ огромному большинству приходскихъ священниковъ не усматривается даже такого, чисто внѣшняго, неудобства. Для сельскаго священника званіе попечителя школы есть скорѣе повышеніе, чѣмъ умаленіе его значенія и авторитета въ мѣстномъ обществѣ. Ближайшая высшая въ отношеніи къ нему служебная инстанція учебнаго вѣдомства есть инспекторъ народныхъ училищъ, т. е. лицо, общественное положеніе котораго выше положенія большинства приходскихъ священниковъ и служебная подчиненность которому не заключаетъ въ себѣ, слѣдовательно, ничего для священника унизительнаго.

Нѣкоторыя неудобства отъ обязательнаго совмѣщенія дожности приходскаго священника съ должностью попечителя школы могутъ быть, повидимому, скорѣе предусмотрѣны для учебнаго, чѣмъ для духовнаго вѣдомства. Въ настоящее время попечитель школы, коль скоро онъ не соотвѣтствуетъ своему назначенію, можетъ быть уволенъ отъ должности губернскимъ училищнымъ совѣтомъ. Положимъ, въ этомъ порядкѣ вещей для учебной инспекціи, какъ таковой, утѣшительнаго мало, такъ какъ представленіе объ увольненіи попечителя можетъ послѣдовать не отъ инспектора, а отъ уѣзднаго училищнаго совѣта, который не всегда бываетъ склоненъ относиться къ заявленіямъ инспектора съ должнымъ вниманіемъ. Но во всякомъ случаѣ попечитель школы не можетъ считать себя за лицо безсмѣнное. Если же приходскій священникъ сдѣлается eo ipso попечителемъ школы, то эта должность обратится въ безсмѣнную дотолѣ, доколѣ епархіальное начальство не найдетъ нужнымъ смѣнить или перемѣстить приходскаго священника. Поэтому попечитель школы окажется внѣ всякой дѣйствительной зависимости отъ училищнаго начальства, которое не только не будетъ имѣть возможности освободить отъ него школу, если онъ не отвѣчаетъ своему назначенію, но

даже настоять на исполненіи своихъ требованій, если онъ не желаетъ имъ подчиниться.

Это соображеніе не лишено, конечно, существеннаго практическаго значенія; и потому соединеніе обязанностей приходскаго священника и попечителя школы не должно быть настолько нерасторжимымъ, чтобы лицо, завѣдомо непригодное къ исполненію второй изъ названныхъ обязанностей и, тѣмъ не менѣе, почему-либо остающееся при выполненіи первой, никоимъ образомъ не могло быть отстранено отъ школы. Какой инстанціи учебнаго вѣдомства должно быть присвоено право совершать это отстраненіе,—это вопросъ, котораго мы окончательно рѣшать не беремся. Но, конечно, такіе случаи будутъ весьма рѣдки, такъ какъ духовное начальство, безъ сомнѣнія, сдѣлаетъ все возможное для ихъ предотвращенія въ интересахъ и церкви и школы. Отъ министерства народнаго просвѣщенія должно зависѣть установленіе въ такихъ случаяхъ порядка замѣщенія остающейся свободною должности попечителя школы.

Предположенная нами мѣра, по нашему убѣжденію, удобопримѣнима и къ непосредственному завѣдыванію начальными школами, устраиваемыми для иновѣрческаго населенія Имперіи. По общему началу религіозное обученіе иновѣрцевъ ввѣряется наблюденію ихъ духовенства; но осуществленіе этого начала въ примѣненіи къ разнымъ мѣстностямъ и вѣроисповѣданіямъ весьма разнообразно. Въ губерніяхъ прибалтійскихъ евангелическо-лютеранское духовенство входитъ въ составъ учрежденій, непосредственно завѣдывающихъ школами, каковыми учрежденіями служатъ: въ Лифляндской губерніи мѣстныя правленія приходскихъ школъ, а въ Эстляндской и Курляндской—мѣстныя управленія школъ. Но эти учрежденія въ названныхъ губерніяхъ, равно какъ и само тамошнее духовенство, находятся подъ преобладающимъ вліяніемъ дворянства, вслѣдствіе чего и порядокъ завѣдыванія школами гарантируетъ тамъ главнымъ образомъ не религіозно-нравственные интересы, а интересы дворянскаго сословія. Что касается правъ римско-католическаго духовенства въ отношеніи къ школамъ въ царствѣ Польскомъ и въ западномъ краѣ, то эти права ограничиваются лишь законоучительствомъ; училища же для дѣтей евангелическо-аугсбургскаго и реформатскаго исповѣданій въ царствѣ Польскомъ состоятъ въ вѣдѣніи консисторій (св. зак. т. XI, ч. I, ст. 3671). За симъ порядокъ управленія протестантскими и католическими школами въ прочихъ мѣстностяхъ Имперіи (Фин-

ляндію мы, конечно, оставляемъ въ сторонѣ) представляетъ собою нѣчто крайне неурегулированное въ смыслѣ законодательномъ. Школы эти слагаются изъ двухъ главныхъ категорій: школъ въ селеніяхъ бывшихъ иностранныхъ колонистовъ, которыя переданы въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія по Высочайшему повелѣнію 2-го мая 1881 г., и учрежденныхъ духовенствомъ, такъ называемыхъ церковныхъ школъ, подчиненныхъ названному министерству Высочайшими повелѣніями: лютеранскія 22-го ноября 1890 г. и католическія 10-го декабря 1892 г. Но строго различить бывшія колонистскія и церковныя школы невозможно, такъ какъ и въ селеніяхъ колонистовъ школы часто учреждались духовенствомъ: такимъ образомъ, напримѣръ, колонисты Петербургской губерніи обучались въ церковныхъ школахъ, которыя поступили подъ надзоръ учебнаго вѣдомства вмѣстѣ съ прочими лютеранскими церковными школами лишь въ 1890 г.

Особенность той и другой категоріи школъ заключается въ томъ, что онѣ возникли безъ всякаго указанія закона: послѣдній въ отношеніи колонистскихъ школъ замѣнялся распоряженіями министерства государственныхъ имуществъ, въ которомъ состояли иностранные поселенцы, а въ отношеніи церковныхъ школъ—распоряженіями приходскаго духовенства, самовластно присвоившаго себѣ право быть учредителями школъ. Образъ управленія бывшими колонистскими школами и доселѣ не имѣетъ никакого опредѣленія въ законѣ: единственный относящійся до нихъ законъ, испрошенный министерствомъ народнаго просвѣщенія, есть законъ 24-го февраля 1897 г., по которому министерству предоставлено вводить въ нихъ преподаваніе всѣхъ предметовъ, кромѣ вѣроученія и родного языка, на языкѣ русскомъ. Еще ранѣе того министерство народнаго просвѣщенія признало себя въ правѣ издать распоряженіе о томъ, чтобы учителя этихъ школъ назначались инспекторами народныхъ училищъ. Но порядокъ непосредственнаго завѣдыванія этими школами не установленъ. Такъ какъ онѣ подведены подъ положеніе 1874 г., то при нихъ нѣтъ должностей попечителей, но фактически эти школы находятся подъ преобладающимъ вліяніемъ духовенства.

Относительно такъ называемыхъ церковныхъ школъ министерство народнаго просвѣщенія стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что учредителемъ и распорядителемъ въ нихъ не можетъ считаться приходъ, такъ какъ, какъ уже упомянуто, права учреждать школы и завѣдывать ими лютеранскимъ и католическимъ приходамъ законъ не предостав-

ляетъ. За симъ относительно порядка завѣдыванія католическими школами никакихъ дальнѣйшихъ указаній не послѣдовало. Что же касается лютеранскихъ школъ, то министерство народнаго просвѣщенія разъяснило, что онѣ должны быть управляемы примѣнительно къ уставу приходскихъ училищъ 1828 г., слѣдовательно, состоять въ завѣдываніи одного изъ учителей; и стало быть въ нихъ, какъ въ школахъ по положенію 1874 г., функція духовенства сводится къ законоучительству.

Армянскія школы въ мѣстностяхъ внѣ Кавказа находились до самаго послѣдняго времени внѣ всякаго отношенія къ нимъ учебнаго вѣдомства; онѣ переданы въ это вѣдомство лишь закономъ 2-го іюня 1897 г., и никакого распоряженія объ ихъ организаціи и управленіи еще не послѣдовало. На Кавказѣ же армяне обучались или въ обычныхъ начальныхъ училищахъ, всецѣло подчиненныхъ училищному начальству, или же въ церковно-приходскихъ школахъ, учрежденныхъ при церквахъ и монастыряхъ по закону 16-го февраля 1884 г. и изъятыхъ изъ подъ власти министерства народнаго просвѣщенія. Впослѣдствіи оказалось, однако, что армянскому духовенству удалось захватить въ свое завѣдываніе, подъ видомъ церковно-приходскихъ школъ, множество школъ, въ содержаніи которыхъ церкви и монастыри не принимаютъ никакого участія, вслѣдствіе чего потребовалось распоряженіе о передачѣ этихъ школъ въ учебное вѣдомство. За симъ, въ виду упорнаго племенного и религіознаго сепаратизма, разсадникомъ котораго оказались школы, устроенныя по правиламъ 1884 г., и эти школы были переданы въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія (законъ 2-го іюня 1897 г.) на общихъ основаніяхъ съ прочими начальными училищами.

Сказанное относится къ армянскимъ школамъ григоріанскаго толка, къ которому принадлежитъ подавляющее большинство русскихъ армянъ. Немногія существующія въ Россіи армяно-католическія школы, равно какъ школы сиро-халдейскія, переданы въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія по Высочайшему повелѣнію 28-го ноября 1896 г.

Начальныя школы для мусульманскаго населенія находятся въ огромномъ большинствѣ своемъ внѣ фактическаго наблюденія министерства народнаго просвѣщенія. По закону всѣ эти школы (кромѣ школъ Таврической губерніи) подчинены учебному вѣдомству, но многія причины, разсмотрѣніе которыхъ завело бы насъ слишкомъ далеко, препятствовали и препятствуютъ правительственной власти

распространить на нихъ свой дѣйствительный контроль. Такимъ образомъ начальное образованіе русскихъ магометанъ донынѣ находится почти въ исключительномъ попеченіи духовенства. Небольшое, сравнительно съ потребностью, число содержимыхъ правительствомъ русско-магометанскихъ школъ представляетъ собою учебныя заведенія, находящіяся всецѣло въ вѣдѣніи свѣтскаго училищнаго начальства.

Наконецъ, для евреевъ, въ мѣстахъ ихъ осѣдлости, существуютъ еврейскія начальныя училища, въ которыхъ функція духовенства ограничивается вѣроученіемъ. Для исключительно же религіознаго назиданія еврейскихъ мальчиковъ служатъ многочисленные такъ называемые хедеры; открывать такой хедеръ предоставлено всякому еврею, который въ состояніи внести 3 р. за разрѣшительное свидѣтельство.

Изъ русскихъ язычниковъ только за ламаитами признается извѣстное право церковнаго самоуправленія. Большинство школъ для ламаитовъ находится среди калмыковъ и состоитъ до настоящаго времени въ вѣдѣніи министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ.

Изъ изложеннаго видно, что рѣшительное сосредоточеніе начальнаго обученія иновѣрцевъ въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія есть, въ сущности, дѣло послѣдняго времени; что если оно юридически почти закончено, то фактически, въ смыслѣ распространенія на нихъ дѣйствительнаго надзора учебнаго вѣдомства, оставляетъ еще желать многаго; и что законодательная регламентація устройства и порядка управленія этихъ школъ, въ отношеніи многихъ категорій ихъ, до настоящаго времени отсутствуетъ. Но во всякомъ случаѣ общее свойство современнаго положенія вещей въ этихъ школахъ таково, что правительство или беретъ ихъ въ свое непосредственное завѣдываніе, оставляя за духовенствомъ подлежащаго вѣроисповѣданія лишь право и обязанность законоучительства, или же оставляетъ школы всецѣло на попеченіи духовенства, почти или совсѣмъ не вмѣшиваясь въ управленіе ими. И тотъ и другой образъ дѣйствій мы считаемъ ошибочнымъ. Опытъ показываетъ, что къ школамъ, въ управленіи которыми иновѣрческое духовенство не принимаетъ участія, оно относится съ недружелюбіемъ, которое, если не проявляется открыто (хотя бываютъ и такія проявленія, и даже въ очень рѣзкой формѣ), то выражается въ тайномъ противодѣйствіи школѣ, во враждебномъ вліяніи на прихожанъ, въ стремленіи создать внѣшкольные способы ученія подъ видомъ церковныхъ бесѣдъ, под-

готовленія къ конфирмаціи и т. под. Жертвами такой явной или скрытой оппозиціи духовенства правительственной школѣ являются въ концѣ концовъ ея ученики, которые, смотря по тому, чье вліяніе пересилитъ, или отрѣшаются отъ школы, а слѣдовательно отъ проводимыхъ ею началъ обрусенія, или отъ религіозно-нравственнаго вліянія вѣроученія, проводникомъ котораго является пасторъ, ксендзъ, мулла или раввинъ. Одинаково прискорбенъ и тотъ и другой результатъ,—какъ образованіе чрезъ русскую же школу врага русской народности, такъ и поглощеніе въ нѣдра этой народности религіознаго отщепенца и скептика, потерявшаго вѣру своихъ отцовъ и не нашедшаго себѣ другой. Съ другой стороны, и полное предоставленіе образованія въ руки иновѣрческихъ религіозныхъ наставниковъ, при отсутствіи или фиктивности какого-либо контроля правительственной власти, также не можетъ считаться явленіемъ нормальнымъ. Терпимость къ иновѣрію не есть терпимость ко всему тому, что, подъ прикрытіемъ иновѣрія, можетъ быть внушаемо и преподаваемо юношеству. Поэтому, такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что съ религіозными ученіями русскихъ иновѣрцевъ, въ силу историческихъ преданій, нерѣдко тѣсно связываются извѣстныя политическія и племенныя тенденціи, то правительство обязано принимать мѣры къ тому, чтобы обуздывать эти тенденціи и въ особенности мѣшать имъ проникать въ школу. Цѣль нашего закона о вѣротерпимости, прекрасно указанная въ самомъ этомъ законѣ, состоитъ только въ томъ, чтобы всѣ народы, въ Россіи пребывающіе, славили Бога Всемогущаго разными языки по закону и исповѣданію праотцевъ своихъ (Св. Зак. Т. I ч. I Осн. Гос. Зак. ст. 45), и задача правительственнаго контроля надъ иновѣрческою школою именно въ томъ и заключается, чтобы эта школа пользовалась предоставленною ей религіозною терпимостью лишь въ предѣлахъ, установленныхъ закономъ.

Правильнымъ исходомъ изъ такого положенія вещей слѣдуетъ и здѣсь считать принятіе надлежащихъ мѣръ къ тому, чтобы лица иновѣрческаго духовенства изъ оппонентовъ учебнаго вѣдомства и отщепенцевъ отъ него сдѣлались его отвѣтственными органами по непосредственному завѣдыванію школами соотвѣтствующихъ вѣроисповѣданій въ качествѣ попечителей школъ или—гдѣ будетъ признано удобнымъ образованіе школьныхъ попечительствъ—предсѣдателей послѣднихъ. Принципіально осуществленіе этого предположенія столь же мало можетъ встрѣтить возраженіе, какъ и привлеченіе православнаго духовенства къ дѣлу непосредственнаго завѣдыванія пра-

вославными школами. Главною задачею иновѣрческой школы, какъ и православной, должно быть религіозно-нравственное воспитаніе, которое есть воспитаніе не въ правилахъ какой-то отвлеченной естественной религіи, а въ правилахъ религіи положительной, данной въ опредѣленныхъ, выработанныхъ исторіею, формахъ. Если, кромѣ господствующей православной вѣры, русское государство признаетъ права другихъ вѣроученій и не стремится во что бы то ни стало обратить всѣхъ своихъ подданныхъ въ православіе, то, стало быть, оно признаетъ необходимость такого религіозно-нравственнаго воспитанія для католика, протестанта, армяно-григоріанца, мусульманина, еврея, которое было бы воспитаніемъ въ правилахъ именно его вѣры, при чемъ авторитетное руководство въ ней, не только въ смыслѣ ея преподаванія, но и въ смыслѣ наблюденія за всѣмъ складомъ школьной жизни, принадлежитъ лишь ея признанному вѣроучителю. Такимъ образомъ возражать противъ этой мѣры можно не съ точки зрѣнія принципа, а лишь съ точки зрѣнія практической ея опасности для государственно-національнаго строя Россіи. Иновѣрцы составляютъ не менѣе одной трети населенія Россіи. Эта треть населенія включаетъ въ себѣ племена, весьма упорныя въ сохраненіи особенностей своей культуры и, если не всегда враждебныя Россіи въ смыслѣ государственномъ, то всегда склонныя къ сепаратизму духовному. Нужно къ этому прибавить, что русскіе иновѣрцы, и при томъ не только христіане, но и не-христіане (магометане и евреи), по большей части превосходятъ православныхъ уровнемъ начальнаго образованія. Казалось бы, что при этихъ условіяхъ усиливать законное вліяніе иновѣрческаго духовенства на школу едва ли цѣлесообразно. Но дѣло въ томъ, что превращеніе существующаго вліянія этого рода во вліяніе упорядоченное закономъ и контролируемое правительственною властью именно и приведетъ къ ослабленію всѣхъ тѣхъ его сторонъ, которыя нынѣ представляются вредными. Теперь, когда правительственная школа есть школа свѣтская, ксендзъ, пасторъ или мулла могутъ изображать ее въ глазахъ своей паствы, какъ учрежденіе, отъ религіи послѣдней отрѣшенное, а при преувеличеніи — даже какъ враждебное этой религіи. Но какъ могутъ они изображать въ такомъ видѣ школу, которою сами завѣдываютъ? Внутренній убѣдительный для паствы мотивъ къ возстановленію ея противъ правительственной школы при этомъ отпадаетъ. Отпадаетъ онъ даже для самого вѣроучителя, коль скоро онъ видитъ, что установленная закономъ организація школьнаго управленія не только не приноситъ малѣйшаго ущерба его влія-

нію на учащихся въ качествѣ духовнаго пастыря, но напротивъ, всемѣрно облегчаетъ это вліяніе, пресѣкая лишь возможность превращенія религіи въ орудіе племенного или политическаго сепаратизма. Но если даже допустить, что духъ такого сепаратизма совершенно не искоренимъ въ средѣ иновѣрнаго духовенства (чего мы не думаемъ, такъ какъ это значило бы предполагать полное отсутствіе въ цѣломъ сословіи людей, нерѣдко достопочтенныхъ, началъ истинной религіозности), то этому духу, при обращеніи названнаго духовенства въ органъ учебнаго вѣдомства, будетъ пресѣчена внѣшняя возможность обнаруженія. За безпорядокъ въ школѣ или дурное направленіе ея учителей и учениковъ отвѣчаетъ ея попечитель передъ начальствомъ, какъ должностное лицо. И такъ какъ, безъ сомнѣнія, и надзоръ за иновѣрческими школами долженъ быть особенно бдительный, и отвѣтственность за нихъ лицъ, ими завѣдывающихъ—особенно серьезная и угрожающая имъ въ случаѣ неисполненія ими ихъ обязанностей весьма неудобными для нихъ послѣдствіями, то вредить школѣ для нихъ будетъ значить рисковать собственною участью;—чего нынѣ нѣтъ, такъ какъ за общее состояніе школы своего раіона иновѣрное духовное лицо въ настоящее время не отвѣчаетъ. Конечно, всегда найдутся люди настолько озлобленные и фанатическіе, что никакой страхъ отвѣтственности не удержитъ ихъ отъ дѣйствій враждебныхъ установленному порядку. Но такихъ людей всегда и вездѣ меньшинство и меньшинство тѣмъ болѣе слабое, чѣмъ этотъ порядокъ менѣе стѣсняетъ законную сферу ихъ дѣятельности. Опытъ показываетъ, что въ большей части случаевъ лучшее средство обуздать незаконныя притязанія человѣка состоитъ въ томъ, чтобы самого его сдѣлать однимъ изъ членовъ какой-либо административной организаціи. Либеральныя и даже нерѣдко революціонныя стремленія студента обыкновенно кончаются тогда, когда онъ смѣняетъ студенческій сюртукъ на вицъ-мундиръ чиновника. Правда, онъ, по привычкѣ, продолжаетъ еще нѣкоторое время повторять прежнія фразы, но потомъ и эта привычка прекращается. Въ сущности религіозная и племенная исключительность и отщепенство людей питаются и поддерживаются тѣмъ, что ихъ держатъ въ состояніи отщепенства. Основываясь на общихъ свойствахъ человѣческой природы, всегда позволительно ожидать отъ большинства людей какого бы то ни было званія и сословія средняго, обычнаго уровня благоразумія. Поэтому, не отрицая возможности единичныхъ проявленій фанатизма, нетерпимости и даже противуправительственныхъ выходокъ со стороны иновѣрческаго духовенства при

любомъ порядкѣ управленія школами, мы полагаемъ, что наименьшій внѣшній просторъ и наименьшее внутреннее побужденіе къ такимъ дѣйствіямъ будетъ при томъ порядкѣ, когда это духовенство будетъ привлечено къ завѣдыванію школами въ качествѣ органа учебнаго вѣдомства.

Защищая это положеніе, мы не думаемъ отрицать, что осуществленіе предположенной мѣры требуетъ постепенности и осторожности. Приступомъ къ тому должны служить нѣкоторыя подготовительныя мѣропріятія. Для того, чтобы иновѣрческое духовенство стало способно сдѣлаться органомъ учебнаго вѣдомства, оно должно прежде всего само быть вообще приведено въ болѣе подчиненное положеніе контролю правительственной власти, какъ въ отношеніи порядка назначенія на должности, такъ и въ смыслѣ вполнѣ согласной съ видами правительства подготовки къ своей дѣятельности. Обсужденіе перваго вопроса мы оставляемъ на долю людей, болѣе свѣдущихъ въ томъ, что можно сдѣлать въ этомъ направленіи безъ нарушенія свободы даннаго вѣроисповѣданія. Что же касается второго вопроса, то по поводу его считаемъ нужнымъ замѣтить слѣдующее. Единственнымъ центромъ богословскаго протестантскаго образованія въ Россіи служитъ понынѣ юрьевскій, бывшій дерптскій, университетъ, богословскаго факультета котораго почти вовсе не коснулись мѣры правительства, направленныя къ разнѣмеченію прибалтійскаго края. Вслѣдствіе того протестантское духовное сословіе почти во всей Россіи остается по языку и духу нѣмецкимъ, что не согласно не только съ интересами русскаго государства, но и съ интересами большинства протестантовъ Россіи, принадлежащаго не къ нѣмецкому, а къ финскому и литовскому племенамъ (латышамъ). Эти послѣднія части протестантскаго населенія, не имѣющія ни политическаго прошлаго, ни самостоятельнаго культурнаго центра, къ которому онѣ духовно примыкали бы, и какимъ для русскихъ нѣмцевъ является Германія, ни своей собственной интеллигенціи, и слѣдовательно, гораздо менѣе способныя отстаивать свою племенную самостоятельность противъ вліянія обрусенія, продолжаютъ и теперь приноситься на жертву германизму, такъ какъ ихъ руководители воспитываются въ нѣмецкомъ духѣ, укрѣпляясь въ немъ своимъ пребываніемъ въ самомъ центрѣ германизаторскихъ преданій. Перемѣщеніе богословскаго факультета изъ Юрьева въ русскій городъ, гдѣ протестантское населеніе гораздо болѣе обрусѣло, и введеніе въ немъ преподаванія на русскомъ языкѣ, безъ сомнѣнія привело бы въ будущемъ къ совершенно иному настрое-

нію лютеранскаго духовенства въ отношеніи къ господствующей въ Россіи народности.

За симъ неудовлетворительная, съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ, подготовка римско-католическаго духовенства въ католическихъ духовныхъ семинаріяхъ есть также фактъ безспорный и общеизвѣстный. Эти учебно-воспитательныя заведенія, требующія особенно бдительнаго контроля правительственной власти, въ дѣйствительности изъ всѣхъ русскихъ учебно-воспитательныхъ заведеній подчинены наименьшей мѣрѣ такого контроля. Послѣдствіемъ того является подготовка въ нихъ юношества не въ духѣ католицизма, а въ духѣ упорной и закоренѣлой польщизны. Римско-католическая церковь, это столь уважительное учрежденіе, представляющее собою изъ всѣхъ инославныхъ церковныхъ союзовъ наибольшее сродство съ церковію православною, на горе Росіи предстоитъ ей всегда во враждебномъ польскомъ обличіи, въ образѣ нашего политическаго врага. Рѣшительныя мѣры къ превращенію польскихъ католическихъ семинарій въ русскія учебно-воспитательныя заведенія, не заключая въ себѣ ничего противнаго догматамъ римско-католическаго вѣроученія, являются настоятельною необходимостью въ интересахъ государственныхъ. Почему русскій католическій священникъ долженъ быть непремѣнно воспитанъ какъ полякъ, когда между католиками Россіи есть и литовцы, и нѣмцы, и бѣлоруссы? Католицизмъ также искусственно отожествляется у насъ съ полячествомъ, какъ протестантизмъ съ нѣмечествомъ, но послѣдствія перваго отожествленія—по весьма понятнымъ причинамъ—и въ политическомъ и въ національномъ отношеніи для насъ гораздо опаснѣе.

Образованіе армяно-григоріанскаго духовенства также всецѣло изъято изъ подъ правительственнаго контроля. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ ходили слухи о какихъ-то проектахъ преобразованія въ этой области, но послѣдствія, повидимому, ихъ не оправдали.

Наконецъ, мы не усматриваемъ достаточныхъ основаній, почему русское правительство не могло бы способствовать устройству правильно-организованныхъ и стоящихъ на потребной педагогической и научной высотѣ учебныхъ заведеній для подготовки еврейскихъ и магометанскихъ учителей вѣры—раввиновъ и муллъ. Хотя въ настоящее время для занятія этихъ должностей установленъ извѣстный образовательный цензъ—для первыхъ болѣе значительный, для вторыхъ совсѣмъ ничтожный, но онъ не является, конечно, гарантіею ихъ спеціальной подготовки. Между тѣмъ, это вопросъ, заслуживающій се-

рьезнаго вниманія. Не подлежитъ сомнѣнію, что еврейское и магометанское вѣроученіе оба допускаютъ, въ зависимости отъ образованія ихъ духовныхъ учителей, какъ пониманіе грубое, чисто традиціонное, чуждающееся всякой науки и философіи, такъ и пониманіе болѣе возвышенное и философское. Для Россіи, съ ея сравнительно многочисленнымъ еврейскимъ и мусульманскимъ населеніемъ, весьма существенно способствовать водворенію именно второго вида пониманія, ибо лишь этимъ путемъ въ составъ еврейскихъ и магометанскихъ вѣроучителей могутъ быть привлечены лица образованныя, способныя войти въ умственное соприкосновеніе съ русскимъ образованнымъ обществомъ и тѣмъ самымъ постепенно содѣйствовать духовному сближенію всей массы своихъ единовѣрцевъ съ русскою народностью. Поэтому учрежденіе такихъ еврейскихъ и магометанскихъ богословскихъ училищъ, въ которыхъ молодые люди соотвѣтственнаго вѣроисповѣданія, изучая предметы своей вѣры, вмѣстѣ съ тѣмъ получали бы общее образованіе въ русскомъ духѣ, заслуживало бы всемѣрнаго поощренія.

По нашему мнѣнію, осуществленіе вышеизложеннаго предположенія согласовало бы интересы учебнаго вѣдомства и духовенства или вѣроучителей не только господствующаго, но и всѣхъ признаваемыхъ закономъ вѣроисповѣданій Имперіи, въ ихъ отношеніяхъ къ дѣлу нашего начальнаго образованія,—при томъ не тѣ мнимые интересы, которые вытекаютъ изъ стремленія того или иного вѣдомства захватить школу въ свою власть, но ея дѣйствительные, истинные интересы, неразрывно связанные съ общеобразовательной и религіозно-нравственной задачею школы.

Н. Г. Дебольскій.

В. В. КАЧАНОВСКІЙ

(некрологъ).

Газеты принесли намъ извѣстіе, что 11-го апрѣля скончался профессоръ Нѣжинскаго историко-филологическаго института князя Безбородко Владиміръ Васильевичъ Качановскій, одинъ изъ немногихъ русскихъ славистовъ.

Покойный, сынъ православнаго священника, родился 1-го марта 1853 года въ селѣ Великій Лѣсъ, Гродненской губерніи, и получилъ образованіе сперва въ Кобринскомъ духовномъ училищѣ, потомъ въ Литовской духовной семинаріи, наконецъ въ Варшавскомъ университетѣ; въ послѣднемъ онъ окончилъ курсъ весною 1878 года. Оставленный при Варшавскомъ университетѣ стипендіатомъ для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ славянской филологіи, онъ былъ командированъ послѣдовательно въ Петербургъ, Москву и за границу для занятій въ библіотекахъ и ознакомленія съ славянскими народами; въ это время въ Дубровникѣ, въ одномъ изъ монастырей, онъ отыскалъ рукописи сочиненій дубровницкаго писателя Глеђевича и принялъ рѣшеніе изслѣдовать жизнь и дѣятельность этого послѣдняго. 25-го января 1883 года В. В. Качановскій былъ допущенъ въ Варшавскомъ университетѣ къ защитѣ магистерской диссертаціи о Глеђевичѣ и послѣ оживленнаго диспута (гдѣ офиціальными оппонентами были его учителя и руководители теперь уже покойные В. В. Макушевъ и І. І. Первольфъ) былъ удостоенъ степени магистра. 1883 и 1884 года В. В. Качановскій провелъ въ новой командировкѣ; путешествуя по Балканскому полуострову, онъ собралъ значительное количество болгарскихъ пѣсенъ и сказокъ (часть ихъ напечатана Академіею Наукъ), немало матеріаловъ для словаря болгарскаго языка

(которые свѣта не увидѣли), нѣкоторое количество болѣе или менѣе интересныхъ старыхъ болгарскихъ и сербскихъ текстовъ. По возвращеніи въ Россію, онъ былъ (8-го февраля 1886 года) назначенъ приватъ-доцентомъ въ Казанскій университетъ; затѣмъ (1-го сентября 1888 года) былъ перемѣщенъ экстраординарнымъ профессоромъ въ Нѣжинскій институтъ; съ 1896 года онъ носилъ званіе ординарнаго профессора въ томъ же институтѣ.

Тяжелая неизлѣчимая болѣзнь (ракъ желудка) застигла его въ расцвѣтѣ силъ и дѣятельности [1]).

В. В. Качановскій работалъ по преимуществу въ области изученія литературы и исторіи южныхъ славянъ.

По исторіи южно-славянскихъ литературъ имъ напечатаны:

Значеніе неизданнаго дубровницкаго поэта Антона Глегевича (*Памятники древней письменности* 1881 г.).

Неизданный дубровницкій поэтъ Антонъ Маринъ Глегевичъ. Спб. 1882 (оттискъ изъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1882 г.).

Образцы дубровницкаго языка и письма, съ приложеніемъ неизданныхъ документовъ, рисующихъ дубровницкую культуру. Спб. 1882.

Къ вопросу о литературной дѣятельности дубровницкаго драматическаго писателя А. М. Глегевича (*Вѣстникъ Славянства*, книга II, 1888 г.).

О второмъ и третьемъ изъ названныхъ трудовъ, посвященныхъ Глеђевичу, В. В. Макушевъ отозвался наиболѣе мягко (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1883 г., № 5) [2]), но не безъ рѣзкихъ выраженій; болѣе рѣзокъ отзывъ И. В. Ягича (*Archiv*, VI, 473) и совсѣмъ рѣзокъ А. С. Будиловича (*Русскій Филологическій Вѣстникъ*, 1883 г., № 2).

Къ вопросу о литературной дѣятельности болгарскаго патріарха Евѳимія (*Христіанское Чтеніе* 1882 г., т. II).

Новыя данныя для изученія литературной дѣятельности болгарскаго патріарха Евѳимія (тамъ же, 1888 г., т. I).

Новооткрытые на Аѳонѣ труды болгарскаго патріарха Евѳимія (*Вѣстникъ Славянства*, книги III и IV, 1889 г.).

---

[1]) Автобіографія *В. В. Качановскаго* и составленный имъ списокъ своихъ трудовъ — въ книгѣ: „Историко-Филологическій Институтъ князя Безбородко въ Нѣжинѣ. 1875—1890“. Нѣжинъ, 1900.

[2]) По поводу этой рецензіи см. еще замѣтку Л. Н. Майкова въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1889 г., № 4.

Славянскій списокъ описанія чудесъ св. Димитрія Солунскаго (*Христіанское Чтеніе* 1883 г., т. I).

Болонская Псалтырь (1186 — 1196 гг.) и Евангеліе Рыльскаго монастыря конца XII или начала XIII вѣковъ (*Памятники древней письменности* 1882 г.).

Славянскій Физіологъ (*Вѣстникъ Славянства*, кн. VII, 1892 г., и кн. X, 1895 г.).

Славянская Кормчая (*Извѣстія отд. р. яз. и слов. Ак. Наукъ*, 1897 г., т. II).

Apokrifne molitve, gatanja i priče (*Starine*, кн. XIII, 1881 г.).

Молитва съ апокрифическими чертами „отъ злаго дождя" (*Извѣстія отд. р. яз. и слов. Ак. Наукъ*, 1897 г., т. II).

Училища и образованіе въ древней Сербіи (*Вѣстникъ Славянства*, кн. XI, 1896 г.).

Очеркъ литературы XVIII и начала XIX вѣковъ у православныхъ сербовъ (тамъ же, кн. VII, 1892 г.).

Замѣтки о словенскомъ языкѣ XV—XVI вѣковъ (по поводу книжки Арк. Соколова: Зарожденіе литературы у словинцевъ). *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1878 г., № 9.

По исторіи южно-славянскихъ народовъ В. В. Качановскій издалъ слѣдующіе труды:

Iz srbsko-slovjenskoga prievoda bizantinskoga ljetopisa Joanna Zonare (*Starine*, книга XIV, 1872 г.) [1]).

Генеалогія сербскаго жупана Немани (*Вѣстникъ Славянства*, книга X, 1895 г.).

Годъ смерти св. Саввы, перваго апостола сербскаго (по поводу книги *Ив. Поповића*, Домаћи извори за српску историју). *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1878 г., № 10.

Балканскіе славяне въ эпоху покоренія ихъ турками (тамъ же, 1877 г., № 1).

Дѣятельность боснійскаго короля Степана Твердка I (по поводу книги Schweiger-Lerchenfeld'a). Тамъ же, 1881 г., № 10.

Византійскіе лѣтописцы какъ источникъ для исторіи южныхъ славянъ въ періодъ паденія ихъ самостоятельности (тамъ же, № 7).

Хорватскія лѣтописи XV—XVI вѣковъ (тамъ же, 1881 г., № 9).

---

[1]) Здѣсь данныя о началѣ царствованія династіи Шишманидовъ, по открытому В. В. Качановскимъ въ Бѣлградѣ списку XV вѣка славянскаго перевода Зонары.

Сербскія житія и лѣтописи какъ источникъ для исторіи южныхъ славянъ въ XIV и XV вѣкахъ (*Славянскій Сборникъ*, т. III, 1876 г.) [1]).

Nekoliko spomenika za srbsku i bugarsku povjest (*Starine*, книга X).

Герцеговина во второй половинѣ XV вѣка (*Вѣстникъ Славянства*, кн. XII, 1892 г.).

Черногорія во второй половинѣ XV вѣка и въ началѣ XVI вѣка (тамъ же, кн. V, 1890 г.).

Изъ исторіи сербскихъ колонистовъ въ Венгріи въ концѣ XV и XVI вѣкахъ (тамъ же, кн. II—IV, 1888—1889 гг.).

Католическая пропаганда въ Болгаріи въ XVII и XVIII вѣкахъ (тамъ же, кн. II, 1888 г.).

Статьи по источниковѣдѣнію исторіи южнаго славянства XIV—XV вѣковъ, въ передѣланномъ и дополненномъ видѣ, вошли въ составъ главнаго труда В. В. Качановскаго: Исторія Сербіи съ половины XIV вѣка до конца XV вѣка. Томъ I. Критическое изслѣдованіе источниковъ. Кіевъ, 1899.

Сверхъ того, В. В. Качановскимъ посвященъ южно-славянской исторіи рядъ критико-библіографическихъ статей и замѣтокъ по преимуществу на страницахъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* (съ 1878 по 1901 гг.) и *Вѣстника Славянства*, отчасти въ *Критическомъ Обозрѣніи* 1879—1880 гг. Ему же принадлежитъ часть текста въ книгѣ: La Macédoine au point de vue ethnographique, historique et philologique. Par A. Ofeikoff. Philippopoli, 1888 (о которой см. статью П. Д. Драганова въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1888 г., № 4).

Одинъ изъ крупныхъ трудовъ В. В. Качановскаго посвященъ произведеніямъ южно-славянской народной поэзіи. Это — Памятники болгарскаго народнаго творчества. Выпускъ I. Сборникъ западно-болгарскихъ пѣсенъ съ словаремъ. Спб. 1882 (*Сборникъ* Имп. Академіи Наукъ, т. XXX). Здѣсь В. В. Качановскій издалъ болѣе 200 №№ пѣсенъ изъ обильнаго и разнообразнаго этнографическаго матеріала, собраннаго имъ во время путешествія по западной Болгаріи, Македоніи и отчасти Сербіи; здѣсь же онъ помѣстилъ небольшое введеніе, посвященное народнымъ обычаямъ этой части Балканскаго полуострова, и рядъ интересныхъ текстовъ на ново-болгарскомъ языкѣ изъ рукописей XVII—XVIII вѣковъ (оцѣнку этого труда, сдѣланную М. С.

---

[1]) Это — студенческая работа, за которую В. В. Качановскій получилъ въ Варшавскомъ университетѣ золотую медаль.

Дриновымъ, см. въ *Archiv'ѣ* Ягича, VII, 109—117; грамматическій его матеріалъ обработанъ г. Тиховымъ въ *Ученыхъ Запискахъ* Казанскаго университета, 1890 г., кн. 1, 2). Нѣсколько мелкихъ статей по южно-славянскому народному эпосу—въ *Вѣстникѣ Славянства*.

В. В. Качановскому принадлежитъ честь основанія спеціальнаго журнала по славяновѣдѣнію *Вѣстникъ Славянства*, выходившаго безсрочными выпусками съ 1888 по 1896 г., сначала въ Казани, потомъ въ Кіевѣ. Къ сожалѣнію, личныя отношенія издателя не позволили ему обзавестись сотрудниками между русскими славистами, и въ первыхъ книгахъ журнала всѣ статьи принадлежатъ ему одному, а въ послѣднихъ большая часть статей написана также имъ, и лишь меньшая—его товарищами и слушателями по Нѣжинскому институту.

А. И. С.

Поэтому неудивительно, что среди римскихъ тессеръ имѣется обширная и разнообразная серія, отношеніе которой къ войнѣ, тріумфамъ, императорскимъ побѣдамъ несомнѣнно, несмотря на то, что офиціальность тессеръ не подтверждена появленіемъ на нихъ головы или имени императора. Изображенія, украшающія эти тессеры, очень разнообразны, но, въ концѣ концовъ, сводятся все-таки къ монетнымъ типамъ, возобладавшимъ въ римской нумизматикѣ, начиная со II вѣка. Наиболѣе частыми типами надо считать типъ Марса Виктора, бѣгущаго и несущаго на плечѣ трофей, а въ рукѣ копье на-перевѣсъ, и Марса или воина въ спокойной позѣ, опирающагося одной рукой на копье, другой на щитъ.

Эти и подобныя изображенія допускаютъ, къ сожалѣнію, только очень общую датировку (послѣ Веспасіана) и общее опредѣленіе назначенія, но имѣются и болѣе содержательные и поучительные типы.

Такова, напримѣръ, тессера, хранящаяся въ Британскомъ музеѣ: на одной сторонѣ изображена Викторія и къ ней приписано V, т. е. *V(ictoria)*, на другой Меркурій съ кошелькомъ и кадуцеемъ и надпись BRITT, т. е. *Britt(annica)*. Ясно, мы имѣемъ дѣло съ денежной раздачей (кошель) по поводу ближе намъ неизвѣстной побѣды надъ британцами.

Подобныхъ содержательныхъ тессеръ имѣется немало. Къ числу такихъ болѣе откровенныхъ „свинцовъ" надо отнести и очень любопытную серію, называющую нѣсколько легіоновъ.

1) Три воинскихъ легіонныхъ знамени, укрѣпленныя въ землѣ.

Rv. L налѣво, I направо. Орелъ, стоящій направо, голова повернута налѣво; въ клювѣ вѣнокъ.

Д. 18 милл. Извѣстно пять экземпляровъ: два изъ коллекціи Feuardent въ Нумизматическомъ кабинетѣ Національной Библіотеки въ Парижѣ и одинъ, подаренный туда же мною, одинъ въ Британскомъ музеѣ и одинъ въ музеѣ Термъ въ Римѣ [1]).

2) L налѣво, X направо. Бюстъ на колонкѣ.

Rv. Левъ, стоящій направо.

Д. 18 милл.

Одинъ экземпляръ въ Нумизматическомъ кабинетѣ въ Вѣнѣ. Scholz, Römische Bleitesseren, № 946.

---

[1]) См. мою Etude, 63 и фиг. 16 и каталогъ № 401 и 40bc; *Ruggiero*, Catalogo del Museo Kircheriano, 1483.

3) V налѣво, I направо. Орелъ, стоящій направо, голова повернута налѣво, въ клювѣ вѣнокъ.

Rv. PIA въ пальмовомъ вѣнкѣ.

Д. 17 милл. Музей Термъ въ Римѣ. Ruggiero, Catalogo, 493.

4) PI налѣво, D направо. Трофей.

Rv. PAC|V въ двѣ строки въ лавровомъ вѣнкѣ.

Д. 17 милл. Музей Термъ въ Римѣ. Ruggiero, Catalogo, 1834.

5) PI налѣво, D направо. Трофей.

Rv. PI|D въ двѣ строки въ лавровомъ вѣнкѣ.

Д. 15 милл. Пять экземпляровъ: одинъ въ Британскомъ музеѣ, одинъ въ музеѣ Термъ въ Римѣ (найденъ въ Тибрѣ), одинъ въ коллекціи Feuardent, одинъ въ бывшей коллекціи Гельбига (Garrucci, Piombi scritti, стр. 116) и одинъ въ коллекціи Фикорони (Ficoroni, Piombi antichi, II, 12, 9).

Прежде всего ясенъ смыслъ первой и второй тессеръ. На первой упоминается первый легіонъ, на второй—десятый. Это очевидное объясненіе легендъ на первыхъ двухъ тессерахъ даетъ возможность и въ цифрѣ на тессерѣ третьей видѣть обозначеніе нумера легіона, что подтверждается эпитетомъ *Pia* на оборотной сторонѣ, однимъ изъ наиболѣе часто встрѣчающихся прозвищъ римскихъ легіоновъ. Отъ объясненія двухъ остальныхъ свинцовъ я пока воздержусь.

Исключительность приведенныхъ типовъ въ общей массѣ тессеръ съ военными изображеніями позволяетъ пытаться объяснить ихъ, не какъ отдѣльные, не связанные другъ съ другомъ памятники, а искать между ними общей связи.

Связь эта устанавливается безъ всякой натяжки слѣдующимъ путемъ. Исторія знаетъ эпоху, когда три легіона съ приведенными нумерами дѣйствовали вмѣстѣ и притомъ втеченіи довольно продолжительнаго времени. Legio I Minervia, созданная Домиціаномъ, въ 87 или 88 году стояла въ нижней Германіи вмѣстѣ съ legio VI Victrix и X Gemina, и всѣ эти легіоны (послѣдніе два принадлежали раньше къ испанской арміи) вмѣстѣ съ legio XXII Primigenia были тѣми легіонами, которые въ 89 г. подавили возстаніе Антонія Сатурнина, вспыхнувшее въ верхней Германіи [1]). За подавленіе этого возстанія легіоны получили почетныя прозвища Pia Fidelis, что, какъ

---

[1]) См. *Cagnat* въ *Daremberg* et *Saglio*, Dictionnaire des antiquités, II, 1075 сл.; *Ritterling*, De legione Romanorum X Gemina (Lips. 1885); *Schilling*, De legionibus Romanorum I Minervia et XXX Ulpia, Lips. 1893.

нельзя лучше, подходитъ къ появленію перваго прозвища на тессерѣ VI легіона. Кромѣ этого прозвища легіоны и другіе отряды, подавлявшіе возстаніе, получили еще имя *Domitianae*, какъ это доказано съ полной очевидностью Ritterling'омъ [1]). Это позволяетъ намъ объяснить и надписи на двухъ послѣднихъ тессерахъ: трижды встрѣчающіяся сиглы PI и D будутъ такимъ образомъ сокращеніями для *Pi(a) D(omitiana)*, а сокращенное PAC | V легко можетъ быть объяснено какъ *Pac(i) V(ictoriae)* съ подразумѣвающимся *feliciter*. Одинаковые размѣры тессеръ, одинаковость ихъ фактуры и типы трофея и вѣнка какъ нельзя лучше подходятъ къ предложенному объясненію. Но имѣются и нѣкоторыя трудности: прежде всего десятый легіонъ имѣетъ своей эмблемой въ болѣе позднихъ памятникахъ не льва, а быка [2]); но ничто не препятствуетъ думать, что вторая эмблема была дарована легіону Домиціаномъ вмѣстѣ съ дарованіемъ прозвища *Pia Fidelis* и исчезла изъ эмблемъ легіона съ осужденіемъ памяти Домиціана.

Далѣе желательно было бы объяснить появленіе орла на тессерахъ первой и третьей. Помимо отношенія орла къ легіону и къ императорскому дому припоминается еще слѣдующее свидѣтельство Светонія (Domit., 6): *de qua victoria* (надъ Антоніемъ) *praesagiis prius quam nuntiis comperit, siquidem ipso quo dimicatum erat die statuam eius Romae insignis aquila circumplexa pinnis clangores laetissimos edidit*. Къ этому вполнѣ подходитъ появленіе бюста императора на тессерѣ 10-го легіона.

Побѣда надъ Сатурниномъ, столь быстрая и неожиданная, возбудила сильное ликованіе въ Римѣ. Стихи Марціала и отрывки изъ актовъ Арвальскихъ братьевъ [3]) являются для насъ отголосками этой радости. Не обошлось, конечно, дѣло и безъ конгіарія народу, хотя бы съ цѣлью ослабить впечатлѣніе отъ послѣдовавшихъ за заговоромъ казней. Вполнѣ естественно, что на маркахъ этой раздачи благодарный императоръ вспомнилъ о заслугахъ побѣдоносныхъ легіоновъ и напомнилъ народу о томъ, кому онъ обязанъ тѣмъ, что въ Римѣ не повторялись ужасы 69 года.

Приведенныя тессеры не единственныя, на которыхъ упоминается опредѣленный отрядъ римскаго войска. У насъ имѣются еще двѣ

---

[1]) *Ritterling*, l. l., 11—16 и *Westd. Zeitschr.* 1893, 203 сл.

[2]) *Cagnat*, l. l., 1066.

[3]) См. *Riese*, Das Rheinische Germanien in der antiken Litteratur, Leipz., 1892, 156 сл.

подобныя. На первой изображена Fides militum между двумя знаменами и на обратной сторонѣ легіонный орелъ на древкѣ, по обѣ стороны котораго находятся слѣва быкъ съ поднятымъ хвостомъ и лѣвой передней ногой и справа пегасъ или скорѣе грифонъ [1]). Къ сожалѣнію, наши свѣдѣнія объ эмблемахъ легіоновъ слишкомъ ничтожны, чтобы опредѣлить по этимъ даннымъ легіонъ: быкъ встрѣчается у очень многихъ легіоновъ, обязанныхъ своимъ появленіемъ Юлію Цезарю, а грифонъ совсѣмъ не засвидѣтельствованъ. Возможно, что имѣется въ виду все тотъ же 6-ой легіонъ, который издавна имѣлъ эмблему быка, а при Домиціанѣ получилъ еще грифона.

Вторая тессера называетъ не легіонъ, а алу:

BRITT | ALA въ двѣ строки, между ними X, наверху пальма горизонтально.

Rv. PAX кругомъ. Фортуна, стоящая налѣво.

D. 17 милл.

Колл. Дресселя въ Берлинѣ.

Итакъ, вспоминается ала британцевъ по поводу мира, результата, конечно, побѣды. Весьма вѣроятно, что это та ала, которая принимала вмѣстѣ съ другими 11 вспомогательными отрядами дѣятельное участіе въ появленіи на престолѣ Веспасіана (см. Cichorius въ Pauly-Wissowa, Realenc., I, 1235). За эти подвиги она получила почетное прозвище Flavia. Другихъ британскихъ отрядовъ конницы, имѣющихъ отношеніе къ Риму, мы не знаемъ. Такимъ образомъ получается возможность сдвинуть хронологически всю серію тессеръ, называющихъ опредѣленные отряды. Вполнѣ естественно, что до появленія схемы немедленно послѣ прекращенія обычая обозначать тессеры головами императоровъ продолжаетъ царствовать нѣкоторая индивидуализація памятниковъ, которой мы впослѣдствіи констатировать не можемъ.

---

[1]) 6 экземпляровъ: 1—Дрессель; 2, 3—Музей Термъ (Ruggiero, 1154. 1155); 4—Bibliothèque Nationale (Каталогъ n°234); 5, 6 Берл. Музей. Д. 17 милл.

II.

Cydari aes.

Если нѣкоторое сравнительно большое количество типовъ свинцовыхъ тессеръ несомнѣнно, свидѣтельствуетъ объ ихъ официальномъ происхожденіи и характерѣ, то все же наибольшее количество свинцовъ служили частнымъ лицамъ, интересамъ ихъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій и нуждамъ ихъ домашняго обихода.

Въ своей Etude я уже выдѣлилъ нѣсколько серій, имѣющихъ опредѣленное отношеніе къ извѣстной категоріи промышленныхъ предпріятій: прежде всего серію банныхъ марокъ, служившихъ, по всей вѣроятности, цѣлямъ внутренняго контроля банныхъ кассировъ и прислужниковъ и игравшихъ роль нашихъ билетовъ. Выдѣлилась также серія тессеръ, имѣющихъ отношеніе къ постоялымъ дворамъ и трактирамъ и находящихъ себѣ полную аналогію въ англійскихъ трактирныхъ маркахъ XVIII вѣка.

Безъ труда устанавливаются и другія серіи: марки публичныхъ домовъ, марки, имѣющія отношеніе къ коллегіямъ выгрузчиковъ и нагрузчиковъ на римскихъ пристаняхъ и др.

Въ настоящей замѣткѣ я разберу одну въ высшей степени любопытную группу тессеръ, тѣсно связанныхъ между собою и типами, и надписями.

1) Судно, стоящее направо, управляемое рулемъ съ полуопущенной мачтой.

Rv. CYD | AES въ двѣ строки.

Д. 16 милл.

Одинъ экземпляръ въ коллекціи Feuardent въ Парижѣ.

2) Подобное судно, но съ закругленнымъ дномъ и безъ мачты, стоящее направо.

Rv. CYD въ одну строку по срединѣ тессеры.

Д. 17 милл.

Одинъ экземпляръ въ коллекціи Ficoroni; гдѣ находится въ настоящее время, мнѣ неизвѣстно. См. Ficoroni, Piombi antichi, II, 15,7.

3) CYD въ одну строку въ верхней части тессеры. Судно подобной № 2 формы налѣво.

Rv. TICD въ одну строку по срединѣ тессеры.

Д. 25 милл.

Одинъ экземпляръ въ коллекціи Ficoroni; гдѣ теперь, не знаю. Ficoroni, Piombi antichi, II, 15,9.

4) CA внизу. Корабль той же формы что на № 1 налѣво.

Rv. IV внизу. Корабль той же формы налѣво.

Д. 19 милл.

Одинъ экземпляръ въ коллекціи Trau въ Вѣнѣ. Scholz, Römische Bleitesserae, n° 569, и одинъ экземпляръ въ La Haye въ Королевскомъ кабинетѣ. Jonge, Notice sur le Cabinet etc, Suppl. (La Haye, 1824), стр. 11.

5) Корабль той же формы, что на №№ 1 и 4 направо.

Rv. PT по срединѣ тессеры.

Д. 17 милл.

Одинъ экземпляръ въ коллекціи Дресееля въ Берлинѣ, подобный въ коллекціи Baudelot de Daurval (De l'utilité des voyages, съ фиг. 642).

6) Судно подобной №№ 2 и 3 формы направо, безъ мачты, въ вѣнкѣ изъ точекъ.

Rv. IVL по срединѣ тессеры въ вѣнкѣ изъ точекъ.

Д. 21 милл.

Коллекція Trau въ Вѣнѣ. Scholz, n° 409, ср. Garrucci, Piombi Altieri, 71; Piombi scritti, 121.

На всѣхъ тессерахъ (я привелъ только наиболѣе характерные типы) имѣется судно не грузовое, а легкое, скорѣе всего подходящее къ нашимъ парусным лодкамъ. Въ трехъ первыхъ тессерахъ судну неизмѣнно сопутствуетъ легенда CYD, что заставляетъ въ этой легендѣ искать названія того рода лодокъ, который изображенъ на нашихъ памятникахъ.

Пароходство въ наше время убило индивидуализацію лодокъ и кораблей, но и теперь еще судовая терминологія, отчасти въ видѣ пережитка отъ времени процвѣтанія паруснаго судоходства, очень

богата и разнообразна. Стоитъ намъ вспомнить хотя бы всѣ варіаціи обозначенія различнаго рода грузовыхъ судовъ на Волгѣ или терминологію водяного спорта.

Въ древности, гдѣ судоходство играло такую колоссальную роль, судовая терминологія была еще болѣе разнообразна, о чемъ мы можемъ судить и по литературнымъ свидѣтельствамъ и по памятникамъ. Древніе словари (особ. Поллуксъ) и полиграфы, подобные Аѳинею и А. Геллію, сохранили намъ десятки обозначеній для разнаго рода кораблей и лодокъ. Насколько, несмотря на это, наши свѣдѣнія въ этомъ отношеніи неполны, показываетъ недавно найденная въ Африкѣ, въ др. Алтибурѣ, мозаика, родъ иллюстрированнаго каталога различнаго рода судовъ римскаго военнаго и торговаго флота. Сохранилось 25 именъ и многія изъ нихъ не засвидѣтельствованы въ литературѣ.

Имена судовъ, конечно, почти сплошь греческія, такъ какъ въ этомъ отношеніи Римъ всецѣло зависѣлъ отъ Греціи. Въ каталогѣ судовъ Авла Геллія (Noct. Att. X, 25, 5) сохранилось и имя *cydarum*, греческую форму котораго κύδαρος мы имѣемъ у Поллукса (см. словари). Несомнѣнно, на нашихъ тессерахъ мы имѣемъ это имя въ сокращенномъ видѣ. Что же такое наши тессеры? Отвѣтъ на это даютъ сами памятники.

На первой тессерѣ рядомъ съ сокращеннымъ именемъ судна стоитъ AES, т. е. *aes*—деньги, плата. Ясно, легенду надо понимать какъ *cyd*(*ari*) *aes*, т. е. плата за пользованіе судномъ, за переѣздъ на немъ. Весьма возможно, что и буквы CA на тессерѣ 4-й надо распространять такимъ же образомъ. На оборотной сторонѣ тессеры 3-й мы имѣемъ кромѣ того TICD. По аналогіи съ массой частныхъ тессеръ, обозначенныхъ именемъ владѣльца, мы здѣсь въ правѣ искать сокращенія для имени владѣльца судна: ясно, что это былъ на нашей тессерѣ какой-то *Ti*(*berius*) *C*(*laudius*) *D*......, на № 6-й какой-то *Iul*(*ius*).

Итакъ, наши тессеры свидѣтельствуютъ намъ о томъ, что за пользованіе судномъ платилось и что при этомъ играли какую-то роль наши марки. Дальше можно пойти, припомнивъ начало извѣстной 5-й сатиры 1-й книги Горація. Горацій съ риторомъ Геліодоромъ ѣдутъ въ Брундизій. Добравшись въ два дня къ вечеру въ Forum Appi, они для сокращенія пути, а главнымъ образомъ для того, чтобы и выспаться и ѣхать ночью, садятся па судно и продолжаютъ путешествіе по каналу до Ферониі. Садятся на судно вечеромъ:

Iam nox inducere terris
Umbras et caelo diffundere signa parabat;
Tum pueri nautis, pueris convitia nautae
Ingerere: „huc appelle; trecentos inseris; ohe
Iam satis est“. Dum aes exigitur, dum mula ligatur,
Tota abit hora.

На пристани въ Forum Appi, такимъ образомъ, ждетъ путниковъ лодка; въ ней, очевидно, ѣдутъ не одинъ Горацій съ спутниками, а и другіе пассажиры, т. е. мы, несомнѣнно, имѣемъ дѣло съ организованнымъ предпріятіемъ, съ правильными ежедневными рейсами. Въ судно сажаютъ какъ можно больше народу, до переполненія. На суднѣ уже взимается плата, и затѣмъ въ путь. Единственнымъ средствомъ контроля для владѣльца предпріятія или его агентовъ на станціяхъ промежуточныхъ и на станціи назначенія могла служить только билетная или марочная система. Я не сомнѣваюсь, что Горацій и всѣ его спутники, по уплатѣ денегъ, получили по свинцовой тессерѣ нашего вида, которыя и возвратили контролю на станціи назначенія. Такъ это практикуется и теперь, такъ было и въ древности. И теперь еще не вездѣ бумага вытѣснила металлъ: мнѣ лично припоминается хотя бы парижскіе bateaux-mouches, гдѣ каждый пассажиръ, въ обмѣнъ на деньги, получаетъ мѣдную марку.

Тибръ для древняго Рима игралъ далеко не ту роль, что для нынѣшняго, онъ жилъ полной жизнью какъ важный торговый путь и, несомнѣнно, не одна компанія легкихъ судовъ, наши Cydara, облегчали и ускоряли сообщенія съ противуположнымъ берегомъ, съ Остіей и всѣми тѣми пунктами, которые лежали вверхъ по Тибру въ ближайшемъ съ Римомъ сосѣдствѣ.

Дальнѣйшимъ вопросомъ является слѣдующій: вмѣшивалось ли государство въ эти операціи, т. е. суть ли имена на нашихъ тессерахъ имена владѣльцевъ или арендаторовъ?

И то, и другое возможно, и для того и для другого мы имѣемъ примѣры на Востокѣ. Городской монополіей была перевозка пассажировъ и груза въ Мирѣ въ Ликіи (CIG. III Suppl. 1136 n° 4302ᵃ; Le Bas-Waddington, III, 1311; Dittenberger, Sylloge², ad 871), гдѣ городъ строго запрещаетъ кому бы то ни было заниматься перевознымъ промысломъ, кромѣ откупщиковъ города. Съ другой стороны, въ Смирнѣ (Dittenberger, Sylloge², 876) городъ вступается за свободу промысла противъ синдиката богатыхъ придпринимателей, убивавшаго

всякую конкурренцію. Наиболѣе яркимъ примѣромъ государственной монополіи и въ этомъ отношеніи можетъ служить родина всякихъ монополій—Египетъ. Здѣсь государство со времени Птолемеевъ является монополистомъ рѣчного и канальнаго, можетъ быть только пассажирскаго сообщенія. При Птолемеяхъ монополія сдавалась на откупъ, при римлянахъ сборомъ завѣдывали особые взиматели-практоры. Монополія нашла техническое имя ναῦλον πλοίου (см. Wilcken, Ostraka, I, 386, § 190).

Какъ было въ Римѣ, рѣшить, на основаніи имѣющихся данныхъ, невозможно. Все говоритъ скорѣе всего за свободу предпріятій.

Не разрѣшая поставленнаго вопроса, наши тессеры все же являются драгоцѣннымъ матеріаломъ. Мы видимъ воочію, какъ живо и бойко жилось въ Римѣ въ первые вѣка имперіи, мы видимъ Тибръ съ его верфями и пристанями, съ флотиліями грузовыхъ судовъ и сотнями легкихъ, крейсирующими и вверхъ и внизъ по рѣкѣ, перевозящими пассажировъ на этрусскую сторону Тибра и за это взимающими *cydari aes*.

М. Ростовцевъ.

МѢСТОИМЕНІЕ OLLUS.

(Экзегетическія замѣтки къ Варрону и Фесту).

Древняя форма мѣстоименія указательнаго ollus, olle съ его косвенными падежами (olli, ollis, ollos), замѣнявшая въ старину позднѣйшее ille, не существовала болѣе, судя по всѣмъ признакамъ, въ живой латинской рѣчи уже во время возникновенія римской литературы; по крайней мѣрѣ, ни у Ливія Андроника, ни у Невія, ни у Плавта, ни у Теренція, ни въ отрывкахъ другихъ ихъ современниковъ и преемниковъ не находится ни малѣйшаго слѣда этой древней формы: всѣ эти писатели употребляли исключительно болѣе позднюю форму ille.

Если тѣмъ не менѣе древнее ollus встрѣчается довольно часто не только въ надписяхъ даже императорскаго періода и у грамматиковъ, но и въ позднѣйшей литературѣ [1]), то это происходитъ отъ особыхъ причинъ [2]).

Дѣло въ томъ, что въ литературу искусственно ввелъ вмѣстѣ съ другими архаизмами устарѣлую форму ollus Энній, чтобы придать своимъ эпическимъ стихотвореніямъ болѣе торжественный характеръ и чтобы на римскихъ читателей произвести такое же впечатлѣніе, которое производили гомеровскія стихотворенія своимъ языкомъ на позднѣйшихъ грековъ. Эннію подражалъ впослѣдствіи Лукрецій и затѣмъ Вергилій. Равнымъ образомъ и Цицеронъ въ „De legibus" тамъ, гдѣ онъ подражаетъ языку древнихъ законовъ, въ числѣ другихъ архаическихъ формъ употребляетъ нерѣдко и ollus.

Что касается надписей и приводимыхъ у грамматиковъ мѣстъ, то почти [3]) всѣ они, гдѣ употреблено ollus вмѣсто ille, составляютъ

---

[1]) Почти полный перечень всѣхъ мѣстъ, въ которыхъ встрѣчается ollus, olle и его падежи, читатель найдетъ у *Neue*, Formenlehre II², 210.

[2]) Ср. *Corssen*, Aussprache II², 236.

[3]) Если не считать надписи на columna rostrata (C. I. L. I, 196 olorum),

освященную стариной формулу или сакральнаго характера [1]), или относящуюся къ общественной жизни. Сакральныя формулы составлялись по образцамъ, хранившимся въ архивѣ коллегіи понтификовъ, и по нимъ были составлены три сохранившіяся въ надписяхъ посвятительныя формулы: въ одной изъ нихъ (C. I. L. III, 1, 1933 ollis legib(us) ollisque regionibus) имѣется древнее ollis два раза, въ другой (C. I. L. I, 603 olleis legibus, illeis regionibus)—одинъ разъ, а въ третьей (Or. 2489 his legibus hisque regionibus) ollus замѣнено мѣстоименіемъ his.

Такъ какъ въ этихъ посвятительныхъ формулахъ за ollus слѣдуетъ относ. мѣстоим. qui, то незачѣмъ здѣсь распространяться о значеніи мѣстоим. ollus. Иначе обстоитъ дѣло въ двухъ формулахъ, сохранившихся у Варрона и Феста. Обстоятельное обсужденіе значенія этихъ формулъ и употребленія въ нихъ мѣстоименія ollus и составляетъ цѣль настоящей замѣтки.

Варронъ (de ling. lat. VII, 42) говоритъ объ обѣихъ интересующихъ насъ формулахъ такъ: Apud Ennium:

Olli respondet suavis sonus Egeriai;

olli valet dictum illi, ab olla et ollo, quorum alterum, comitiis quom recitatur, a praecone dicitur: *Olla centuria*, non illa; alterum apparet in funeribus indictivis, quom dicitur: *Ollus leto datus est*. Фестъ (p. 254 s. v. Quirites) говоритъ только о второй, выражаясь такъ: praeco, qui in funeris [indictione ita pronuntiare solet]: *ollus Quiris leto datus*. Глашатай, стало быть, сообщалъ въ первомъ случаѣ въ центуріатскихъ комиціяхъ о результатѣ голосованія отдѣльной центуріи, а во второмъ о предстоящихъ похоронахъ умершаго римлянина, говоря olla и ollus, а не illa и ille. Но почему онъ употреблялъ указат. мѣстоименіе какъ разъ въ такомъ случаѣ, когда ему слѣдовало бы назвать собственное имя, это на первый взглядъ совершенно непонятно. Сознаемся, мы когда-то понимали ollus въ томъ смыслѣ, въ которомъ греки вмѣсто имени собственнаго говорили ὁ δεῖνα, или мы по русски говоримъ: имя рекъ, или тотъ-то, желая этимъ дать понять, что въ названное предложеніе можно было бы вставить любое имя. Дѣйствительно, если бы Варронъ ска-

написанной, судя по формѣ буквъ и сорту мрамора, и, можетъ быть, даже составленной во время императора Клавдія, въ надписяхъ ollus встрѣчается только разъ C. I. L. I, 202, I, 15 (olleisque hominibus) такъ, что это слово не составляетъ часть установившейся формулы.

[1]) Ср. *Jordan*, Krit. Beitraege z. Gesch. d. lat. Spr. 252.

залъ, что глашатай въ двухъ названныхъ случаяхъ выражался такъ: такая-то центурія или триба подаетъ голосъ за такихъ-то, или: похищенъ смертью квиритъ такой-то, то это было бы вполнѣ понятно.

Хотя по ниже приводимымъ причинамъ мы теперь отказываемся отъ такого толкованія обоихъ мѣстъ, мы считаемъ все же нелишнимъ остановиться нѣсколько на употребленіи мѣстоименія ille въ названномъ значеніи, такъ какъ оно не приводится въ нашихъ грамматикахъ и словаряхъ. Правда, въ словаряхъ указывается нѣсколько примѣровъ, гдѣ hic et ille, ille et ille, ille aut ille замѣняютъ имя существительное нарицательное или собственное, но эти мѣста приводятся вслѣдствіе того, что мѣстоименіе ставится въ нихъ два раза, да кромѣ того смыслъ мѣстоименія въ данныхъ въ словаряхъ примѣрахъ только болѣе или менѣе приближается къ упомянутому нами смыслу. Менѣе всего подходитъ первый примѣръ: Cic. Verr. II, 1, 20, 53: non dicam *hoc* signum ablatum esse et *illud*, гдѣ нужно перевести: „не скажу, что та или другая статуя похищена". Опредѣленныя лица обозначаются во второмъ примѣрѣ Cic. Rosc. Am. 21, 59: credo, cum vidisset, qui homines in hisce subselliis sederent, eum quaesisse, num ille aut ille defensurus esset, гдѣ мы сказали бы или: „тотъ или другой" или: „такой-то или такой-то". Совсѣмъ близко подходитъ третій примѣръ Suet. Div. Jul. 41. Светоній разсказываетъ, что въ началѣ 44 г. Цезарь постановилъ относительно выборовъ магистратовъ, чтобы одна половина ихъ была избрана по усмотрѣнію народа безъ его вмѣшательства, другая же половина по его рекомендаціи, и что онъ относительно этой второй половины посылалъ къ отдѣльнымъ трибамъ записки со слѣдующей краткой формулой: commendo vobis illum et illum, ut vestro suffragio suam dignitatem teneant. Странно, въ словаряхъ это мѣсто приводится только изъ-за двойнаго ille, и не обращается вниманія на вступительныя слова этой записки: Caesar dictator *illi* tribui, гдѣ единичное ille имѣетъ совершенно такой же смыслъ („Цезарь посылаетъ свой привѣтъ трибѣ такой-то"), какъ двойное ille въ слѣдующихъ за обращеніемъ словахъ: commendo vobis illum et illum (я рекомендую вамъ того-то и того-то).

Два раза поставлено здѣсь illum только потому, что Цезарь въ своихъ посланіяхъ называлъ цѣлый рядъ кандидатовъ (по крайней мѣрѣ половину имѣющихъ быть избранными преторовъ [1]), а можетъ

[1]) Что, не смотря на обращеніе Цезаря къ трибамъ, имѣются здѣсь въ виду выборы и преторовъ въ центуріатскихъ комиціяхъ, видно изъ Cic. *Phil.* VII, 6, 16, гдѣ Цицеронъ жалуется на то, что въ упомянутомъ году центуріи всадни-

быть и эдиловъ и квесторовъ. Съ полнымъ правомъ онъ могъ бы поэтому написать commendo vobis illos вмѣсто illum et illum.

Въ виду упомянутаго пробѣла въ грамматикахъ и словаряхъ считаемъ нелишнимъ привести нѣсколько примѣровъ, гдѣ употребляется ille въ указанномъ нами смыслѣ. Самый замѣчательный изъ нихъ Hygin. De conditionibus agrorum въ Gromatici vet. ed. C. Lachm. p. 114, 115 сл., гдѣ предлагается образецъ точнаго описанія границъ территорій: nam invenimus saepe in publicis instrumentis significanter inscripta [1]) territoria, ita ut (подраз. границы идутъ) ex colliculo, qui appellatur *ille*, ad flumen *illud*, et super flumen *illud* ad rivum *illum* aut viam *illam*, et per viam *illam* ad infima montis *illius*, qui locus appellatur *ille*, et inde per iugum montis *illius* in summum, et super summum montis per divergia aquae (по водораздѣлу) ad locum qui appellatur *ille*, et inde deorsum versus ad locum *illum*, et inde ad compitum *illius*, et inde ad monumentum *illius*. Примѣръ примѣненія такого образца точнаго описанія границъ представляетъ надпись, извѣстная подъ названіемъ sententia Q. et M. Minuciorum inter Genuates et Veturios отъ 117 г. до Р. Хр. въ C. I. L. I. n. 199. Другіе примѣры упомянутаго употребленія мѣстоименія ille представляютъ еще слѣдующія мѣста изъ громатиковъ (нѣкоторыя изъ нихъ замѣчательны тѣмъ, что по нимъ видно, что, подобно ille, употреблялись и другія указательныя слова tot, tantum): Aggen. Urbic. p. 14, 24 L.: fundum *illum*, iugera *tot* (столько то); Hygin. p. 118, 9 L.: sed et haec meminerimus in legibus saepe inveniri . . . inscriptum, quos agros, quae loca quaeve aedificia, intra fines . . . *illos* et intra flumen *illud*, intra viam *illam* dedero, adsignavero; ср. Hygin. p. 132, 15 L.: fundum *illum*, iugera *tot*, in singulis iugeris *tantum*.

Насъ могутъ спросить, почему мы приводимъ примѣры, подтверждающіе указанное значеніе мѣстоименія ille, только изъ позднихъ авторовъ? На это нужно отвѣтить, что формулы, подобныя приведеннымъ нами, могутъ встрѣчаться лишь у теоретиковъ, а они явились въ латинской литературѣ довольно поздно. Кромѣ того, матеріалъ, излагаемый римскими граматиками, составляетъ ученіе, сло-

---

ковъ были лишены права голоса (patronus centuriarum equitum Romanorum, quos item sine suffragio esse voluit). Объ отношеніи трибъ къ центуріямъ см. *Mommsen*, Roem. Trib., 89 сл., 95 сл.

[1]) Слѣдуетъ читать descripta, какъ и стоитъ у Sicul. Flacc. 163, 28 L.: nam invenimus saepe in publicis instrumentis significanter descripta territoria.

жившееся еще въ теченіе предшествовавшихъ вѣковъ [1]) и имѣвшее тѣсное соприкосновеніе съ юриспруденціей. Многія правила, формулы и выраженія, употребляемыя ими, были составлены въ старину. Видно это не только изъ того, что многіе термины ихъ встрѣчаются и у классическихъ писателей, но и изъ того, что извѣстныя правила разные писатели излагаютъ въ тожественной формѣ. Наконецъ, что ille употреблялось въ упомянутомъ смыслѣ гораздо раньше временъ Цицерона (Цицеронъ говоритъ: fuit apud *maiores* illud interdictum), доказываетъ отрывокъ преторскаго интердикта de vi, приведенный Цицерономъ въ рѣчи pro M. Tullio § 44: unde tu aut familia aut procurator tuus illum (такого-то), aut familiam, aut procuratorem *illius* in hoc anno vi deiecisti (eo restituas; pro Caec. § 88).

Относительно расположенія словъ бросается въ глаза, что почти во всѣхъ приведенныхъ нами примѣрахъ ille стоитъ послѣ существительнаго; но что можно было ставить ille и впереди, видно по вступительнымъ словамъ письма Цезаря у Светонія (Caesar dictatator illi tribui), такъ что расположеніе словъ не препятствовало бы пониманію словъ Варрона: olla centuria и ollus Quiris въ смыслѣ: „центурія такая-то" и „квиритъ такой-то".

Тѣмъ не менѣе мы принуждены толковать оба отрывка иначе. Если бы въ обоихъ случаяхъ ollus значило „такой-то", то надо было бы полагать, что Варронъ и Верріи Флаккъ, источникъ Феста, пользовались общимъ [2]) источникомъ, такимъ, въ которомъ долженъ былъ бы заключаться своего рода ритуалъ, преподававшій, какъ въ извѣстныхъ случаяхъ разныя лица должны были вы-

---

[1]) Землемѣры стали называться agrimensores, можетъ быть, лишь со временъ эдикта Юліана; прежде они назывались finitores: Non., p. 11, 24: *finitores* dicebantur, quos nunc agrimensores dicimus; Ноній ссылается затѣмъ на слова Плавта (*Poen.*, prol. 49): eius nunc regiones, limites, confinia Determinabo, eius rei ego sum factus *finitor*. Cp. Cic. *de leg. agr.* II, 13, 34: *finitorem* mittant (decemviri), ratum sit quod finitor uni illi, a quo missus erit, renuntiaverit. *Rudorff*, Roem. Feldm. II, 321, пр. 236.

[2]) Фестъ, сообщая о словахъ, произносившихся глашатаемъ при funus indictivum, приводитъ ихъ такъ: Ollus Quiris leto datus изъ-за Quiris; Варронъ же, желая своей цитатой доказать, что въ древнее время говорили ollus вмѣсто ille, приводитъ ихъ въ такомъ видѣ: ollus leto datus est. Слѣдовательно В. Флаккъ не могъ заимствовать это изъ Варронова сочиненія de lingua latina. Кромѣ того, хотя Верріи Флаккъ ссылается на разныя сочиненія Варрона, однако, очевидно, его книгой de lingua онъ не пользовался. Cp. Fest. ed. *O. Mueller*, praef. p. XXIX и adnot. 6.

ражаться. Кромѣ того, источникъ этотъ, содержавшій такой ритуалъ, долженъ былъ бы быть составленъ въ такое древнее время, когда ollus употреблялось еще въ живой рѣчи. Далѣе, допуская общій источникъ для В. Флакка и Варрона, пришлось бы придти къ тому крайне неправдоподобному выводу, что оба они, независимо другъ отъ друга, не поняли своего источника, такъ какъ оба они говорятъ, что глашатай пользовался формой ollus, а не приписываютъ слово это своему источнику. Изъ этого прямо вытекаетъ, что въ приведенныхъ Варрономъ и Фестомъ словахъ глашатая ollus не могло быть сказано въ смыслѣ „такой-то, имя рекъ", и что глашатай, какъ при объявленіи о результатѣ голосованія отдѣльныхъ центурій, такъ и при оповѣщеніи народа о кончинѣ знатнаго римлянина, пользовался установившейся формулой, въ которой сохранилась устарѣвшая форма ollus даже въ такое время, когда въ живой рѣчи она давнымъ давно была замѣнена другою.

Вопросъ, въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понять ollus въ устахъ глашатая въ обоихъ названныхъ случаяхъ, находится въ непосредственной зависимости отъ другихъ вопросовъ: гдѣ, при какой обстановкѣ и при какихъ обстоятельствахъ обѣ формулы были произносимы. Лишь точно взвѣсивъ каждый отдѣльный пунктъ, мы можемъ отвѣтить на первый вопросъ; а такъ какъ каждая изъ обѣихъ формулъ была произносима при различныхъ обстоятельствахъ, то мы должны заняться каждымъ вопросомъ отдѣльно.

Начнемъ съ перваго. По какому поводу глашатай могъ сказать: Olla centuria (dicit consules такихъ-то)?

Варронъ говоритъ, что слова эти произносились во время комицій. Глашатай сообщаетъ здѣсь, какія лица въ отдѣльной центуріи получили большинство голосовъ. Рѣчь идетъ о глашатаѣ, исполняющемъ распоряженія предсѣдательствующаго консула и, стало быть, находящемся около него [1]). Самъ предсѣдатель сидѣлъ на своемъ креслѣ [2]), на подмосткахъ, рядомъ съ которыми находилась, на равной высотѣ, эстрада (pons), сообщавшаяся, при помощи лѣстницъ, съ каждымъ изъ огороженныхъ мѣстъ (ovile, saepta), гдѣ собиралось и подавало голосъ извѣстное отдѣленіе народа. Съ этой эстрады (e ponte) предсѣдатель приглашалъ черезъ служителя (accensus), авгура

---

[1]) У Ливія (XXIV, 8, 20) Фабій обращается къ глашатаю съ словами: Praeco, Aniensem iuniorum in suffragium revoca.

[2]) Liv. XXVI, 22; XXXIX, 22; Suet. *Tib.* 17.

нли глашатая [1]), приступить къ подачѣ голосовъ [2]). Голосованіе происходило такъ, что каждая центурія подавала голосъ отдѣльно, но всѣ центуріи подавали голосъ *одновременно* [3]). По окончаніи голосованія счетчики (rogatores, diribitores) каждой центуріи приступали къ своей работѣ и, выяснивъ, какіе кандидаты получили въ ихъ центуріи большинство голосовъ (когда дѣло касалось выборовъ), являлись, одинъ за другимъ, на pons по мѣрѣ того, какъ они кончали свое дѣло. Здѣсь, на pons, встрѣчалъ ихъ глашатай, и на его вопросъ о результатѣ голосованія въ ихъ центуріи, они докладывали (referebant) [4]) ему объ этомъ результатѣ [5]).

Если предсѣдатель признавалъ выборы отдѣльной центуріи законными, то онъ немедленно, чрезъ глашатая, объявлялъ (renuntiare) объ этомъ народу. Эта renuntiatio выбранныхъ отдѣльными центуріями лицъ происходила постепенно, такъ что мало-по-малу становилось извѣстнымъ, каково было рѣшеніе каждой центуріи [6]).

Ланге [7]) и Марквардтъ [8]) утверждаютъ, что при этой renuntiatio отдѣльныхъ центурій соблюдался опредѣленный порядокъ, извѣстный подъ названіемъ ordo tribuum [9]), и что при этомъ глашатай произно-

---

[1]) Varr. *l. l.* VI, 88, 89.

[2]) Это видно изъ Suet. *Div. Jul.* 80: cunctati (т. е. заговорщики), utrumne in campo per comitia tribus ad suffragia vocantem partibus divisis e ponte deicerent atque exceptum trucidarent. Ср. *Mommsen*, St. R. III, 401.

[3]) Это видно изъ lex Malacitana (C. I. L. II, 1964 = *Bruns*, Fontes[5], p. 142) c. 55: qui comitia ex h(ac) l(ege) habebit, is municipes curiatim ad suffragium ferendum vocato ita, ut *uno vocatu* omnes curias in suffragium vocet eaeque singulae in singulis consaeptis suffragium per tabellam ferant.

[4]) См. *Mommsen*, St. R. III, 409, пр. 5. Referre о rogator говорится въ l. Malac. c. 55; Cic. *de div.* II, 35, 74; *de nat. deor.* II, 4, 10.

[5]) Такъ полагаетъ *Моммзенъ*, St. R. III, 409. Менѣе вѣроятнымъ кажется мнѣніе *Ланге* (Roem. Alterth. II[1], 456), полагавшаго, что глашатаи пяти классовъ приходили на pons, чтобы доложить предсѣдателю о результатѣ голосованія. О глашатаяхъ пяти классовъ не упоминается нигдѣ; только Cic. *de leg. agr.* II, 2, 4 говоритъ о praecones во множественномъ числѣ.

[6]) Ср. Cic. *Phil.* II, 33, 82: sortitio praerogativae. Quiescit. Renuntiatur. Tacet. Prima classis vocatur. Renuntiatur; deinde, ut assolet, suffragia. Tum secunda classis vocatur. Liv. VI, 38, 6: cum... „uti rogas“ *primae* tribus dicerent. Lex Malac. c. 56; Cic. *Verr.* V, 15, 35; Valer. Max. IV, 5, 3; VIII, 1, 7. *Mommsen*, St. R. III, 409, пр. 1 и 410, пр. 3.

[7]) Roem. Alt. II[1], 456. То же, только въ другой связи, утверждаетъ названный ученый и въ третьемъ изданіи своего труда, I[3], 511.

[8]) Въ Handb. d. roem. Alterth. v. *Becker* u. *Marquardt*, II, 3, стр. 110.

[9]) Свѣдѣнія наши объ этомъ ordo tribuum весьма скудны. Извѣстно только,

силъ интересующую насъ формулу: Olla centuria (dicit consules...).

Марквардтъ, присвоивая себѣ мысль, нѣкогда высказанную Моммзеномъ [1]), предполагаетъ еще, что словамъ глашатая предшествовало приказаніе консула въ родѣ: Praeco dic de Arniensi iuniorum.

Утвержденіе Ланге и Марквардта, будто предварительная renuntiatio происходила по ordo tribuum и будто въ словахъ глашатая olla centuria (dicit consules...) именно и заключается эта renuntiatio, совершенно неосновательно по слѣдующимъ причинамъ:

1. Если бы при предварительномъ провозглашеніи придерживались какого-либо разъ навсегда установленнаго порядка, то приходилось бы ждать, пока результатъ голосованія всѣхъ центурій не будетъ установленъ счетчиками и сообщенъ ими предсѣдателю; это заняло бы слишкомъ много времени, главнымъ образомъ при выборахъ, гдѣ приходилось избирать многихъ магистратовъ (послѣ Суллы 10: 2 консуловъ и 8 преторовъ).

2. Если предполагать, что въ словахъ olla centuria etc. заключалась предварительная renuntiatio, то нельзя было не назвать имя центуріи: слово olla не было бы понятно для народа; тутъ даже указаніе рукою издали (т. е. e ponte) на помѣщеніе, гдѣ находилась центурія, не помогало бы дѣлу въ виду большого числа центурій (70 одного перваго класса безъ всадниковъ послѣ реформы), уже не говоря о томъ, что избиратели послѣ подачи голоса имѣли право расходиться [2]). Предполагаемое приглашеніе консула (praeco, dic de Arniensi iuniorum) не могло избавить глашатая отъ необходимости назвать при своей renuntiatio имя центуріи, потому что консулъ произносилъ это, обращаясь къ одному глашатаю, и слова эти часто не были бы слышны народу. Не обладалъ же непремѣнно всякій консулъ громкимъ голосомъ!

3. Выше уже сказано, что результатъ голосованія дѣлался извѣстнымъ мало-по-малу. Не будь этого, невозможно было бы отказаться отъ

что порядокъ этотъ начинался съ четырехъ городскихъ трибъ (въ такой послѣдовательности: Suburana, Palatina, Esquilina, Collina); изъ деревенскихъ первой была Romilia, послѣдней—Arnensis. Ср. *Mommsen*, Roem. Trib. 78; St. R. III, 164 и 174.

[1]) Roem. Trib., 99.

[2]) Varro, *de re rust.* III, 2: comitiis aediliciis, cum sole caldo ego et Q. Axius senator tribulis suffragium tulissemus... Axius mihi, Dum diribentur, inquit, suffragia, vis potius villae publicae utamur umbra?

своей кандидатуры, узнавъ о результатѣ голосованія части центуріи [1]).

4. По окончаніи предварительной renuntiatio глашатай для установленія окончательнаго результата, т. е. для того, чтобы выяснить, сколько центурій подало голосъ въ пользу отдѣльныхъ кандидатовъ, читалъ вслухъ голоса всѣхъ центурій въ порядкѣ, опредѣляемомъ жребіемъ [2]). Если бы, какъ предполагаютъ Марквардтъ и Ланге, при предварительной renuntiatio придерживались ordo tribuum, то совершенно непонятно было бы, почему при установленіи окончательнаго результата соблюдался другой порядокъ.

Итакъ, приходится отказаться отъ предположенія, будто въ словахъ olla centuria заключалась renuntiatio.

Моммзенъ (St. R. III, 411) приходитъ къ другому заключенію. На основаніи двухъ мѣстъ Варрона: de re rust. III, 17, 1: [re]latis tabulis sortitio fit tribuum ac coepti sunt recitari (recinii рукописи), quem quaeque tribus fecerint и de ling. lat. VII, 42: comitiis cum recitatur, a praecone dicitur: olla centuria, non illa..., онъ предполагаетъ, что послѣ предварительной renuntiatio глашатай по протоколу читалъ, какъ каждая центурія подала голосъ, и при этомъ пользовался установившейся формулой: olla centuria (curia, tribus) legem iubet или liberat или consulem dicit illum (того-то).

Менѣе важно, конечно, что о протоколѣ нигдѣ не упоминается; но предположеніе Моммзена о томъ, что recitare—техническое слово, основывается, строго говоря, только на одномъ мѣстѣ [3]), такъ какъ рукописное чтеніе второго мѣста (de re rust. III, 17, 1) измѣнено самимъ Моммзеномъ. Кромѣ того, Варронъ говоритъ: ac coepti sunt rec(?), quem quaeque tribus fecerint aedilem (а не говоритъ: ac coeptae sunt

---

[1]) О такомъ случаѣ разсказываетъ Валерій Максимъ (IV, 5, 3); подобнымъ образомъ онъ передаетъ (VIII, 1, 7) о трибутскихъ комиціяхъ, что послѣ того, какъ 14 трибъ произнесли обвинительный приговоръ, остальныя трибы вслѣдствіе рѣзкаго слова магистрата вдругъ измѣнили свое мнѣніе и оправдали подсудимаго.

[2]) Всякаго рода комиціи (куріатскія, центуріатскія и трибутскія) происходили въ одинаковомъ порядкѣ. О sortitio говоритъ Варронъ (*de re rust.* III, 17, 1; см. ниже въ текстѣ) и lex Malac. c. 57: qui comitia h(ac) l(ege) habebit, is... nomina curiarum in sortem coicito singularumque curiarum nomina sorte ducito et ut cuiusque curiae nomen exierit, quos ea curia fecerit, pronuntiari iubeto.

[3]) На этомъ именно основаніи Scioppius, впрочемъ неудачно, и предложилъ замѣнить у Варрона слово recitatur словомъ renuntiatur и самъ Моммзенъ одобрилъ когда-то (R. Trib., 89) эту конъектуру.

recitari tribus), хотя знаетъ, что въ формулѣ, имъ самимъ сообщенной, называлась на первомъ мѣстѣ триба или центурія.

По нашему мнѣнію, можно сдѣлать только одинъ выводъ: интересующая насъ формула произносилась глашатаемъ не послѣ sortitio до окончательной renuntiatio, а все дѣло происходило въ такомъ порядкѣ: по мѣрѣ того, какъ diribitores кончаютъ подводить итогъ голосамъ каждой центуріи, они являются на pons и, на вопросъ глашатая о результатѣ голосованія ихъ центуріи, докладываютъ ему объ этомъ (referunt). Глашатай направляется затѣмъ къ предсѣдателю, который обращается къ нему съ такими приблизительно словами: praeco, dic de centuria (Arniensi iuniorum), на что глашатай, читая протоколъ [1]), полученный отъ счетчика, отвѣчаетъ: olla centuria и т. д. Очень можетъ быть, что онъ при словѣ olla указывалъ рукой по направленію къ тому saeptum, гдѣ находилась та центурія, которую онъ имѣлъ въ виду. Возможно, впрочемъ, ollus понять и въ томъ смыслѣ, въ какомъ употреблялось обыкновенно is. Объ этомъ рѣчь еще впереди.

Варронъ (de l. l. VII, 42) говоритъ: cum recitatur, a praecone *dicitur* o. c., а не говоритъ: a praecone *recitatur;* слѣдовательно, слова olla centuria не находились въ протоколѣ, а это слова глашатая; по протоколу же глашатай читалъ только имена выбранныхъ. Что касается сомнительнаго чтенія у Варрона (de r. r. III, 17, 1), то, согласно нашему толкованію, слѣдуетъ отвергнуть конъектуру Моммзена, предложившаго читать coepti sunt *recitari* (вм. recinii рукописей), и вернуться къ чтенію, давно принятому: coepti sunt *renuntiari.* Варронъ имѣетъ въ виду окончательную renuntiatio, при помощи которой консулъ оповѣщалъ народъ о результатѣ выборовъ [2]).

Обратимся теперь ко второму случаю, въ которомъ, по свидѣтельству Варрона и Феста, глашатай пользовался формой ollus вмѣсто ille.

Оба писателя сообщаютъ, что глашатай при funus indictivum говорилъ: ollus Quiris leto datus.

Выше мы сказали, почему считаемъ необходимымъ принять приведенныя слова за установившуюся формулу, въ которой ollus въ устахъ глашатая не можетъ значить „такой-то“.

---

[1]) Варронъ говоритъ: recitatur. Дѣло касается многихъ именъ (двухъ консуловъ и восьми преторовъ) (послѣ Суллы), такъ что безъ протокола обходиться нельзя было.

[2]) Renuntiari читалъ въ данномъ мѣстѣ и новѣйшій издатель Варрона, H. Keil.

Подъ funera indictiva римляне подразумѣвали торжественныя похороны знатнаго гражданина; по крайней мѣрѣ въ двухъ случаяхъ, гдѣ употребляется терминъ funus indicere, упоминается объ играхъ [1]): у Цицерона (de leg. II, 24, 61 reliqua sunt in more, funus ut indicatur, si quid ludorum) и у Светонія (Div. Iul. 84); Фестъ, наконецъ, (s. v. simpludiarea funera, p. 334) funera indictiva называетъ amplissima [2]).

О такихъ торжественныхъ похоронахъ нужно было оповѣщать народъ и приглашать его на проводы покойника. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что слова глашатая: ollus Quiris leto datus говорились по поводу этого оповѣщенія. Гдѣ однако находился глашатай во время произнесенія этихъ словъ, не видно изъ свидѣтельствъ Варрона и Феста.

Іорданъ [3]) предполагаетъ, что глашатай произносилъ упомянутыя слова въ то время, когда онъ стоялъ у дверей скорбнаго дома, указывая на покойника, лежавшаго на парадномъ ложѣ, и приглашая собравшійся передъ домомъ народъ на похороны. Іорданъ къ этому прибавляетъ, что глашатай никакъ не могъ на форумѣ говорить ollus Quiris въ то время, когда покойникъ лежалъ, напримѣръ, на горѣ Целіи, потому что иначе онъ долженъ былъ бы назвать имя.

Но положимъ даже, что домà всѣхъ знатныхъ гражданъ народу были знакомы, такъ что ему могло быть извѣстнымъ, передъ чьимъ домомъ глашатай говорилъ ollus Quiris; положимъ также, что всѣ знатные римляне жили на людныхъ улицахъ, такъ что много людей проходило мимо скорбнаго дома и многіе поэтому могли узнать, изъ чьего дома предстоятъ похороны; развѣ, однако, изъ словъ глашатая можно было заключить, что умеръ именно глава семейства? Развѣ никогда не случалось, что взрослые и даже занимавшіе высокія должности сыновья жили въ домѣ отца? Гдѣ сказано, что funera indictiva устраивались только для главы семейства? Или, если предполагать, что народъ зналъ покойника въ лицо, не на улицѣ же стояло парадное ложе съ покойникомъ, такъ что мимо проходившіе, увидѣвъ его лицо, могли убѣдиться, о комъ идетъ рѣчь. Покойникъ лежалъ, конечно, въ атріи, по свидѣтельству Сервія (ad Aen. V, 64) въ теченіе семи дней, и съ улицы въ такомъ случаѣ, конечно, распо-

---

[1]) О *ludi* funebres сообщаетъ Liv. XXIII, 30, 15; XXVIII, 10; XXXI, 50, 4.

[2]) Ср. еще Paull. Diac. p. 106 M.: indictivum funus, ad quod per praeconem evocabatur.

[3]) Krit. Beitr. z. Gesch. d. lat. Spr. 255.

знать черты его лица было нельзя. Впускать же въ домъ толпу врядъ-ли было удобно.

Наконецъ, въ интересахъ родственниковъ [1]), тратившихъ нерѣдко на пышныя похороны большія деньги, было важно, чтобы не случайно мимо дома покойника проходившая, хотя бы даже большая часть народа была оповѣщена о предстоящихъ похоронахъ, а чтобы по возможности все народонаселеніе столицы узнало о нихъ. Вотъ почему намъ кажется невозможнымъ допустить, что глашатаи не ходили по всему городу или, по крайней мѣрѣ, по самымъ люднымъ частямъ его, а главнымъ образомъ на форумъ, чтобы оповѣщать народъ о предстоящемъ печальномъ обрядѣ.

Іорданъ былъ бы вполнѣ правъ, если бы была какая-нибудь необходимость заключать, что глашатай при своемъ оповѣщеніи ограничивался одними словами, приведенными Варрономъ и Фестомъ. Изъ словъ обоихъ древнихъ авторовъ, однако, такого заключенія сдѣлать нельзя, и оба они, не заботясь о связи, приводятъ изъ словъ глашатая лишь то, что имъ нужно было для ихъ цѣли. Ничто, стало быть, не мѣшаетъ предполагать, что слова ollus Quiris leto datus были произносимы въ связи съ другими, въ которыхъ называлось имя покойника. Намъ кажется самымъ вѣроятнымъ, что словамъ ollus Quiris leto datus предшествовало предложеніе въ родѣ слѣдующаго: Optime de civitate nostra meruit P. Cornelius Scipio Aemilianus, а послѣ такихъ словъ глашатай могъ вполнѣ понятнымъ для всѣхъ образомъ продолжать: ollus Quiris leto datus. Ollus въ такой связи замѣняло бы болѣе слабое и безцвѣтное is. Подобное употребленіе мѣстоим. ille общеизвѣстно, и незачѣмъ доказывать это многими примѣрами; ограничиваемся поэтому указаніемъ на Cic. Lael. I, 1; III, 11.

Упомянемъ мимоходомъ еще о другомъ возможномъ толкованіи словъ ollus Quiris leto datus, хотя оно кажется намъ мало вѣроятнымъ. Можно было бы представить себѣ дѣло и такъ, что слова эти говорились глашатаемъ, шедшимъ во главѣ похоронной процессіи. Имя покойника въ такомъ случаѣ было бы излишне называть, потому что мѣстоименіемъ ille можно было указать на близкій предметъ. Такъ, напримѣръ, часто встрѣчается у Плавта, что когда всего два лица находятся на сценѣ и одно изъ нихъ, обращаясь

---

[1]) Напрасно утверждается въ нѣкоторыхъ руководствахъ, что funera indictiva и funera publica (=на общественный счетъ) были тожественны. Ничѣмъ нельзя это доказать.

къ зрителямъ, говоритъ о другомъ, посредствомъ ille первое лицо указываетъ на находящееся на нѣкоторомъ разстояніи отъ него второе. Вотъ нѣсколько примѣровъ [1]):

Merc. 384: Quid illuc est, quod *ille* a me solus se in consilium sevocat?
ib. 313: Si umquam vidistis pictum amatorem em *illic* est.
Bacch. 898: Ut iurat. Servat me *ille* suis periuriis.
Mil. 334: Meus *illic* homost; deturbabo iam ego *illum* de pugnaculis.

Мало вѣроятнымъ такое толкованіе мы назвали потому, что Варронъ въ другомъ мѣстѣ [2]), хотя и въ иной связи и по другому поводу, говоритъ, что во время funus indictivum глашатай сообщалъ о предстоящемъ выносѣ. Отдѣлить эти слова отъ формулы ollus Quiris leto datus или предполагать, что оба предложенія говорились разными глашатаями, врядъ ли возможно. —

Мы привели все, что сочли нужнымъ сообщить о выше разбираемыхъ двухъ формулахъ. Мы могли бы здѣсь кончить, если бы не сочли нужнымъ прибавить нѣсколько словъ о сложившейся недавно и въ новѣйшихъ учебникахъ [3]) выдаваемой за истину баснѣ.

У Маркардта (Privatalterth. II^2, 351) впервые, кажется, находится утвержденіе, будто глашатай при funus indictivum приглашалъ къ участію въ погребеніи словами: „Ollus Quiris leto datus. Exequias, quibus est commodum, ire iam tempus est. Ollus ex aedibus effertur".

Марквардтъ, впрочемъ, не поступалъ вполнѣ опрометчиво, такъ какъ онъ, по крайней мѣрѣ въ примѣчаніяхъ, указываетъ, откуда взято каждое изъ этихъ трехъ предложеній: 1) Varro l. l. VII, 42; 2) Ter. Phorm. V, 9, 37; 3) Varr. l. l. V, 160. Менѣе осторожно поступили другіе, выпустивъ эти ссылки. Марквардтъ позаимствовалъ свое утвержденіе у Беккера (Gallus III^2, 275), видоизмѣнивъ, однако, существенно слова послѣдняго: именно Беккеръ говоритъ, что глашатай *могъ* такъ выражаться, а вовсе не утверждаетъ, что онъ дѣйствительно такъ выражался.

Наведенъ былъ Беккеръ на эту мысль комментаріемъ Gothofredus'а къ Фесту (стр. 254 M.), указавшаго на Ter. Phorm. V, 9, 37 и Ov. Am. III, 6, 2. Вотъ происхожденіе этой басни.

---

1) Ср. *Bach,* De usu pronom. demonstr. въ Studia in priscos script. Lat. coll. II, 304.

2) *De l. l.* V, 162.

3) Напр. въ кратк. очеркѣ римскихъ древностей *Н. Санчурскаго,* § 64.

Что касается вопроса, насколько вѣроятно, что Теренцій воспользовался подлинными словами глашатая, и что ему стоило только прибавить дат. падежъ. Chremeti, чтобы получить готовый трохаическій стихъ, какъ разъ ему понадобившійся, то мы сильно въ этомъ сомнѣваемся.

У Теренція читается, кромѣ того, не iam, а междометіе em; затѣмъ, откуда мы можемъ знать, что употребленныя Теренціемъ слова слѣдовали за формулой: ollus Quiris leto datus? Съ тѣмъ же правомъ мы могли бы утверждать, что они съ дат. пад. имени умершаго (какъ у Теренція Chremeti) имъ предшествовали, и ollus тогда насъ не затрудняло бы.

Слова поэта отличаются извѣстной торжественностью и сообщаютъ о близкихъ похоронахъ; въ этомъ отношеніи они пригодны были бы и въ устахъ глашатая. Но нельзя не замѣтить, что поэтъ влагаетъ эти торжественныя слова въ уста паразита для комическаго эффекта, усиленнаго еще тѣмъ, что о дѣйствительныхъ похоронахъ тамъ вовсе не говорится.

Одинаково произвольно поступили и съ третьимъ предложеніемъ, утверждая, что глашатай заключалъ свое сообщеніе словами: ollus ex aedibus effertur. Варронъ говоритъ de l. l. V, 160: itaque ex aedibus efferri indictivo funere praeco etiam eos dicit, qui ex tabernis [1]) efferuntur. О вторичномъ употребленіи формы ollus онъ не говоритъ ни слова, равно какъ мы не узнаемъ изъ этого мѣста ничего и о томъ, въ какой связи глашатай говорилъ о выносѣ.

Выше, впрочемъ, мы уже указали, что и по нашему мнѣнію врядъ ли возможно сообщеніе о выносѣ отдѣлить отъ сообщенія о кончинѣ и похоронахъ. Прибавимъ только одно замѣчаніе: если предполагать, что глашатай нѣсколько дней сряду оповѣщалъ народъ о кончинѣ знатнаго римлянина, то о предстоящихъ похоронахъ, или по крайней мѣрѣ о выносѣ, онъ могъ сообщать лишь въ послѣдній день.

Э. Вертъ.

---

[1]) Кто рѣшитъ загадку, что это за tabernae?

ARISTOT. ΑΘΗΝ. ΠΟΛ. ΤΟΜΟΣ Δ'.

Въ 1894 г. появилась диссертація Th. Teusch'a, De sortitione iudicum apud Athenienses. Главною заслугою автора этой книжки нужно считать строго проведенное имъ разграниченіе, по эпохамъ, главнѣйшихъ имѣющихся у насъ свѣдѣній объ аѳинской ἡλιαία. Диссертація геттингенскаго ученаго совершенно порываетъ со всѣми попытками представить способъ избранія судей не измѣнявшимся въ теченіе ста лѣтъ отъ начала Пелопоннесской войны до времени написанія „'Αθην. πολιτεία". Но Teusch далъ, помимо этого, и много цѣнныхъ указаній для пониманія послѣднихъ страницъ „'Αθην. πολ.".

Начиная съ главы LXIII, „'Αθην. πολ.", по мнѣнію Teusch'a, даетъ вполнѣ независимое отъ предыдущихъ двухъ отдѣловъ изображеніе суда присяжныхъ: этимъ объясняются кажущіяся повторенія (LIX,7 = LXIII,1), которыя Кайбель и др. пытались объяснить интерполяціями или глоссами (Teusch, o. c., 9—10). Здѣсь мы имѣемъ изображеніе того, что происходитъ ежедневно: поэтому о присягѣ, о дѣленіи на декуріи здѣсь не можетъ быть упоминанія (ib. 10 и 24). Относительно декурій и неодинаковой численности ихъ Teusch примыкаетъ къ Брукку (S. Bruck, Ueber die Organisation der athenischen Heliastengerichte in IV Jahrh. v. Chr. Philologus, 1894, LII. 295—317, 395—421).

Teusch устанавливаетъ значеніе λαχόντες, λαχεῖν въ смыслѣ ежедневныхъ выборовъ, а не ежегодныхъ (ib. 14 — 15), отвергаетъ возможность отожествленія δικαστήριον съ декуріею (γράμμα, μέρος) и поясняетъ выраженіе δικαστήριον πληροῦν въ томъ же смыслѣ, какъ и Бруккъ (S. Bruck, op. cit., 414—415). Очередную должность ѳесмоѳета или ѳесмоѳетовъ въ col. XXXI (XXXII) онъ отличаетъ отъ обя-

запностей всѣхъ архонтовъ и письмоводителя (Teusch, ib. 18—19). Словамъ κατὰ πέντε πινάκια εἷς въ col. XXXI (XXXII) Teusch даетъ вполнѣ оригинальное объясненіе, дѣлающее излишнимъ всякую прибавку въ родѣ ⟨οἷον⟩: здѣсь говорится, по его мнѣнію, о томъ, что каждой вынутой бѣлой или черной кости соотвѣтствовали выборъ или забаллотириваніе не одной таблички, а цѣлыхъ пяти заразъ—для ускоренія дѣла (ib. 19—20). Существованіе именно 10 дикастерій Teusch считаетъ недоказаннымъ (ib. 25—27), вслѣдствіе чего дополненіе въ родѣ: καὶ ἕτερα κιβώτι[α δέκα, εἰς ἃ ἐ]μβάλλεται (LXIII,2) является, по его мнѣнію, произвольнымъ и невѣрнымъ (Teusch, ib. 27).

Затрудненіе въ согласованіи распредѣленія жребіемъ палатъ между вѣдомствами (col. XXXII въ концѣ) и необходимости разной численности этихъ палатъ для разныхъ вѣдомствъ Teusch рѣшаетъ такимъ образомъ: онъ считаетъ вѣроятнымъ, что на государственныя судебныя разбирательства требовалось 500 человѣкъ, на частныя 200 — какъ норма; въ болѣе важныхъ процессахъ происходило удвоеніе или утроеніе этого числа черезъ соединеніе 2-хъ или 3-хъ судебныхъ палатъ въ 500 или 200 человѣкъ (ib. 31 — 34). Изъ сравненія послѣднихъ словъ трактата ἐν τῷ μέρει etc. и LXIII,4 Teusch выводитъ, что при заявкѣ о желаніи быть геліастомъ, всякій по жребію назначался въ какую-нибудь декурію.

Лучшею провѣркою теорій Teusch'a является текстъ τόμος δ' Аристотелевскаго трактата, насколько текстъ этотъ оказывается понятнымъ въ настоящее время. Намъ уже пришлось давать переводъ послѣднихъ страницъ Ἀθην. πολ. въ 1895 г.; но если переводъ нашъ, и въ первыхъ своихъ отдѣлахъ, представляется въ настоящее время устарѣлымъ, то еще болѣе приходится сказать это о послѣдней части, особенно послѣ выхода третьяго изданія Ἀθην. πολιτ. Фр. Бласса (конецъ 1898 г.).

Поэтому мы полагаемъ небезполезнымъ привести здѣсь въ посильномъ переводѣ содержаніе τόμος δ' по 3-му изданію Бласса.

Такъ какъ въ настоящее время нѣтъ сомнѣній относительно непосредственнаго примыканія τόμος δ' къ гл. LXIII (Blass³, p. 100: haec quidem lis iam finita est), то получается слѣдующаго рода послѣдовательность въ изложеніи у Аристотеля.

Сказавъ о роли архонтовъ и письмоводителя при жеребьевкѣ, объ устройствѣ палатъ (10 входовъ для 10 филъ, 20 κληρωτήρια по 2 на филу, 100 κιβώτια по 10 на филу, другія κιβώτια для πινάκια избранныхъ, 2 ὑδρίαι, βακτηρίαι, βάλανοι съ буквами отъ Λ по числу палатъ),

о цензѣ судей, о πινάκια съ буквами А — К, объ опредѣленіи по жребію буквъ для палатъ,—авторъ продолжаетъ:

„А сто κιβώτια стоятъ въ [ἡλιαία] [1]) передъ [входами] [2]), [по десяти] [3]) для (καθ') каждой филы. А написаны на нихъ буквы до К. А какъ вбросятъ судьи πινάκια въ κιβώτιον, на которомъ окажется написанною та же буква, что и на πινάκιον (у каждаго изъ судей), то прислужникъ встряхиваетъ κιβώτιον, и ѳесмоѳетъ изъ каждаго κιβώτιον беретъ по одному πινάκιον. Собственникъ этого послѣдняго называется прикрѣпителемъ и онъ прикрѣпляетъ πινάκια изъ κιβώτιον на жердь, обозначенную тою же буквою, какъ и данный κιβώτιον. Избирается этотъ человѣкъ жребіемъ, *чтобы не было злоупотребленій со стороны одного постояннаго прикрѣпителя.* А имѣется жердей [пять] [4]) въ каждомъ κληρωτήριον.

Вбросивъ кости, архонтъ приступаетъ къ избранію жребіемъ (судей изъ) филы по (очереди, сначала въ одномъ, потомъ въ другомъ) κληρωτήριον. А кости — мѣдныя: черныя и бѣлыя. Сообразно количеству необходимыхъ къ избранію судей вбрасываются бѣлыя кости, по одной на пять πινάκια, да и черныя такимъ же способомъ. А какъ онъ вынетъ кости, глашатай выкликаетъ избранныхъ. А входитъ и прикрѣпитель въ ихъ число. Выкликнутый (кандидатъ въ судьи) вытаскиваетъ βάλανος изъ ὑδρία, и, протянувъ ее, держа букву вверху, показываетъ сначала эту послѣднюю приставленному здѣсь архонту. Архонтъ же, какъ увидитъ ее, бросаетъ πινάκιον (кандидатскій) въ κιβώτιον, на которомъ значится та же буква, что и на βάλανος, *чтобы (судья) шелъ въ судебную палату, которая ему придется по жребію, а не въ ту, куда онъ самъ захочетъ, а также, чтобы нельзя было замѣстить палату лицами, которыхъ кто-нибудь захотѣлъ бы.* А стоитъ около архонта столько κιβώτια, сколько предполагается заполнить палатъ, и на каждомъ (изъ этихъ κιβώτια) обозначена буква, выпавшая по жребію той или иной палатѣ".

Послѣ этого отрывка, который теперь возстановленъ почти безупречно и даетъ связную и ясную картину, слѣдуетъ небольшая (въ 2 строки) лакуна, въ которой ясно лишь слово ὑ]πηρέτῃ. Здѣсь, какъ

---

[1]) Не принимаемое Блассомъ дополненіе W.-K.[3].

[2]) Подобное же дополненіе Teusch'а.

[3]) Необходимое, на нашъ взглядъ, дополненіе.

[4]) Blass: erant bina cuique tribui κληρωτήρια. Въ изданіяхъ Hauss., W.—K., H.—L, K[3].: δέκα. Конечно, Блассъ правъ. Ср. LXIII,2.

видно изъ дальнѣйшаго, говорилось, что судья показываетъ жолудь прислужнику. Далѣе опять текстъ связный и ясный:

„Прислужникъ же даетъ (судьѣ) βακτηρία того же цвѣта, какъ и судебная палата, на которой та же буква, какъ и на βάλανος, чтобы онъ непремѣнно вошелъ въ доставшуюся ему по жребію палату: *если бы онъ вошелъ въ другую, его обличилъ бы цвѣтъ βακτηρία.* Вѣдь у каждой изъ палатъ накрашена особая краска на σφηκίσκος у входа.

Взявъ же βακτηρία, онъ идетъ въ палату, одноцвѣтную съ βακτηρία и имѣющую ту же букву, что и βάλανος. А какъ онъ войдетъ, онъ получаетъ изъ казны σύμβολος отъ (лица), по жребію на это дѣло опредѣленнаго"... Двѣ строки далѣе содержатъ обрывки фразы, упоминающей вновь βάλανος и βακτηρία.

Далѣе говорится:

„Не выбраннымъ при баллотировкѣ прикрѣпители отдаютъ πινάκια. Прислужники же казенные изъ каждой филы подаютъ κιβώτια — въ каждую палату по одному (κιβώτιον), въ которомъ имѣются имена данной филы, приходящіяся на каждую палату. Передаютъ же они по счету πινάκια тѣмъ лицамъ, которымъ по жребію выпало отдавать ихъ судьямъ, чтобы, основываясь на этихъ (πινάκια), отдавать жалованье. А какъ всѣ (κιβώτια) по палатамъ будутъ розданы, то въ первой изъ палатъ ставятся два κληρωτήρια и мѣдныя кости, на которыхъ накрашены краски палатъ, и другія кости, на которыхъ написаны имена начальствъ (архонтовъ). А избранные по жребію два ѳесмоѳета отдѣльно вбрасываютъ тѣ и другія кости, одинъ—окрашенныя въ одно κληρωτήριον, другой (кости съ обозначеніемъ начальствъ) въ другое κληρωτήριον. А потомъ бросаютъ жребій. И которому изъ начальствъ первому выпадетъ жребій, то и выкликается глашатаемъ, и оно можетъ первымъ воспользоваться палатою, выпавшею по жребію, второму (приходится пользоваться)—вторымъ, и такъ далѣе всѣмъ остальнымъ, *чтобы ни одно изъ начальствъ не знало, какой ему палатою придется завѣдывать, но чтобы оно завѣдывало тѣмъ, которое ему выпадетъ по жребію.* А какъ придутъ и будутъ подѣлены по палатамъ кандидаты, тогда начальство, стоящее во главѣ каждой палаты, вытаскиваетъ изъ каждаго κιβώτιον по одному πινάκιον, чтобы ихъ набралось десять, по одному изъ каждой филы, и вбрасываетъ эти πινάκια въ другое пустое κιβώτιον. И изъ нихъ по жребію избираетъ онъ первыхъ, одного къ водѣ, четверыхъ другихъ къ ψῆφοι, *чтобы никто не подготовилъ ни того, кто назначается къ водѣ, ни того, кто назначается къ ψῆφοι и чтобы не вышло здѣсь какого-нибудь злоупотребленія.*

Не избранные же пятеро получаютъ отъ [казначея]........, по которому они потомъ берутъ жалованье. Берутъ же его въ порядкѣ (тамъ), гдѣ каждая изъ филъ, въ каждой изъ палатъ, по жребію должна получать, вскорѣ послѣ того, какъ только отсудятъ, и стоя на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, по два или по три, чтобы многіе, стиснувшись въ одномъ мѣстѣ, не затрудняли другъ друга. А когда все это уже сдѣлано, то вызываютъ обѣ стороны (если судятъ частное дѣло— частныхъ истцовъ) въ томъ порядкѣ (τῷ ἀριθμῷ?), который по закону полагается для каждой тяжбы, и обѣ тяжущіяся стороны принимаютъ присягу говорить только къ дѣлу. Если же дѣло разбирается государственное, то призываются государственные обвиняемые, и ихъ, по одному, подвергаютъ суду. Есть же тутъ клепсидры, имѣющія шейки для вытеканія воды; въ нихъ вливаютъ воду, по (количеству) которой полагается говорить въ тяжбахъ. Дается же δεκάχους для тяжебъ о 5.000 драхмъ и τρίχους для послѣдней рѣчи, ἑπτάχους же для тяжебъ до 5.000 и δίχους, а πεντάχους для ἔνμηνοι и δίχους, ἑξάχους же для διαδικασίαι, при которыхъ послѣдняя рѣчь не полагается. Приставленный къ водѣ, въ началѣ, временно захватываетъ шейку, когда письмоводителю понадобится прочесть законъ или свидѣтельство или что-либо подобное. Если же тяжба ведется въ „отмѣренный день", тогда онъ шейки не захватываетъ, а дается равное количество воды обвинителю и обвиняемому".

За этимъ мѣстомъ слѣдуетъ самая большая изъ оставшихся въ текстѣ трактата лакунъ, о содержаніи которой можно лишь догадываться. Часть этой лакуны заполнена въ настоящее время на основаніи свидѣтельствъ лексикографовъ:

„(Помимо частей, назначавшихся) для истцовъ и отвѣтчиковъ, приставленный къ водѣ отмѣрялъ, въ важнѣйшихъ дѣлахъ, еще равную (предыдущимъ) часть для голосованія судей, и день дѣлился на три части. Важнѣйшими же изъ тяжебъ считаются тѣ, въ которыхъ наказаніемъ являются узы, или смерть, или безчестіе, или конфискація имущества, или же гдѣ судъ долженъ опредѣлить видъ наказанія или штрафа. А большинство палатъ изъ 501, которымъ передаются обычныя дѣла; если же нужно судить по государственнымъ обвиненіямъ, сходятся двѣ палаты въ ἡλιαία....., а въ 1500—три палаты. Ψῆφοι же мѣдныя, съ шейкою по серединѣ; половина ихъ продырявленныя, половина цѣльныя. А избранные къ ψῆφοι, какъ только сказаны будутъ рѣчи, передаютъ каждому изъ судей двѣ ψῆφοι, про-

дырявленную и цѣльную, на виду у тяжущихся, *чтобы не брались ни одни лишь цѣльныя, ни одни лишь продырявленныя.* И отдавъ βακτηρία........ голосующій беретъ мѣдный σύμβολος съ (обозначенною на ней буквою) γ: дѣло въ томъ, что, по отдачѣ его, онъ получаетъ три (γ) обола. И голосуютъ всѣ: *никому нельзя получить* σύμβολος *безъ голосованія.* И имѣются въ палатѣ двѣ амфоры, одна мѣдная, другая деревянная, разборныя, чтобы (заранѣе не набросали?) въ нихъ ψῆφοι. Ими судьи пользуются для голосованія. Изъ нихъ мѣдная — рѣшающая, деревянная — провѣрочная. У мѣдной надставка съ плетенкою для прохода только одной ψῆφος, чтобы никто не вбросилъ двухъ. А какъ судьи соберутся подавать голоса, глашатай сначала возглашаетъ: „Не протестуютъ ли тяжущіеся противъ свидѣтельствъ; вѣдь, какъ начнется голосованіе, тогда уже нельзя протестовать". Затѣмъ онъ снова возглашаетъ: „Продырявленная въ пользу раньше говорившаго, цѣльная въ пользу позже говорившаго". Судья тогда беретъ вмѣстѣ обѣ ψῆφοι за шейки, зажимая шейку и не показывая тяжущимся ни продырявленную, ни цѣльную, и бросаетъ рѣшающую въ мѣдную амфору, а провѣрочную въ деревянную. А какъ всѣ отдадутъ свои голоса, то прислужники высыпаютъ рѣшающую амфору на счетную доску, снабженную отверстіями по числу ψῆφοι, чтобы онѣ были здѣсь разложены и удобны для подсчета, и чтобы всѣ продырявленныя были ясно видны тяжущимся. А приставленные по жребію къ ψῆφοι сосчитываютъ ихъ на счетной доскѣ, отдѣльно цѣльныя и отдѣльно продырявленныя. И глашатай возглашаетъ число ψῆφοι: за истца — продырявленныхъ, за отвѣтчика — цѣльныхъ: у кого ихъ больше, тотъ одерживаетъ верхъ, если же онѣ равны, то отвѣтчикъ (оказывается правымъ). Затѣмъ опять опредѣляютъ размѣры штрафа, если это нужно, подавая голосъ тѣмъ же способомъ, отдавая σύμβολος и получая обратно βακτηρία. Опредѣленіе это производится тою и другою стороною въ теченіе ἡμίχους воды. А какъ они все отсудятъ по законамъ, они получаютъ жалованье въ томъ отдѣлѣ, который каждому выпалъ по жребію".

Вотъ картина аѳинскаго судоустройства, открывающаяся передъ нами теперь на тѣхъ страницахъ трактата, которыя, въ первые моменты послѣ нахожденія его, казались безнадежно искалѣченными и непонятными.

Лишь теперь мы можемъ ясно представить себѣ всю сложную процедуру судебной жеребьевки въ Аѳинахъ, не нашедшую себѣ

пока еще разъясненія ни въ одномъ изъ курсовъ древностей, ни даже у Teusch'а, который многое предугадалъ, но не могъ еще воспользоваться даже матеріаломъ второго изданія Бласса.

Комбинируя то, что сообщается въ трактатѣ, мы можемъ разбить всю процедуру, излагаемую Аристотелемъ, на нѣсколько пріемовъ.

1) Архонтъ производитъ жеребьевку въ обоихъ κληρωτήρια своей филы. Сначала въ одномъ κληρωτήριον происходитъ разборка πινάκια изъ κιβώτια на буквы A до E, потомъ въ другомъ—Z до K. Πινάκια нанизываются на жерди. Передъ архонтами стоитъ сосудъ для бѣлыхъ и черныхъ костей. Представимъ себѣ, что баллотируется 500 кандидатовъ, а нужно только 50 судей; въ этомъ случаѣ бѣлыхъ костей бросается въ сосудъ 10, а черныхъ 90; каждому вынутому бѣлому соотвѣтствуютъ 5 избранныхъ, а черному—пять неизбранныхъ. Избранные берутъ свое πινάκιον, подходятъ къ ὑδρία, вынимаютъ оттуда βάλανος съ буквою судебной палаты Λ, M, N, и т. д. и показываютъ архонту. Архонтъ отбираетъ πινάκιον и бросаетъ его въ одно изъ ἕτερα κιβώτια (LXIII,2), отмѣченное тою же буквою, что и βάλανος. Послѣ работы, произведенной въ томъ же родѣ во всѣхъ филахъ, получается для каждой палаты по десяти κιβώτια съ πινάκια судей. Чтобы было нагляднѣе, гдѣ кто изъ судей долженъ засѣдать, каждый изъ нихъ, кромѣ жолудя съ буквою, получаетъ еще палку, выкрашенную въ тотъ или иной цвѣтъ: палаты различаются не только по буквамъ, но и по цвѣтамъ.

Теперь судьи для палатъ опредѣлены. Кто же будетъ предсѣдательствовать въ палатахъ? Для этого требуется новый пріемъ.

2) Изъ числа θесмоθетовъ по жребію выбираются двое. Предположимъ, что имъ нужно избрать предсѣдателей для трехъ палатъ. Они опускаютъ въ одинъ κληρωτήριον (здѣсь въ смыслѣ сосуда) три кости, окрашенныя въ цвѣта палатъ, а въ другой κληρωτήριον кладутъ кости съ обозначеніемъ θесмоθетовъ. Одновременно вынимаемыя изъ обоихъ сосудовъ кости обозначаютъ распредѣленіе предсѣдателей.

3) Третій пріемъ служитъ для выбора лицъ, исполняющихъ разныя отвѣтственныя обязанности въ день суда. Для этого въ палату, напримѣръ Δ, вносятся всѣ κιβώτια (второго образца) съ надписью Δ. Избранный жребіемъ архонтъ беретъ изъ нихъ наугадъ по одному πινάκιον и бросаетъ его въ ἕτερον κενὸν κιβώτιον (уже третьяго образца!). Вынутыя отсюда πινάκια опредѣляютъ обязанности ихъ собственниковъ сообразно порядку, въ которомъ πινάκια оказываются вынутыми.

Такова излагаемая здѣсь Аристотелемъ сложная система жеребьевокъ, выработавшаяся въ аѳинскихъ судахъ къ концу IV вѣка.

Изъ характера изложенія у Аристотеля можно догадаться, почему авторъ трактата удѣлилъ чрезвычайное вниманіе этому вопросу. Нами выше подчеркнуты въ нашемъ переводѣ нѣкоторыя фразы, повидимому нарочно повторенныя авторомъ. *Вся третья часть трактата, посвященная аѳинскому суду, предназначена была представить образецъ учрежденія, которое, искусственною комбинаціею случайностей жеребьевки, должно было изгнать и самую мысль о возможности лицепріятія въ судѣ и преднамѣренности въ выборѣ тѣхъ или иныхъ судей для того или иного дѣла.*

А. М. Ловягинъ.

О ДВУХЪ РОДОССКИХЪ НАДПИСЯХЪ.

Надписи, о которыхъ здѣсь будетъ идти рѣчь, помѣщены въ сборникѣ барона Гиллера фонъ Гертрингена (Inscriptiones graecae insularum maris Aegaei. Fasciculus primus, Berol., 1895) подъ №№ 782 и 789.

№ 782. Эта надпись подобно №№ 779, 780, 781 и 783 вырѣзана на одной изъ скалъ, составляющихъ склонъ линдійскаго акрополя, обращенный къ древнему городу. О №№ 780 и 783 мнѣ уже приходилось говорить въ „Очеркахъ древней топографіи о. Родоса" (Казань, 1892, 46—50). Всѣ пять надписей читаются съ большимъ трудомъ потому, что искусственные знаки (буквы) тѣсно переплетаются съ естественными, явившимися результатомъ атмосферическихъ вліяній; эстампажировать ихъ весьма трудно и полагаться на эстампажъ опасно. Чтобы удовлетворительно прочесть эти надписи, надо читать ихъ при разныхъ освѣщеніяхъ солнца (утромъ, въ полдень и подъ вечеръ), долго останавливаясь на каждомъ знакѣ. По словамъ линдійца Адельфіу [1]), упоминаніе о которомъ довольно часто встрѣчается въ сборникѣ Гиллера, много дней понадобилось послѣднему для того, чтобы добиться правильнаго чтенія указанныхъ надписей, причемъ пришлось прибѣгнуть и къ искусственнымъ приспособленіямъ [2]).

Прежде чѣмъ обратиться къ № 782, считаю нелишнимъ замѣтить, что во время своего вторичнаго путешествія по о. Родосу (лѣтомъ 1900 г.), посѣтивъ Линдъ, я обратилъ самое тщательное вниманіе на изслѣдованіе того, правильны ли чтенія Гиллера: γιοπόνος и εὐ[ρ]ὁ въ №№ 780 vs. 1 и 783 vs. 1. Эти чтенія слѣдуетъ считать един-

---

[1]) Въ домѣ этого грека-проводника, прекрасно знающаго восточную половину о. Родоса, квартировалъ около мѣсяца съ половиной Гиллеръ.

[2]) Намекъ на это содержится въ словахъ Гиллера къ № 779.

ственно правильными. Размѣръ трехъ первыхъ буквъ слова γιοπόνος не одинаковъ: высота „γ“=0,10 м., „ο“ нѣсколько выше, а „ι“=0,11 м., причемъ послѣдняя буква, находясь внизу на одномъ уровнѣ съ другими, въ верхней части выше остальныхъ.

Въ первомъ словѣ № 783 vs. 1 между двумя „ο“ еле замѣтенъ вверху остатокъ кружка отъ буквы ρ, между тѣмъ какъ вертикальная черта этого знака сливается съ естественными углубленіями камня.

Перехожу къ № 782. Въ ней, какъ въ упомянутыхъ выше четырехъ надписяхъ, рѣчь идетъ объ одномъ и томъ же лицѣ, о жрецѣ Аѳины Линдійской *Аглохартѣ*, сынѣ Міонида.

Въ различныхъ выраженіяхъ восхваляется заслуга Аглохарта, состоявшая въ томъ, что онъ развелъ оливковыя деревья у подножья линдійскаго акрополя, въ мѣстности крайне неблагопріятной для какой бы то ни было растительности. Сдѣлать это здѣсь онъ могъ, лишь искусственно устроивъ насыпь изъ земли, какъ это можно теперь наблюдать на участкѣ одного линдійца въ другомъ мѣстѣ, гдѣ среди скалъ на искусственной насыпи посажены смоквы и виноградъ. Съ этой цѣлью произведенныя затраты, о которыхъ, повидимому, идетъ рѣчь въ послѣднемъ стихѣ № 782, были значительны. Вся надпись содержитъ слѣдующіе четыре стиха:

Τὴν Ῥόδου εἰναλίης μ' ἐσιδ . . φιλον ἔνθεον ἄ[κ]ρ[ην,
ἣν μούνη σφετέρην θῆ[κ]α[τ]ο Τρειτογενή[ς:
Θάμβησον δ' εὑρὼν θαλεραῖς κομάουσαν ἐλαίαις,
Ἀγλωχάρτου ἑαῖς στεψαμέ[νου δαπ]ά[ν]αις.

Надъ возстановленіемъ надписи, кромѣ Гиллера, трудились Пернисъ, Якобсъ, Кайбель и Виламовицъ, но первый стихъ остался все-таки не вполнѣ разгаданнымъ. Въ примѣчаніи къ нему у Гиллера читаемъ: „Vs. 1 μ' ἐσιδ[ὲ] latet [1]); adiectivum incertum est“.

Дѣйствительно, вполнѣ естественно предполагать здѣсь повелительное наклоненіе въ соотвѣтствіи съ третьимъ стихомъ, гдѣ читаемъ „Θάμβησον“. Принимая чтеніе: „ἔσιδ'“, въ слѣдующемъ словѣ я склоненъ былъ бы видѣть: „[ὀμ]φ[α]λόν“, т. е., не прилагательное, а существительное, не нарушающее размѣра и дающее удовлетворительный смыслъ. Извлечь изъ чтенія эпиграфической копіи:

ΙΡΦΙΛΟΝ

какое-либо подходящее прилагательное—трудно.

---

[1]) μ' ἐσιδ[ὲ], конечно, опечатка или описка вмѣсто μ' ἔσιδ[ε].

Въ третьемъ стихѣ интересно отмѣтить форму „κομάουσαν", не „κομόωσαν" (съ ассимиляціей или такъ называемой дистракціей гласныхъ), какъ можно было бы ожидать на основаніи извѣстнаго эпитета ахеянъ, столь часто встрѣчающагося въ Иліадѣ постоянно въ формѣ „κάρη κομόωντες". Гипотеза Вакернагеля [1]), объяснявшаго появленіе подобнаго рода формъ просто ошибками „τῶν μεταγραψαμένων", которыя затѣмъ подвергались для возстановленія нарушеннаго размѣра неудачнымъ исправленіямъ, заслуживаетъ полнаго вниманія, и въ лицѣ П. Кауера нашла себѣ усерднаго защитника. На стр. 68 своихъ „Grundfragen der Homerkritik" (1895) онъ говоритъ: „переписчики, которымъ было хорошо знакомо аттическое нарѣчіе, безсознательно замѣняли древнія (полныя) формы (напримѣръ, μνάεσθαι, ὁράω, μνάοντο, ὁράοιτε) сокращенными (μνᾶσθαι, ὁρῶ, μνῶντο, ὁρῷτε), нарушавшими, однако, размѣръ, для возстановленія котораго послѣдующее поколѣніе прибѣгло къ протяженію и создало тѣ уродливыя образованія, на которыя такъ долго пришлось досадовать наукѣ: μνάασθαι, ὁρόω, μνώοντο, ὁρόῳτε. *Эта теорія* встрѣчаетъ все болѣе и болѣе общее признаніе" [2]).

Постараюсь дать точный переводъ всего „ἐλεγεῖον": „Взгляни на меня, полную (присутствія) божества вершину, средину приморской части Родоса, (на вершину), которую одна лишь Тритогенія сдѣлала своею! Изумись, найдя (ее) красиво поросшей цвѣтущими оливками, послѣ того какъ Аглохартъ на свой счетъ (деревьями, какъ вѣнкомъ, ее) украсилъ"! „Ῥόδου εἰναλίης" въ первомъ стихѣ я понимаю не въ смыслѣ „Родоса, лежащаго на морѣ", но въ смыслѣ „береговой части о. Родоса". Скала линдійскаго акрополя находится приблизительно по срединѣ восточнаго побережья острова, почему авторъ стихотворенія и могъ назвать ее „ὀμφαλός".

По характеру письма ἐλεγεῖον относится къ III вѣку по Р. Хр.

№ 789. При въѣздѣ въ Линдъ есть бѣдная часовня Παναγία Φανερωμένη. Мраморная доска, на которой вырѣзана надпись № 789, была раньше вдѣлана въ полъ часовни, теперь лежитъ у входа въ нее. Полный перечень изданій памятника данъ Диттенбергеромъ Sylloge

[1]) Beiträge zur Kunde der indogerm. Sprachen herausgeg. von *Ad. Bezzenberger*, IV (1878) „Die epische Zerdehnung" *Jac. Wackernagel*, 259—312.

[2]) Особаго вниманія заслуживаетъ вся третья глава „Die erste Niederschrift" (стр. 69—98) указаннаго сочиненія.

inscr. gr.[2] № 567. У меня есть эстампажъ и копія И. Макри, линдійскаго уроженца, который, будучи юношей, увлекся копированіемъ надписей Линда. Записная книжка, въ которую онъ вносилъ эти копіи, относится къ 1872 г. Лѣвый край памятника сверху (кончая 6-й строкой) ко времени путешествія Гиллера былъ отбитъ, чего еще не было въ 1872 г., такъ что Макри могъ скопировать буквы, которыхъ не видѣлъ уже Гиллеръ. Копія Макри интересна тѣмъ, что даетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ иныя сравнительно съ копіей Росса (Ross de Bladensburg) чтенія. Копія Росса, изданная Фукаромъ, одна изъ всѣхъ извѣстныхъ въ печати, воспроизводитъ надпись въ той ея части, которая потомъ пропала. Вмѣсто ΙΕΣ въ 3-й строкѣ у Макри дано чтеніе ΕΣ, вмѣсто ΤΝ въ 5-й—ΓΝ, вполнѣ правильное; кромѣ того, первое слово первой строки читается у Макри:

/ ΓΑΟΑ

По характеру письма надпись эту можно отнести ко II вѣку по Р. Хр. Буквы ея, при сравненіи съ другою родосскою надписью несомнѣнно I вѣка по Р. Хр. (письмо Нерона въ Ath. Mitth. XX. 386 сл.), должны быть признаны болѣе поздними [1]).

Относительно отдѣльныхъ чтеній надписи можно замѣтить слѣдующее: во 2-й строкѣ чтеніе „πα[ρ]ιν[α]ι“ — несомнѣнно (сохранившаяся черта буквы ρ слишкомъ близко примыкаетъ къ слѣдующей буквѣ, чтобы предполагать между ними „ε“); Дильсъ предлагаетъ читать πα[ρ]ῖν[α]ι=παρεῖναι, Диттенбергеръ πα[ρ]ίν[α]ι=παριέναι [2]). Такъ какъ παριέναι и παρεῖναι одинаково соединяются съ предлогомъ εἰς [3]), то нельзя рѣшить, какой изъ двухъ глаголовъ имѣли въ виду составлявшіе и читавшіе религіозное постановленіе, въ которомъ онъ встрѣчается; смыслъ же получается одинъ и тотъ же въ томъ и другомъ случаѣ. Въ 3-й строкѣ вмѣсто чтенія ε[ἰ]ς на основаніи ΙΕΣ копіи Росса можно читать ἐς на основаніи копіи Макри, въ 4-й вмѣсто [γ]νώμην—γνώμην, какъ даетъ та же копія.

Отъ вниманія Диттенбергера не ускользнуло то обстоятельство, что послѣдняя строка надписи не окончена [4]). Если вѣрить суще-

[1]) У *Мишеля*, Recueil d' inscr. grecques № 723 „IIe s. *av.* J.—C.“, конечно, опечатка вм. „IIe s. *ap.* J.—C.“.

[2]) О формѣ ἶναι, кромѣ ссылки Диттенбергера, см. *Kühner-Blass*, Ausführl. Gramm. der gr. Spr. II, 216.

[3]) πα[ρ]ιν[α]ι αἰσίως | ε[ἰ]ς τὸ ἱε[ρ]όν.

[4]) Примѣч. 10 къ № 567: Desideratur hic dierum numerus, nescio quo pacto.

ствующимъ копіямъ надписи (не исключая копіи Макри), то на камнѣ послѣ словъ „ἀπὸ παρθενείας“ ничего не было вырѣзано.

Здѣсь вполнѣ кстати будетъ дать переводъ всего эпиграфическаго памятника, представляющаго религіозное постановленіе относительно того, какія условія требуются благочестіемъ отъ вѣрующихъ при посѣщеніи святилища [1]):

„Въ добрый часъ!

Послѣ чего слѣдуетъ являться въ святилище въ положенное время: самое первое и главное—чистымъ руками и мыслью, здоровымъ и ничего ужаснаго за собой не знающимъ; и кромѣ того: послѣ (вкушенія) чечевицы по истеченіи трехъ дней, послѣ козьяго (мяса) по истеченіи трехъ дней, послѣ сыра по истеченіи одного дня, послѣ вытравленія плода черезъ сорокъ дней, послѣ похоронъ домашнихъ черезъ сорокъ дней, послѣ сожительства обычнаго—въ тотъ же день, окропившись (для очищенія) и предварительно умастившись масломъ, послѣ (сожительства) дѣвичьяго...“.

Ясно, что въ послѣдней строкѣ не хватаетъ указанія на то, по истеченіи какого срока можно посѣщать святилище тѣмъ мужчинамъ, которые вступали въ связь съ дѣвушками, или тѣмъ дѣвушкамъ, которыя въ первый разъ узнавали мужчинъ.

При личномъ изслѣдованіи памятника мнѣ пришлось убѣдиться, что на камнѣ было упомянутое указаніе, такъ какъ нѣкоторыя черты буквъ послѣ словъ „ἀπὸ παρθενείας“, хотя и съ большимъ трудомъ, но разобрать можно; видны онѣ и на эстампажѣ.

Въ виду этого 18-ю строку надписи я предложилъ бы читать слѣдующимъ образомъ: ἀπὸ παρθενείας [ἡμε(ρῶν) μ'], т. е. черезъ сорокъ дней, какъ послѣ вытравленія плода, такъ и послѣ похоронъ въ своей семьѣ.

Παρθενείας я принимаю за прилагательное, при которомъ подразумѣвается извлекаемое изъ 14-й строки существительное συνουσία. Въ предписаніи различаются: 1) συνουσία νόμιμος и 2) συνουσία παρθενεία.

По мнѣнію Диттенбергера (прим. 8), первымъ терминомъ обозначается едва-ли coitus состоящихъ въ законномъ бракѣ, скорѣе—всякое нормальное соединеніе въ отличіе отъ противоестественнаго. Мнѣ кажется, въ данномъ случаѣ подъ συνουσία νόμιμος разумѣется „обык-

---

Sine dubio eis quae primum virum expertae erant paullo longius tempus donec fanum intrare liceret praescribebatur quam in alia qualibet συνουσίᾳ νομίμῳ usitatum erat.

[1]) Какого, въ надписи не говорится; можетъ быть, Аѳины Линдійской?

новенное, обычное соединеніе“ мужчины съ женщиной, потерявшей раньше дѣвство, въ отличіе отъ „соединенія дѣвичьяго“ (παρθενεία) съ женщиною-дѣвственницей.

Религіозныя предписанія такого же типа, какъ въ нашей надписи, встрѣчаемъ и въ другихъ эпиграфическихъ памятникахъ, напримѣръ, Dittenberger, Sylloge[2], №№ 633 (аттическая надпись той же эпохи. какъ и разбираемая), 566 (пергамская). Въ первой изъ нихъ (строка 7-я) предписывается послѣ вытравленія плода столько же дней воздерживаться отъ посѣщенія храма, сколько и въ родосской (ἀπὸ φθορᾶς ἡμερῶν τετταράκοντα); такой же срокъ, какъ въ послѣдней, предписывается и „ἀπὸ γυναικός“: λουσαμένους δὲ κατακέφαλα αὐθημερὸν εἰ[σπορεύ]εσθαι (строка 4-я); во второй надписи дается позволеніе уже на другой день послѣ похоронъ входить въ храмъ (строка 7-я), между тѣмъ какъ въ родосской только по прошествіи сорока дней.

С. Селивановъ.

ЗАМѢТКИ КЪ ЛАТИНСКИМЪ ПОЭТАМЪ.

I.

Prop. II 17, 9—12: Durius in terris nihil est quod vivat amante, Nec, modo si sapias, quod minus esse velis: *Quem modo felicem invidia admirante ferebant*, Nunc decimo admittor vix ego quoque die.

Въ 11-мъ стихѣ поражаетъ полное отсутствіе цезуры. Мы думаемъ, что слѣдуетъ возстановить порядокъ словъ: „Felicem invidia modo quem admirante ferebant". Сперва, повидимому, выпало „modo": оно было приписано въ началѣ строки. Затѣмъ, чтобы получить хоть подобіе гекзаметра, перенесли „quem" на первое мѣсто.

Прибавимъ, относительно содержанія, что переводить „invidia admirante" словами: „съ умиленною завистью" значитъ насиловать латинскій языкъ. При непредубѣжденномъ чтеніи каждый истолкуетъ подлинникъ такъ: „причемъ зависть удивлялась" (II 26, 21 сл.: „Nunc admirentur, quod tam mihi pulchra puella Serviat)". Не писать-ли, стало быть, большою буквою: „felicem Invidia—admirante ferebant"? Богиня зависти недовѣрчиво и удивленно относилась къ тому, что есть такой любящій, котораго единогласно признаютъ счастливымъ. Отклонили бы мы конъектуры (напр.: „Quem modo felicem *lingua* [1]) admirante ferebant" или: „Felicem Invidia modo quem *maerente* ferebant").

II.

Prop. II 30, 19—22: Non *tamen immerito* Phrygias nunc ire per undas Et petere Hyrcani litora *nota* maris Spargere et alterna communes caede penates Et ferre ad patrios praemia dira Lares.

---

[1]) Ср. 32, 25 (II 18, 37 sq. и II 21, 7).

Ротштейнъ предполагаетъ, что Проперцій сперва обращается въ этой элегіи къ нѣкоему несчастному въ любви *другу*, который „seinem Liebesgram durch Beteiligung an einer Expedition nach dem Orient entfliehen will", потомъ внезапно забываетъ о „другѣ" и съ 13-го стиха говоритъ о своихъ личныхъ дѣлахъ въ такомъ тонѣ, какъ будто именно о нихъ шла раньше рѣчь („Ista senes licet accusent convivia duri" eqs.), но далѣе снова почему-то (собственно безъ *всякихъ* мотивовъ) возвращается къ „другу" (vv. 19—22), однако съ тѣмъ только, чтобы окончательно заняться собственными отношеніями къ Киноіи (vv. 23—40).

На дѣлѣ никакого „друга" Проперцій въ стихотвореніи не упоминаетъ, а бесѣдуетъ v. 1 sqq. съ самимъ собой: „Quo fugis, a! demens? nulla est fuga: tu licet usque Ad Tanaim fugias, usque sequetur Amor" и т. д. [1]). Разъяснивъ себѣ съ полной убѣдительностью, что бѣгствомъ не только отъ Эрота не спасешься, но доведешь его до ожесточеннаго проявленія своей власти, онъ продолжаетъ (11 sq.): „*At* [2]) si iam pecces, deus exorabilis ille est, Si modo praesentis viderit esse preces", т. е.: „Но откажись отъ сопротивленія его соблазну, и тотчасъ Эротъ снисходитъ къ твоимъ мольбамъ, лишь бы онъ видѣлъ, что онѣ того (художественностью) заслуживаютъ [3]). Затѣмъ слѣдуетъ (13—18): „Будемъ же здѣсь, душа моя, на зло старикамъ пировать", и вотъ къ этому примыкаютъ стихи, выписанные въ началѣ настоящаго параграфа.

Любопытно для оцѣнки рукописи *N*, что только въ ней и сохранилось лишенное смысла „Non tamen immerito" [4]), тогда какъ въ прочихъ кодексахъ это замѣнено интерполяціей: „Nunc tu (либо: iam), dura, paras", на чемъ въ свою очередь Скалигеръ построилъ вульгату:

---

[1]) Лахманъ былъ того мнѣнія, что поэтъ говоритъ тутъ съ Киноіей. Правильнѣе Герцбергъ: „versibus... 1 — 30 secum interloquentem fingi poetam certum est".

[2]) Такъ уже I. H. Voss. Въ рукописяхъ: *Et* (Бурманъ и Лахманъ: *Sed*).

[3]) То есть, что онѣ способны привлечь и достойны снискать взаимность. Praesentes preces=carmina efficacia, blanda. Ср. III, 2, 13: carmina cara legenti. Ovid. *Am.* I, 3, 20: causa carmina digna sua. Относительно *preces* ср. *Филол. Обозр.* XVII, 119, пр. 59. Касательно *praesens* cf. Cic. *Tusc.* I 28; Hor. c. I, 35, 2 и т. д.

[4]) Ротштейнъ ставитъ послѣ *immerito* восклицательный знакъ и утверждаетъ, что эти слова относятся къ „Gesamtbild der Lage" мнимаго „друга", котораго-де „несчастье" поразило „nicht ohne eigene Schuld". Въ дальнѣйшемъ берлинскій ученый выдаетъ *ire*, *petere* и т. д. за *infinitivi indignationis*.

„*Num* tu, dura, paras Phrygias nunc ire per undas“. Ясно, что раціональная поправка должна изъ чтенія *N* извлечь, съ одной стороны, требуемое сказуемое, съ другой же—ожидаемое отреченіе отъ мысли объ участіи въ походѣ на дальній Востокъ. Примѣнительно къ этой задачѣ мы бы предложили:

Non *temere hinc meditor* Phrygias nunc ire per undas
Et petere Hyrcani litora *nostra* maris.

Искаженіе обусловлено, быть можетъ, тѣмъ отчасти, что *non* соединяли не съ *meditor*, какъ бы здѣсь слѣдовало (ср. II, 20, 36), а съ *temere*, что́ разрушало ходъ мысли. *Temere* Проперцій употребилъ потому, что выше показалъ, какъ безцѣльна была бы попытка убѣжать отъ Амора.

Въ пентаметрѣ *nota* опровергнуто хорошо Герцбергомъ, но его конъектура *nauta* вноситъ излишнее и даже сбивающее читателя слово. Прочіе домыслы (*lata*, *longa*, *nuda*, *rauca*) создаютъ совершенно безсодержательное. Что рѣчь идетъ о войнѣ (petere, sc. marte), доказывается слѣдующимъ дистихомъ, гдѣ, однако, никѣмъ еще не объяснено удовлетворительно выраженіе *alterna caede spargere* (=conspergere) *communes penates*. Мы бы остановились на догадкѣ, что поэтъ представляетъ себѣ неизбѣжною, въ случаѣ восточной экспедиціи, встрѣчу легіоновъ въ парѳянской землѣ съ тѣми римлянами, которые сдались непріятелю послѣ битвы при Каррахъ и были разселены приблизительно въ Мервскомъ оазисѣ: получилось бы своего рода братоубійственное столкновеніе; оттого и сказано, повидимому, *nostra*: acumen эпитета въ томъ, что гдѣ-то въ Ирканіи есть *римскій* уголокъ, но что онъ все-таки *вражескій*. Ср. Hor. c. III, 5, 5 sqq.: Milesne Crassi coniuge barbara eqs. Только у Горація состарившіеся „socerorum in armis“ забыли (правда, въ иномъ смыслѣ) Весту, а Проперцій рисуетъ себѣ ихъ какъ бы сохранившими *communes penates* съ прочими римлянами [1]).

III.

Prop. II 33, 5 sqq.: *Hic equidem* Phoebo visus mihi pulcrior ipso Marmoreus tacita carmen hiare lyra; Atque aram circum *steterant* armenta, Myronis Quattuor artificis, vivida signa, boves.

---

[1]) Не рекомендовали бы мы: „litora *inulta*“.

Цицеронъ, Вергилій и Горацій [1]) употребляютъ *equidem* только съ 1-мъ лицомъ. У Тибулла и Овидія слово не встрѣчается вовсе. У Проперція это былъ бы единственный случай. Но порча не можетъ подлежать сомнѣнію, ибо *marmoreus* нельзя понимать субстантивно; дополнять же *Phoebus* изъ *Phoebo* станетъ лишь тотъ читатель, которому напередъ подсказали, что это пригодилось бы для консервативнаго комментарія. Прибавить должно, что *hic* лишено всякаго смысла: Проперцій вошелъ во дворъ, въ глубинѣ котораго стоялъ храмъ, статуя же находилась не на окруженной портикомъ *area*, а въ самомъ храмѣ [2]). Поэтому *hic* толкуютъ въ значеніи: „отсюда", что не выдерживаетъ тоже критики [3]).

Подходило бы:

Ecce deus Phoebo visus mihi pulcrior ipso
Marmoreus tacita carmen hiare lyra.

Въ основу эмендаціи мы положили *Hicedem*, т. е. выключили слогъ *qui*, который считаемъ интерполяціей. Напоминаемъ, что въ *V* слогъ *qui* кажется продуктомъ корректуры, а въ *D* стоитъ не „equidem", а „eadem".

Въ 7-мъ стихѣ иной предпочелъ бы, пожалуй: „*sita* erant armenta" неудачному steterant. Но искаженіе общаго смысла тѣмъ не устранилось бы. Вѣдь данныя 4 телки *не* были произведеніями Мирона. Значитъ, онѣ только *напоминали* ихъ. Это и должно быть выражено въ латинскомъ текстѣ. Мы читаемъ:

Atque aram circum *sup*erant armenta Myronis
Quattuor artifices [4]), vivida signa, boves.

Итакъ, *armenta* винит. падежъ, а *boves* именительный. Теперь возстановлена симметрія съ „Phoebo-pulcrior ipso", теперь и „atque" получаетъ надлежащій смыслъ (=равнымъ образомъ).

IV.

Prop. II 32, 29—32: Sin autem longo nox una aut altera lusu Consumpta est, non me crimina parva movent. Tyndaris externo patriam mutavit amore Et sine *decreto* viva reducta domum est.

---

[1]) Hor. *S.* II 6, 53 не составляетъ исключенія, ибо подразумѣвается при „nil equidem" глаголъ въ 1-мъ л.

[2]) О другомъ изображеніи идетъ рѣчь въ стихахъ 15 sq.

[3]) Потому не можемъ удовлетвориться остроумной конъектурой Hoeufft'a: „Hic *Phoebus* Phoebo" eqs.

[4]) Издалъ „artifices" уже Broukhusius.

Ротштейнъ такъ и толкуетъ это мѣсто объ *императорскомъ* „декретѣ“: Проперцій переноситъ, молъ, „unbedenklich“ въ миѳическую эпоху распоряженія, которыя „*mögen*... etwas Alltägliches gewesen sein“ въ эпоху Августа.

Van Santen конъицировалъ: „sine *dedecore est*—domum“, Baehrens: „sine iactura“, Otto: „sine delicto“. Ѳ. Е. Коршъ предположилъ, что „decreto“ нужно производить здѣсь *a decrescendo*. Намъ приходило въ голову:

Et sine *adulterio* viva reducta domum est,

что было бы сказано въ смыслѣ: „sine adulterii nota“ (ср. „cives sine suffragio“=„c. sine suffragii ferendi iure“, и т. п.). По существу сл. Ov. Am. II, 18, 37: „Et Paris est illic et adultera, nobile crimen“; Trist. 2, 371: „Ilias ipsa quid est aliud, nisi adultera, de qua Inter amatorem pugna virumque fuit?“ и т. п.

V.

Prop. II 34, 13—18: Tu mihi vel ferro pectus vel perde veneno: A domina tantum te modo tolle mea. Te socium vitae, te *corporis* esse licebit, Te dominum admitto rebus, amice, meis: Lecto te solum, lecto te deprecor uno. Rivalem possum non ego ferre Iovem.

У Бурмана (p. 464) читается: „Novi virum eruditum, qui coniecerat *socium carminis*. Sed *corporis socium* interpretor pro eo, qui continuus comes lateri adhaeret“. Postgate измѣняетъ „corporis“ (v. 15) на „pectoris“ и вслѣдствіе того „pectus“ (v. 13)—на „corpus“. Ротштейнъ усматриваетъ въ „socium corporis“ намѣренное преувеличеніе, будто бы подходящее къ тону мѣста и обозначающее „das engste körperliche Zusammensein“. Иначе сказать, онъ примыкаетъ къ толкованію Бурмана. Но ясно же, что между „corporis“ и „lecto“ (v. 17) нѣтъ вовсе требуемаго контраста. *Socius lecti* есть прежде всего *socius corporis* въ приписываемомъ Проперцію пониманіи этого слова въ данномъ случаѣ. Ротштейнъ продолжаетъ: „der ungewöhnliche Ausdruck ist durch die Anlehnung an *socium vitae* entschuldigt“. Между тѣмъ, если бы „corporis“ *прислонялось* къ „vitae“ въ смыслѣ эпексегетическомъ, то опять-таки не исключало бы societatem lecti. Поэтому намъ кажется, что *corporis* употреблено здѣсь въ весьма обычномъ значеніи *мертваго* тѣла. Если такъ, то противопоставленіе съ *vitae*, дающее, дѣйствительно, ключъ къ интерпретаціи, не нуждается уже въ разъясненіи. Ср. Hor. c. III, 9, 24: „Tecum vivere amem, tecum

obeam libens"; Ov. Met. IV 156 sq.: „quos hora novissima iunxit, Componi tumulo non invideatis eodem" и т. п. Вспомнимъ также значеніе, какое придавалось общимъ усыпальницамъ.

VI.

Prop. III 16, 1—22: Nox media, et dominae mihi venit epistula nostrae: Tibure me missa iussit adesse mora... Quisquis amator erit, Scythicis licet ambulet oris: Nemo adeo ut noceat barbarus esse volet... Sanguine tam parvo quis enim spargatur amantis Improbus? *exclusis* fit comes ipsa Venus. Quod si certa meos sequerentur funera casus [1]), Talis mors pretio vel sit emenda mihi.

Здѣсь, очевидно, „exclusis" совершенно неумѣстное слово [2]): Киноія ночью сама же и вызвала Проперція въ Тибуръ. Думаетъ же онъ о всѣхъ опасностяхъ предстоящаго ему къ ней пути, а не о томъ, что страннымъ образомъ пришло тутъ на умъ Ротштейну [3]).

Wilh. Fischer: „ecce suis". Arth. Palmer: „et cuius sit". Мы предпочли бы:

Sanguine tam parvo quis enim spargatur amantis
Improbus? (*Ha*)*ec a*usis *s*it comes ipsa Venus!
Quodsi eqs.

Вѣдь именно „*audentes* forsque Venusque iuvant" (Ov. A. am. 1, 608. Ср. Tib. I, 2, 16: audendumst, fortes adiuvat ipsa Venus и т. п.). Въ данномъ же случаѣ „haec" сказано, какъ v. 7: „haec—mandata". При „ausis" подразумѣвается „nobis". Причастіе употреблено кондиціонально (вмѣсто futurum exactum).

VII.

Prop. III 21, 25—28: Illic vel *studiis* animum emendare Platonis Incipiam aut hortis, docte Epicure, tuis, Persequar aut studium linguae, Demosthenis arma, *Librorumque* [4]) tuos, *docte* [5]) Menandre, sales.

[1]) Markland: „Cursus".

[2]) Оно возникло подъ вліяніемъ 9-го стиха: „Peccaram semel et totum sum pulsus in annum".

[3]) Tac. *ann.* 13, 25 (объ уличномъ развратѣ Нерона), coll. Suet. *Ner.* 26. *Oth.* 2. Juvenal. 3, 278 sqq.!

[4]) Heins.: *Ludorumque* и *Mimorumque* (можно бы по этой схемѣ: *Dictorumque*). Fonteine: *Miraborque.* G. T. Suringar: *Libaboque.* Baehrens: *Ridebove.*

[5]) Heins.: *culte.* D'Orville: *compte.* Kuinoel: *munde* (coll. 4, 5, 43). Въ томъ

Studiis стоитъ при перечисленіи слишкомъ близко отъ *studium*. Кромѣ того, въ „studia Platonis" нельзя принимать родит. падежъ за *Genet. obiectivus*. Бросается далѣе въ глаза нескладность сопоставленія: „animum emendare Platonis *studiis* aut Epicuri *hortis*". Всѣ эти изъяны устраняются, если принять поправку Брукгузія „*stadiis*", о которой см., напр., комментарій Герцберга, стр. 371 сл.

Менѣе тяжки прочіе недостатки, приписанные у Лахмана 25-му стиху, а именно, что *vel* неправильно употреблено въ соотвѣтствіи съ *aut* (ср., напр., Verg. Aen. VI, 841—844) и что *illic* не можетъ значить „въ Аѳинахъ", когда о нихъ не было еще рѣчи, а предшествовало „Theseae bracchia longa viae" (но ср. съ Герцбергомъ Prop. I 17, 19 и I 19, 7).

Зато съ вульгатой 28-го стиха трудно примириться. Не только тожество эпитетовъ Эпикура и Менандра озадачиваетъ, но *librorum* представляется страннымъ, такъ какъ *читать* тексты комедій ничего не мѣшало Проперцію въ Италіи. Ясно, что ему было недостаточно „stipare Platona Menandro" (Hor. Sat. II, 3, 11), а онъ хотѣлъ, если попадетъ въ Аѳины, то съ одной стороны „inter silvas Academi quaerere verum" (Hor. Epist. II, 2, 45), съ другой же—услышать *сценическое* исполненіе греческихъ подлинниковъ Менандровыхъ комедій. Наконецъ, „librorum tuos sales" (вмѣсто: „librorum tuorum sales")—не въ манерѣ нашего автора: приводимыя параллели, собственно, не подходятъ.

Мы бы читали:

Persequar aut studium linguae, Demosthenis arma
Libr*an*tumque tuos *a*rte, Menandre, sales.

Такимъ образомъ эмендація, какъ намъ кажется, требуетъ прежде всего уничтоженія запятой послѣ *arma*, вслѣдствіе чего *studium linguae* (= exercitatio dicendi) признавалось бы обнимающимъ „arma Demosthenis" и „arma librantium arte sales Menandri", т. е. ораторское искусство приводилось бы въ обычное (вспомнимъ Цицерона) сближеніе съ искусствомъ актера. *Librare*, подготовленное предыдущимъ *arma*, сказано аналогично съ Catull. 36, 5: *vibrare iambos*, Prop. II, 1, 77: *iace verba favillae*, Horat. a. p. 260: *in scaenam missos cum magno pondere versus* и т. п. Касательно *arte librare* ср. Prop.

же духѣ возможно бы и *laute* и *uncte* съ намекомъ на извѣстный анекдотъ, сохраненный намъ у Федра V, 1, 12: *unguento delibutus* eqs.).

III, 3, 50: „Qui volet austeros *arte ferire* viros“ (любовными стихами, воспѣвающими ихъ женъ). Не очень бы насъ манило болѣе близкое къ преданію: „*Librantumque* tuos, *dicta,* Menadre, sales“.

VIII.

Prop. III 22, 21 sq., Nam quantum ferro, tantum pietate potentes Stamus: victrices temperat *ira* manus.

Извѣстно, какъ такія странности скрашиваются: „ira“ поставлено, молъ, вмѣсто „Roma irata“ или же: „гнѣвъ сдерживаетъ свою десницу тѣмъ, что, побѣдивъ,... прекращается“ (съ неизбѣжной ссылкой на Soph. Ai. 674 sq.) [1]). Между тѣмъ, независимо отъ основной превратности такого способа интерпретаціи, онъ въ настоящемъ случаѣ приводитъ къ тому, что утрачивается связь съ предыдущимъ. Это сознавали итальянцы, интерполировавшіе въ нѣкоторыхъ рукописяхъ *illa,* т. е. относившіе мѣстоименіе къ *pietas.* Лахманъ справедливо отвергъ это чтеніе, но отнюдь не опровергъ лежащей въ основѣ его мысли. Онъ говоритъ: „Victrices manus pietas temperare non potest, quae nulla est in hostes“. Это—игра словъ. Должна разумѣться *pietas* къ богамъ: изъ богобоязненности римляне умѣряли расправу съ побѣжденными [2]). Читать, вѣроятно, слѣдуетъ: „victrices temperat *ara* manus“.

IX.

Ciris 1—1: Etsi me vario iactatum laudis amore Irritaque expertum fallacis praemia vulgi Cecropius suavis exspirans hortulus auras

---

[1]) Къ сказанному въ нашемъ Комм. къ Горац.[2], 47 сл. прибавимъ лишь, что подъ схему „res pro defectu rei“ правильнѣе подводить такія мѣста, какъ Anth. Pal. 12, 161, гдѣ о переброшенной черезъ плечо хламидѣ сказано, что она показываетъ обнаженныя ноги: тутъ нѣтъ вовсе затрудненія въ пониманіи текста, стилистическая психологія котораго угадывается сразу. Между тѣмъ въ данномъ стихѣ Проперція имѣлось бы прямое насиліе надъ духомъ латинскаго слога: скажите „vincendo temperat ira manus“ и вы уже получаете нѣчто (безотносительно къ предыдущему) допустимое.

[2]) Достаточно напомнить хотя бы только Cic. *de re p.* II 26: (Нума) animos— ardentes cupiditate bellandi religionum caerimoniis mitigavit; 27: (богопочитаніемъ) ad humanitatem atque mansuetudinem revocavit animos hominum studiis bellandi iam immanis ac feros... Sic ille... excessit e vita duabus praeclarissimis ad diutur nitatem rei publicae rebus confirmatis, religione atque clementia.

Florentis viridi sophiae complectitur umbra (5 :) *Tum ea queret eo* [1]) dignum sibi quaerere carmen Longe aliud studium atque alios accincta labores Altius *ad magni suspendit* [2]) sidera mundi Et placitum paucis ausa est ascendere collem, Non tamen absistam coeptum detexere munus, In quo iure meas utinam requiescere musas L e n i t e r e t [3]) blandum liceat deponere morem [4]).

Эмендацію стиховъ 5—7 можно, кажется, подвинуть частичнымъ использованіемъ предлагавшихся раньше поправокъ. Мы бы читали: Etsi me... Cecropius... hortulus... Sophiae complectitur umbra,

(*Op*)tuma quae *ratio* dignum sibi quaerere carmen
(Longe aliud studium atque alios accincta labores,
Altius a*l*ma *a*ni(*mi*) *uis t*endit: sidera mundi
Et placitum paucis ausa est ascendere collem),
Non tamen absistam eqs.

Общій смыслъ былъ бы: „Хотя я за славой больше не гоняюсь и, вполнѣ извѣдавъ измѣнчивость публики, предался философіи, что составляетъ наилучшее средство подыскать себѣ достойную поэтическую тему (посвятивъ себя совсѣмъ инымъ занятіямъ, энергія моего духа [5]) стремится выше: она уже побудила меня дерзнуть взобраться въ звѣздныя сферы по казавшейся заманчивою немногимъ возвышенности) [6]): однако я не брошу начатой раньше работы и надѣюсь такимъ образомъ проститься въ ней съ эротикой безъ рѣзкаго перехода къ другому литературному роду“.

Въ 5-омъ стихѣ нѣтъ необходимости сочинять: *optuma quaerere*. а можно бы примириться съ оборотомъ *ratio quaerere*, гдѣ, вмѣсто герундія, употребленъ инфинитивъ, какъ даже въ прозѣ, напримѣръ,

[1]) Такъ R(ehdigeranus). Въ HL тó же, только „ea“ перешло въ „mea“.— Scaliger: „Nec mea quit Erato“, Haupt: „Nec mea quit ratio“, Hertz: „Dum mea fert ratio“, Ellis: „Dum mea avens ratio“, Baehrens: „Tum mens quaerit eo“, Ribbeck: „Sum mea quae ratio“.

[2]) Такъ HR. Въ L: suspensi.—Scaliger: „subtendit“, Schrader: „suspexit“.

[3]) Такъ Heinsius. Въ R: „Et leniter“, въ прочихъ: „Et leviter“.

[4]) Leopardi: „amorem“, но „blandus mos“ и есть любовная поэзія.

[5]) Что въ *Ciris* отражается фразеологія Вергилія, само собой разумѣется. Въ данномъ случаѣ можно сличить *Aen.* I, 529: non ea vis animo nec tanta superbia victis, IX, 610 sq.: nec tarda senectus Debilitat vires animi, X, 897 sq.: ubi nunc Mezentius acer et illa Effera vis animi.—Ср. также *Georg.* III, 42: te sine nil altum mens incohat (это мѣсто не могло, впрочемъ, побудить насъ рекомендовать чтеніе: „Altius ad magni *mens* tendit sidera mundi“).

[6]) Онъ уже началъ поэму о *sidera mundi* („mundus“—небо).

Sall. Cat. 17: molliter vivere copia erat; 30: omnia—vendere mos erat; 53: silentio praeterire non fuit consilium; Cic. p. Quinct. 53: te—consilium cepisse hominis propinqui fortunas—evertere; Verr. II 41.; Nep. Lys. 3; Curt. IV 33: Cupido—incesserat-Aethiopiam ivisere. Сюда же относится „tempus est abire" и т. п.

X.

Stat. *Silv.* I *praef.* sub finem: „Sequitur libellus Rutilio Gallico convalescenti dedicatus, de quo nihil dico, ne videar defuncti testis occasione mentiri. Nam Claudi Etrusci testimonium *domomum* est, qui balneolum a me suum intra moram cenae recepit".

Такъ воспроизвелъ это мѣсто A. Klotz (Lips. 1900), съ тою лишь внѣшнею разницей, что испорченное слово не напечатано у него курсивомъ, а снабжено крестомъ. Въ основѣ чтенія лежитъ преданіе мадридскаго кодекса [1]), признаннаго теперь фундаментомъ нашего рукописнаго текста для большинства „Сильвъ".

Конъектуры предложили Leo—„vadimonium" и самъ Klotz „documentum". Ходъ мысли не затрудняетъ. Стацій съ видимымъ самодовольствомъ констатируетъ быстроту, съ какой писались всѣ стихотворенія этой книги, причемъ предвидитъ и отчасти старается напередъ устранить возможныя возраженія скептиковъ. Дошедши до „Soteria Rutili Gallici", онъ замѣчаетъ, что не станетъ настаивать, такъ какъ не хочетъ ссылаться на свидѣтельство умершаго. Продолженіе, относящееся уже до слѣдующаго нумера сборника, гласило, должно быть: „Что же касается Клавдія Этруска, то въ наличности *его* свидѣтельства всегда *можно* удостовѣриться", т. е.: „Nam Claudi Etrusci testimonium *ad manum* est" [2]).

XI.

Stat. *Silv.* V 3, 89—95: Te . . . plangat Facundia . . . Et Pallas doctique cohors Heliconia Phoebi, Quis labor Aonios seno pede currere [3]) campos, Et quibus Arcadia carmen testudine mensis *Cydalibem*

---

[1]) Вторая рука *M* подчеркнула „domomum" въ знакъ того, что эти начертанія уничтожаются: вслѣдствіи того во всѣхъ спискахъ, зависящихъ отъ *M*, уже исчезъ всякій слѣдъ первоначальной редакціи, и до сего времени ее игнорировали печатныя изданія.

[2]) Менѣе удовлетворило бы насъ: „*idoneum* est" или „*commodum* est".

[3]) Такъ Гейнзій исправилъ рукописное *ducere* (ср. v. 149: equos pugnasque

nomenque fuit quosque orbe sub omni Ardua septena numerat Sapientia fama.

Послѣ упоминанія стихотворства гексаметрами говорится о пишущихъ *лирическими* размѣрами [1]). Гроновій поэтому конъицировалъ „*Cura lyrae* nomenque fuit". Но уже Saumaise возразилъ, что послѣ *testudine* слово *lyrae* неудобно: „Idem esset ac si dixisset: quibus *lyra* carmen canentibus *lyrae* cura ac nomen fuit". Тѣмъ не менѣе поправка имѣла большой успѣхъ; полагали, что Стацій хочетъ сказать: „отъ игры на *testūdo* они и *названы* лириками". Впрочемъ, Markland отступилъ отъ редакціи Гроновія, измѣнивъ въ ней *lyrae* на *lyre*, причемъ *nomen* объяснялъ въ смыслѣ *славы*. Что именительный падежъ желательнѣе, это не можетъ оспариваться (ибо родительный пришлось бы одновременно сочинять какъ объективный съ *cura* и какъ субъективный съ *nomen*): но форма λύρη, употребленная „gerade bei Erwähnung der dorisierenden Lyriker" (Vollmer), не прельщаетъ, конечно.

Совсѣмъ иной путь къ возстановленію подлинника избралъ Withof. Онъ предложилъ: „*Pisa labor* nomenque fuit", усматривая тутъ намекъ на „Olympica lyricorum certamina". Насъ это навело на чтеніе:

Et quibus Arcadia carmen testudine mensis
Pindaricum ⟨*os*⟩ nomenque fuit.

Стацій представителемъ лирики называетъ и въ другихъ мѣстахъ Пиндара. См. S. I 3, 101: „Seu tibi Pindaricis animus contendere plectris"; V 3, 151 sq.: „qua lege recurrat Pindaricae vox flexa lyrae".

Самое выраженіе „os Pindaricum" встрѣчается у того поэта, которому Стацій поминутно подражаетъ, а именно у Проперція III 17, 40: „Qualis Pindarico spiritus ore tonat". Ср. Horat. c. IV 2, 7 sq.: „Fervet inmensusque ruit profundo Pindarus ore".

---

virum decurrere versu). Другіе предпочли догадку Барта: „ducere *cantus*", но такъ не говорятъ (встрѣчается „ducere *carmen*", напримѣръ, Ov. *Tr.* III, 14, 31 sq. и *Ex. P.* I, 5, 7, однако оба раза въ смыслѣ „*писать* стихи": у Овидія въ первомъ мѣстѣ прямо прибавлено *tristi manu*, а во второмъ: *Scribimus invita vixque coacta manu*). Vollmer сохраняетъ „ducere campos" съ „поясненіемъ", что это сказано „absichtlich vieldeutlich". Гроновій толковалъ это слѣдующимъ образомъ: „Quibus labor est duces esse eorum qui sunt in campis Aoniis" („которые стараются стяжать принципатъ въ области эпики").

[1]) Въ одномъ изъ французскихъ переводовъ *mensis* принято за дат. пад. отъ *mensa* и, соотвѣтственно тому, сказано: „la lyre, amie des festins"...

XII.

Stat. *Silv.* V 5, 13 sqq.: Huc patres et aperto pectore matres Conveniant: *cineremque oculis et crimina* [1]) ferto [2]), Si qua sub uberibus plenis ad funera natos Ipsa gradu labente tulit...; quisquis... Immersit cineri iuvenem..., Adsit et alterno mecum clamore fatiscat: Vincetur lacrimis, et te, Natura, pudebit, Tanta mihi feritas, tanta est insania luctus.

Итакъ: „у меня умеръ не родной сынъ, а пріемный ребенокъ; однако, мое отчаяніе превзойдетъ скорбь всякой матери и всякаго отца, лишившихся дитяти". Markland спрашивалъ, зачѣмъ Стацій велитъ матерямъ ferre cineres oculis: „an excaecare eas voluit?" Vollmer отвѣчаетъ ссылкой на свое примѣчаніе къ V 3, 32, гдѣ говорится о „wirkliches Anfliegen von Aschenteilen in die Augen, wo sie durch die Feuchtigkeit der Thränen haften bleiben". Но комментированное этими словами мѣсто гласитъ: „tuus ut mihi vultibus ignis Inrubuit *cineremque oculis umentibus hausi*" [3]), а стало быть восходитъ къ Verg. Aen. IV, 661: „hauriat hunc oculis ignem", причемъ, по признанію самого же Vollmer'а, „die Wendung bei Vergil—auf einfaches *Sehen* hinausläuft". Вдобавокъ, Стацій воспроизводитъ ее и въ Theb. X, 596: „(nequeo)... Argolicumque oculis haurire vacantibus ignem", гдѣ разумѣется невозможность *увидѣть* ослѣпшими глазами (ср. lucem haurire, caelum h., далѣе strepitum haurire sc. aure). Да и ясно, что, кто *засорилъ* себѣ глаза, тотъ не можетъ думать о своемъ сердечномъ страданіи. Что касается *crimina*, то нѣмецкій издатель напоминаетъ сопоставленное имъ по поводу S. I 4, 17: „Quippe manet (выздоравливающій) longumque manebit... Nec tantum induerint *Fatis* nova saecula *crimen*". Онъ цитуетъ тамъ, не различая оттѣн-

---

[1]) Heins.: „crinemque rogis et gramina". По его схемѣ и прочіе (Markland: „crinesque rogis et munera"; R. Unger.: „myrrham loculis et germina"; Baehrens: „crinem capulis et cinnama").

[2]) Въ *M* неясно: *ferto* либо *ferte*. Первое подтверждаетъ—Poliziano, и такъ справедливо читаетъ Klotz.

[3]) Иное выражаютъ мѣста, гдѣ *cinerem haurire* сказано безъ прибавки слова *oculis*. Ср., напримѣръ, Ov. *M.* XIII, 424 sqq.: (Hecuben) Prensantem tumulos atque ossibus oscula dantem Dulichiae traxere manus. Tamen unius hausit Inque sinu cineres secum tulit Hectoris haustos; VIII, 539: cineres haustos ad pectora pressant. Cf. Lucan. IX, 60: Ossibus et tepida vestes implere favilla.

ковъ, Lucan. V, 59: Fortunae, Ptolemaee, pudor crimenque deorum. VIII, 55: Prosiluit crimenque deum crudele notavit. Mart. X, 61, 2: Crimine quam Fati sexta peremit hiems. XI, 93, 3: O scelus, o magnum facinus crimenque deorum. Можно бы прибавить рядъ другихъ текстовъ [1]), а все-таки останется страннымъ приглашеніе: „несите пепелъ для (набиванія) глазъ и упреки (богамъ)".

Исправленіе достигнется, кажется, при помощи небольшого измѣненія преданія:

. . . . huc patres et aperto pectore matres
Conveniant: cineremque (oculis *stent* crimina!) ferto,
Si qua sub uberibus...

Спрашивается вѣдь, чего ради она должна нести прахъ умершаго младенца: отвѣтъ и даетъ поставленное въ скобки. Стацій утверждаетъ, что затмить родителей, какъ бы самая обстановка ни располагала ихъ къ горeванію: пусть даже *на глазахъ матери будутъ останки сожженаго*, т. е. именно *предметъ ея нареканій*, тѣмъ не менѣе и т. д.

Мы, слѣдовательно, понимаемъ *oculis* въ смыслѣ *in oculis* (Verg. Aen. X, 516. Ov. Tr. II, 526 и т. п.), причемъ и *stare* сводится къ обозначенію простой явственности того, что̀ ощущается зрѣніемъ и, такъ сказать, „торчитъ" на глазахъ [2]).

---

[1]) У Стація—*S.* V, 2, 84 sq.: Fatum illud et ira nocentum Parcarum crimenque dei. *Th.* I, 230 sq.: deorum Crimina. *Ach.* II, 330: Scyros et indecores, fatorum crimina, cultus. Далѣе ср. Prop. II, 28, 2: Tam formosa tuum (Iovis); mortua, crimen erit. Ov. *M.* III, 141 (*Th.* IV, 9, 25—не о богахъ). Lucan. II, 288; VIII, 799 sq.: saxa Crimine plena deum (о камнѣ, подъ которымъ останки Помпея); IX, 144: Superis haec crimina dono. Ср. также сопоставленныя Vollmer'омъ мѣста, гдѣ упоминаются *invidia*, *convicia* либо *querellae* по адресу боговъ. Ov. *M.* IV, 548 sq.: Invidiam fecere deae: convicia Iuno Non tulit. Lucan. II, 35 sq.: nullis defuit aris Invidiam factura parens... 44: Effundunt iustas in numina saeva querellas. VII, 725: Plurimaque in saevos populi convicia divos. Mart. I, 13, 9 sq. VII, 47, 7: Non tulit invidiam taciti regnator Averni. St. *Th.* III, 196 sq.: matres Invidiam planxere deis. IX, 722 sq. *S.* III, 5, 40 sqq. V, 1, 22: Fataque et iniustos rabidis pulsare querellis Caelicolas solamen erat. V, 3, 69 sq.: Superos et Tartara pulsem Invidia. V, 5, 78. [Не годились бы, впрочемъ, приходившія намъ въ голову чтенія: „matres Conveniant, cineremque, *odiis nutrimina*, ferto, Si qua"... и: „cinerem (*Lachesis, tua crimina*) ferto"].

[2]) Ov. *Rem.* 584: „(dominaeque relictae) Ante oculos facies stabit, ut ipsa, tuos". *M.* XII, 429. *Am.* III, 5, 46. *Her.* 7, 69.

XIII.

Stat. *Theb.* I 361—8: Frangitur omne nemus (*бурей*)... Ille tamen modo saxa iugis fugientia ruptis Miratus, modo nubigenas e montibus amnes Aure pavens passimque insano turbine raptas Pastorum pecorumque domos, non segnius amens Incertusque viae per nigra *silentia* vastum Haurit iter.

Противорѣчіе съ предыдущимъ, создаваемое словомъ „silentia", такъ грубо, что приходится недоумѣвать, почему оно не обращало на себя доселѣ вниманія. Вдобавокъ Стацій продолжаетъ (370 sqq.): Ac velut hiberno deprensus navita ponto, Cui neque... amico sidere monstrat Luna vias, *medio caeli pelagique tumultu* Stat rationis inops eqs. Съ другой стороны, едва ли станутъ при „silentia" подразумѣвать, напримѣръ, *lunae*. Не рискнуть ли, при такихъ условіяхъ, догадку: „per *nigrescentia* vastum Haurit iter"? Субстантивація средняго рода множ. числа, какъ въ выраженіяхъ *per inania* (VI, 710) и т. п.

XIV.

Stat. *Theb.* IV 686 sq.: Argolicos paulum mihi *fontibus* amnes Stagnaque et errantes obducite pulvere rivos.

Полагаемъ, что Стацій написалъ *funditus*: „Засыпьте на короткій срокъ рѣки до самаго дна землей" [1]. Ср. I, 359 sq.: „stagnoque (*при наводненіи*) refusa est Funditus et veteri spumavit Lerna veneno" (по Verg. Aen. I, 125 sq.: imis Stagna refusa vadis).

Г. Зенгеръ.

---

[1]) Дальше, соотвѣтственно тому, и читается (688 sq.): „Praecipuam Nemeen... *ex alto* fugiat liquor".

КЪ МЕДЕѢ ЕВРИПИДА.

(Ст. 407 и сл. 529 и сл.).

Ст. 407 и слѣд. . . . . . . πρὸς δὲ καὶ πεφύκαμεν
γυναῖκες, ἐς μὲν ἔσθλ' ἀμηχανώταται,
κακῶν δὲ πάντων τέκτονες σοφώταται.

Въ пониманіи этой фразы комментаторы расходятся: одни (Weil, Arnim) считаютъ γυναῖκες за подлежащее, другіе (Weckl., Verrall)— за имя сказуемаго при πεφύκαμεν, а отъ этого получается и разный смыслъ. Въ первомъ случаѣ получается общая мысль, касающаяся всего женскаго пола: „мы, женщины, неспособны на хорошее"...; при такомъ пониманіи послѣ γυναῖκες не должно быть запятой, какъ это и есть въ изданіяхъ Наука и Вейля. Во второмъ случаѣ подлежащимъ предложенія является Медея, и получается мысль, касающаяся ея одной, такъ что множественное число πεφύκαμεν γυναῖκες надо понимать въ смыслѣ единственнаго πέφυκα γυνή, какъ и объясняетъ Веклейнъ: „я—женщина, неспособная на хорошее"...; при такомъ пониманіи послѣ γυναῖκες должна быть запятая по нашей интерпункціи, какъ она и поставлена въ изданіяхъ Веклейна и Верроля и почему-то у Арнима.

По смыслу годятся, пожалуй, оба толкованія; но первое, кажется, болѣе соотвѣтствуетъ манерѣ Еврипида, любящаго общія мысли. Противъ второго можно выставить одно вѣское, на мой взглядъ, возраженіе съ формальной стороны, не принятое во вниманіе комментаторами. А именно, при данномъ толкованіи мы имѣемъ предложеніе, гдѣ сказуемое-глаголъ поставлено въ 1-мъ лицѣ множественнаго числа вмѣсто 1-го лица единственнаго числа (см. объ этомъ грамматику

Kühner-Gerth § 371, 3); при этомъ глаголѣ стоитъ въ качествѣ имени сказуемаго существительное γυναῖκες также во множественномъ числѣ. Комментаторы не задаются вопросомъ, возможно ли употребленіе существительнаго при такомъ множественномъ числѣ глагола, и tacite допускаютъ его. Для изслѣдованія вопроса объ этомъ pluralis я просмотрѣлъ три трагедіи—Медею, Ипполита и Андромаху и не нашелъ въ нихъ примѣровъ, гдѣ существительное было бы сказуемымъ при такомъ pluralis (прилагательное свободно употребляется).

Противъ этого могли бы быть выставлены два мѣста: Med. 889. Andr. 761, но и они едва ли опровергаютъ мое правило. Въ первомъ ἀλλ' ἐσμὲν οἷόν ἐσμεν, οὐκ ἐρῶ κακόν, γυναῖκες — подлежащее едва ли Медея; скорѣе, по замѣчанію Арнима, γυναῖκες, служа сказуемымъ, въ то же время подразумѣвается и въ качествѣ подлежащаго. Во второмъ ἡμεῖς δ' ἔτ' ὀρθοὶ κοὐ γέροντες—существительное γέρων можетъ быть понято въ смыслѣ прилагательнаго, какъ и нерѣдко оно употребляется въ поэтическомъ языкѣ, напримѣръ, Orest. 456 γέροντι ποδί, Herc. f. 26 γέρων λόγος. Вполнѣ аналогично съ этимъ мѣсто Heraclid. 636 γέροντές ἐσμεν κοὐδαμῶς ἐρρώμεθα. Можно было бы указать еще на Med. 696 ἄτιμοι δ' ἐσμὲν οἱ πρὸ τοῦ φίλοι, гдѣ множественнымъ οἱ φίλοι Медея обозначаетъ, вѣроятно, одну себя, но и φίλος есть субстантивированное прилагательное. Т. о., Med. 407 было бы исключеніемъ изъ правила, если его не признать за общую мысль.

Выведенное мною для греческаго языка правило аналогично и съ правиломъ русскаго языка: мы также при множественномъ „вы", употребляемомъ вмѣсто „ты", ставимъ сказуемое-глаголъ и прилагательное во множественномъ числѣ, но существительное ставимъ въ единственномъ числѣ: „Вы молоды", но „Вы — молодой человѣкъ"; исключенія рѣдки, напримѣръ, „Вы—старики" у Грибоѣдова.

Ст. 529—530. σοὶ δ' ἔστι μὲν νοῦς λεπτός, ἀλλ' ἐπίφθονος
λόγος διελθεῖν, ὡς Ἔρως σ' ἠνάγκασε κτλ.

Эта фраза для большинства комментаторовъ неясна, начиная уже со схоліастовъ, а отсюда истекаютъ натянутыя объясненія и даже конъектуры. Такъ, еще одинъ изъ схоліастовъ думалъ, что λόγος является ἐπίφθονος не Медеѣ, какъ обыкновенно объясняютъ, а Ясону: ἐπίφθονος ὁ λόγος ῥηθῆναι, τουτέστι κινεῖ μοι φθόνον ὁ λόγος. ἀλαζονεύσομαι, φησίν, ὑπὲρ ἐμαυτοῦ ὅτι ὁ ἔρως ὃν ἠράσθης μου σέσωκέν με. Толкованія старыхъ комментаторовъ приведены у Эльмслея. Изъ новѣйшихъ из-

дателей Арнимъ даетъ такое объясненіе: eine kompromittierende Rede ist es für dich, auseinanderzusetzen etc., т. е. онъ, повидимому, считаетъ διελθεῖν подлежащимъ, а ἐπίφθονος λόγος именемъ сказуемаго. Верроль полагаетъ что Ясонъ не договариваетъ первой половины фразы (σοὶ—λεπτός); онъ хотѣлъ будто бы прибавить: „(хотя у тебя много ума), но у тебя есть и сильныя страсти, и, спасая меня, ты руководилась просто любовью" (though you have much wisdom, you have also strong passions, and were led to save me simply by love), но онъ прерываетъ себя словами ἀλλ' ἐπίφθονος κτλ. Вейль уже прибѣгаетъ къ конъектурѣ, полагая, что при традиціонномъ чтеніи первой половины должно бы быть во второй не διελθεῖν, а ἀκοῦσαι. Есть и еще нѣсколько конъектуръ: онѣ приведены въ изданіи Prinz-Wecklein'а. Остановимся на возраженіи Вейля, который, какъ увидимъ, исходитъ изъ той же мысли, какъ и схоліастъ, считавшій Ясона объектомъ при ἐπίφθονος. Сперва разсмотримъ аналогичные обороты, состоящіе изъ существительнаго и опредѣляющаго его прилагательнаго съ инфинитивомъ, напримѣръ, Dem. XXI, 24 τοὺς λόγους ἐμοὶ μὲν ἀναγκαιοτάτους προειπεῖν ἡγοῦμαι, ὑμῖν δὲ χρησιμωτάτους ἀκοῦσαι. Мы увидимъ, что въ такихъ оборотахъ объектомъ прилагательнаго всегда бываетъ (или подразумѣвается) логическое подлежащее инфинитива, напримѣръ, здѣсь ἐμοί, объектъ при ἀναγκαιοτάτους, служитъ и логическимъ подлежащимъ для προειπεῖν, какъ ὑμῖν есть объектъ при χρησιμωτάτους и подлежащее для ἀκοῦσαι. Судя по этому, и въ нашемъ мѣстѣ подлежащее для διελθεῖν и объектъ при ἐπίφθονος должны бы быть тождественны; а потому является дилемма: или, признавая Ясона подлежащимъ для διελθεῖν, считать Ясона же и объектомъ при ἐπίφθονος (мнѣніе схоліаста), или же, признавая объектомъ при ἐπίφθονος Медею, вмѣсто διελθεῖν поставить ἀκοῦσαι (мнѣніе Вейля). Вся трудность мѣста происходитъ отъ того, что это правило къ нашему мѣсту непримѣнимо, такъ какъ ἐπίφθονος по своему значенію не можетъ слѣдовать аналогіи другихъ прилагательныхъ: оно не значитъ „непріятный", „противный", какъ понимаютъ его, повидимому, комментаторы, а значитъ „возбуждающій ненависть (непріятное чувство)". Чтобы легче понять, почему при такомъ значеніи слова ἐπίφθονος приведенное выше правило непримѣнимо, возьмемъ нѣсколько мѣстъ, гдѣ ἐπίφθονος является сказуемымъ въ безличной конструкціи. Heraclid. 203 ἐπίφθονον λίαν ἐπαινεῖν ἐστι „чрезмѣрныя похвалы возбуждаютъ непріятное чувство",—разумѣется, не въ говорящемъ, а въ слушающемъ эти похвалы (говорящій въ доказательство этой мысли при-

бавляетъ: πολλάκις δὲ δὴ καὐτὸς βαρυνθεὶς οἶδ' ἄγαν αἰνούμενος, „я и самъ, помню, часто тяготился чрезмѣрными похвалами“); т. е. объектъ при ἐπίφθονον и подлежащее для ἐπαινεῖν различны. То же въ Rhes. 334 ἀπωθεῖν συμμάχους ἐπίφθονον, „если кто отвергаетъ союзниковъ, это возбуждаетъ *въ нихъ* непріятное чувство“. Aristoph. Eq. 1274 λοιδορῆσαι τοὺς πονηροὺς οὐδέν ἐστ' ἐπίφθονον, „порицаніе дурныхъ не возбуждаетъ никакого непріятнаго чувства“ (конечно, въ безпристрастныхъ слушателяхъ). Наше мѣсто отличается отъ приведенныхъ лишь тѣмъ, что въ немъ конструкція личная: какъ οἱ λόγοι ἐμοὶ ἀναγκαῖοί εἰσι προειπεῖν = ἐμοὶ ἀναγκαῖόν ἐστι προειπεῖν τοὺς λόγους, такъ и ὁ λόγος ἐπίφθονός ἐστι διελθεῖν = ἐπίφθονόν ἐστι διελθεῖν τὸν λόγον, „произнесеніе этой рѣчи (или просто: эта рѣчь) возбуждаетъ непріятное чувство“,— разумѣется, въ слушающемъ ее, т. е. въ Медеѣ. Смыслъ всего мѣста вѣрно переданъ у Веклейна.

С. Соболевскій.

СОДЕРЖАНІЕ

ТРИСТА-ТРИДЦАТЬ-ПЯТОЙ ЧАСТИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

(май и іюнь 1901 года).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

СТРАН.

СТРАН.

Министерскія распоряженія.

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

СТРАН.

Критика и библіографія.

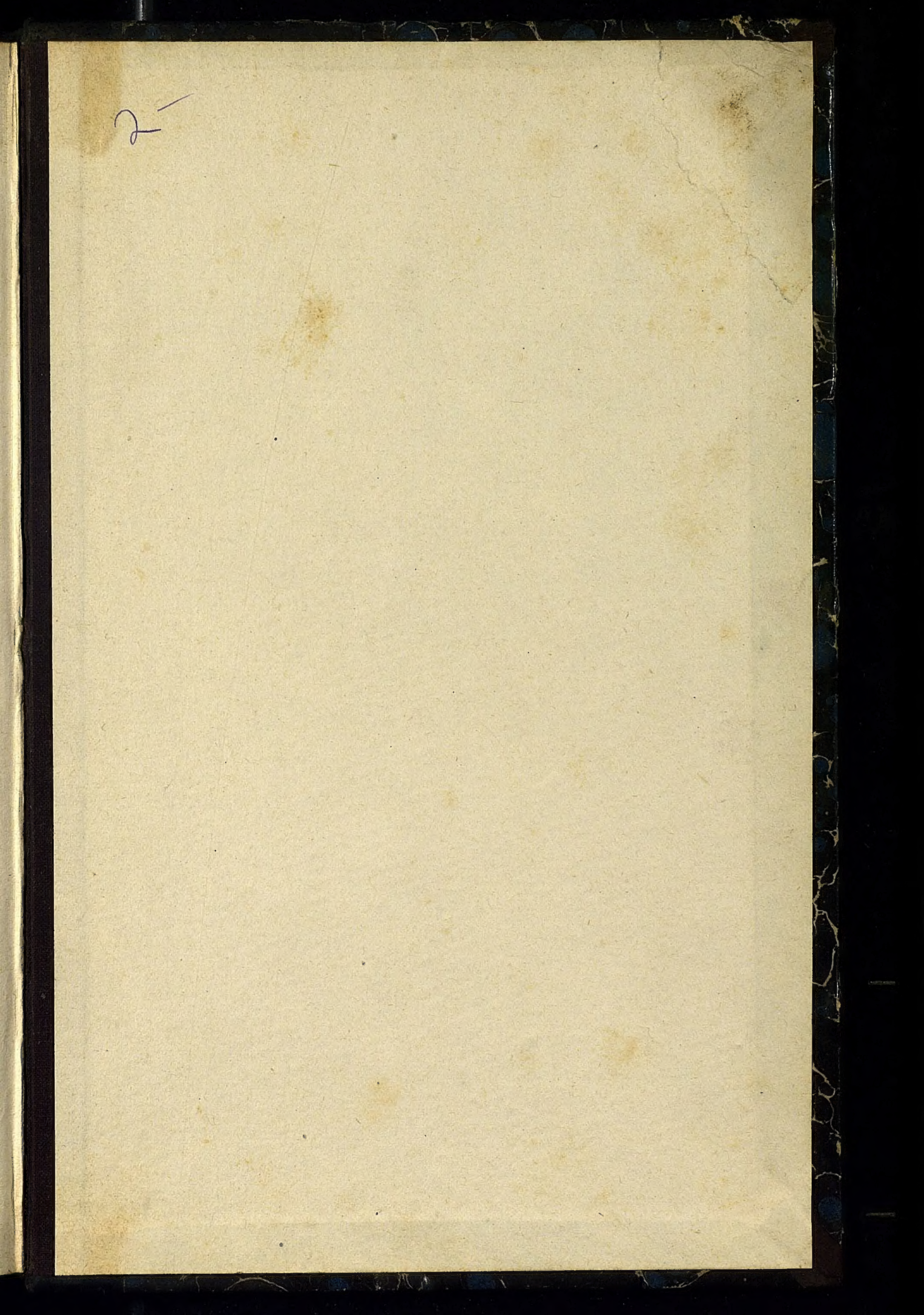
ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГІИ.

Наша учебная литература.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

2–

